

Н.В. Лукина

**ВОЛОГОДСКИЕ ДВОРЯНЕ
ЗУБОВЫ**

Ч. II

Книга V, в 4-х томах

**Скрипачка-виртуоз Нина Юльевна Зубова
и ее семья**

(К 140-летию со дня рождения)

**Том 3. Жизнь семьи в Советской России
(1918-1953)**

P 1437243

**МОСКВА
Издательство «Потомки Зубовых»
2012**

Том 3.

Жизнь семьи в Советской России (1918-1953)

Оглавление

Глава VI.	Жизнь семьи в Советской России	166
	Зима и весна 1918 года	167
	Лето и осень 1918 года. Начало Гражданской войны	172
	Жизнь в условиях «военного коммунизма». Новый 1919 год	177
	Сезон 1919-1920 годов в Костроме, Москве и Кузнецово	184
	Новый 1920 год	195
	Лето 1920 года	207
Глава VII.	В оркестре Московского Художественного Академического театра ...	212
	Осень и зима 1920 года	212
	Новый 1921 год. Конец Гражданской войны	213
	Лето 1921 года	216
	Сезон 1921-1922 годов. НЭП	218
	Последний раз в Кузнецово	223
	Сезон 1922-1923 и 1923-1924 годов	224
	Сезон 1924-1925 годов	229
	Лето 1925 года в Сочи, Сухуми, Елатыме и Москве	231
	Сезон 1925-1926 годов	234
	Сезоны 1926-1927 и 1927-1928 годов	236
	Сезоны 1928-1929 и 1929-1930 годов	240
	Сезоны 1930-1931, 1931-1932, 1932-1933, 1933-1934 и 1934-1935 годов.	
	Женитьба Вади и замужество Сони	247
	Сезоны 1935-1936, 1936-1937, 1937-1938, 1938-1939, 1939-1940 и 1940-1941. Рождение внучек Нины и Наташи	258
Глава VIII.	Великая Отечественная война 1941-1945 годов и послевоенная жизнь	267
Эпилог	276
	Выступления Н.Ю. Зубовой в публичных и благотворительных концертах	278
	Совместные выступления Н.Ю. Герман-Зубовой и В.К. Германа в публичных концертах	279
	Выступления В.К. Германа в публичных концертах	280
Послесловие.		
Потомки	284
Приложения:	Публикации Н.В. Лукиной и рукописные работы о предках Зубовых и их родственных и дружеских связях	289
	Концерты музыки Зубовых с участием Н.В. Лукиной	292
	Использованная литература и другие источники	296

Глава VI. Жизнь в Советской России.

Зима и весна 1918 года.

Итак, в начале января 1918 года все, о ком пишется эта книга, не меняв места своего обитания, оказались жителями другой страны - Российской Советской Федеральной Социалистической Республики (РСФСР). Большевистское руководство провозгласило пролетарский характер Советского государства и стало проводить линию на уничтожение частной собственности, обобществление производства, национализацию предприятий и создание централизованного управления экономикой [37]. Поэтому вскоре *Н.Ю. Герман-Зубова вынуждена была закрыть свою Музыкальную школу и начать преподавать* по классу скрипки в Музыкальной школе имени Линевой Музыкальной Секции Народной Консерватории Московского Общества Народных Университетов [19].

Однако в быту *Нина Юльевна* все еще жила в прошлой жизни и, желая объединить семью, хотела привезти Сонечку в Москву. Софья Петровна написала дочери: «Письма твои насчет отправки Сонечки меня и всех очень тревожат. Ты сидишь в Москве и никуда не ездишь, так что *совершенно не знаешь, как ездят* ныне по железной дороге. Стекла в вагонах все выбиты, обивка, kleenka или тик, оборвана, даже в 1-ом классе солдат набито так, что *нельзя ни сесть, ни пошевелиться*. Все это мы знаем от самих солдат и от пассажиров.

которые рассказывают такие ужасы. Почему папочка и наши, Наташа и Володя, ездят на лошадях до Вологды, т. к. и одну станцию тяжело ехать, кроме тесноты, всего наслушаешься. Если бы Володя приехал за Сонечкой, няня бы проводила с ним Софочку (до Москвы). Самой тебе немыслимо ехать. ты горячий человек, скажешь что-нибудь, и тебя ссадят из поезда или что-нибудь сделают хуже. Все, что пишу тебе, нисколько не преувеличено. Очень жалко, то ты не взяла Сонечку, теперь бы спокойна. Сонечка прелестный ребенок, и все мы ее ужасно любим, но понимаем, что она должна быть с родителями в такое тревожное время... Володя (Владимир Юльевич) вышел из Председателей Управы, его выбрали Председателем Съезда, и ему придется жить в Кадникове» [3].

Конечно, *Владимир Казимирович*, работая во МХТе и параллельно в Опере Народных Домов имени Каляева и Карла Либхнeta Отдела Народного Просвещения Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов [26], не мог приехать в Кузнецово за Соней. Поэтому Софья Петровна искала любую возможность, чтобы отправить Сонечку к матери. «Дело в том, - писала она, - что няня выходит замуж и пока еще может привезти Сонечку в Москву. Если Володя, твой муж, не захочет ехать за Сонечкой, то мне придется просить брата няни Павла проводить их до Москвы, т. к. с одной няней не решусь ее отпускать. Конечно, брату придется заплатить. Сонечка здорова. Мы пока тоже, но вперед – неизвестно, в Кадникове орудуют большевики, ...отменили мировых судей» [3]. *Вадя* написал в Кузнецово: «Дорогая Сонечка... Приезжай, пока няня не женилась. Мама и папа целуют тебя... Мы очень скучаем без тебя. Крепко целую тебя. До свидания. Вадя» [39].

Здесь и далее автор старается сохранить стиль эпистолярного жанра эпохи, выраженный в повторяющихся традиционных обращениях и концовках в письмах детей и взрослых, отражающих любовную заботу участников переписки друг о друге. В то же время *письма являются документами истории* и поэтому приводятся лишь с незначительными купюрами.

11 января *Соня* написала большими буквами *маме*: «Дорогая моя милая мамочка. Как ты поживаешь? Поздравляю тебя с Новым годом и с Днем твоего Ангела. Я, Евгения (бывшая кухарка) и тетя Маша (Мария Юльевна) ездили к Муралеву (к квартиранту домика в Вологде), а когда ехали назад, тогда кувырнулись. Я веселилась на праздниках. Елка была с сажень и казалась маленькой, украшений было мало. Поздравляю папу и Вадю с Новым годом. Поцелуй от меня Александру Густавовну (Третьякову) и Ольгу Сергеевну (Кованько), Танечкину (видимо, Стакович) маму и Александру Ивановну и Николая Лазаревича (Богоявленских), Танечку, Наталью и Катю (Кованько). Затем до свидания. Любящая Вас Соня» [39].

Софья Петровна приписала: «Милая Ниниша, пишу тебе в письме Сони. Она сделала большие успехи в музыке, знает несколько пьесок, играет с ней в три руки. Сперва очень

трудно было с ней заниматься, она уставала и все зевала; теперь, как руки у нее стали бойче ходить, она занимается с удовольствием. Няню образовали, и свадьба ее, вероятно, будет на будущей неделе... Жених няни мне сказал, что когда придется везти Сонечку, то он отпустит жену. *Послать Сонечку мы еще не можем*, т. к. кто ни приедет, говорят, что стоять даже невозможно. Будем надеяться, что, может быть, (будет) лучше. Я так просто измучилась, зная, что ты хочешь, чтобы Сонечка была с тобой, а, между тем, я не могу этого сделать... Напиши, получила ли ты мою посылку, там были такие вещи: три тарелочки, около трех фунтов рису, солонка и бокальчик. Еще раз поздравляю тебя с Днем Ангела. Напиши – живут ли жильцы, играет ли Володя в оркестре, как живут Деге? Что Александра Густавовна? Поздравь их от меня с Новым годом... Получил ли Вадя 5 р., что мы посыпали ему с дедушкой? Будьте здоровы. Дай Бог, дожить до более хороших дней...» [3]. И в следующем письме: «Что касается Сонечки, то я совершенно понимаю тебя, но и мне нелегко отвечать родителям за нее, мало ли что с нами может случиться? Наконец, девочка отвыкнет от Вас, и ей скучно с нами, т. к. дети Шеинны (дочери Лариссы Юльевны) много учатся и почти целый день сидят в своей комнате и совсем не играют с Соней. Помнишь, как ты девочкой уехала к А.С.Брянчанинову на неделю и скоро вернулась, соскучилась об родителях, так и Сонечка скучает без ласки матери... Свадьба няни была в субботу 17-го, вышла в Зубцово за крестьянина, брата Аннушки зубцовской. Теперь няни фамилия Камичева. Пока мы все здоровы и целуем вас» [3].

Соня написала маме: «Дорогая мамуся. Няня вышла замуж за Дмитрия Андриановича Камичева из Зубцова. Машутка и я ездили к няне в гости. У нее пол – паркет, и некоторые уголки синие. Есть шкафчик со стеклянными дверцами и столик маленький для обеда и чая. Там есть старушка, ее зовут Настасья. У нее есть корова, только она молока не дает, и есть курицы и кошка, а куриц у нее только две. Я гуляю во дворе. Я каждый день сижу одна, потому что Милица и Нина (Шеинны) занимаются. Я играю в три и в четыре руки. (Целую) всех вас и папу. Затем, до свидания. Любящая Вас Соня» [39].

В феврале Софья Петровна послала почтой в Москву 10 фунтов муки (в переводе нарочно написала, что посылка для Вади), а с крестьянином еще и каравай черного хлеба. «Послать больше нечего, - написала она. Хлеб, т. е. мука, у нас описана, и нашли крестьяне, т.е. уполномоченные, что у нас недостает хлеба. *Посылать*, значит, *своей муки нельзя*. Я постараюсь найти у кого-нибудь в деревне и, если найду, то буду посыпать по 10 фунтов. Насчет крупы, *вряд ли можно достать*, т. к. нынче был страшный неурожай овса: что посеяли, то и сняли. Еще осенью 1 пуд овса стоил 15 р., а теперь, я думаю, еще дороже, да и его нет. *Усадьбу описали всю, скот, инвентарь, постройки*. Хотели описывать все в доме, но Володя (сын Владимир Юльевич, ставший Председателем Съезда в Кадникове) пока отстоял, ждем разъяснений от Вологодской Земельной Управы. Что уж будет – не знаю? Очень тяжелое время, *не знаешь, как жить, может быть, придется и уезжать...* Все так худо, что не ждешь ничего лучшего». (Это было время начала продовольственной диктатуры Советской власти, продналога и продразверстки [37]). И далее: «Сонечка нам не лишняя, славная девочка, и, конечно, если нам лично будет грозить опасность, то, конечно, первым делом позаботимся об ней, пошлем в Кадников к Наташе (Наталье Михайловне, жене Владимира Юльевича), которая очень любит Сонечку, и Сонечка ее... *От крестьян не ждем ничего хорошего – озверели...* Я писала тебе, что Сонечке я прибавила белья... Спасибо Оле (Ольге Юльевне), что посыпает сахару. Мы пьем чай с изюмом, и нам нравится – привыкли, а папочка очень страдает без сахара. Сонечка каждый день гуляет, катается с въезда (на сеновал) с детьми Шеинными (Милицей и Ниной). Она совершенно здорова. Целует маму, папу и Вадю. Папочка, я и Маша (Мария Юльевна) также целуем всех. Будьте здоровы, и чтобы все было благополучно...» [3].

В начале февраля Саня должна была уехать из Москвы на родину, и Вадя написал Соне: «Дорогая Соня. Крепко целую тебя. Я посыпаю (тебе) с Санькой игрушку. Саня едет сегодня вечером в Кузнецово. Мама и папа целуют тебя. Дорогие бабушка и дедушка. Крепко целую вас. Целую всех кузнецовых. Вадя» [39].

5/19 февраля Софья Петровна писала Нине Юльевне: «Милая Нинуша. Санька приехала и осталась служить у нас... Напиши, получила ли ты каравай (далее по-французски) черного хлеба с солдатом и мою посылку с 10 фунтами муки. 18 февраля (по новому стилю) я послала

также 10 фунтов муки, которые купила для вас. (Один) крестьянин обещал в воскресенье принести столько же, которые тоже тебе пошли. (Есть) крестьяне, желающие продать хлеб или муку, только в своей деревне, но другие (готовы продать) на сторону. Этим способом, может быть, можно купить три пуда... Пока живы и здоровы. Сонечка ... целует тебя и благодарит за игрушки и конфеты... Будь спокойна, буду посыпать, о чем просишь... Целуем всех вас и желаем здоровья и благополучия. Целую Вадичку и благодарю за письмо...» [3].

И в следующем письме: «Милая Нинуша... Посылку для Сонечки и лекарства получила, очень благодарю... **Как рады будем, если приедешь в Посту.** Сонечка после обеда со мной и с дедушкой иногда ложится отдохнуть и спать, и сегодня мне говорила, что она очень хотела бы с тобой пожить. Я ей (**Соне**) **объяснила**, что в настоящее время **тебя не берут**, потому что **в Москве голод**. Когда придет все в порядок, то она поедет... Твои мечты очень хороши насчет жизни вместе, я очень скучаю обо всех вас, моих дорогих, что разбросаны в разных местах.... Может быть, переменится, что и у нас будет хорошо... У нас есть хлеб, картофель, молоко, без мяса мы еще не жили. Правда, мясо вздорожало до 200 руб. пуд; недавно заплатила за пуд 400 р., был свой теленок, еще один; одним словом, **мы** совершенно **сыты**. Утром в 9 часов молоко, за обедом каждый день простокваша, правда без сметаны, т. к. сметану Евгения снимает, и из нее бьет масло русское, которое вышло, скопленное летом, когда коровы хорошо доили(сь). За обедом три блюда: суп, мясное и простокваша. Утром и вечером все пьем кофе из ржи вместе с овсом, очень питательно. Вот видишь, как мы пирами. На первой неделе Поста приедет к тебе один парень с нашей стороны; я пошлю с ним тебе посылку. Пожалуйста, **не посыпай мне денег**, меня это очень огорчает, и то деньги твои лежат у меня. Папочка и все целуют вас всех. Я целую вас всех, дорогих моих, и благословляю. Будьте здоровы и счастливы. С. Зубова» [3].

16 февраля/1 марта **Владимир Казимирович Герман** в Москве принял участие в большом **концерте**, устроенном Московским Литовским Вспомогательным обществом в зале Синодального училища в память двухлетней годовщины со дня смерти композитора, органиста и хормейстера Чеслава Сосновского (1867-1916). Владимир Казимирович играл в сочиненном композитором трио «*Спеши ко кресту*» и исполнил solo «*Элегию* Форне [1, 43].

28 февраля/15 марта **Софья Петровна** опять написала в Москву: «Милая Нинушечка. Получила две твои посылки, все в целости... Так **рады были сладкому**, т. е. компоту, что **сейчас же все съели**. Сонечке пальто, если можно будет чем, конечно, устроим. ...калоши не впору на башмаки, и Сонечка остроумно придумала носить их в доме... Оно, и кстати, у нас вдруг, после тепла, начались морозы до 20 градусов, и довольно прохладно в доме. Сонечка научилась вышивать по канве... **Пока здесь спокойнее, и в дом не приходят**; вообще, стали любезнее, дай Бог, чтобы дальше так было. Вчера приходили двое из Комитета и сегодня один, не видно никакой вражды, а наоборот, нам стало легче... Маша (Мария Юльевна) начала заниматься с Сонечкой по-французски. Писание у нее все что-то плохо, нет терпения выводить буквы» [3].

«**На первый день масленицы**, - написала **маме Соня**, - дети ходили смотреть, как катаются молодые..., а на второй день мы катились, и я каталась; мы ездили по многим деревням и заехали в Оферовское к Машутке; в доме у нее очень уютно, а домик маленький. Пока. Вперед Бог нас не оставит. Бабушка и дедушка целуют. До свидания. Любящая тебя Соня. Целую папу и Вадю. Жду от тебя письма». И в следующем письме: «Дорогая мамочка. Я умею немного вышивать... Я немножко умею читать по-французски... Мне тетя Маша подарила «Золотое детство». Кланяйся Ваде... Затем, до свидания. (Целую) вас. Соня» [39].

4/17 марта **Софья Петровна** послала еще одно письмо в Москву: «Милая Ниниша, получила твои два письма, ...также вещи для Сонечки. Я тебе писала (далее по-французски), что я **купила для вас муку, и до сих пор я не знаю, как ее отправить...** Во всяком случае, в Вологде домик сдан, и там нельзя поселиться. **Если невозможно будет оставаться в Кузнецово, то мы детей (далее по-французски) переправим в Кадников...** Мыла пошли 15 или 20 футов на Кадников, как всегда посылаешь. Пока мы можем распоряжаться лошадьми, Иван живет. Когда **напишешь, пошлем** на Сухону или Морженгу (на станцию, чтобы **встретить** приезжего из Москвы). Молоком тоже пока пользуемся. Володя (Владимир Юльевич) - Председатель Съезда, но жалования ни он, ни мировые судьи не получают и, кажется, на днях разгонят Съезд. **Положение всех критическое...** Сонечке башмаки нужны, а высокие

разорвались, пришлось их починить. Крепко, крепко целую вас, дорогих моих, тебя с Володе и Вадей. Будьте здоровы. Пошли вам Бог, спокойствия и благополучия... Всего, всего хорошего. Любящая тебя С. Зубова [3].

А *Соня послала маме открытку*: «Золотушка моя, мамочка. Приезжай поскорее. Я тебя дожидаюсь. Мы все здоровы. Целую тебя крепко. До свидания. Соня» [39].

16/29 марта *Софья Петровна* писала *Нине Юльевне*: «Милая Нинуша, получила твое письмо от 28 февраля/13 марта. Далее по-французски: Я хотела послать для тебя муки, но большевики открывают почтовые мешки и берут то, что упаковано из продуктов; вот почему я не смогла послать муку. Мы тоже пока живы и здоровы. В дом пока не приходили, слава Богу, но не уверены, что не придут. Конечно, теперь **нельзя трогать Сонечку**, т. к. **сами не знаете, где и как придется жить**. Мы не волнуемся, ведь ко всему можно привыкнуть... Сонечка нисколько нас не беспокоит, ведет себя хорошо, шалить не с кем, за уроками музыки иногда бывает немного упрямства, но ведь редко с кем из детей этого не бывает. Читать книжки не любит, а мне некогда ей читать вслух. В музыке подвигается, но мало смотрит на ноты, играет более по слуху. В 4 руки очень любит играть. Гуляет много и здорова... Пожалуйста, напиши нам, как ваши дела? Буду ждать и беспокоиться... *Съезд разогнан*, и Володя (Владимир Юльевич) с Д.С. Макшеевым оба без места. и **жалования не получили** и за прежнее время. Такое безобразие! Господь от нас отступил. Бедная, бедная наша Россия! Целую тебя, Володю и Вадю. Будьте здоровы. Папочка и все целуют» [3].

И в следующем письме от 26 марта/8 апреля в *Москву*: «Милая Нинуша, получила твое письмо от 25 февраля/12 марта и две посылки... Башмаки Сонечке впору. Напрасно ты послала мне 40 руб., я тебе писала, что надобно гораздо меньше. За свою муку я, конечно, ничего не беру, а ту, что покупала у Морозова, не пришлось переслать тебе, т. к. **было запрещение: не посыпать провизии**, иначе вскроют и отберут... Если тебе нужен будет и впредь хлеб, то я опять могу послать с солдатом. Ты напрасно даешь ему много денег, так что тебе выходит, как купленный. Напиши, нужно ли тебе будет хлеба, я с удовольствием **буду посыпать** не иначе, как с **оказией**... *Здесь было неспокойно*. Теперь поутихло, и все здешние председатели разных продовольственных и проч. (комиссий) совсем переменили тон на мягкий, но неизвестно – надолго ли? Очень нас наказали: прошлое лето, как **взяли весь сенокос**, то пришлось мне купить сена 12 возов и заплатить 1000 рублей. Хорошо, что хлеба оказалось 80 пудов лишних против пайка для нас, который Управа продает крестьянам, у которых недостает, за 20 р. 1 пуд. Получу от продажи хлеба деньги и верчуясь. Цена 20 р. за 1 пуд назначена Продовольственной Управой, а не нами. Не унываю, Господь правит пока... Сохрани вас Господи!...» [3].

28 марта/10 апреля, перед тем, как лечь в больницу на серьезную операцию, *Нина Юльевна* написала дочери *Сонечке в Кузнецово*: «Золотое мое дитя, ненаглядная Сонечка, крепко целую тебя и благословляю. **Если я умру, не забывай меня**. Возьми мои карточки у папы. В память мамы - учись хорошо, чтобы чего-нибудь достичнуть. Мне бы хотелось, чтобы ты была вполне образованна, хорошо знала языки и музыку. Проси тетю Машу (Марию Юльевну) учить тебя по-французски, а дядю Мишу (Михаила Юльевича), когда он приедет, музыке. Средств тебе мама никаких не может оставить, а папа зарабатывает немного, так что тебе **надо стараться добиться самой всего**, чего можешь, чтобы мама радовалась на тебя с того света... Если тебе придется зарабатывать самой средства к жизни, то (мне хочется) чтобы ты их зарабатывала интеллигентным трудом. Я надеюсь, что к тому времени, как ты вырастешь, образование опять будет цениться. Тебе пришлось жить без мамы, папы и Вади этот год. Но мне хочется, чтобы ты жила с папой и Вадей и любила их. Люби Вадю и оберегай его, как сестра. Он будет легкомысленный и увлекающийся, а ты у меня девочка положительная, и **я завещаю тебе заботиться о папе и Wade**. Хотя тебе всего 7 лет, но и теперь уже ты можешь по-детски заботиться о них. Даже **Wade умеет** теперь, когда я бываю больна, **ухаживать за мной и хозяйствовать**. Мне хочется, чтобы ты училась вместе с Вадей у его учительницы, и, если папа будет иметь возможность, он возьмет тебя к себе. Если же пока ты и останешься в Кузнецово, то проси тетю Машу учить тебя, а бабушку – учить музыке. Обнимаю тебя и целую, мое сокровище, и с того света буду смотреть на тебя и охранять. Твоя мама» [3]. Конечно, это письмо Соне дали бы, если Нина Юльевна действительно скончалась.

Как позже вспоминала Софья Владимировна Герман, Нина Юльевна давно болела, и в

1918 году «решилась на операцию, хотя *профессор*, который хотел ее оперировать, *сказал*, что операция очень серьезная и *только 50 % есть, что Вы будете живы*, но мама согласилась, и *осталась жива*. Ее оперировал профессор-хирург очень известный – светило. А когда мама спросила, сколько нужно заплатить, профессор спросил, какая у мамы профессия? Мама сказала, что она скрипачка, на что профессор ответил: «Я найду с кого взять деньги, а с Вас я ничего не возьму» [1].

8/20 апреля *Софья Петровна* написала *дочери*: «Дорогая моя Нинуша, получила от Лизы (Елизаветы Юльевны) письмо, что *ты в больнице, и тебе сделали операцию* и что *все благополучно*, но я все-таки беспокоюсь о тебе. Напиши скорее, как ты теперь себя чувствуешь? Тебе *еще в прошлом году надо было сделать это*, но я очень боюсь операций. Если сама не можешь написать, то попроси Лизу или Володю. Буду ждать с нетерпением. Сонечка здорова, гуляет, играет со мной на рояле, к ней ходит учительница очень недавно. Хотелось, чтобы зимой начать ее учить, но у учительницы не было высоких калош, а только летние, да зима была снежная, все выюги... Сонечка нынче говела, и ей очень понравилось. Будь здорова, дорогая моя Нинушечка, крепко тебя целую. Также целую Володю и Вадю. Любящая тебя С. Зубова» [3]. А *Соня написала*: «Дорогая мамочка... Поправляйся скорей и приезжай сюда на Пасху. Живи с Богом. Поцелуй папу и Вадю... Затем, до свидания. Любящая тебя Соня» [39].

Пока Нина Юльевна лежала в больнице, *Владимир Казимирович перевез семью на новую квартиру*. Дело в том, что у Александры Густавовны Третьяковой была 3-комнатная квартира с мебелью для прислуги *на Сущевской улице, д. 14*, что почти напротив особняка Третьяковых. Возможно, хозяйка предложила эту квартиру семье Германов потому, что ее, все равно бы у нее отобрали. Пришлось Владимиру Казимировичу мебель из квартиры в Денежном переулке продать и перевезти по новому адресу только рояль и личные вещи [1].

23 апреля/6 мая *Софья Петровна* написала *Нине Юльевне*: «Христос воскресе! Дорогая моя Нинушечка, очень *счастлива, что ты поправляешься*, только, как можно дольше, береги себя. Напиши, *как ты устроилась у Александры Густавовны, отдельно ли совсем от нее*, как стол и все прочее? Все это мне хочется знать... Сонечку мы бережем, и она здорова. Как узнали из письма Лизы, что была операция, я сказала Сонечке, что мама очень больна. Она молится за тебя и, кажется, поняла, что дело серьезное. Она очень ждет, что папа ее приедет за ней, ей хочется быть с родителями. Она мне сказала: «Я больше всего на свете люблю маму и папу, а потом бабушку и дедушку». Я нахожу, что необходимо ее взять к себе. Нельзя постоянно жить без родителей. Надобно, чтоб она была дружна с Вадей, он развитой мальчик, много читает, а мы ее не можем приучить к чтению. Рукоделие она любит больше, и раз ей показали строчку, и она умеет уже строчить. С трудом засадишь ее за рояль, но я заставляю ее, несмотря на лень. Она очень способна к музыке, и на фисгармонии прекрасно играет. *Сонечка с нетерпением ждет, когда за ней приедут...* Не нужно ли тебе послать каравай хлеба, говорят, что солдат, который был у вас, продолжает ездить в Москву с товаром и обратно. Если Володя приедет за Сонечкой, то можно купить и послать с ним масла... Будьте здоровы и счастливы. Папочка целует всех...» [3].

28 апреля/11 мая написано еще одно *письмо от Софьи Петровны*: «Христос воскресе! *Милая Нинуша*. Так как доктор тебе сказал, что *три месяца ты должна беречься*, то и помни это хорошенъко и исполняй... Наташа (жена Владимира Юльевича), пока здесь, хотела позаниматься с Сонечкой. Фартучек из лиловой материи, что ты послала, сошьет Наташа. Пока живем, все здоровы. В дом не влезали; вообще, теперь *крестьяне сделались миролюбивее*, им почти всем *надоела анархия*... Что будет дальше, как пройдет лето?...» [3].

К Пасхе *Соня* послала *маме рисунок* и подписала: «Христос воскресе. Дорогой маме от Сони», а также написала *письмо в Москву*: «Христос воскресе! Милый папа, приезжай непременно за мной. *Я хочу жить с тобой, мамой и Вадей*. Я буду умная, (буду) ходить за мамой и беречь ее. Я так давно не видела вас и соскучилась об вас всех. Хотя меня здесь все любят, но хочу жить с вами. Целую тебя, мою дорогую маму и Вадю. Будьте здоровы. Жду с нетерпением, когда приедешь за мной. Любящая тебя Соня» [39].

Видимо, Нина Юльевна выразила *желание* сама *приехать в Кузнецово*, потому что в письме от 6/19 мая *Софья Петровна* написала: «Милая Нинуша, получила твоё письмо... Далее по-французски: Мука стоит здесь 150 р. 1 пуд, и (ее) продают тайком, а иначе не

продают, боясь Комитета. Относительно масла, я постараюсь послать вскоре; масло стоит 6 или 7 р. 1 фунт, яйца стоят 4 р. Если у нас будет спокойно (конечно, *сравнительно*), то, конечно, *можно приехать в Кузнецово*. Пока хлеб есть, картофель, масло, яйца, овсяная крупа, и мы сыты. В огороде насадим всего, как всегда, и теперь в парниках взошла рассада и огурцы. А если, как ты говоришь, не будет места, то и гостиную можно занять... Чем теснее, тем веселее. Молоко в Великом Дворе (деревня рядом с усадьбой) продают... Нам дали одну десятину только под яровое, и мы посеяли овса, ячменя и лен. Также дадут одну десятину под рожь, а *три десятины озимого*, что у нас в поле, так решили *нам оставить только одну*, а две отнимут. Вот какие порядки! Я совершенно спокойно все переношу, но Маша (Мария Юльевна) иногда ужасно нервничает. В Вологде трудно насчет продовольствия, а здесь в деревне легче, и в потребилке кое-что бывает. *Лошади у нас пока не отняты, ...всегда можем выслать*. Будь здорова... Целую тебя и благословляю. Володю и Вадю целую...» [3].

9/23 мая **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Дорогая Нинушечка, получила твои два письма от 1 и 2 мая, также одну посылку с кофе, чаем, цикорием, Сонечке два шоколадных яйца, конфеты и 4 куска мыла... Сонечка не доставляет нам беспокойства, об этом не думай. Ей, конечно, хочется быть с родителями. Теперь, конечно, нечего думать ее взять, т. к. ты пишешь, что *большевики решили реквизировать дом Александры Густавовны*. Очень жаль, что бедной Александре Густавовне предстоит такая передряга. От души желаю, чтоб это миновало ее. Скоро ли конец большевикам!? Вторую твою посылку получит завтра Д.С. Макшеев и послезавтра привезет Иван. Посылаю тебе (*далее по-французски*) восемь фунтов масла..., которые мы уже купили по случаю, но относительно муки я уже писала в моем письме. Посылка посыпается на имя М.Н Богоявленской, как ты писала... Целую тебя, Володю и Вадю. Будьте здоровы, всего наилучшего...» [3]. **Соня** в этот же конверт *вложила свое письмо*: «Дорогая мамочка. Я посылку получила и конфеты. Спасибо за конфеты, я с ними пью чай, но все по одной конфетке. Тетя Наташа со мной занимается арифметикой, читать, рассказывать и писать. Как твое здоровье? Я живу хорошо, я шью куклам платья. Два шоколадных яйца получила все разбитые на крошки. С Тасей (дочерью Наташи) живем дружно и не ссоримся. Одно яйцо (я) отдала Тасе, а другое (взяла) себе. Затем, до свидания. Твоя Соня» [39]. А **Юлий Михайлович** написал: «Милые и дорогие Нина, Володя, Вадя. Большое спасибо за ваши письма и память о нас. Мамочка тоже все пишет детям, а я уж ничего не помню и почти никому ничего не пишу. С удовольствием прокатился бы, если не в Америку, то хотя бы в Москву и Екатеринослав (где служит сын Михаил Юльевич), откуда уж очень давно ничего нет... *С этой революцией начались такие формальности и потребовались на переезды такие суммы*, что *о путешествиях* дальше Вологды и *думать нечего*. Сижу весь день у себя в кабинете, ...я даже и в теплых комнатах мерзну (хотя печки топят почти каждый день). Впрочем, у нас, наверно, и климат не московский. По краям сада и теперь есть еще небольшие полоски снега, да и термометры даже и среди дня очень редко идут дальше 8 или 10 градусов тепла. Хорошо еще, что, несмотря на мои 80 лет, я строчу дома всевозможные фантазии и езжу изредка по своим служебным обязанностям то в Кадников, то в Вологду. Иначе пришлось бы положительно умирать с тоски, т. к. в хозяйстве я ровно ничего не смыслю, и хозяйством уже давно заведует мамочка. Однако ж до свидания. Дай Бог, вам доброго здоровья и всевозможного, теперь очень редкого благополучия. Преданный вам душой Юлий Зубов» [3].

Лето и осень 1918 года. Начало Гражданской войны.

В начале июня в Кузнецово приезжала вологодская преподавательница музыки **Анна Платоновна Матафтина**. Она написала **Нине Юльевне**: «Милый Нинок. Крепко целую тебя и так жалею, что тебя здесь нет! **Сонечка** твоя меня привела в восторг. Она уже не хрупкая девочка в локонах с картинки, а такая *милая, крепкая, здоровая, загорелая девочка*, что я восхитилась тому, что делает деревня и трезвое воспитание. Все эти три дня она почти от меня не отходила, и все время напоминала тебя... Горячо обнимаю тебя. Тетя Анна» [13].

В этом же письме **Софья Петровна** написала *дочери*: «Милая Нинушечка. Получила твоё письмо от 10 июня. Что делать, дорогая, что *нельзя тебе теперь приехать*; осенью дадут же тебе отпуск? Мы, слава богу, все пока сыты, вперед не знаю, но думаю, что не будем

ГЕРБЫ ГУБЕРНИЧЕСКИХ ГРОДОВЪ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Милому чаду
Герману Зубову
въ Москву
от Кузнецова

голодать. Я тебе писала, что посылаю с нашим солдатом тебе небольшую посылку. Напиши, когда получишь. **Сонечка** здорова, постоянно гуляет, **ходит босая**, привыкла, и не заставишь ее надеть башмаки. Пожалуйста, мне **не присылай денег**, у нас есть. (*В Москве*) ...**страшная дороговизна**, и мало крестьяне привозят провизии в город... **Надобно бы заплатить все Александре Густавовне (за квартиру)**, но, вероятно, сумма, что ты должна, не маленькая. Пока хоть немного, но мыло есть; по этому случаю в субботу ходили в баню, выстирали белье. У меня еще осталось 3 фунта свечей от тех, что присыпала. Не беспокойся об нас, живем очень хорошо, никто не измучен... Крепко целую тебя, Володю и Вадю и благословляю. Будь здорова. Сохрани вас Господь. С. Зубова» [3].

8/21 августа **Юлий Михайлович** написал **Нине Юльевне**: «Милая Нинуша, **сердечно благодарен тебе за присланный сахар**. Каждый кусок продаётся теперь на вес золота, да, кажется, и при этих условиях его **ни в Кадниково, ни в Вологде не достанешь**; а я так привык, вообще, к сладостям, что скорее могу обойтись без хлеба, чем без сахара. И вот, благодаря тебе, мамочке и детям, которые уступают мне все это время большую часть своих долей, кое-как перебиваюсь и стараюсь все-таки по возможности отрешиться от стародавних своих привычек... Вообще **время такое, что не знаешь, что будет завтра**. ...крепко целую тебя и желая возможной удачи в делах твоих. Остаюсь горячо любящий тебя Julis Z. (Юлий З.)» [3].

В этот же день **Софья Петровна** написала **дочери**: «Милая, дорогая моя Нинуша. **Получила** твою **посылку**, очень благодарим тебя... **Больше всего были рады сахару**, а то папочка просто извел нас, когда его нет... Благодарю также за поздравление с Днем рождения. Мы крепимся и не унываем. О политике не пишу, но (*далее латинскими буквами*) **ждем событий**. (По-видимому, Софья Петровна имела в виду появление хорошо организованных антисоветских очагов сопротивления [37].) Письмо получила от Александры Густавовны. Аннушка получила 20 р., что ты послала... Очень благодарю за свечи. За яйца я заплатила 52 рубля матери солдата... Целую Володю и благодарю за приписку... Крепко целую тебя, дорогая моя, будь здорова. Всего, всего наилучшего. Привет Александре Густавовне. Вадичку целую. Любящая тебя С. Зубова» [3].

Сонечка в это время писала **маме**: «Милая мамочка. К нам приехали три двоюродных сестры (дочери Петра Юльевича Соня, Нина и Ларя. Соня вскоре уехала, а жил Володя). Я живу хорошо. Нам теперь весело, у нас есть маленький щенок, его зовут Норка. Приезжай сюда поскорей. Мне без тебя скучно. Целую папу и Вадю. Тетя Ларя (Ларисса Юльевна) уехала, а Милица и Нина (ее дочери) остались. Мы гуляем на дворе и в саду. Один раз бегали в Марковское одни и видели кузницу. Наши уезжали на мельницу, и мы их встретили и прокатились до самого дома. У нас есть плот на пруду, и дети катаются на нем, а я не катаясь, потому что мне бабушка не позволила потому, что теперь холодно, а раньше я каталась на нем. Мы на свои именины представляли с Ниной Шеиной польку-бабочку, а Лёля (внучка Антонины Петровны Макшевой) с Милицей китайский танец. (Их учила Соня Зубова.) Потом (была) шарада. До свидания. Соня» [39].

По-видимому, **Нина Юльевна искала возможность уехать из Москвы**, т. к. 2/15 сентября на Сущевскую улицу, д. 14, кв. 2 пришла **открытка** от бывшего председателя Московского общества взаимопомощи оркестровых музыкантов, **профессора Саратовской консерватории** И. В. Липаева: «Многоуважаемая Нина Юльевна! К формированию оперного оркестра мы приступаем через два, три дня. **Думаю**, что **Вас обоих** (с В.К. Германом) **зачислять**, выхлопотать везде, и тогда я немедленно телеграфирую обо всем. Думаю также, в Саратове вы и дети будете чувствовать себя лучше.... Итак, ждите телеграммы. Поклон мужу. С почтением, Липаев». Подробности о ценах на продукты по карточкам были изложены в письме: «в месяц необходимо издержать не менее 400 р. на Вашу семью», но помещение для жилья «найти весьма трудно. Необходимо будет иметь еще право въезда в Саратов и выезда из Москвы» [13].

Из этого проекта ничего не вышло, т. к., судя по трудовой книжке, **Нина Юльевна** вскоре **поступила служить** (кроме преподавания в Музыкальной школе) на первые скрипки в **оркестр Оперы Народных Домов Отдела Народного Просвещения Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов** [19], где, по совместительству с оркестром МХТ, играл и Владимир Казимирович. Видимо, Н.Ю. Герман Зубова надеялась еще иметь и уроки пения, т. к. Заслуженная артистка, певица М. Дейша-Сионицкая выдала ей удостоверение в том, что она «настолько усвоила мою методу, что может по ней вести преподавание» [1]. 173

М. Дейша-Сионицкая (вторая справа в первом ряду) с В. Шаляпиным среди коллег.
 Слева направо: Собинов, Синицына, Фигуров, Севастьянов, Кюи, Трезвинский,
 Кристман, Авранек, Гончаров, Тютюнник
 (Фото из семейного архива автора)

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Симъ удостовѣряю, что Нина Юльевна
 ГЕРМАНЪ - ЗУБОВА брала у меня уроки
 пѣнія въ теченіи трехъ сезоновъ и настолько усвоила
 мою методу, что можетъ по ней вести преподаваніе.

17 Сентября
 1918 года

Заслуженная Артистка Государственныхъ
 Театровъ *М. Дейша-Сионицкая*

Удостоверение, выданное М. Дейша-Сионицкой Нине Юльевне Герман-Зубовой в 1918 году.
 (Из семейного архива автора)

КФИШРЬ

МОСКВА
к.знецкой мостъ

Известная певица М. Дайша-Сионицкая
в роли Аиды в одноименной опере

(Фото из семейного архива автора)

для моей дорогой ученицы и друга
Нине Юльевне Герман-Зубовой

Фото М. Дайша-Сионицкой, подаренное
ученице пения Нине Юльевне Герман-Зубовой

1/13 октября Софья Петровна написала в Москву: «Милая Нинуша, получила твоё письмо с поздравлениями. Долго не отвечала, т. к. редко посылаем в Кадников за почтой... Последний *работник ушел*, его *взяли в солдаты...* (*Началась Гражданская война и мобилизация* по всеобщей воинской повинности в Красную Армию [37].) Сонечке (если ее отправлять) *надобно пропуск из Москвы и отсюда также...* В Москве она, по крайней мере, будет учиться, а здесь некому. У учительницы нет обуви ходить 1,5 версты по грязи, да и пришлось бы заниматься с крошечной лампочкой, т. к. керосину дают 4 фунта на месяц. Вечерний чай пьем с керосиновой маленькой лампочкой, а в остальных комнатах сделали лампадки, ...горят перед образами... Прежде я верила, что настанут лучшие дни, теперь вера эта прошла, и *нет надежды на лучшее*, а все хуже и хуже. Живем невесело, ничего не знаем, что творится в мире, точно на необитаемом острове. Но не унываю, Бог дает силы, здоровья. А дети что? Веселы, их теперь много, приехали трое меньших детей Мани (жены Петра Юльевича). ...напиши, *устроилась ли ты с квартирой, одна или все вместе?* (С. А.Г. Третьяковой). Что Александра Густавовна? Передай от меня ей привет. Пора бы Сонечке учиться, как следует, также и музыке. Целую еще раз, молюсь за вас, и вы помолитесь за нас. Любящая Вас душой С. Зубова. Папочка и все здоровы» [3].

15/28 октября Софья Петровна снова написала *дочери*: «Дорогая Нинуша, получила от тебя два письма... Вижу, что у Вади много занятий, помоги ему Бог... Очень жаль, что тебе *не пришлось взять квартиру за 75 р. в месяц*, это даже по Вологде ужасно дешево... Как грустно, что мы не можем тебе помочь деньгами, чтобы хотя часть уплатить твоего долга (А.Г.Третьяковой за предоставленную квартиру). Но Александру Густавовну строго нельзя винить, конечно, трудно расставаться со своим домом... *Ничего нельзя посылать, все отнимут...* Здесь пока мы сыты, так что зиму *пусть Сонечка останется у нас*, а весною увидим, может быть, ваши обстоятельства улучшатся, а теперь и *вам тесно в этой квартире*. (Видимо, супруги Германы переехали в дом Третьяковых № 10 на Новослободской улице, который «уплотняли» разными жильцами, и заняли одну из комнат в небольшой квартире № 65, которую оставили семье Александры Густавовны.) У Сонечки одни только башмаки... Старые калоши с дырами, а новые так лежат, потому что ей малы на башмаки. Насчет калош мы решили с Сонечкой, что зимою будем носить их дома вместо башмаков, т. к. у нас бывает иногда в доме холодно. Посылаю мерку с ее ноги, а калоши необходимо иметь, иначе гулять нельзя. Шапочка и муфта очень износились. Платья есть у нее... Пока живы и здоровы. Ларя (Ларисса Юльевна) сейчас в Вологде, ищет места, дети (Милица и Нина) у меня, и еще трое (младших Петра Юльевича) прибыло *детей*, так что *шесть*. Молотить кончили, ...веять приходилось самим. Сегодня мытье дома, грязь ужасная, т. к. Машутка и Аннушка все время ходили на работы... Завтра сделаем стирку, а потом вымоеемся в бане, и будем чисты. *Освещение* только очень плохо, за вечерним чаём *маленькая лампочка жестяная*, ...это плохо очень, остальное – питание – хорошо. Пиши, дорогая, я просто извелась за вас всех, особенно грустно, что не в состоянии помочь никому, только, *слава Богу, что есть приют в Кузнецово*. Целую и благословляю, дорогие мои, вас всех, не забывайте нас...» [3].

26 октября/8 ноября Софья Петровна послала еще одно письмо: «Милая Нинуша, получила твоё письмо... Пока здоровы, и живы, и сыты. Здесь ходит в сильной степени *новая болезнь испанская*, кругом в деревнях масса больных, и много умирает. *Детей непускаю на улицу*, в доме постоянно прыскаем карболкой, детям сделали ладанки с чесноком на шею. Сонечке даю каждый день крупинки, но их очень немного... Пока нас Бог миловал. Мы, старики и все дети, здоровы. Иван привез твои две посылки для Сонечки: ее разные теплые вещи, капор, муфту, башмаки, платье и проч. (Далее по-французски): *Шесть фунтов свечей я получила*, очень благодарна.. Конечно, должно хватить, мы будем очень беречь... Здесь была оказия послать тебе масла 2 фунта: из Москвы пришел один крестьянин с женой в Добрынино (он из этой деревни, но живет в Москве). Я узнала, что он обратно едет в Москву, упаковала 2 фунта сливочного масла, за труды послала ему 10 руб., дала твой адрес, но на другой день мне обратно принесли масло и деньги. Он не взялся везти, потому что *все отбирают на железной дороге*, сказал, что он и без денег доставил бы, если бы была возможность. Теперь даже *и в Вологду не дают ничего провозить*. Не знаю, в какое время мы живем!» [3].

Соня писала *маме*: «Милая мамочка. Я письмо получила. Мы теперь уже не гуляем, потому что бабушка нам не позволила, потому что ходят болезни. Я живу хорошо. У нас уже

Дети Зубовы в Кузнецово. Слева направо:
Соня и Володя Герман, Наташа [Малкина] Нина и Милица Шеины
(Фото из семейного архива автора)

дети сами мыли свои комнаты, а я не мыла. Поцелуй Александру Густавовну. Нам теперь весело. Я теперь занимаюсь... У меня уже волосы стали больше, и я уже хожу с косой. Я уже научилась делать один фокус. Затем, до свидания. Любящая Вас Соня. Поцелуй Вадю, папу и всех. Соня» [39]. А 6 ноября **Нине Юльевне** написала **Саня**: «Здравствуйте, дорогая Нина Юльевна. Крепко я Вас целую, также целую дорогого и милого крошку Вадю и еще кланяюсь Владимиру Казимировичу. Я письмо писала в Кузнецово с Вашей крошечкой Сонюшкой... Я, как не приду сюда, а Соня все за мной бегает и все говорит про Вас: что скоро ко мне мама приедет, и я туда поеду к ней. И разложится со своими письмами, давай Саня читать мамины письма, и все мне прочитает. А писала Соня письмо с такой радостью... До свидания. Известная Вам Александра Боричева» [13].

4/17 ноября **Софья Петровна** написала **дочери**: «Милая Нинуша, получила твоё письмо от 23 сентября/5 октября. Вижу, дорогая, что у тебя хлопот выше головы, но что поделаешь? Мы с отцом, слава Богу, и дети все здоровы. **Нужно быть здоровой, иначе, что будет с детьми?** Здесь хоть они сыты... Дни коротки, дела много, и не видим, как идут дни за днями. 8-го числа хотим призвать священника и помолиться об вас всех. Крепко целую тебя. Володю и Вадю и благословляю. Будьте здоровы... Пиши письма не на Кадников, а: Вологодская губерния, Кадниковский уезд, Пельшемский волостной Совет, в Кузнецово С. П. Зубовой» [3].

1 декабря по новому стилю **Софья Петровна** послала **Нине Юльевне** следующее письмо: «Дорогая моя Нинушечка. Письмо твое от 15 октября/2 ноября получила... **Дети четверо**, в том числе **и Софочка, болели** новой болезнью, но, слава Богу, в очень слабой степени, теперь здоровы. Сонечку лечила по твоей записи крупинками, но крупинки уже все, если возможно, пошли. Мы, старики, еще не хворали. Посылаю тебе бумазейную юбку, образ Св. мученицы Лукии, покровительницы супружества, два полотенца. Хотелось положить что-нибудь из съестного, но ничего нельзя, просто беда... **Пошли** (ниток) **две катушки** белые, **здесь нет** совсем... Никогда бы я не подумала про Александру Густавовну то, что ты пишешь, я считала ее идеалом добра и справедливости. Просто нынешнее время всех испортило и изневничало. Ты представить не можешь, как мне тебя жаль. Я, пожалуй, начинаю отчаиваться, все дети мои так несчастны. Вадя тоже тебя изводит, этого я тоже не думала. Он ведь уже большой мальчик, должен понимать, что делает. Молюсь Богу, как могу, об вас всех, моих милых детях, а ты молись Св. Лукии и Св. Ксении. Крепко целую тебя и благословляю, дорогую мою, будь счастлива, пошли Бог здоровья... Володю и Вадю целую. Учится ли Вадя в Консерватории? (Софья Петровна имела в виду Музыкальную школу при Московской Консерватории.) Жаль очень Вадю, пусть Володя на него действует не одними кулаками и бранью. Есть много мальчиков таких, которые от кулаков и браней совсем очерствели... **Надобно, чтобы он (Вадя) ходил куда-нибудь заниматься**, а не (сидел) дома. (Вадя один готовился дома к поступлению в школу при Консерватории по классу фортепиано и, видимо, не очень старательно, что сердило отца и, по совету А.Г. Третьяковой, он наказывал сына.) На днях ему (Ваде) напишу, теперь целую его. Любящая тебя С. Зубова. **Помоги тебе Бог поправиться и жить независимо**, и побольше денег, без которых, пожалуй, плохо бывает – недовольство и прочие несчастья» [3].

А **Соня** написала: «Милая мамочка. Я была очень рада, когда получила от тебя открытку, а на ней были нарисованы васильки... **Я уже выросла большая**. Я, может быть, буду у няни крестной матерью, когда у нее будет ребенок, если только девочка. Мы уже теперь зажигаем не лампы, а лампадки. Мы гулять не ходим, потому что нас непускают на улицу... Теперь у меня есть новая кукла – мишка мохнатый. **Нас теперь много, и нам весело...** Мне бабушка сшила накидку, и теперь я надеваю её... Затем, до свидания. Любящая Вас Соня» [39].

26 ноября/9 декабря **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Милая Нинушечка, получила твоё последнее письмо. Благодарю тебя, что поддерживаешь меня, чтоб не падала духом. Конечно, хотя и не всегда, но **бывают** такие **минуты, что отчаиваюсь**: да и не мудрено, такие времена, и не знаешь, когда будет конец? На Сонечку я ничего не трачу, ты все ей посылаешь, и **не думай посылать мне** за нее **денег**, я очень рассержусь. Евгений и Аннушке не нужно посыпать денег. Сонечку только вечером Аннушка укладывает спать, а утром Сонечка все сама делает. Маша делает ей кровать и причесывает. Когда получим шерстяное платье Сонечке, конечно, сожмем. Милая Нинуша, мне очень **неприятно, что** у тебя **дурные отношения с Александрой Густавовной**; помни, что ты ей обязана жизнью.

Очень богатым людям тяжело расставаться с богатством, она нервничает и чуть не сошла с ума. Будь ты, дорогая, мягче с ней, *прости ее*, и тебе будет легче. Мне очень грустно, что папочка не может помочь тебе, хотя немного. Дело в том, что у него в Кадниково все дома забрали, и он ничего не получает с них; у него только пенсия 144 р. Пока дома не захватили, он мог платить долги, был должен одной госпоже в Вологде порядочно, но она была так добра, что рассрочила долг помесячно. Каждый месяц папочка платил 100 рублей, и теперь, слава Богу, этот долг выплачен. Теперь за меня платит Ивану Морозову, я должна ему 300 р. И вот на днях папочка заплатил ему 100 рублей, (теперь) будет выплачивать каждый месяц. Милая, дорогая моя Нинушечка, ты справедливее всех моих детей, не сердись, что я пишу тебе так про Александру Густавовну. Если *она делает сцены, то ты не делай этого* – это нехорошо, и просто неприлично перебранчиваться... Мы пока живы и здоровы, и пока болезнь испанская у нас не была, а все переболели в доме... Напрасно посылаешь мне рубашку. У меня их дюжина, да и Наташа после сестры Елизаветы Петровны мне дала не одну... Будь здорова, и *пошли тебе Бог душевное спокойствие*. Целую Володю и Вадю» [3].

Видимо, А.Г. Третьяковой не нравилось, что *Нина Юльевна вынуждена давать уроки в комнате ее квартиры*. Об этом свидетельствует «Удостоверение преподавательнице Народной Консерватории Музыкальной школы имени Линевой Нине Юльевне Герман-Зубовой в том, что она имеет инструмент фабрики Герман и Гроссман за № 4547 (371). Инструмент реквизиции не подлежит; он, инструмент, необходим Н.Ю. Герман-Зубовой для занятий с учениками Народной Консерватории, которые происходят у Герман-Зубовой на дому: Новослободская ул., д. 10, кв. 65. Секретарь Народной Консерватории. Подпись: Ева Денисова» [1]. Но что было делать? *Всем приходилось жить и работать совершенно в невыносимых условиях*. В.К. Герман, например, работал, как минимум, в двух театрах. Во МХТе к 14 постановкам добавились еще 4, и за сезон 1918-19 годов было сыграно около 300 спектаклей [41].

2/15 декабря *Софья Петровна* написала *дочери*: «Милая Нинуша... Сегодня 2 декабря - День твоего рождения... Слава Богу, что ты не падаешь духом и, конечно, выбъешься. Дай Бог, тебе успеха в делах, не шутка нынче поднять детей. Очень рада, что *Вадичка сделался лучше*. (Вадя Герман поступил в Музыкальную школу при Консерватории по классу фортепиано.) Конечно, *Вы, родители, виноваты, что оставляли ребенка без присмотра* и били его. У меня сейчас *6 внучат*, 7-ая (Лёля) у сестры Антонины Макшеевой. Дети шалят, шумят, играют, *но ничего нет дурного*. Если слишком раскричатся, я на них закричу, и они сейчас же послушаются. Нет ни ссор, ни жалоб. Сонечка все время между ними, и мы не знаем, что такое непослушание или капризы. Очень жаль, что Вадя не в тебя – ленив. Сонечка тоже не особенно прилежна, да с ней то один, то другой занимаются. Мы с Машей (Марией Юльевной) рады, что она теперь начала интересоваться книжками – читает, а то мы приходили в отчаяние. Ради Бога, для Сонечки *не посытай никаких денег*, а то я рассержусь серьезно. Ты мне столько посылаешь всего, что я тебе без конца должна. У Сонечки есть свои деньги, 20 рублей, ей надарили на праздник и проч. Если продадутся кое-что, то Ваде пошлю, я давно ему обещала, и все не могу исполнить». И в *следующем письме* Софьи Петровны есть *такие слова*: «Милая, дорогая Нинушечка, посылки твои получили... Конечно, молю Бога и благодарю за все, но *будущее страшит меня...*» [3].

Перед Рождеством *Соня* написала *маме*: «Милая мамочка, поздравляю тебя с Рождеством Христовым, папу и Вадю. У нас уже привезли елку... Остался один день до праздника, а у меня ухо начинает меньше болеть. (У Сони «на шее были нарывчики, и около уха раздуло»). ... Тетя Маша (Мария Юльевна) мне подарила вышитую туфельку, ...башмачок цвета бордо, и еще подарила резинку и медаль... Я сплю в глубокой кровати своей, и мне ужасно хочется перелечь в другую, на которой ты спишь, на такую... Целую тебя, моя дорогая мамочка... Затем, до свидания. Любящая тебя Соня» [39].

Софья Петровна поздравила всех с Рождеством Христовым и Новым Годом и написала *Нине Юльевне*: «Сонечка здорова, ухо прошло, было что-то вроде заушницы. Дети все сложились, собрали, что у кого было разных украшений, и *елка вышла очень красивая*, только освещение ее было неважно. Но (дети) кругом (елки) побегали, потанцевали и попели. ...все целуют вас и поздравляют. Посылку для Сонечки получили, благодарим. Крепко целую вас, дорогих моих, и благословляю. Будьте здоровы и, дай Бог, душевного спокойствия. Привет и поздравления Александре Густавовне. Любящая вас С. Зубова» [3].

Жизнь в условиях «военного коммунизма». Новый 1919 год.

11 января 1919 года (по новому стилю) **Сонечка крестила няину дочку**. Вот как *об этом она написала маме*: «Милая мамочка, как ты живешь? Я живу хорошо. Сегодня ездила крестить у няни ребенка, он мне очень понравился, и я ходила вокруг купели и держала (его) сама все время, а няня лежала на кровати. Священник окунул его (ребенка) три раза, потом мне какая-то старушка подала одеяльце и простыню. Когда батюшка окунул и подал мне (ребенка), он был весь красненький и хорошенекий. Он совсем не кричал, когда его окунали, и когда он был у меня на руках. А когда кончили крестить, то батюшка и псаломщик начали пить чай с няинным мужем. Няин муж очень симпатичный человек. Его зовут Дмитрием. А когда они кончили пить чай, то мы стали пить. Я пила в няиной чашке, у них очень вкусное молоко. Они нас угостили пирогом с рыжиками и колобками. Колобки были очень вкусные и рассыпчатые, на масле очень жирные. А чай мы пили с сахаром. А во время крещения священник обстриг с четырех сторон волосы у ребеночка и говорит: «Миром Господу помолимся». Затем, до свидания». И *на следующий день*: «Милая мамочка. Ко мне после крещения на другой день приходила няня. Она сказала бабушке, что не дадите ли Вы моей коляски? Бабушка сказала, чтобы я написала тебе, а няня сказала, что сколько Нина Юльевна возьмет, за столько и куплю. Так если ты дашь, то напиши мне или бабушке. Меня бабушка отпустила к няне в крестные матери, если будет девочка и няня пошлет за мной лошадь... Дети ходят в школу... Няня тебе кланяется, она живет хорошо. Я один раз к ней ездила, у нее домик не особенно большой, но очень уютный. Затем, до свидания. Любящая тебя Соня» Позднее **Соня** пояснила *маме*: «Дорогая и милая мамочка! Это была девочка, а не мальчик. Ее называли Галиной, и мне это имя нравится... Когда придет няня, то я ей коляску отдам...» [39].

В начале 1919 года **Юлий Михайлович** написал дочери **Нине**: «Милая, дорогая Нинуша. *Поздравляю тебя* (с Новым Годом и Днем Ангела) и извиняюсь, что не поблагодарил, за что именно, даже не помню. Вообще, я страшно состарился. Память тоже совсем исчезла. Руки дрожат. Получив письма, не могу даже отвечать на них, т. к. большинство (адресатов) не пишут своих адресов, а я их не помню. Вообще, *жизнь подходит к концу*. До свидания, милая девочка. *Приезжай скорее*. Большой поклон твоему мужу. Крепко тебя целую. Будь здорова. Tout a toi. Julis Z.» (Весь твой. Юлий З.) [3].

Софья Петровна, поздравив дочь с Днем Ангела, написала **Нине Юльевне**: «Очень буду *счастлива, если приедешь в Посту*, давно тебя не видела, милую, да и за Сонечку рада буду... *Хозяйства у нас нет, т. к. все отобрано...* Я уверена, что ты *голодаешь*; Маня (жена Петра Юльевича) пишет, что *все трудно найти*, и они, кажется, *не совсем сыты*. Ты просто скрываешь от меня; *послать*, к несчастью, *ничего не могу*. Здесь *не принимают на почте*. Я писала тебе, чтобы ты послала вырезку из газеты; если разрешено посыпать муку или печеньй хлеб, то в таком случае пошлю тебе. Крепко целую тебя, Володю и Вадю и благословляю. Будьте здоровы. Любящая С. Зубова. 13/26 января 1919 г.» [3].

22 января **Соня** тоже написала *маме*: «Дорогая моя мамочка! Поздравляю тебя с именинами и с праздником. Вчера я написала папе письмо, а сегодня я поздравлю Н.П.Зубову (Нину, дочь Петра Юльевича). Сегодня тетя Маша (Мария Юльевна) мне подшила валенки кожей. Вчера я сшила себе резинки из пестредевой материи. Я сплю в тети Олиной комнате на полу на меховом одеяле, а тетя Маша сказала тете Ларе (Лариссе Юльевне), чтобы она дала мне тюфяк, потому что мне холодно спать на одном одеяле. Теперь я буду спать на тюфяке. Любящая тебя Соня». И *нане*: «Милый папочка. Напиши мне письмо. Приезжай к нам скорее, я тебя жду с нетерпением... Сегодня приходил Михаил Ведров, он у нас законопачивал столовую. Мы перебрались в лакайскую. Твоя дочь Соня. Поздравляю с праздником. Соня» [39].

15/28 марта **Софья Петровна** писала *дочери*: «Милая, дорогая Нинушечка... Вчера у нас *был господин*, командированный в нашу волость *для описи хлеба*, и, где нашелся лишний хлеб против норм, т.е. более, чем нужно для пропитания до нового хлеба, то отбирали в общий амбар для пайков. (*Введена продразверстка* на хлеб [37].) У нас *лишнего хлеба не оказалось*, так что нам остались, сколько оказалось в наличии, *взяли только 10 пудов овса*. Если так останется, не будет перемены, то *нам хватит до нового урожая*. Мы живы и

здоровы... Ждем тебя с Олей (Ольгой Юльевной). Целую тебя, милую, также Володю и Вадю. Сохрани вас Господи!» [3].

Как раз в это время Н.Ю. Герман-Зубова и В.К. Герман получили Удостоверения Статистического Бюро Музыкального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению о том, что они зарегистрированы и являются членами Профессионального Союза Артистов-музыкантов. Членские билеты, соответственно, за № 328 и № 1024 от 11 марта 1919 года [1].

19 марта **Соня** написала **маме**: «Милая мамочка! Как ты живешь и как твое здоровье? Я живу хорошо. **Приезжай** к нам поскорее, я тебя **ждут с нетерпением...** Я ношу белую фуфайку, которую ты мне послала. Давненько я весилась в амбаре, и весила 1 пуд 31 фунт (около 30 кг), а сейчас еще, может быть, и прибавилось... У нас дети скоро едут на фабрику «Сокол» с учительницами смотреть, как будут делать бумагу... Приезжай на Пасху, мне очень хочется, чтобы ты приехала и посмотрела на мою крестницу, ее зовут Галина...». А **Саня** прибавила: «Дорогая Нина Юльевна. Как Вас здесь дожидаются все, так, как мы с Вами в Москве Соню ждали каждый день». 28 марта **Соня** написала: «Дорогая милая мамочка... Я гуляю на дворе в валенках, а сегодня очень тепло, так что я не гуляла, (т. к.) зимние калоши мне малы... Мне сапожник починил валенки и черные ботинки, и я их ношу. У нас вчера и позавчера проделывали дорогу в лес, и сегодня возили дрова. До свидания. Соня». И в том же письме папе: «Дорогой папа. Сегодня у нас мыли полы, и у меня тоже вымыли, и стало очень чисто. Напиши письмо, пожалуйста. Соня»; и **Ваде**: «Дорогой Вадичка, я давно так тебя не видела, что мне хочется, чтобы ты с мамой приехал сюда. Напиши письмо. Соня» [39].

20 марта/2 апреля **Софья Петровна** писала **Нине Юльевне**: «Милая, дорогая Нинушечка... **Жду, не дождусь тебя.** Когда приедешь в Вологду, остановись у нас на Архангельской, где Володя и Ларя (Зубовы), будут рады тебя видеть. Телеграмму лучше всего подать в Кузнецово через Пельшемский Совет, куда мы платим за письма и проч. 10 р. в месяц, но из Кадникова трудно и очень дорого нанимать, так что это ни к чему... У нас зимний путь, а там на санях очень худо, но все-таки как-нибудь, но проехать нужно. (*Далее по-французски*): **Мы не можем ничего продать, все на учете: мебель, посуда, даже до кухонной, не говоря об усадьбе.** Я Мише (Михаилу Юльевичу, на имя которого уже давно было записано Кузнецово) **писала, что у него ничего нет**, но что музыкой он может приобрести (то), что стоит Кузнецово. Господь милостив, я и отец здоровы... Я крепко целую тебя и Володю с Вадей и благословляю. Будьте здоровы, помоги вам Бог в ваших делах. Любящая С. Зубова. Тороплюсь писать, письмо надобно отправить в Поповское, завтра идет почта» [3].

В Пост Нина Юльевна приехать в Кузнецово не смогла, надеялась, что на Пасху она будет более свободна, и тогда уж обязательно приедет.

28 марта/10 апреля **Софья Петровна** написала **дочери**: «Милая Нинуша. Очень рада, что получила нашу посылку с Михаилом Мезенцевым; я еще послала тебе то же самое с Комарихиным. Напиши, когда получишь. Лишнее детское драповое пальто Ларя (Ларисса Юльевна) отдала для Сонечки, которое совсем (ей) впору и приличное... Я ее также просила и дала мерку с ноги Сонечки, чтобы купила ей башмаки или заготовку... Все ждем тебя, дорогая моя. Сейчас убираем дом к Пасхе. Целую тебя, дорогая. Володю и Вадю. Спаси вас Господи! Любящая тебя С. Зубова» [3].

9/22 апреля **Софья Петровна** опять послала **Нине Юльевне** письмо, потому, что и на Пасху она приехать в Кузнецово не смогла: «Христос воскресе! Милая, дорогая моя Нинушечка, Володя, Вадя, поздравляю со светлым праздником. Как вы его встретили? Пасху мы встретили хорошо: была белая булка (Оля давно еще послала 3 фунта муки) вроде кулича с завитушками, пасха очень вкусная, крашеные яйца. Было несколько свежих яиц и старые, хорошо сохранившиеся. Евгения, конечно, берегла для Пасхи, и нам редко когда давала. Еще была телятина: умная коровка за две недели до Пасхи отелилась. Видите, как мы пируем. Очень жаль вас, дорогих моих; может быть, голодаете? А мы не можем с вами поделиться. Напиши, получила ли ты в третий раз (*далее по-французски*) **два хлеба** с Комарихиным из Тыркова? Хотя ты собиралась к нам приехать, но я все думала, что тебе не собраться; нужно, конечно, покончить, как следует, свои дела. Маше (Марии Юльевне) сказали, что **нас не выселяют**, ...так что приезжайте к нам, будем вместе делить и радость, и горе, и пищу. Так

давно вас не видела, *жажду вас видеть и обнять*. Необходимо тебе и Володе отдохнуть... Башмаки после Вадички починили Соне, и потом суровые после Вадички впору Соне, а новые не впору. Калоши у Сони есть, но, но входят на суровые ботинки, а на кожаные нет. Эту неделю Сонечка не выходила гулять, было очень сырьо; будет ходить в бурнусе и под низ надевать что-нибудь... Когда пройдет Сухона, то пойдут пароходы, лучше всего и ближе на пароходе... Не пригодится ли Вадичке папочкин темно-синий кафтан? У него есть три кафтана, и этот он никогда не носил. Завтра отпарим его, напиши, если нужно, то пошлю почтой. Мой долг Вадичке постараюсь послать, как только получу деньги от Лари (Лариссы Юльевны) из Вологды (плату от жильцов в маленьком домике Зубовых). Крепко целую вас, дорогие мои Нинушечка, Володя и Вадя. Не забывайте нас, стариков...» [3].

В апреле *Соня* написала *маме*: «Христос Воскресе! Дорогая и милая мамочка! Целую тебя и поздравляю с праздником Пасхи. У нас около амбара лужайка. На дворе большие лужи, а на пруду – целый океан. Наш работник-мальчик поймал шесть карасей, они выплывают наверх... До свидания. Соня». На обороте она нарисовала акварелью три цветных яйца (желтое, розовое и голубое) и написала: «Христос Воскресе! Милые папа и Вадя. Напишите мне письмо. Я нарисовала вам всем 3 яйца... Соня». А в *следующем письме* сообщила: «Милая мамочка. Я себе шью фартук, его обшиваю бархатом черным с оборкой. К нам по праздникам приходят деревенские девочки из Великого Двора (близкой деревеньки), и мы с Ниной Шеиной с ними играем, ...а еще Морозовы два к Володе, и всем нам здесь весело. *Когда ты приедешь? Все обещаешь, а сама не едешь*, и потому *мне скучно без тебя*. Мы с бабушкой и с дедушкой, может быть, летом будем говеть. Говеть то обязательно, а когда не знаем; я бабушку просила с детьми, но она мне не позволила. Пасху мы провели хорошо. У нас было: белый кулич, потом пасха, яйца, печенье, конфетки, посланные тетей Олей (Ольгой Юльевной) и телятина (закололи нашего теленка). У нас сперва родился у Пеструшки, потом у Быстрой. Одного остали... Дорогая мама, приезжай поскорее обязательно... Мне хочется, чтобы ты приехала с папой и Вадей сюда... Соня-глупоня. Мне бабушка подарила красный футляр, он очень красивый. Соня». А потом *написала еще*: «Милая мамочка! Я живу хорошо... Я читаю книги из столовой с полки, они очень интересные. Я сейчас читаю «Дети богача «Домби и сын». У меня длинная коса. Я заплетаю косу наверх бантом... Милый Вадичка, напиши мне письмо; я давно хотела получить от тебя. Я читаю интересную книгу. Я сплю в тети Олиной комнате, а в дяди Мишиной Нина (Шеина) и Ларя (дочь Петра Юльевича), они ходят в школу с Милицей (Шеиной) и с моей троюродной сестрой Лёлей Макшеевой. Ты, наверное, ее знаешь, которая приезжала к нам с дядей Митей (Дмитрием Сергеевичем Макшеевым). Поцелуй папу. Я больше писать не могу. До свидания. Соня» [39].

Нина Юльевна 19 мая писала *Соне*: «Моя ненаглядная, спасибо за письма. Очень интересно. Пиши обо всем. *Пока билетов не продают*, а как начнут продавать, то и буду собираться. Вадя поправился, бегает по двору. Погода хорошая, хотя и холодно. Я очень скучаю по тебе. Целый день хозяйничаю и очень устаю, так что на службе даже отдыхаю. А ты у меня хозяйственная, и будешь вести хозяйство в будущем году. Крепко целую тебя, мое золото. Любящая мама. Папа и Вадя целуют. *Живи спокойно*, мое сокровище, слушайся бабушку, не бегай далеко одна с детьми, береги свое здоровье, а *мама приедет, когда Бог велит*. и после уж мы *не будем разлучаться*... Еще целую много раз, мою золотую Сонечку. Любящая мама» [3].

Соня сразу ответила: «Милая мамочка! Когда я прочла твое письмо, то очень *обрадовалась, что ты скоро приедешь*, мое золотце. Мне бабушка сказала, что у Вади корь; тогда, наверное, он долго проболеет, несколько недель. Я уж давно хожу в драповом пальто, а два раза совсем без пальто ходила, когда мы ограбили. Мы уже ограбили весь сад... Дети ходят в школу, они приходят в два часа дня. Встают рано, когда я еще сплю, и не слышу, когда они уходят. До обеда дети учат уроки, а после обеда мы идем на двор играть, «из круга выжигать», это так называется игра, и я очень быстро бегаю. И еще уходим играть после вечернего чая. Один раз после вечернего чая мы играли в «заколотки» очень интересно, тогда было темно... Все мне опиши подробно, дорогая мамуся. Дай Бог, чтобы Вадя скорей поправился, и вы бы приехали сюда. Твоя дочь Соня» [39].

20 мая/2 июня *Софья Петровна* написала *Нине Юльевне*: «Милая Нинуша, посылку твою для Сонечки Ларя (Ларисса Юльевна) переслала только теперь в Кадников с одним

знакомым, и на днях мы (ее) получим, т. к. Иван едет в Кадников. Пальто от Лари Сонечке я променяла на шерстяной шарф, из которого Ларя сделала два шарфа для своих детей. От Лари получила сегодня письмо, пишет, что привезет с собой ботинки Сонечке; она надеется получить отпуск в середине июня. А что это будет стоить – не знаю, она заплатила из моих денег (из платы от жильцов). На днях мы получили *из потребительской лавки* (советской): *по жребию нам достались калоши и башмаки сшитые*, которые мы назначили Сонечке, хотя они и велики ей, но можно в носок положить ваты. У нее только одно: башмаки кожаные и суровые после Вади ей узки, не может носить. Теперь с Ларинами будут двое, в случае можно будет одни отдать Ваде. Башмаки здешние стоят 110 р., которые я и уплатила. Денег за это не посыпай, у меня есть, а вам нужно немало, да еще с болезнью Вадички; не шутка нынче прокормить на курицах. Вадю целую... Очень рада, что *корь у Вади прошла, но с кишками*, вероятно, это *осложнение после кори*. Лучше ли ему? Видно, *судьба оставаться в Москве*. Сонечка здоровья. ...пожалуйста, не посыпай денег, а когда понадобятся, тогда дело другое, могу попросить помочь... Теперь давно тепло, и *дети, и Сонечка*, все *ходят босиком*. Кафтан папочки берегу для Вади. Какие ужасы, как ты пишешь, ...в Москве. (Далее французскими буквами): *Я хотела послать опять тебе с нашими соседями, но опоздала, он уехал раньше; нашу посылку не взял бы, потому что и его провизию не принимают на железной дороге, а только один хлеб*. Очень жаль, что ваш театр не приедет в Вологду на гастроли. Знаю, что ты рвешься на части, измучилась; помочь не могу, только молюсь за Вас, чтоб Бог сохранил Вас здоровыми. Совсем не в мрачном свете ты написала прошлое письмо; ведь правда, что *зимой ждет опять голод и холод*, а денег, *сколько бы не получали, может и не хватить* при такой дороживизне. У Сонечки теперь 30 р., т. к. я заплатила всем детям за чистку сада. Очень грустно, что не могу Маше (Марии Юльевне) помогать, состарилась; только дома хлопочу, чтобы все было в порядке, да еще чиню белье...» [3].

И в следующем письме от 21 мая/3 июня: «Милая, дорогая Нинушечка, 17 мая по ст. стилю получила посылку с Сонечкиными вещами и игрушками, которым она была очень рада. Получила 40 р., благодарю тебя, но я тебя просила мне не посыпать денег. 19 числа по ст. стилю получила повестку на 200 р., и думала, что это Оля (Ольга Юльевна) послала мне и Маше (Марии Юльевне). Сегодня получила твое письмо, и ты пишешь, что посылаешь мне 200 р., это меня очень удивило. Миша (Михаил Юльевич) предлагал мне послать денег, но я его просила не посыпать мне, а поберечь, мало ли что может случиться. *Насчет земли*. Мы ничего сами не можем брать, *нам дали по одной десятине* в поле. Нынче у нас ржи будет с двух десятин; при хорошем урожае это 200 пудов, а ныне мы *засеем* только одну десятину ржи; *овса посеяли 10 пудов, ячменя 5 пудов и 1 пуд 10 фунтов льняного семени*. (Как вспоминала Софья Владимировна Герман, «оставили только столько земли, сколько жило людей, но с условием, что сами все будем обрабатывать...16-летний Володя Зубов пахал, боронил» [1]). Сенокосу еще не знаем, сколько дадут. Который раз я тебе пишу, что ты мне ровно *ничего не должна за Сонечку*. Сонечка наша. Милая Нинуша, ты совершенно напрасно беспокоишься. ... мы *прекрасно живем с одной прислугой*. Спальни дети сами убирают, каждая свою, метут, стирают пыль, приносят себе воду. Даже Сонечка часто метет свою комнату, ложится спать одна без помощи, и кровать свою убирает. Когда Машутка пилит или в огороде, то *дети подают завтрак*, дежурят, и *моют посуду*. Эти дни дети *работали в огороде*, делали гряды, садили картофель, и Сонечка загребала картошку. На прошлой неделе Машутка со Степаном возили навоз в огород, так *дети вымыли весь дом*. Видишь, как мы нынче живем, совсем по времени. Я сама ничего не могу делать тяжелого, так по дому навожу порядок, шью, чиню белье... Об башмаках Сонечки я тебе писала... Теперь очень тепло, и все *дети ходят босые*. Я и папочка здоровы. Крепко целую тебя, дорогая моя, также Володю. поблагодари его за желание нам помочь. Пока, благодаря Богу, у нас есть деньги. Целую Вадю. Будьте здоровы, пошли вам Господь счастья и спокойствия. Любящая вас С. Зубова». Приписка: «Оле (Ольге Юльевне) не успела написать, весь день была занята, готовила сетки для окон, т. к. настало время появления комаров... Еще раз целую вас, вечером непременно молюсь об вас. Здесь вот какие цены: один человек с лошадью в день стоит 160 р., но его надоено еще кормить и лошадь тоже» [3].

А Соня написала: «Милая мамочка! *Бабушка благодарит тебя за деньги*. Она говорит, что напрасно ты их послала, потому что они тебе самой бы понадобились. Я посыпку

получила с игрушками и куклой. Ты мне написала, что не обижайся на маму, а я, напротив, очень даже *обрадовалась* светлячку и *старым игрушкам*. Мы с Ниной Шеиной сегодня мыли весь балкон. Скажи папе, чтобы он мне написал письмо... Целую в щечки, ручки, в носик, в лобик. Твоя дочь Соня» [39].

Летом (в конце июня) Софья Петровна поздравила Владимира Казимировича и Вадю с Днем Ангела: «Будьте здоровы и благополучны. Юлий Михайлович и Маша (Мария Юльевна) также Вас поздравляют и желают всего наилучшего. Пока мы живы и здоровы. Теперь у нас *сенокос*, погода самая благоприятная... (Как вспоминала Софья Владимировна Герман, Володя Зубов косил траву, также в саду, в огороде и во дворе, а все девочки сенокосили.) Все *дети помогают, гребут, складывают копны и носят на конюшню*. Сонечка с Ниной Шеиной на граблях носят тоже копны, но маленькие, и очень мило их видеть, как они работают. Дети встают рано в будни, часов в 7-мь. Будьте здоровы. Любящая Вас С. Зубова». Приписка: «Милый Володя. Ларя (Ларисса Юльевна) едет сейчас в Вологду, и я просила ее послать тебе Юлия Михайловича суконный фрак с жилетом, очень хороший. Если он тебе не годится, то можно его променять на муку или какую-нибудь провизию. Ты не обидься этому подарку, ведь я смотрю на тебя как на близкого человека. Между близкими людьми не может быть обид. Целую тебя, Вадю и Нинушу» [3].

А Сонечка написала: «Дорогой папа и Вадя. Поздравляю вас с Ангелом и желаю успеха в делах. Мы пока все здоровы. У нас воруют пошебонские яблоки, так что мы взяли, да и сбили их. Нынешний год яблок очень мало. *Мы теперь купаемся в огородном пруду*, и я купаюсь, держась за плот, бултыхаю ногами и так окунуюсь или же встаю на дно... Нам дали 4,5 десятины косить. Целую маму и Александру Густавовну. Больше писать нечего, никаких новостей не знаю. До свидания. Любящая Вас Соня» [39].

Видимо, Нина Юльевна никак *не могла выехать из Москвы*, потому что 10/23 июня Софья Петровна написала *дочери*: «Милая Нинушечка, получила твоё письмо от 5 мая... Меня тревожит, что ты волнуешься, что делать? Конечно, при таких обстоятельствах, как теперь везде, трудно ехать куда-нибудь. Я не унываю, но все же *грустно, что нельзя повидаться со своими детьми*, столько затруднений. Я не буду просить (далее французскими буквами) *сертификат у волости, потому там относятся к нам враждебно*. На днях поедет в Москву Мезенцев (далее *по-французски*), брат Михаила Александровича, я попросила, чтобы он взял хлеб и немного крупы для тебя. Он согласился. Хлеб, молоко, яйца и картофель есть на этот месяц, а выменивать лишнее из одежды у нас нет, наш гардероб очень ничтожный... Теперь все крестьяне богаче нас, имеют по нескольку тысяч. Мы здоровы пока, все сыты... Будьте здоровы, дорогие мои Нинушечка, Володя и Вадя, целую и благословляю. Всего хорошего, успеха в делах...» [3]. Соня вложила в конверт свое *письмо*: «Милая мамочка. Бабушка тебе посыпает каравай хлеба и овсяной крушки с Александром Мезенцевым. Когда ты получишь, то напиши нам письмо. *Мы начали сенокосить* в поле, с поля возят к нам на двор, на дворе мы сушим, а со двора носим на сеновал, и *мы с Нинусей Ш.(ейной) носили копны большие на граблях*. Нам эти копны делали из ограбков сена. В Великом Дворе (в деревеньке) сделали гиганты (карусель «гигантские шаги»), и мы после вечернего чаю ходим бегать на них. Я учусь бегать или же меня выносят. Но мы не каждый день ходим. Бабушка дала им кольца и вертушку, а ихние столб и веревки... Целую в щечки, в губки, в ротик, в ручки, в носик. Любящая тебя Соня». Приписка: «Дорогая Золотая Мамуся. Месяц и число снегом занесло. Поцелуй папу и Вадю. Поклон от меня до земли» [39]. Софья Владимировна Герман вспоминала, что она «была самая младшая, но с 7-ми лет с Нинусей Шеиной всегда собирала грибы». Каждый день они должны были в большом саду собирать их все и вычистить, т. к. «все были заняты другими работами. И если всегда супы из свежих грибов и жареные (тоже)» [1].

14/27 июля Софья Петровна написала Нине Юльевне: «Милая Нинуша... Напрасно, дорогая, все беспокоишься обо мне и папочке, пока мы, слава Богу, здоровы... Теперь мы кончаем здешний сенокос, а потом нужно ехать на пожни... ныне там сухо, воды нет. Как бы ни желала тебя видеть, но не буду выдумывать никакой телеграммы о болезни и смерти чьей-нибудь... Сейчас приходил Степан, наш работник, и говорит, что твой муж Володя приходил к Мезенцевым и просил их увезти Вадю к нам, но что *Ваде не дали пропуска*, что очень жаль. Из этого я заключаю, что Мезенцев принес тебе мою посылку... *Вот еще очень важное...* Убедительно прошу тебя, *молись Блаженной Ксении*; она так скоро помогает, кто обращается

к ней с верою... Я давно молюсь ей, и постоянно вижу ее помошь. Еще раз целую и благословляю. Любящая С.Зубова» [3].

Сонечка тоже написала **маме**: «Милая мамочка, напиши мне письмо. У нас каждый день ужасная жара. Мы с Ниной Шеиной сделали юрту, но только помогал нам Володя Зубов. Приезжай к нам поскорее... У нас уже давно повесили полога (от комаров). В следующее воскресенье пойду в гости к няне, она тебе кланяется. Мы вчера ходили к обедне, и в церкви была няня. Ее Галину я держала на руках, и она у меня не плакала. Когда я пойду в гости, то какую-нибудь игрушку ей подарю. Она прямо умница: когда ее причащали, то она плакала тихо совсем, а была у Милицы на руках. Потянулась к маме, а няня передала ее мне, и она от меня никуда не просилась. Поклон всем вашим. Крепко целую. Любящая Соня» [39].

В середине августа 1919 года **Нина Юльевна увезла Вадю санитарным поездом в Вологду**, а затем **привезла в Кузнецово**. В Москве зимой у него **от холода в квартире распухали руки, и было очень голодно** [1].

20 августа **Владимир Казимирович** написал **Нине Юльевне**: «Дорогая Нинушечка. Надеюсь, что ты уже в Кузнецово. Я все сделаю, как ты просишь... Когда я пришел домой с вокзала к себе, то мне сказали (видимо, хозяйка квартиры Александра Густавовна Третьякова), что **Николай Николаевич** (ее сын) временно **будет жить со мной**, а потом будет в Лизиной (дочкиной) комнате. **Я ему уступил свою кровать**, а сплю на твоей... Да еще и внук Котя, кажется, хочет перебраться к бабушке, т. к. его со службы прогнали, и дядюшка его хочет выдрать кнутом за вранье, но бабушка возмутилась, что больного мальчика можно бить и хочет взять его к себе. А сама всегда говорила, что нужно Вадю драть, а как хотели так сделать с Котей, то возмутилась. Противно... Как вы доехали? Скорей напиши мне. **Боюсь, что вы наголодались в дороге**. Если можно будет, то я тоже приеду на время отпуска, если в этом не помешает мне Художественный театр... Комитет хлопочет нам всем право выезда из Москвы на время нашего отпуска... в конце августа, т. к. погода скверная и в театре холодно. ... Напиши мне подробно, как живут в Кузнецово и как их здоровье? Мезенцев теперь в деревне, и он тебе поможет что-нибудь купить. Не забудь про овсянку, **в Москве все опять дороже стало**... До свидания. Целую вас всех. Как Соня? Как мне очень хотелось бы хоть на несколько дней съездить к вам. Целую тебя, Вадю и Соню. Привет всем. Любящий вас Володя» [3].

Супруги Германы, как свободные художники-музыканты, были зарегистрированы в Бюро Музыкального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению, и **искали работу в разных городах** [1]. 23 августа **Владимир Казимирович** написал: «Милая Нинуша, нам есть серьезное **предложение ехать во Владимир**. Это город по Нижегородской ж. д. на реке Клязьме и стоит в сосновом лесу. Предлагают мне **место заведующего Музыкальной школой** 1-ой ступени и **преподавать виолончель**, а тебе (**место преподавателя скрипки**). Жалование заведующего 2400 р. и за преподавание 1440 р. (12 уроков). Скрипичный преподаватель, т. е. ты – 2880 р. Это старые ставки, но они будут механически повышенны по Новому декрету, причем только скинут 10%.... Музыкальная школа 1-ой ступени только что открывается, и уже утверждена смета на полгода с 1 июля до 1 января... Относительно продовольствия, то там есть все, конечно, дешевле... Что особенно хорошо, то это молочные продукты... Затем, очень много можно играть в концертах. ... вот мое предложение: если **Николай Николаевич будет жить зиму, то квартиру не реквизируют**, т. к. **он красноармеец**, и мы можем оставить все на месте (рояль и мебель), ну а если бы пришлось что-нибудь предпринимать для перевозки... то с Москвой из Владимира можно говорить по телефону; ... это близко (180 верст), 5 часов езды... Мне лично и хочется, т. к. нам **будет трудно в Москве с детьми**, а, с другой стороны, жалко только Художественного театра, ... оркестр не увеличивают, так что ты не рассчитывай... Мне придется туда съездить 7 сентября, т. к. там день пропаганды Советской власти, и нужно обязательно устроить там концерт... Заместителя (жене в оркестре Оперы Народного Дома) я не нашел, так что ты только не получишь за две недели 800 руб. Деньги я тебе вышлю 1000 руб., мне обещал дать Николай Николаевич. Пожалуйста, трати побольше, ты **должна** за это время **подкормить себя и Вадю**. Главное быть здоровой, а мы заработаем.... Есть для нас на примете особнячок в две комнаты и кухней, очень уютный и теплый с обстановкой и роялем... Живу я ничего, всего задолжал только 200 руб., кормлюсь хорошо... До свидания. Целую всех. Любящий Володя. Р.С. Нина, если мы поедем, то тебе надо начать заниматься, т. к.

рассчитывай, что ты будешь много выступать. Начни уже там в Кузнецово. Пожалуйста, покупай всё: яйца, масло, и хорошенко питайся» [3].

25 августа **Владимир Казимирович** получил письмо от Нины Юльевны из Грязовца и *переслал ей письмо руководителя Симфонического оркестра в Костроме Б. Федорова. Во Владимире*, как писал Владимир Казимирович, «обещают найти и квартиру, и помочь устроиться... платить с сентября, дать подъемные... Устраивать концерты мы будем *сами*, так что и плату за участие выработаем. **Жаждут все музыки страшно**, так что только успевай играть. Поблизости много заводов, куда тоже можно ездить концертировать. Продовольственный вопрос гораздо легче Москвы... Четверть молока (5 бутылок) стоит 70 р. Картофель и прочие овощи можно запастися с осени... Мы уже нашли учителя пения-итальянца, тенора с хорошим голосом, (который) ...пел во всех европейских театрах, а также еще пригласят пианиста, хотя и там есть целых пять. Думаю, что *если мы поедем*, то сейчас же *устроим трио. и будем регулярно давать камерные концерты*, а также думаю устроить и квартет; там мы будем нарасхват... Через месяц можно будет писать новую ассигновку и открыть школу 2-ой ступени... **В Москве опять хлеб стал дороже**, 50 р. (фунт), картофель 9 р., молоко также, масло больше 300 р. Как мы будем жить с нашими малютками? И холод будет страшный. Отпуск у нас будет после 7 сентября, т. к. это день Советской пропаганды, то, думаю, его используют в театре... Относительно комнаты, Николай Николаевич будет в ней жить, он поступает на курсы, всю зиму проучится, его не выселят... Целую вас всех крепко. Любящий Володя» [3].

28 августа **Владимир Казимирович** снова написал *жене*: «Милая Нина. Вчера у нас было общее собрание (во МХТе), и решили, т. е. постановили, требовать отпуск с 1 сентября. Так как летние сезоны уже кончились, ты пока сиди в Кузнецово, по крайней мере, до 10 сентября... Мне очень хорошо одному. Я совершенно успокоился, и, если бы я был совсем один, то это совсем хорошо было бы. Но меня опять волнуют разные вопросы: *как мы будем жить в Москве зимой? Топлива нет, а жизнь так дорожает*; сегодня хлеб стоил 65-70 руб. фунт. Это после того, как везде хороший урожай; возможно, что через неделю его уже достать нельзя будет, так что все эти прибавки – ни к чему. *Если мы будем жить вчетвером, то нам нужно зарабатывать тысячу 12, а такую сумму нам не заработать, да и, заработав, мы будем голодны.* Уехать бы надо, но куда? Все эти предложения в такие города, как Ярославль, Кострома; не думаю, чтобы там было лучше. Вот во Владимир, я уже тебе писал в двух письмах. Да еще *Капони предлагает в Курск*, говорит, что временно там нет хлеба, но если отъехать на несколько верст, то можно найти по 200 р. за пуд. Конечно, трудно сказать, где лучше, но оставаться и жить в Москве, да еще в этой квартире вчетвером в одной комнате, думаю, будет очень трудно. Жду от тебя известий, как ты нашла их в Кузнецово и можно ли будет оставить Соню, как ты писала мне из Кадникова? Я не знаю, что и предпринимать? Знаешь, когда я был в Музыкальном отделе, то приезжал какой-то *молодой человек* и *предлагал* преподавать рояль и скрипку в *Великий Устюг*. Там, конечно, есть все, в такой город я не прочь бы поехать, но только ему виолончель не нужна... Делай, как знаешь; если можно, то остави Соню там; если найдешь лучшим, то привезешь ее сюда, и, может быть, тогда и уедем куда-нибудь... Только вот как, тебе приезжать теперь или подождать пока выяснится окончательно с нашим отпуском? Мне так хотелось приехать, но это невозможно, т.к. если будем в Москве, то Художественный театр мне не позволит уехать; если же уедем в провинцию, то опять всюду *требуют приехать в начале сентября. Никак не выходит*. Деньги, думаю, завтра тебе послать. Ну, до свидания. Целую вас всех крепко. Будем надеяться, что и эту зиму проживем как-нибудь. Целую всех. Любящий вас Володя. Р.С. Денег мне хотел дать Николай Николаевич, но он не достал сам... Я взял с книжки. Денег 800 р. тебе сегодня послал. Посылаю тебе эти бумаги, может быть, это тебе поможет скорее оттуда выехать, но ты проси билет до Москвы, т. к. здесь твои вещи, поняла?» [3].

Еще одно письмо написано Владимиром Казимировичем 30 августа: «Милая Нинуша. Твое письмо из Кузнецова от 22 и 23-го получил... Отпуск постановили считать с 1 сентября. На понедельник назначено еще собрание... *Предлагает Капони также в Орел в оркестр. В Ярославль предлагает, и тебе место на фабрике*, где будешь получать паек, но я ему еще раньше написал, что *я не поеду*. О Костроме я слышал, ...что они опять будут просить меня туда. Не знаю, что и думать и что предпринимать? От жалования своего мне ничего не

останется, т. к. ты оставила мне всего 60 р., то я и наделал долгов, ведь пришлось жить две недели... Если мне удастся, то попытаюсь приехать на несколько дней в Кузнецово. Ты раньше числа 7-8 не выезжай. Ну, желаю всего лучшего. Ты купи масла, можно, пожалуй и постного, там оно хорошее. Целую всех. Любящий Володя» [3].

В 1919 году решением Советского правительства МХТу было присвоено звание «Академического» [44]. 1 сентября **В.К. Герман** написал жене: «Вчера у нас было вывешено Постановление, что **7 сентября в День Советской пропаганды мы все будем мобилизованы**, ...так что отпуск, наверное, числа с 8-го. Ты сиди до этого числа в Кузнецово. Буду просить Сергея Николаевича, может быть, он мне устроит что-нибудь, и я смогу уехать теперь же в Кузнецово... Художественный театр нас известит, когда нужно будет приходить... Я еще постараюсь тебе выслать денег. Всего лучшего. Целую всех. Любящий Володя. Притиска: «**Милая Сонечка**. Вот ты **обрадовалась маме**, ты ее и не ждала так скоро увидеть. Надеюсь, что ты вернешься с ней вместе в Москву, только у нас насчет питания хуже, чем у бабушки. До свидания. Целую тебя. Поцелуй маму, Вадю, бабушку и дедушку. Твой папа» [3].

Нина Юльевна советовалась с мужем относительно работы в Костроме. Там её с нетерпением **ждали и Музыкальной школе, и в Народной консерватории**, где учились ее бывшие ученики. Они писали: «Все мы трое с должным рвением примемся за преодоление трудностей скрипичной техники..., **лишь только приедет к нам уважаемая наша преподавательница скрипки**, необходимая нам, как воздух... Выражаем самую живейшую надежду вновь отдаваться совместной с Вами работе в любимом искусстве и просим Вашего супруга не только отпустить Вас к нам, но и самому приехать в Кострому в качестве преподавателя по классу виолончели и солиста в нашем симфоническом оркестре». Ученики заверили Нину Юльевну, что, «дети Ваши будут обеспечены и не умрут голодной смертью; ...вероятно, есть возможность, как бы фиктивно Вас прикомандировать к военной части, а дров... можно дать казенных... Перед нами настолько ясно встал вопрос Вашей незаменимости...» [13]. **Владимир Казимирович** спрашивал: «**Какой** приблизительно твой будет **там заработка**, и одна ли ты преподаешь на скрипке или еще есть кто-нибудь?» и сообщил: «**Оперы в Народном Доме не будет**. Твое жалование и **ликвидационные деньги мне не выдадут**, т. к. нужна доверенность с удостоверением домового комитета, а также нужно еще, чтобы ты выписала полностью твою сумму. ...тебе нужно за деньгами приехать самой. Я всего получил жалования... 4608 р. Из этих денег я заплатил Лизе 1950 р., т. к. уже успел за эту неделю сделать новых долгов... Вчера Ольге (Юльевне) дал 1000 р., т. к. они едут в Камышин и, может быть, чего-нибудь привезут. Сейчас думаю послать мамочке 1000 или 500 р. Затем Ольга (Юльевна) нам купила пшена 5 фунтов по 65 р. = 325 р. Деньги я очень берегу, и никуда не трачу. Я служу в **Художественном театре и в 7-ом кар.(?) бат.(альоне)**. Там я получаю красноармейский паек, так что, пожалуй, мне и хватит. Мне говорили, что **нужны музыканты в Советскую оперу**, и мне, кажется, предлагают, но я думаю, что **туда не стоит**. Тебе, тоже самое, возможно, было бы там устроиться..., но думаю, что хорошие места заняты уже... Затем, вчера мне предложил Василий Васильевич **Небольсин** (наш хормейстер), что в **Литературном Художественном Кружске** на Малой Дмитровке будет драма, и он **предлагает** мне и тебе, и еще нашим музыкантам **играть** там. Он написал музыку к драме, и будет дирижировать, так что, я думаю, **мне это большие подойдет, чем опера**. Вот **все это взвесь и решай сама, где тебе быть?** А за жалованием (в Опере Народного Дома) надо скорее приехать. Желаю всего лучшего. Целую Володя. Привет всем» [3].

Сезон 1919-1920 годов в Костроме, Москве и Кузнецово.

Нина Юльевна приняла решение ехать работать в Кострому. Остановилась у старой знакомой Лидии Дмитриевны Славчинской. Помимо преподавания она заняла **должность концертмейстера первых скрипок в Симфонический оркестре** города Костромы [1]. **Вадя и Соня остались в Кузнецово** у бабушки с дедушкой, вместе с другими двоюродными сестрами и двоюродным братом Володей. Теперь письма из Кузнецова 10-летнего Вади и 9-летней Сони шли маме в Кострому, а папе в Москву.

31 августа **Соня** написала **маме**: «Милая мамочка. Мы с **Вадей за рыжиками ходили** очень далеко, на Пенье, а когда пришли, то очень устали и хотели есть. Там поели немного

брусники. Я рыжиков нашла мало, по маленькой корзинке своей, Вадя немного неполную, а тетя Маша (Мария Юльевна) четверть большой корзины. Там я канавы переходила по колено (босиком). Потом, когда пришли, то я сказала Ваде, чтобы он надел башмаки, и он надел, и я надела. После обеда пошли играть в индейцев, а как вернулись, то сразу Вадя с Нинуськой стали играть в морскую игру. Соня» [39].

12 сентября *Соня* опять написала *маме*: «Милая мамочка. Как я люблю тебя и поэтому пишу тебе все подробно. Вчера я *ходила в школу*, и там страшно душно и воняет от девчонок грязными ногами, потому что они ходят босиком и в грязном платье. Я сказала, что я бы стала лучше дома заниматься, но тёнтик (тетя Мария Юльевна) не позволила. *Мама*, ты мне *позволь заниматься дома*, а не ходить в школу... Как ты получишь это письмо, то сразу дай ответ: *устроилась ли ты? Если устроилась, то приезжай за нами...* Целую тебя крепко, крепко и желаю всего хорошего... В школе очень много учеников. Соня» [39].

В этот же день *Вадя* написал *маме*: «Дорогая мамочка. Я *хожу в школу* каждый день... Евгеша (кухарка Евгения) дает нам по пряженику и по куску хлеба. Мы ходим с Володюшкой (?) и Ниной (Шеиной), приходим туда в 9 часов... Там очень душно, окна не отворяются, и воняет от грязных ног. У девчонок и мальчишек вши так и падают. Мальчишки только дерутся. Тёнтик (тетя Мария Юльевна) нам велит в школу ходить, но хотя в школе и чисто, но все-таки ужасная духота. ... Уходим (из школы) в 3 часа, как приходим, так сразу и обед... Мы дергали свеклу, копали картошку... До свидания, милая мамочка. Любящий тебя Вадя». И *папе*: «Дорогой папа, крепко тебя целую. Я хожу в школу, а Соня не ходит. Крепко целую. дорогой мой папа. Любящий тебя Вадя» [39].

Владимир Казимирович 17 сентября написал *Соне*: «Милая Сонечка. Поздравляю тебя с прошедшим Днем Ангела. Как ты провела его? Ходишь ли в школу и как учишься? ... Пиши мне почаше, а то мне одному очень скучно. Получаешь ли ты письма от мамы? Она одна сидит в Костроме и, наверное, тоже скучает. *В Москве насчет продовольствия очень плохо, и будет зимой холодно, т. к. дров ни у кого нет.* Жду от тебя писем и от Вади тоже. Надеюсь, что вы дружно живете. Целую вас обоих. Ваш папа. Поцелуй от меня бабушку, дедушку, тетю Машу и всех детей» [3].

Соня ответила *папе*: «Дорогой мой папулинья. Извини, что я тебе не написала. Маме послала три или два письма, а тебе ни одного. Целую тебя крепко, крепко. Когда будешь писать маме, то поцелуй ее от меня. Я не хожу в школу, оттого, что мне бабушка не позволяет, у меня нарывы на подбородке и не проходят. До свидания. Твоя Соня». И *маме*: «Милая мамочка! Как мне без тебя скучно, так что *приезжай поскорее* к нам в Кузнецово. ... я *тебя жду с нетерпением*. В комнате я всегда прибираю, и всегда бывает чисто. Поздравляю тебя со своей дочкой Соней, ...именинницей. Мне проводить именины скучно, потому что тебя нету. Я все сижу в своей комнате и читаю. Вадя прочел «Домби и сын» и сейчас читает «Оливер Твист» в той же книге и другой роман. Дорогой маме писала Соня» [39].

По всей видимости, *Владимир Казимирович*, получив отпуск, все-таки *съездил в Кузнецово*, потому что 26 сентября написал *жене*: «Дорогая Нинуша. Доехал я вполне благополучно, все привез... Был в Художественном театре, ... буду получать там только с 20 сентября. Жалование (твое) в Народном Доме еще не получил... В понедельник нужно сходить в 7 бат.(альон), там будет собрание. Если там устроится, то *Художественный театр* и этот (*7-ой батальон*) *дадут возможность просуществовать*, ... пока *буду в Москве*. Напиши мне, когда думаешь приехать за жалованием, если мне нельзя получить за тебя. Привет Борису Александровичу (заведующему Симфоническим оркестром Костромы Федорову). Целую тебя крепко. Твой Володя» [3].

27 сентября он послал *жене еще*: «Милая Нина. ... приезжал *Антонов из Ярославля*, и *усиленно зовет меня туда и тебя*. 1) Помимо школы, мы с тобой приглашены на фабрику, где будем получать паёк. 2) Ведут переговоры..., где требуется виолончель, плата продуктами. 3) На железной дороге место преподавателя тоже за мной... Кругом деревни, где можно все за деньги достать. Так что, *если я поеду, то*, пожалуй, *в Ярославль лучше всего* – и близко от Москвы и Кузнецова. Если худо будет в Костроме, то переезжай в Ярославль. *У нас в квартире жить отвратительно*. А.Г. (Третьякова) придирается, и надоела страшно. Лиза (ее дочь) служит, так что *самому придется готовить*. Плита редко топится, а дров у меня на «Пчелку» совсем нет, и вот это выйдет, что целый день опять возня с кухней, а *заниматься*

нельзя будет. *Топить зимой, вернее, не будут...* Вот *все*, что *меня заставляет подумать об выезде из Москвы*. Подумаем хорошенько об этом. Вещи, думаю, можно оставить у Николая Николаевича в комнате... Сижу без денег... Не знаю, как тебе приезжать в Москву, если там будет плохо? ... *Жду от тебя писем с нетерпением*. Как то тебя встретила Кострома, нашла ли там то, что желала?... Целую крепко. Любящий Володя. *Приписка*: Лиза мне насытила сухарей до 3-его. Получен сахарный песок, соль и конфеты. ... Надеюсь, что ты уже в Костроме. До свидания. Целую. Володя» [3].

Софья Петровна 27 сентября/6 октября тоже написала *дочери*: «Милая Нинушечка, благодарю тебя за поздравление (с Днем Рождения). Восемь твоих открыток и письмо получила. Очень жаль тебя, что в *Костроме неважно насчет питания*. Долго ли ты думаешь тут остаться? Дети здоровы. *Вадя* ведет себя пока хорошо, слушается, *ходит в школу*, но как учится, не знаю; уроки дома не готовит, а говорит, что после учения заставляют приготовлять уроки к следующему дню. *Соня* была только один раз в школе, больше *не хочет ходить*; говорит, что там очень душно и из класса не выпускают. Я ее не принуждаю, потому что теперь у *нее золотуха* около рта и на руках еще не прошла, а в школе пыльно, и грязными руками она бы хваталась за лицо. Завтра Маша (Мария Юльевна) едет в Кадников и купит рыбьего жира; говорят, что он есть в больнице, и пусть Сонечка его принимает. Ты напиши ей, чтобы принимала. На ночь заставляю детей молится вслух. Вадя пока нас слушает, ничего нет худого. Ноги мои все также, иногда очень болит колено правой ноги, а так здорова. Папочка тоже здоров. *Приезжал агент насчет хлеба*, не знаю, возьмут ли у нас или нет, ничего не сказал. Живем, как при тебе... Пиши мне. Начались ли у тебя уроки и прочее, и как твой палец, прошел ли или все болит, и, вообще, там нашла, что ожидала? Крепко целую тебя, дорогая моя. Благослови тебя Бог. От Володи получила два письма, доехал хорошо. Дети пишут, Маша (Мария Юльевна) и папочка целуют. Не забывай молиться. Любящая тебя С.Зубова. Дети целуют тебя, оба написали письма папе» [3].

В этот же день **Софья Петровна** послала письмо **Владимиру Казимировичу**: «Милый Володя, письмо твое и поздравление получила, благодарю, что пишешь... Тебе *спасибо, что помогал нам в Кузнецово*. Я очень рада, что ты был у нас, *мы тебя любим*, и ты люби нас. От Нины получили несколько открыток с дороги и по приезде в Кострому... Грустно, что все мои дети нуждаются, и нечем помочь им существенным образом... Здешние, что приезжают с работ на побывку домой, посылок не берут; своего провианта берут много... Мне тоже кажется, что *Нина не нашла того, что ожидала в Костроме*. Хорошо, что *Славочинская встретила Нину по-родственному*, и Нина будет у нее обедать; по крайней мере, не возиться со стряпней, к чему она совсем не способна... Будь здоров, целую тебя, пиши и не забывай нас. Любящая тебя С. Зубова» [3].

2/8 октября **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Милая Нинуша. Получила твою открытку и три письма, одно заказное. Я и дети писали тебе в Кострому; верно, письма идут тихо. Пока мы живем еще во всех комнатах, т. к. еще не холодно, хотя немного и топим... Дети слушаются, вечером они при мне ложатся спать, молятся Богу вслух. По очереди читают молитвы и скоро засыпают, так что шалостей нет. Утром пошалят, и, конечно, слушаются. Вадю останавливаем от кривляния, и он, кажется, лучше стал, но все еще любит подразниться. В школу *Вадя* ходил, но т. к. ты пишешь, чтобы они берегли башмаки, то я решила, *пусть не ходит*. Ведь Вадя здешние *башмаки совсем стоптал*, и скоро нельзя будет носить. Да и, вообще, сырь и грязно, и ноги всегда сырье. *Дома будет писать*, как ты пишешь, и уже и вчера и сегодня писал *по-русски и по-французски*. На днях был Управляющий Марковского, молодой человек, симпатичный, и объявил нам, что *Кузнецово и Ежово переходят в Советское хозяйство* под его ведение, что он будет стараться жить с нами в мире. Но дадут ли нам на будущий год 1 десятину под рожь и оставят ли коров в наше пользование, не сказал. но я думаю, сам еще не знает. *Дом наши не возьмут*, но только один *писарь будет жить в камере и несколько рабочих в скотной избе*. Вчера Маша (Мария Юльевна) ездила в Кадников и получила деньги тобою посланные. Ты придумала какой-то долг. Береги деньги. *Очень благодарю за деньги....* Папочка, я. Маша и дети здоровы. *Агенты были насчет хлеба, сказали, что лишнего нет. Пусть дети пока у нас*. я думаю, *им не хуже здесь*, все-таки есть за ними присмотр. Дети слушаются, но все-таки пиши, чтоб слушались. Будь здорова, успеха в твоих делах. Крепко целую и благословляю. Любящая тебя С. Зубова». *Приписка*: «Теперь (**я**)

поупокоилась, из дома не гонят, хлеб не отнимают. Володя (Владимир Юльевич) пришел из Вологды, Ларя (Ларисса Юльевна) осталась. сильно стерла себе ногу, от Кадникова до ст. Сухона шла пешком, а там ехала на платформе, на чем взята песок...» [3].

13 октября *Соня* писала *маме*: «Милая мамочка! Крепко тебя целую и желаю всего хорошего. Когда наняли пастуха, то он стал ходить в сад, и там видел белок. Когда кто-нибудь приходил, то он всем говорил (про них). Сперва (один) мальчишка убил большую белку, а потом другой мальчишка пришел и убил вторую. Маленькая белочка была ужасно миленькая, и мне очень жалко, что ее убили. Она один раз влезала к Володе в форточку, но сорвалась и упала на землю и полезла на дуб. Потом бабушка сказала, что, наверно, она предчувствовала, что ее убьют, потому и лезла в форточку. Мы *каждый день занимаемся по-русски и по-французски, и по арифметике*. Я жду тебя с нетерпением. И мне *очень хочется*, чтобы ты скорей приехала, и *чтобы мы скорей устроились*, и все было бы по-хорошему. Твоя Соня». А *Вадя* в этот же день написал: «Дорогая мамочка. Крепко тебя целую. У нас выпадал снег два раза, и мы с Соней ходили кататься на санках. Дорогая мамуся, *приезжай поскорее*, мне без тебя скучно. Я писал четыре письма тебе, а папе только два, сейчас буду писать третье. Я Володя и Володюшка играем в очень интересную игру. Любящий тебя Вадя» [39]. Видимо, Нина Юльевна надеялась устроиться в Костроме и взять детей к себе, но это оказалось невозможным.

26 октября *Софья Петровна* написала *Нине Юльевне*: «Милая Нинуша. Твоих посылок и Оли (Ольги Юльевны) еще не получала, спасибо вам, дорогие мои, что не забываете нас. У Сони на лице руках прошла золотуха. Вчера у нас была баня, и мы все хорошо вымылись, погода теплая, и в бане очень тепло было. А до бани вымыли полы и выстирали белье, так что можем жить спокойно до ноября... Мы совершенно не мерзнем, т. к. и погода еще теплая; снег был, но всего только один день и растаял... Детей не буду заставлять носить дрова, это детям не под силу, особенно наши дрова, такие толстые... *Вадя не ходит в школу*, потому что там шалит, ...это, пожалуй, и лучше. Меня и, вообще, всех Вадя слушается. Как встанут дети, оденутся, сядут заниматься, *оба пишут по странице русского и по-французски*, с обоими я читаю по-французски, *арифметикой тоже занимаюсь*, делаю задачки, которые просматривает иногда дедушка, иногда Маша (Мария Юльевна). Задавать, ничего не задаю. Когда порядочная погода, отпускаю гулять только до обеда. Обедаем в 4-ом часу, в 6-30 пьем чай, *после чая* зажигаем маленькую лампочку, и все кругом нее с книгами читают, спать идут в 8-ом часу, в 8 часов – в постели. Утром заставляю, чтоб, когда проснутся, первое, чтоб перекрестились. *Бог поможет справиться с детьми*, особенно с Вадей; нужно, чтобы он немного боялся, а ты слишком слаба. Мне кажется, что и манеры у него (стали) лучше, мы постоянно его останавливаем, но не думай, что браним, это не нужно. Мальчик он хороший, но рос по своей воле; он ласков. Башмаки он стоптал, дома заставляю носить сандалии. Дорогая, неоцененная моя Нинушечка, ты думаешь обо мне, а я о тебе. Дай Бог тебе здоровья, успеха в делах и всякого благополучия. Сшила Вадичке лифчик и панталоны верхние темные табачного цвета сатиновые... Маша (Мария Юльевна) дала коричневую свою бумазейную юбку, вышло платье (Сонечке) как раз к зиме тепленькое. У меня есть еще хорошенъкая пестрядь, хорошо, если выйдет Сонечке платье, а Вадичке рубашка...» [3].

3 ноября (по старому стилю) *Софья Петровна* сообщила *Нине Юльевне*: «Милая Нинушечка, пока мы все здоровы. Все еще у нас по-старому, только *реквизировали одну корову. Гостиную и комнаты*, где жил Володя и Шеины, *закрыли*. Михаил *Ведров их законопатил* хорошо..., и закрыли коврами, так что *убавилось две печи...* Нина с Сонечкой спят в Мишиной комнате, а Вадя с тетей Машей (Марией Юльевной). Володя (сын Петра Юльевича) в кабинете дедушки спит на палатах, там очень тепло, вообще, все устроились удобно. Цветы большие из гостиной перенесли в столовую и пианино, так что у нас сад в столовой... У нас мороз сильный, зима, и дети почти не гуляют. Сонечка ходила один раз и Вадя тоже, пришел с распухшим лицом, катаники (валенки) давала Маша (Мария Юльевна). Вообще, *без катаников нельзя гулять в деревне*. снег может быть выше калош. Хорошо, что послали Ваде мокасины, а то он ходил почти на чулках. Кожаные (ботинки) он стоптал совершенно, и они начали рваться. Я ему заказала башмаки из драпа, обсоюзка их красного сафьяна, подошвы очень хорошие дала Маша от своих сандалий. На днях должны быть готовы ему башмаки. Если выйдет порядочно, то постараюсь заказать такие же Сонечке и себе... Крепко целую и благословляю. Будь здорова. Все целуют» [3].

Вадя написал **маме**: «Дорогая мамуся, крепко тебя целую... Я один раз ходил гулять в тётикиных валенках (Марии Юрьевны). Пошли поскорее валенки. Я напишу тебе шараду, ты ее отгадай. Мой первый слог мужское имя, второе – театр, а третье фамилия. Целое – человек. **Приезжай поскорей**. Любящий тебя Вадя» На обороте неплохой цветной рисунок: «Маме от Вади». А **Соня** написала: «Милая мамочка. У нас все стало по-новому... Нам стало гораздо теплее, четыре печки топят теперь... Наши игрушки поместили в столовую. Дорогая моя мамуленка, золотая моя девочка. Твоя дочка Соня» [39].

4 ноября **Владимир Казимирович** написал **жене**: «Дорогая Нинуша. Письмо твое от 27 октября получил. Мне тебя очень жаль и, вместе с тем, и **досада** разбирает, **что ты до сих пор еще не сумела устроиться**. Ужасно все это, что, действительно, они много **обещают, но ничего не дают**. Все устрою так, как ты просишь: передам письмо сегодня Капони, а **твоё жалование вышлю тебе...** У Сихарулидзе (?) я уже больше не служу, но, может быть, устроюсь в другом (месте). Я уже там играл один раз и получил за это 5 фунтов хлеба и ½ фунта сахара, и вчера играл, и мне сказали, что меня зачислят на довольствие. Тогда еще жить можно будет. Меня **пригласили в один квартет**: Михновский 1-ая скрипка, 2-ая Животовский, альт – Егорьев и я. Обещают, что раз в неделю будем играть от Профлеткульта по 800 р. за выступление каждому. Но пока это не начнется, то я это не считаю... Пока я **каждый день занят в театре** (в возникшем **Вольном**, где шли опера «Самсон и Далила», пьеса «Королевский брадобрей» А.В. Луначарского и другие спектакли [45, 46]), а **по понедельникам**, думаю, будем заняты **в этом полку**. (Я играю там трио со скрипачом Корницким.) Относительно продовольствия и у нас не лучше, **доедаю последние остатки**, а чтобы сделать какие-нибудь запасы, нужны деньги, а их то и не хватает. **В квартире** у нас **холод ужасный**. В моей комнате **4 градуса**, каждый день понижается, я **сплю в своем полосатом пиджаке**, т. к. влезать в холодную постель немыслимо. Александра Густавовна предложила мне спать у нее в комнате, т. е. в большой вместе с Котей; тут, действительно, немного теплее, т. к. есть ковры. Александра Густавовна купила **сажень дров за 8 тысяч**, мы их перетащили в кухню в темную комнату, так что думаю, если будут топить хоть раз в неделю, то хватит месяца на 4. Лиза сказала, что **будут топить два раза в неделю**. Александра Густавовна предложила поставить туда маленький диванчик, и я думаю, там **можно будет спать (в кухне)**. Вот только окна вставить не можем, нет стекольщиков... Был у меня **Шварц** и опять **приглашал в Рязань**. Жалование по ставкам и красноармейский паек: 2 фунта хлеба и 4 фунта сахара и пр. Говорит, будет надоедать мне; надеется, что когда хватят морозы, тогда он нас и соблазнит. Пиши мне почаше. Я тоже буду тебе писать, а то скучно – **заниматься невозможно в таком холода**. Как-то ты устроишься с дровами и столом? Надо было сидеть в школе, если там тепло. Всего лучшего. Любящий тебя Володя» [3]. Как видим, не только «голодная, темная и холодная Москва продолжала жить очень напряженной театральной жизнью» [46].

5 ноября **Вадя** написал **маме**: «Дорогая мамуся. Мы сегодня ходили гулять, я в Володиных сапогах, а Сонечка в моих валенках... Дорогая мамочка, **пошли скорее валенки** (Соне), а то мне нельзя ходить гулять. Приезжай поскорей... Любящий тебя Вадя». И **в следующем письме**: «Дорогая мамуся. Крепко тебя целую. У нас уже очень много снегу на дворе. Мы один раз **ходили кататься на санках**. Я в ботах, а Соня в валенках. После этого я гулять не ходил, потому что боты порвались. Милая мамочка, пошли поскорей валенки, шапку и шубу. Приезжай поскорей, дорогая мамуся... **Мы сочиняем (журнал) «Сатирикон»**: «Некий таракан», «Дневник (собаки) Марсика», «Змей», «Нина потеряла рукавицу», «Вадя катается на коньках», «Соня просит хлебца», шарады и ребусы. (Это) программа журнала. Если поедешь, то привези Петера Морица, если привезла его из Москвы, дорогая мама. Твой Вадя». А **Соня** написала **папе**: «Дорогой папуся! Целую тебя крепко, крепко. Вадя написал (в журнал), как он был на пожаре, и как они дрались с уличными мальчишками. Милый папуся, мне **жалко тебя, что ты мерзнешь**, потому что у нас, в сравнении с тобой, тепло... Маленький папуленька, поросеночек хорошенек. Твоя дочка Соня» [39].

9 ноября **Владимир Казимирович** писал **жене**: «Милая Нинуша. Твои три открытки получил... Я тебе вчера **выслал 1000** (рублей) **на Музыкальную школу**. **Изволь не скупиться и тратить на еду**, я тебе, по возможности, буду посыпать. Жалование свое за ½ месяца полностью получил, а твое мне должен вернуть скрипач Куцин, который вместо тебя служит.

Он говорит, что заплатит только за число репетиций, 4 или 5, а не дней. Ну, да что делать, с ним не сговоришься. Наконец, я вчера узнал окончательно, что *я зачислен с 1 ноября в другой полк*, и вчера же, после концерта, *получил хлеб и сахар: хлеба 2 фунта в день* и прочие продукты, так что нам *хватило бы на двух хлеба*. Там мы играем трио и solo. Полк находится в Богоявленском переулке на Никольской улице. Люди там очень милые, и мне там приятно играть. Пока что заняты один раз в неделю. Наш состав: сопрано, альт, тенор, бас, скрипка, виолончель и рояль. С продовольственной стороны, а, главным образом, с хлебом у меня будет хорошо. Вот только *ужасно холодно*, тут я не знаю, что мне придумать. *Хочется заниматься*, т. к. выступать нужно, и хотелось бы играть им все новые вещи. На кухне можно играть, когда истопят, а на другой же день уже и там холодно... *Печь мне еще не делает* (не ясно кто?), хотя у него уже давно лежит (не ясно что?), но ведь трубы очень дороги, и пока он собирается сделать, то трубы будут стоить 300 р. аршин (нужно истратить 4 тысячи, а это слишком дорого), да и проводить их в форточку худо, т. к. выдувает... Пожалуйста, *ты себе покупай масло и яйца, а деньги я тебе буду высыпать каждую получку*, да и мне, если можно, по почте пришли (видимо, масла), здесь тысячу рублей стоит (вероятно фунт)... Обо мне не беспокойся, *будь хоть ты сыта*. Как-нибудь бы зиму промаяться; *хорошо, что детей нет, а то погибли бы мы здесь...* Я тебе пишу почти каждый день, удивляюсь, что ты не получаешь. Наше почтовое отделение тут часто не работает, т. к. нет транспорта. Вот дождь бы до весны, тогда тронемся, где потеплеет, а теперь будем сидеть на местах. *Куда ты теперь переехала, там с отоплением или придется самим доставать (дрова) и топить?* Слава Богу, если тепло. Я, кажется, *рад был бы снять койку, только бы не мерзнуть*. Но ведь надо сидеть и беречь вещи. (Воровство процветает, а рояль взят властями на учет, и его особенно нужно охранять, не говоря уже о необходимых вещах). Желаю всего лучшего. Целую крепко. Любящий Володя» [3].

В Костроме Н.Ю. Герман-Зубова служила преподавательницей по классу скрипки в Музикальной школе Народной Консерватории (позднее преобразованной в Костромской Музикальный техникум) и одновременно она *была концертмейстером первых скрипок и солисткой Симфонического оркестра* под руководством Б.А.Федорова. Отделом Народного Образования при Костромском Горисполкоме ей было выдано удостоверение в том, что *Н.Ю. Герман-Зубова, как специалистка в музыкальном деле, участник Симфонического оркестра, солистка в камерных концертах и преподаватель музыкальной школы 2-ой ступени, причисляется к ответственным работникам и имеет право получать паек по первой категории* [19]. Звучит весомо, однако, *нужда была абсолютно во всем*.

14 ноября *Владимир Казимирович* написал *жене*, что в новом полку он за 16 дней получил 32 фунта хлеба, 6-ть мяса, картошки фунтов 10, сахару, масла, словом, всего; так что «сварил из костей суп на 5 дней и сделал тушеное мясо...». И далее: «Мы *составили квартет, ... нужно срепетировать и идти на пробу*. Затем мне предложили *таким же образом и трио*, но для этого тоже еще нужно срепетировать и на пробу идти, это еще в будущем. *В Художественном театре идут репетиции оперы*, так что скоро, думаю, уже начнем со сценой, и тогда работы прибавятся. (Вл. И. Немировичем-Данченко задуманы постановки: «Каин» Байрона (композитор П.Г. Чесноков) и комической оперы Лекока «Дочь мадам Анго» [41]. Были приглашены профессиональные певцы, на конкурсной основе создан хор из 40 вокалистов и построена раковина, отделявшая оркестр от публики, которая, как солисты, хор и оркестр, видела дирижера. Для «Каина» достали, *привезли и собрали даже орган*. Репетиции с начала сезона шли весьма интенсивно [42].) Вольный театр переходит на чистые пруды, так что туда дальше мнеходить. Если это будет каждый день, то я откажусь, а если раза 2-3, то буду продолжать или же возьмусь с кем-нибудь пополам... Ты себе ни в чем не отказывай, а *хорошенько питайся*, т.к. нам нужно запасаться силами, и *летом мы куда-нибудь перееедем с детьми, где теплее и сытнее...* Напиши, как ты устроилась с хлебом, сколько ты получаешь и где обедаешь и что? Я сыт, хлеба много. Напиши подробно, как ты живешь? Наша почта не работает... Может быть, ты будешь писать мне на Художественный театр, там я все-таки раза три в неделю бываю... Свои письма я тоже буду опускать в центре. Сейчас *в комнате 3 градуса*, самому не холодно, но ноги очень зябнут, жаль нет валенок. Если бы можно было бы теперь купить где-нибудь? *Думаю перейти в кухню, ... все-таки теплее*. Целую крепко. Любящий тебя Володя. Р.С. Какие концерты у Вас и когда хотел меня пригласить Борис Александрович? Наверное, не поеду, никогда» [3].

15 ноября Софья Петровна написала Владимиру Казимировичу: «Милый Володя. Получила твоё письмо и открытку. *Деньги* давно *получила* и писала тебе об этом. Ты пишешь, что будешь мне посыпать каждый месяц, а я тебя *прошу* мне не посыпать, а лучше поднакопи и купи себе дров, чтобы не мерзнуть. За прокорм детей я не беру денег, а что ты мне послал, то я хочу купить шерсти для катаников (валенок) Сонечке... Дети немножко со мной занимаются. Вадя слушается, ведет себя хорошо, славный мальчик... Если будет тебе невыносимо холодно, то приезжай к нам на зиму, место будет в доме и кусок хлеба. Будем тебе рады, можешь нам и помочь. Мы пока все здоровы. Целую тебя... У нас все еще нет никого, одна Евгений и Александра. Надобно нанять мужчину, теперь холод, наступила зима, и Маша сама возит воду через день. Боюсь за нее, чтоб не захворала. Любящая тебя С. Зубова. Пиши нам, милый, не забывай нас» [3].

17 ноября Владимир Казимирович написал еще письмо жене: «Дорогая Нинушечка... Сегодня иду в полк, у нас там концерт, а после концерта опять получу (продукты). Если бы можно было бы, то я тебе переслал бы хлеба... *В моей комнате уже градус мороза, и я живу в столовой*, намереваюсь перейти в кухню, там все-таки теплее, топят приблизительно два раза в неделю... *Дом топить не будут*, в столовой теперь ниже 3-х градусов, а когда топят, то до 5-ти доходит... Относительно предложения приехать в *Кострому на гастроли*, я бы и не прочь, но очень трудно будет выбрать время... Мне бы хотелось приехать только для тебя, может быть, я тебе что-нибудь привезу и с собой оттуда увезу. Относительно гонорара, думаю 5 или 6 тысяч. В Москве получают за концерт 10 тысяч, а тут придется нанять за себя в театр на несколько спектаклей. ...я приеду, но только с условием, если билет я могу получить в этот же день без особых хлопот... У нашего *Вольного театра отняли помещение*, и переводят театр на Чистые пруды в Колизей. *Спектакли* будут идти *раза три в неделю*, а если больше, то придется отказываться, т. к. ходить очень далеко... Квартет мы составили, но до сих пор ничего у нас не готово, и мы не можем показать себя в Пролеткульте. Трио тоже в таком же положении... Сейчас пишу, и ноги мерзнут, хотя и закутал их в плед... Вот бы валенки получить, они теперь здесь стоят 4 тысячи... Ты свои носи, если холодно. Послала ли (валенки) Ваде, они теперь ему очень нужны, т. к. зима уже настоящая... Пожалуйста, не жалей денег на продовольствие и покупай себе яйца и масло. Я, по возможности, буду тебе посыпать немного (денег)... На карточки я получил бумаги и конвертов, но только 12 штук, так что тебе пока не пошлю, еще надеюсь купить. Катушек (ниток) тоже еще не получал. Ну, до свидания. Целую крепко. Любящий Володя. Притиска: «*В театре я получил капусты и моркови, а также получу 4 фунта пшена на каши*» [3].

Вадя написал папе: «Дорогой папочка, крепко тебя целую. У нас выпал снег, и мы катаемся на санках. Я один раз катался на коньках. Пруд уже замерз, лед толстый. Я, Володя и Володюшка играем в очень интересную игру. Мой дорогой папуся, целую. Твой Вадя» А 15 ноября написал маме: «Дорогая мамочка, крепко тебя целую. Ходил гулять в тети Машиных (Марии Юльевны) валенках. Мы с Соней катались с взвоза и по льду... Мы занимаемся с бабушкой каждый день. Приезжай поскорее, мне без тебя скучно. Кур из курятника перевели в конюшню, т. к. в курятнике холодно. Любящий тебя Вадя» [39].

13/26 ноября Софья Петровна послала письмо Нине Юрьевне: «Милая Нинуша... Ты беспокоишься об нас и совсем напрасно, мы не мерзнем. Машутка ходит к нам, когда нужно; выстирала нам, придет на днях вымыть полы и истопим баню... Очень рада, что посылаешь вещи Вади, а, главное, катаники (валенки), т. к. ему приходится сидеть дома и, когда можно, нельзя гулять... У нас *реквизировали одну корову*. Николай (брать Евгений) взял нашу корову, нам дал бычка, которого мы и сдали для армии, но т. к. корова весит более бычка, то эту разницу он нам заплатил деньгами и еще работой: привезет мне 8 возов осоки и дрова, что остались в лесу. *Завтра поведем Трильби, берут лошадь*, думаем, что не возьмут. Вот наши дела, дорогая моя...» [3].

27 ноября Вадя написал маме: «Дорогая мамочка... *Приезжай поскорее*, дорогая мамочка. Мы по вечерам играли в Джокера (в карты), а по воскресеньям в вист с тетей Машей (Марией Юрьевной). Я немножко научился играть, и мы с Володей выигрывали. Мы с Соней и Ниной ходили гулять и прыгали с взвоза. (Софья Владимировна вспоминала, что она любила прыгать с высоты второго этажа, раскинув руки, и уходила в снег до плеч, после чего ее раскачивали и вытаскивали [1].) Мы с бабушкой занимаемся на рояле и науками. Если

приедешь, привези нот в 4 руки. Целую. Любящий тебя Вадя». А **Соня** добавила: «Дорогая мамочка. Мы пишем в одну линейку, когда занимаемся. У нас *кончились карандаши*, но нам бабушка дала по желтому карандашу. *В потребилке нет карандашей...* У нас на Пельшме *ходят болезни, тиф и испанка*. Нина Шеина не ходит в школу, потому что боится болезней... Милая мамочка, мы каждый день играем в Джокера на деньги, на сургучные печати (с гербом Зубовых). Этот Джокер играется в карты, я проиграла очень много денег, а потом выиграла много. Каждая денежка стоит 5 рублей. Твоя дочь Соня. До свидания, мама». И в следующем письме: «Милая мамочка, мне очень скучно без тебя, и потому мне очень хочется, чтобы ты приехала на Рождество, моя милая мамуленка. Мы учимся по французской книжке, которую подарила мне Нинуська Ш.(еина). Мы уже прошли половину книги, скоро будем читать рассказы и стихотворения. Моя дорогая мамочка, извини, что я не (сразу) написала, потому что ходила гулять, а потом стало темно, а при лампадке... бабушка не позволила; говорит: «Худо напишешь». Моя дорогая мамочка, твоя дочь Соня Герман». **Соня** написала папе: «Милый папочка!... Сегодня я получила от дедушки за арифметику «5», а Вадя «3». Милый папа, целую тебя. *Приезжай на Рождество, на Новый год и на Пасху*. Поцелуй маму в письме. Мы гуляем, только не каждый день или ходим за делом в (деревеньку) Великий Двор. Твоя дочь Соня. До свидания. Соня» [39]. Видимо, и Вадя послал папе письмо.

Владимир Казимирович ответил: «Дорогие мои, Соня и Вадя. Очень рад был получить от вас по письму. *Хорошо, что вы занимаетесь с бабушкой*. Только вы ей не надоедайте, а учиться надо, а то вы уже большие. Я переехал в кухню. Моя кровать стоит в углу, как из коридора выйти. Тут немножко теплее, так что я уже не так мерзну... Повесил возле кровати красный ковер, и мне не дует, а также наружную дверь завесил ковром. Как живет наша мамочка? Получаете ли от нее письма? Сами ее не забывайте. *Ваши письма пошли маме в Кострому*, она будет рада им. Целую вас крепко, мои дорогие, учитесь и слушайтесь всех. Поцелуйте дедушку, бабушку и тетю Машу (Марию Юльевну). Целую. Ваш папа» [3].

30 ноября **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Милая Нинушечка. Получила посылку с Вадиными вещами: валенки, шапку, рубашки, штаны, чулки, носки. За наколенники большое спасибо, я сейчас же их надела. Сахарный песок тоже получили, и каждый чай, утром и вечером, всем даем по ложечке... Плутовка (*лошадь*) так стала плоха ногами, что насилиу встает; нам разрешили ее продать, и мы *продали татарам* вчера, а *Трильби не взяли*. Когда Михайло Ведров с Володей возвращались из Кадникова, то Трильби против нашего сада упала, не могла дойти до дома, полежала, полежала и встала. Осоку начали возить, берут 300 р. привезти один воз и накормить (возницу) обедом. *Придется* тоже и *Трильби продать и приобрести хоть неважную лошадь, но чтобы могла возить и пахать*... Крепко целую тебя и благословляю. Будь здорова, успеха в делах. Хорошо ли принимает тебя публика? (Значит, **Н.Ю. Герман-Зубова** дает в Костроме сольные концерты.) Любящая тебя С. Зубова» [3].

1 декабря **Владимир Казимирович** писал жене: «Дорогая Нинуша. Твое длинное письмо на Художественный театр от 12 ноября получил... Относительно гастролей было бы очень удобно приехать именно на те числа, какие назначил Борис Александрович. Как раз я не буду занят этот понедельник в полку, но все-таки пришлось бы пропустить и в Художественном театре и в Вольном театре. Но таких свободных дней, вообще нет, т. к. в Художественном театре репетиции 2-3 в неделю и 2 спектакля, а в Вольном театре 3 раза заняты вечером, и бывают репетиции. Ходить туда очень далеко, да из-за денег только и служу. Котю (внука А.Г. Третьяковой) свезли в больницу. ...Николай Николаевич (ее сын) лежит в Серпухове в лечебнице. *Живу теперь в кухне, ниже 5 градусов не бывает*, так что пока терпеть можно, да и на дворе тепло стало. Александра Густавовна поставила себе печку из кирпичей и обили желеzом; у них тоже тепло, когда топят. Относительно полка, боюсь опять там перемены, и как бы не лишили (музыкантов) струнных (инструментов) пайка. Если пайка не будет, то оставаться в Москве будет трудно. Мамочка меня приглашает приехать в Кузнецово. Если бы это случилось, то, конечно, вещей я так не брошу, хотя до весны никого не вселят к нам, и вещи могут и тут побывать. А до Кузнецова мне, может быть, удалось бы раза два сыграть в Костроме и заработать. Это только в том случае, если не будет пайка... Твою посылку получил. Имей в виду, что теперь все *посылки отправлять и получать нужно только на Главном почтамте*. (там) очереди и далеко, так что удовольствия мало туда

ходить, но я видел массу (людей) получающих картофель. Подошвы я поздно получил, т. к. накануне давал сапожнику подбить (их) к сапогам (за) 900 р. Затем, он сделает подметки и набойки к ботам, в которых и буду ходить на улице без ботинок. Я уже пробовал, и в них гораздо теплее, чем в сапогах и штиблетах, и придется заплатить 1200 р. Купил 7 фунтов пшена по 200 р. за фунт и картошки, так что *сижу без денег*, даже у *Лизы взял 2,5 тысячи*, но вчера *продал свои галифе за 2 тысячи и расплачусь*. В Художественном театре записался на дрова 800 р. и на гуся 600р. Совершенно без денег сижу, тебе с удовольствием послал бы. *Если продам куртку, то пошлю тебе на масло и сало...* Ради Бога не пиши, что ты голодаешь, ты прежде всего должна тратить на себя; вот сало и масло себе оставь, я хорошо питаюсь... Относительно перчаток, то их нет. Бумагу и конверты, по возможности, покупаю. Так как везде дают только на одну карточку и на один купон, то много приходится тратить времени, везде очереди; тетрадей и чернил уже нигде нет; борного вазелина и хины тоже нигде нет. **Вообще, ничего нет.** Покупай себе еду и *не голодаай, лучше продай что-нибудь*. Я как получу деньги, то тебе хочу послать и мамочке. Мои галоши новые не лезут, старые я порвал все три (пары), но они тоже не лезут. В сапогах можно (ходить) без галош, а когда будет холодно, то можно ходить в ботах. У Мани (жены Петра Юльевича) еще не был, очень уж далеко, *трамваи не ходят*. До свидания. Целую тебя. Любящий Володя» [3].

2 декабря *Софья Петровна* написала *Владимиру Казимировичу*: «Милый Володя. Получила твое письмо от 18 ноября... Мы все, слава Богу, здоровы пока. Теперь возят у нас осоку, которой всего 15 возов, и на днях кончат... Без лошади нельзя в усадьбе, да сегодня *Трильби насилу привезла воду*, так что Маша (Мария Юльевна) и Володя (сын Петра Юльевича) измучились. Сегодня получили *письмо от Мани Поповой-Введенской*, она и (дочь) Уся собираются переехать в Кадников; они буквально *голодают и мерзнут в Москве*. (Муж) Владимир Николаевич остается, он может прокормиться один на свое жалование. Маня писала, что *в театрах тоже нет топлива*. Как же музыканты будут играть в холода и жить в холода? Ты, обрати внимание на мои слова, приезжай к нам, рады будем тебе, чем мерзнуть и получать болезни. Конечно, хорошо, что Нина в Костроме, может быть, (ей) теплее... Дров в лесу осталось 20 возов. Николай Боричев, брат (кухарки) Евгении нам их привезет, когда кончит возить нашу осоку. Маня с дочками (семья Петра Юльевича в Москве), вероятно голодают и мерзнут; *послать ничего нельзя...* Пока до свидания. Целую тебя, береги себя... Папочка, дети целуют, Маша (Мария Юльевна) кланяется. Любящая тебя С. Зубова» [3].

25 ноября/8 декабря *Софья Петровна* послала письмо *дочери*: «Милая Нинушечка... Меня очень удивляет, что ты не получаешь от меня писем... Пока мы все здоровы и дети, с которыми хоть немного, да занимаюсь. *Вадя очень мило играет в 4 руки* со мной, ... хорошие три пьески мы разучили, теперь играть нечего. Когда приедешь, привези пьесы в 4 руки... Дети и Вадя ведут себя хорошо. Вадя ходит в валенках и здоров... Еще никто не приходил из Советского хозяйства, *будут еще принимать* (видимо, *усадьбу*)... Когда приедешь, *нельзя ли добыть мыла*... Сегодня взяла последнее мыло для рук, что послала Оля (Ольга Юльевна)... Сегодня у нас моют полы, и завтра будет баня, но на следующую баню у нас не хватит мыла. *Соли у нас мало*, хлопочем и достаем, также и клюкву, которая необходима, если мало соли. Купили ее (клюкву) 20 фунтов, и еще К. Охин обещал достать 1 пуд. Вообще, хлопочем о здоровье... Будь покойна. Мы пока все здоровы, если что, то, конечно, дадим знать. Папочка, Маша (Мария Юльевна), все дети целуют тебя. Будь здорова. Я целую и благословляю. Всего наилучшего, моя дорогая, тебе желаю. Любящая тебя С. Зубова. *Поздравляю тебя с наступающим Днем рождения*. Папочка, Маша и дети поздравляют тебя. Сегодня получила твою открытку, *пошлю телеграмму* (о том, что все благополучно), как просишь» [3].

8 декабря *Владимир Казимирович* написал *Нине Юльевне*: «Дорогая Нинуша. Твое письмо от 24 ноября получил. ... деньги я тебе обязательно вышлю за сало и масло. Завтра тебе *посылаю 2 тысячи, я продал френч и галоши...* за 6 тысяч, *да еще штаны* за 2 тысячи, так что *удастся расплатиться с долгами...* Я вчера купил себе сала 2 фунта за 1, 5 тысячи, ... ведь нужно хорошо питаться, а то заболеешь еще.... Теперь я хорошо питаюсь, и ты мне можешь не посылать, а сама кушай... Хотел поступить к Зимину в Оперу, да времени у меня мало, а там нужно играть (вечером) 4-5 раз (в неделю). А я (вечером) в Вольном театре занят обязательно 3 раза и в Художественном театре раза два, вот времени и нет, а хотелось заработать, чтобы вам посыпать и питаться... *С концертами* у нас *ничего не выйдет*. ... мне

только **хотелось тебя повидать**, да привезти тебе чего-нибудь. Сахар я по карточкам получил, и хочу тебе весь прислать, но как? Также сухарей или хлеба. Соли и спичек, думаю, не пошлю, т. к. больше не будут выдавать. **Коробка спичек стоит 50 р.** Обо всем, что ты просишь, постараюсь выполнить. Лекарств уже никаких нет и вазелину тоже. Вообще, **ничего доставать нельзя...** Скажи Борису Александровичу, что вряд ли мне удастся приехать на гастроли и что я ему купил две гобойные трости. Вот, думаю, их с Виноградовым переслать или же тебе в посылку положу... Ну, до свидания. Целую. Володя. ... Сегодня А.(лександра) Г.(уставовна) купила $\frac{1}{2}$ сажени березовых дров, но очень сырье: не знаю, как будут гореть. Заплатила 6 тысяч... Целую. Володя» [3].

18 декабря **Владимир Казимирович** послал *еще одно письмо*: «Дорогая Нинуша. Письмо твое от 4 декабря на Художественный театр получил. Мне тоже **очень хотелось приехать**, но до сих пор я **не получил пропуска**, так что я уже и оставил думать об этом. Напиши мне, как ты обедаешь? Все там же и готовишь ли что-нибудь себе дома? ... Как ты с дровами устроилась, сколько купила дров, и кто тебе топит печку, и утром у тебя самовар или кофе? Я, думаю, что обойдусь со своими ботами, валенки не посытай. **У меня стало на кухне 3 градуса**, нужно перебираться к Александре Густавовне. Уж очень будет им стеснительно, и вот я все жду этого перехода. На днях немного заболел, но обошлось благополучно. Мне очень хочется съездить в Кузнецово, но об этом даже и думать нечего. Я ... жду с таким нетерпением Рождества, точно оно нам принесет что-нибудь. Сейчас надо спешить в театр Вольный, **надеюсь получить жалование, надо мне купить крупы и картошки**. Жаль, что ты мне не прислала раньше. ... ведь мне придется платить за фунт 50 р. (Надо) крупы хоть 10 фунтов купить, но запас надо иметь, а (его) мне хватит (только) на месяц... Леонид Александрович привез мне 1 фунт сала, оно очень хорошее, спасибо тебе, я ем его с кашей... Ну, до свидания. Желаю всего лучшего. Целую тебя крепко. Любящий тебя Володя. Поедешь в Кузнецово, то всех от меня перецелуй» [3].

8/21 декабря **Софья Петровна** тоже написала **Нине Юльевне**: «Милая Нинуша... На днях **послала** (тебе) **телеграмму**, только **простую**, не знаю, получишь ли ты ее? Завтра **посылаю срочную**. Пока мы все здоровы. **Мороз** у нас **страшный**, вероятно, 20 градусов, да еще ветер северный, ну и **в доме прохладно**. Думаем, что-то у наших теперь? **Замерзнут, бедные москвичи...** Если Володя приедет, то ему не придется пахать, как ты пишешь, а (будет) обряжать лошадь, привозить воду и дрова, иногда съездит за кормом, если (его) купим, и может быть, попилит дрова. Весною, конечно, (надо) работать в огороде. Если на будущий год дадут 1 десятину земли, то уж теперь брат Евгений сказал, что вспашет нам и, вероятно, сделает все копни работы; у него два сына да он, итого три работника. **Ваде**, наконец, **готовы башмаки...** конечно, не модные, но теплые и, **по крайней мере, ходят не на чулках**. **Мокасины совсем износились...** Найду сукна, опять ему закажу... Крепко целую и благословляю, дорогую мою. Будь здорова и благополучна. Папочка, маша (Мария Юльевна) и дети целуют. Любящая тебя С. Зубова» [3].

23 декабря **Владимир Казимирович** написал **жене**: «Дорогая Нинуша... Получена от Оли (Ольги Юльевны) посылка с сухарями и табаком... На днях получил письмо от мамочки; пишет, что был у них **Марков**, который **назначен управляющим** этого имения (т. е. Кузнецова). ... **осмотрел у них все**. У них все, слава Богу, здоровы... Мне ужасно хотелось бы уехать в Кузнецово хоть на две недели, да это невозможно; нельзя здесь все бросить... **Художественный театр будет встречать Новый год, и устраивают кабаре и товарищеский ужин**. Нас всех пригласили участвовать. Думаю, пойти, хоть немного забыть о том, что делается за стеной театра. **Обещали нас хорошо накормить и повеселить**. Я пытаюсь очень хорошо, только опять без денег очутился.... Получила ли деньги? Ты эти **деньги истратить на еду**, а мне валенки можно и не делать; хотя можно заказать, а я тебе еще тогда (денег) вышлю. **Я перебрался в комнату к Александре Густавовне и Лизе**, втащили маленький диван и поставили по той стене у двери, где их кровати. У них все-таки тепло, **меньше 7 градусов не бывает, а в кухне доходило до 1 градуса**. Мы получили 1 сажень дров из Домового комитета, да Александра Густавовна купила $\frac{1}{2}$ сажени сырых дров, и все это мы сложили в темной комнате и на кухне. От этих дров очень холодно, и я решил перебраться к ним. Я хотел поступить в Советскую оперу, но мне Пресман сказал, что я должен играть почти каждый день, т. к. у них мало виолончелистов и очередей нет (т. е. занятости в очередь с

другим музыкантам), то я и не поступил. Думал заработать лишних денег. **В полку продолжаю работать и получаю продукты, но играть там холодно**, не топят... Если поедешь на Рождество в Кузнецово, то будь осторожна, не заболей в вагоне. Ну, всего хорошего. Поздравляю с Новым годом. Целую крепко. Любящий тебя Володя» [3].

Софья Петровна написала **Владимиру Казимировичу**: «Дорогой Володя, получила твое письмо. Очень рада, что ты не мерзнешь и, вообще, хорошо устроился. Живи с Богом, будь здоров, не забывай нас, пиши. **Поздравляю тебя с наступающим Рождеством**. Папочка, Маша (Мария Юльевна) и дети целуют и также поздравляют с наступающими праздниками. У нас **были сильные морозы и сильные пурги; мороз доходил до 35 градусов. Два дня разгребали снег**, а то ни пройти, ни проехать... Целую тебя. Христос с тобой! Всего хорошего. Любящая тебя С. Зубова. Дети здоровы. Напишут на днях» [3].

31 декабря **Владимир Казимирович** послал еще одно письмо **Нине Юльевне**: «Дорогая Нинуша, письмо твое от 19 декабря получил. **Спасибо за валенки**. ... деньги я тебе могу выслать, если что-нибудь продам. **Соль** здесь **стоит 500 р. (фунт)**, а мыло – не знаю, хорошее от 300 р. и дороже. У меня есть 5 фунтов, но оно неважное, а вот как я их буду посыпать (видимо, в Кузнецово), не знаю... Сегодня **иду в Колизей на спектакль, а оттуда в Художественный театр встречать Новый год. Завтра концерт в полку, а оттуда в Художественный театр**. Оле (Ольге Юльевне) отправил письма, снес их на Тверскую, 12; надежды на то, что они приедут в Москву, нет никакой. Николай Николаевич (сын А.Г. Третьяковой) умер, и похоронили его в Вишенках, мне так его жаль. Александра Густавовна все плачет. Сегодня **взят Советскими войсками Екатенослав**, думаю, написать Мише (Михаилу Юльевичу). Как он там жив ли он? Я не знаю, **как тебе теперь ехать в Вологду? Везде заносы**, так что, возможно, что еще **заставят чистить снег**... Но желание повидать детей, мамочку и всех кузнецковских у тебя сильное, как и у меня. **Поздравляю тебя с Праздником Рождества Христова**. Это, кажется, **первый год, когда мы не вместе**. Я ужасно жду праздника, хотя, что он может мне дать? Разве только, что день становится длиннее, и ближе весна. Я хочу Маше написать, может быть, мне приехать весной и помочь ей в хозяйстве? Я думаю, что огород и все прочее нужно разводить, а то **следующий год** еще, пожалуй, **будет труднее**. С одной стороны, **хочется заниматься музыкой, а, с другой стороны, будет есть нечего**. Относительно предложения твоего о (другой) квартире... я не знаю, т. к. у меня нет желания переезжать, а, главное, денег нет на перевозку. Думаю, до весны доживу здесь, а там видно будет. Куда нам рояль девать? Он самая главная помеха. (Напомним, что он зарегистрирован властями.) ... Желаю всего лучшего. Целую крепко. Любящий тебя Володя. **С Новым годом!**» [3].

20 декабря /2 января **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Милая Нинуша, очень странно, что слово «скорая» (срочная) в телеграмме тебя взволновало, ты (же) сама просила его написать. Будь спокойна, пока дети и мы все здоровы... Вот и **Рождество очень близко**. Очень **жаль, если не приедешь**, в такие дни всегда хочется быть со своими. Живем по-старому, перемен нет пока. Дня через два приходит к нам Николай Боричев, чтобы привезти воды, дров и, что нужное, сделать по усадьбе, т. к. в холод Маша (Мария Юльевна) не может возить воду, да и Трильби сделалась с норовом, после того, как ее брали на работы на Морженгу: придется ее продать и купить другую, что почти невозможно – лошадь порядочная стоит 30 тысяч, да и хлопотать некому. В марте в Кадникове ярмарка, нужно как-нибудь купить... Дети все, папочка, Маша и я целуем тебя. Будь здорова, успеха в делах. Благословляю тебя. Не забывай Св. Ксению. Любящая тебя С. Зубова» [3].

Перед Рождеством Софья Петровна **приписала** в письме Сони: «Милая **Нинуша...** **Приезжай к нам**, как пишешь, хотя **дорога стоит дорого**. Вот Володя (Владимир Юльевич) ездил в Вологду на два дня. Всего с дорогой туда и обратно вышло 4 дня, и заплатил 1500 р. Этот же возница привез Ларю (Лариссу Юльевну) и взял 500 р. Это еще не дорого в сравнении с тем, что завтра Маша (Мария Юльевна) едет в Кадников и должна заплатить 300 р. **У нас нет лошадей**. Последнюю **Трильби продали**, она не могла даже возить воду. Вот, дорогая моя, какие дела. Видеть тебя очень всем хочется. Сонечка забыла тебя поздравить; она по музыке поправляется... К празднику приготовились: белье выстирали, в доме убрались, вымылись в бане хорошо с мылом, но **мыло последнее**. Вот наши новости, других нет. Затем крепко целую и благословляю. Любящая тебя С. Зубова» [3].

А **Соня** написала **маме**: «Милая и дорогая мамочка. К нам приехала тетя Ларя (Ларисса Юльевна), она мне подарила ленточку коротенькую коричневую. Она на елку привезла серебряный дождь и бусы. У меня есть ангелок, и я его повешу на елку. Целую тебя, моя дорогая мамочка. Напиши мне, **хорошая ли у тебя комната?** Напиши все подробно. **Хорошо ли спишь?** До свидания. Соня» [39]. Видимо, Нина Юльевна в Костроме куда-то переехала.

Нина Юльевна написала **Соне**: «Золотая моя, ненаглядная моя Сонечка. Крепко тебя обнимаю и целую. Пиши своей мамочке обо всем: как проводишь праздники, гуляешь ли, что еще делаешь и всё, всё. Мне пока приехать к вам не удалось. **Приеду, как только будет возможность,** а пока пиши мне и **молись Богу, чтобы** всё было благополучно, все были здоровы, и **все мы могли бы жить вместе.** Крепко тебя обнимаю, мое сокровище. Любящая тебя твоя мама. Поцелуй Нину (Шеину) и Володю (Зубова)». И в **следующем письме**: «Ненаглядная ты моя Сонечка... **У меня небольшая комната,** 6 шагов в ширину и 7 в длину (и нарисовала план). **Она холодная,** т. к. окна плохие, и все выдувают. Тепло ли тебе спать? У тебя одно одеяло. Есть у меня для тебя одеяло, да посыпать нельзя. Напиши, как проводила праздники? Я рада, что ты учишься музыке у бабушки. Не забывай свою маму, моя золотунька. Крепко, крепко тебя целую и благословляю. Любящая мама» [3].

В тот же день **Нина Юльевна** написала **Ваде**: «Дорогой мой, золотой Вадичка. Целую тебя крепко, крепко. Напиши мне твои статьи в твоем журнале. Это ты можешь сделать в течение нескольких дней вместо русского письма. Не забывай свою маму и **молись, чтобы поскорее нам всем жить вместе.** Слушайся бабушку и тетю Машу (Марию Юльевну). А когда взгрустнется, то приласкайся к ним, они любят твою маму. Будь ласков к Евгеше (Евгении), она обо всех вас заботится. И дедушку не забывай, а то ему скучно. Целую и обнимаю тебя крепко, мой ненаглядный. Любящая тебя твоя мама» [3]. **Вадя** ответил **маме**: «Дорогая мамуся. Крепко тебя целую. **Я** хожу гулять каждый день и **катаясь на лыжах.** Вчера получили сахар из потребиловки, и вечером пили кофе (желудевый) с сахаром. Позавчера **гадали на каравае** следующим образом: взяли каравай, положили на него икону, поставили на 4 большие пальца, и немножко погодя, каравай стал вертеться так, что чуть не упал на пол. Сегодня я ходил в (деревеньку) Великий Двор, носил тети Машины катаники (валенки) подстрекивать (подшивать) Оронову. А как пришел, так и начал писать тебе письмо. **Приезжай поскорей. Поздравляю с Новым Годом. Поздравляю с именами.** Любящий тебя Вадя» [39].

Новый 1920 год

Софья Петровна описала, как в Кузнецово **начался Новый год**: «В Рождество дети не скучали, **была ёлка,** только лакомств не было. Ларя (Ларисса Юльевна) привезла пшеничной муки, и у нас **был вкусный пирог** с легким и яйцам. На Рождество отелилась корова, так что (появилось) свое молоко, а то покупали. Теперь едим теленочка. Пока, слава Богу, сыты... **Дети** на Рождество **танцевали, гадали**, и, по-видимому, **им было весело.** Посылка еще в Кадникове, которую ты послала из Костромы. Д.С. Лебедев ее получит, а самим ехать невозможно, берут 300 р., чтобы съездить в Кадников. Последний раз перед Рождеством в бане мылись с мылом, и теперь еще **есть мыло мыть руки, но уже последнее...** С детьми живем хорошо, дети здоровы, слушаются и мало шалят... В Кузнецово не будет Советского хозяйства, всех **нас**, здесь живущих, **наделят землей**, также Мишу (Михаила Юльевича), Ларю (Лариссу Юльевну), и Володя, твой муж, пишет, что летом приедет к нам работать, мы этому очень рады. Ведь мы, женщины и дети, никто нас не боится, а с мужчиной совсем другое дело. Может и ночью встать и выйти посмотреть. Если хочешь, и на него будем просить земли, заявление уже подали в Совдеп. Маша (Мария Юльевна) приглашена завтра на собрание о землеустройстве. Я уже тебе писала, что уже второй месяц приезжает на лошади брат Евгений и привозит воду, дрова, разгребает снег, когда занесет. ...шерсти Сонечке на катаники (валенки) **на деньги не продают, а меняют на хлеб,** а мы этого не можем, **лишнего хлеба нет.** Не можешь ли ты схлопотать ей катаники, у нее так износились, все в заплатах,чинить нечего. Маша сама ей подшила подошвы кожей... Вообще, что-нибудь сделать здесь очень трудно, и за деньги, считают, что делают одолжение. Так как не продали шерсти, то 1200 рублей твои целы. Я думаю, Ваде к лету или весне (купить) сапоги, но денег не хватит, это не одна тысяча, которых нет. Да еще **надо думать об лошади,** которая теперь **может**

стоить 40 тысяч, а весною и все 100. Все, что пишу, не преувеличено ... Поздравляю тебя, дорогая моя, с Днем твоего Ангела... Очень счастлива, что *ты хорошо сыграла solo в увертюре Бетховена*. По-моему, хотя я тебя жажду расцеловать, подожди пока не будет чистки (снега пассажирами на ж/д)... Крепко, крепко целую тебя и обнимаю, будь здорова» [3].

9 января *Владимир Казимирович* послал *письмо в Кузнецово*: «Дорогая мамочка. Поздравляю Вас с прошедшим праздником Рождества Христова и с Новым годом. Я празднико провел дома. *В сочельник* у нас была плита, т. е. топили; вот я себе и *наготовил на целую неделю, заодно и вымылся*. В баню мы не ходим, т. к. боимся что-нибудь схватить, а моемся все по очереди у себя в кухне. На первый день у меня *был концерт в полку*, а затем я два дня сидел дома, т. к. мои дамы (Александра Густавовна и ее дочь Лиза) ушли в гости... Нина пишет, что *у вас нет соли и мыла*, но опять-таки все это *пересыпать нельзя*, да *соль* на рынке была перед Рождеством *600 р. фунт*. Если будет оказия, то постараюсь что-нибудь Вам прислать. Как мне *хотется к Вам самому приехать*, если бы Вы только знали! До весны как-нибудь дотяну, а там нужно что-нибудь предпринимать, т. к. *жить врозь я больше не могу...* Как вы все поживаете и все ли у Вас благополучно? Как дети? Устраивали ли елку, хотя кроме дерева и украшений, кажется, ничего нет. Целую вас всех крепко. Всем кузнецковским привет. Любящий Вас Владимир Герман. Целую моих милых Вадю и Соню» [3].

Софья Петровна ответила *Владимиру Казимировичу*: «Милый Володя, благодарю за поздравление... *Дети*, по-видимому, не скучали: *танцевали, гадали, было представление, читали стихотворения, играли на пианино, пели хором*, и твои дети участвовали во всем, и всё *сошло очень хорошо*. Нинуша не была на праздниках. У нас есть еще немногого соли, Ларя (Ларисса Юльевна) привезла, да в потребилке дали немного, а потом как-нибудь. Мы очень (будем) рады, если ты приедешь к нам, а то мы одни, женщины и дети, и никто нас не боится, оттого лезут в сад и огород... Целую тебя, будь здоров. Всего наилучшего». А Мария Юльевна приписала: «Милый Владимир Казимирович, *пишите заявление*, что желаете приписаться с семейством к Пельшемскому трудовому населению и *желаете, чтобы Вам и Нине с детьми нарезали земли совместно с нами*, живущими в Кузнецово. Приезжайте, буду рада помощнику. Буду ждать. Дети здоровы и веселы. *Вадя и Соня играют в 4 руки, немного учатся с бабушкой*. Им, кажется, очень весело в Кузнецово. Пишу Нине. Будьте здоровы» [3].

Получив это письмо, *Владимир Казимирович* сразу переслал его *Нине Юльевне*, с такой припиской: «Думаю *написать заявление*, как советует Маша, и *поедем Кузнецово*. Как ты думаешь об этом? Надо бы Мише (Михаилу Юльевичу) написать, что с ним и где он? Скорей напиши мне об этом. Целую. Володя. Приписка: «Соня какое письмо написала, а вот Вадя поленился. Я думаю, что он с этими двумя Владимирами был занят. Компания для него неподходящая». (Володя Зубов и Володюшка были намного старше Вади.) [3].

9 января 1920 года *Владимир Казимирович* написал *Нине Юльевне*: «Милая Нинуша. Поздравляю тебя с прошедшими праздниками Рождества Христова и Новым Годом. Удалось ли тебе съездить в Кузнецово? Мне ужасно хотелось, но сама знаешь, что это невозможно... Валенки мне ты не посыпай, а свези лучше Маше (Марии Юльевне), хотя, думаю, если ты не уехала, то уже не поедешь... Деньги я все-таки надеюсь тебе выслать, но не теперь, а как только узнаю, что (ты) уже в Костроме. *Мыло и соль здесь также дороги*, если будут деньги, то буду покупать... Написал сейчас мамочке письмо, пишу, что хочу приехать весной помочь ей хозяйствничать в огороде и по хозяйству. Как ты думаешь, *что нам делать весной: брать ли детей и уезжать куда-нибудь*, где посытнее, *или приехать в Кузнецово* и хозяйствовать, а к зиме вернуться в Москву или в другой какой-нибудь город? Ты подумай и напиши мне об этом. *Когда был Ваш концерт* (симфонического оркестра) на праздниках и был ли ученический концерт (в Музыкальной школе)? Напиши мне, как они сошли, и *что вы играли?* В театре у меня (спектакли) с 10 числа, и через день нужно ходить в Колизей (в Вольный театр). Давно нет писем от тебя и от мамочки, ужасно тоскливо. Что теперь делают наши деточки в Кузнецово? Ужасно досадно, что ...когда они с нами, я раздражаюсь, а когда их нет, мне хочется их видеть. Я теперь стал гораздо спокойнее и совсем не кричу, может быть, (потому), что кричать не на кого. Пиши мне побольше, ты ужасно мало о себе пишешь. До свидания. Целую тебя крепко. Любящий тебя Володя» [3].

23 января *Владимир Казимирович* еще написал: «Дорогая Нинуша... Очень жаль, что тебе не удалось уехать в Кунецово. Очень жаль, что ты мне послала валенки и сало, валенки

мне совсем не нужны, а сало тебе пригодилось бы. Сейчас и *денег у меня нет*, а когда будут, то непременно тебе пошлю. Я никак *не думал, что тебе придется сидеть в Костроме в холода, да еще впроголодь*. Если бы знать, то тебе нечего было туда уезжать. Я совсем *живу здесь хорошо сравнительно с тобой*, у меня и молоко, и мясо, и хлеба вдоволь, даже остается; я немного насытил сухарей... К нам приходит Анна Николаевна, она совсем голодает, вся опухла; вот ей каждый раз даю чего-нибудь. Еще каждый день ко мне приходит маленькая девочка – нищая, я ей тоже даю хлеба или картошки... Я хотел продать свое зимнее пальто и шапку, да время уже упустил, и дадут уже мало, да продавать опасно. Ради Бога, *продай что-нибудь* из менее нужных вещей *и купи дров и еды*. Ведь нам нужно запастись силами, т. к. к весне нужно будет что-нибудь предпринимать, потому что оставаться в Москве и мерзнуть мне не хочется, да и *врозь нам жить нельзя больше*, т. к. *детей нужно учить*. К весне будет масса предложений на Юг, т. к. Юг весь свободен от белых. Об этом нам *нужно* говориться. и в случае отъезда *куда-нибудь, уже всем вместе тронутся*. Да и квартиру нашу нужно будет ликвидировать. Хорошо, если бы ты приехала в Москву, кстати, и увезла с собой кое-что: (*далее латинскими буквами*) *sahar, sol, milo* и пр. Я пока все еще получаю... Желаю всего лучшего. Целую тебя крепко. Если можно, то устрой сюда командировку, отдохнешь здесь и подкрепишься... Трости (для гобоя симфонического оркестра) еще лежат у меня, я жду, чтобы их с кем-нибудь переслать... Целую. Володя. Спешу на репетицию. Александра Густавовна кланяется. Она болела воспалением легких и теперь поправляется. Валенки и сало получил». И в следующем письме: «Дорогая Нинуша. Поздравляю тебя с прошедшим Днем Ангела, я совсем забыл, т. к. календаря у нас нет... Твои 4 открытки и Александре Густавовне мы получили. Мне удалось купить по карточкам конвертов и бумаги, а также чернил и тетрадь, но как их переслать? *Валенки твои получил и теперь ношу их, т. к. холодно у нас*: вот уже с недели две, как все время на 20 градусах держится. В комнате у нас тепло, а вот в других, так ужас. Денег у меня пока нет, но, я думаю, поступлю куда-нибудь в театр, чтобы больше заработать. Как ты устраиваешься с хлебом, неужели только *½ фунта в день* и *тебе довольно*? Я ужасно много ем хлеба, теперь нам дают 1 *½* фунта, мне хватает, и, вообще, я *сыт*, только нет масла сливочного, которого очень хочется; постное дают мне в полку. *Скорей бы весна*, мне так хочется куда-нибудь уехать. Посылаю тебе несколько конвертов. Не знаю, как послать Федорову трости для гобоя? Ходить на почту ужасно трудно, и очереди там громадные, надо целый день потратить на это, а, может быть, и больше. Ну, до свидания. Целую крепко. Любящий тебя Володя» [3].

Соня писала маме: «Милая мамочка... Вчера у *нас был спектакль, я играла* с Вадей *китайца*, потом в «*Демьяновой ухе*» *жену*. Нина Шеина была Демьяном, Вадя – гость. Потом *играли на рояле*, потом *был общий хор*, я в нем участвовала. Пели мы три песни: «*Спите орлы боевые*», «*На солнце оружьем сверкая*», «*?*». Бабушка всех похвалила. Володя Зубов мне подарил маленькую записную тетрадку, и я в ней написала одно стихотворение. Ларя мне подарила тетрадку порядочную, и она у меня стала альбомом, я в ней себе нарисовала картинку. Потом дали всем этот альбом, чтобы они мне написали на память. Мы теперь гулять не ходим, потому что боимся зараз. Но недавно я ходила не гулять, а в Поповское к дьякону с тетей Машей. Мы немножко поиграли с девочками. Дьяконица нас угостила пирогом с творогом. Дорогая, поцелуй это место, где написано: «*Дорогая мама*». До свидания. Соня. *Поздравляю с Праздником* (именинами). Соня» [39].

10 февраля Софья Петровна написала Нине Юльевне: «Милая, дорогая Нинушечка. *Посылку с бельем Ваде, нотами, мылом, солью и конфетами* сегодня *получили*. большое тебе спасибо за все. Соль было вышла, а ты послала, опять потянемся. С конфетами сегодня с удовольствием попила чаю, а то просто вода, даже если с молоком... Пока у нас все благополучно, дети здоровы. *Маша* (Мария Юльевна) с *Вадей и Соней занимается арифметикой*. Вадя совсем не умеет делать задачи. Маша ему объясняет очень толково, может быть, привыкнет, так что пока *нечего ехать*. Где взять столько денег? ...Именины свои ты провела не одна, и я рада, что твои знакомые люди симпатичные. Пожалуйста, не беспокойся за Соню, что ей холодно спать, ей устроена хорошая кровать, и Маша очень заботится о ней; чтобы не было холодно, закрывает ее армяком и др.». Мария Юльевна *приписала*: «Милая Нина, ...у меня все время мысли о хлебе, дровах, о покупке лошади и т. д. Теперь заказала бадью. ...мне устроят колодец, который на дворе, и в распутицу будем брать

оттуда воду... Вообще, надо, чтобы всего было достаточно. Я теперь раздаю хлеб по порциям. Обед, как и прежде, из трех блюд... **Вообще, сыты...**» [3].

В этот же день **Соня** писала **маме**: «Дорогая мамочка! Целую тебя крепко, крепко и желаю всего хорошего в жизни. Посылку твою мы сегодня получили. Спасибо тебе за фуфайку. **Конфеты**, которые ты бабушке прислала, то их **тетя Маша** (Мария Юльевна) **раздала за завтраком всем по леденчику**. Вчера мы, тетя Маша, Ларя (дочка Петра Юльевича) и я, ходили в Великий двор (соседнюю деревню) к Никонору Охину, чтобы он нам сделал бадью для колодца. Я ходила в Вадиных валенках. Мы хотели зайти к Чашиним на образовку (обряд невесты), потому что там выходит замуж девушка, ее зовут Павла. Обо мне не беспокойся, **мне совершенно тепло**, потому что я **закрываюсь армяком**. Любящая тебя Соня. Поцелуй это место, моя дорогая мамочка». И **папе**: «Дорогой папочка! Напиши ко мне письмецо, ты мне давно уже не писал. Целую тебя, мой дорогой папочка! Тепло ли тебе, мой дорогой, спать? Наверное, холодно, потому что не топят. **У нас тепло только в маленьких комнатах**, а в лакейской, которая теперь у нас столовая, очень холодно. Если я иду играть на рояле, то надеваю платок. Мы завтракаем в тети Олиной комнате... Любящая Соня».

А **Вадя** написал **маме**: «Дорогая мамочка, крепко тебя целую. Мы **ходили на девичник**, там было очень жарко, и мы с Володей ушли, а девочки остались. Соня на девичник ходила в моих катаниках, а я в тети Машиных. Мы с Володей и Володюшкой **катались с возвоза**, Володя на лыжах, а я и Володюшка **на санках**. Твою посылку получили сегодня утром. Твои конфеты получили и съели за завтраком с кофе. Извини, что худо написал, карандаш был худо очищен. Вадя. Мой поцелуй». И **папе**: «Дорогой папочка. Крепко тебя целую... Мы по вечерам сидим на полатях, и тетя Ларя рассказывает нам сказки. Я **катаюсь на лыжах с Володей...** В **потребиловке получили материю, и бабушка сошвей мне штаны. Сонечка мне сшила несколько платков**. Мой поцелуй. Вадя» [39].

17 февраля **Соня** написала еще одно письмо **маме**: «Дорогая мамочка. **Бабушка мне сшила пестрядевое платье**, оно ко мне очень идет, я его одевала в воскресенье. Бабушка мне сказала, что **ты купила мне валенки, и я очень обрадовалась**. Володя сделал гаданье, и я тебе на нем нагадала. Сейчас напишу, что тебе вышло: убыток, одуреешь от счастья. Бог милостив, веселая жизнь, будут бранить тебя, встреча с новыми людьми. Я себе заплетаю косички с красными лентами... Напиши, дорогая, когда ты пошлешь мне валенки, которые купила для меня? Бабушка дала мне садить заплату на старую наволочку, и я ее посадила. До свидания. Твоя дочь Соня». И **папе**: «Дорогой мой папочка! Крепко, крепко тебя целую и желаю всего хорошего в жизни. Володя сделал гадания, и я тебе погадаю на них: достигнешь цели и скоро, приятное знакомство, путешествие в будущем, известие, будут долги, потеря, у тебя окажется талант, над тобой посмеются. Напиши мне письмо. Приезжай к нам поскорее, милый папочка. До свидания, мой дорогой Папочка. Соня» [39].

8/21 февраля **Софья Петровна** писала **Нине Юльевне в Кострому**: «Милая Нинушечка, получила (далее по-французски) денег пять тысяч, очень благодарю. Но зачем ты мне посылаешь? Тебе самой необходимы, пожалуйста, не посыпай; лучше не отказывай себе в пище, иначе я буду очень беспокоиться за тебя. С твоим заявлением (о желании приписаться с семейством к Пельшемскому трудовому населению и получить землю в Кузнецово) Маша (Мария Юльевна) ходила, но теперь масленица, снесет на 1-ой неделе Поста. Я **очень рада твоему успеху. Не забудь «Пчелку» сыграть в концерте**, у тебя она выходит очень хорошо... **Здесь сырной тиф** не перестает, но мы **бережем детей**, и не пускаем к нам ребят... Дождись вскрытия рек, на пароходе, может быть, менее заразы, чем в вагонах. Папочка, Маша, дети все целуют тебя. Будь здорова, дорогая моя...» [3].

Вадя тоже **писал** письма. **маме**: «Дорогая мамочка, крепко, крепко тебя целую и обнимаю. У нас за баней намело большую гору, и с нее очень хорошо катается на санях. У нас уже есть в некоторых местах наст, так что можно свободно ходить. Я сейчас только кончил заниматься с тёником (Mariей Юльевной) арифметикой. Сегодня я с бабушкой не занимался, потому что не успели. Я сейчас сижу с тёником и пишу с ней из одной чернильницы, а Соня играет «Истуар», она его выучила. Вчера от тебя получили письмо. Позавчера вечером у

Шеиных топилась печка, и я читал Андерсена с Соней по очереди, потому что мы с ней читаем одну книгу. **Приезжай поскорее**. мое золото, мне без тебя скучно. Сегодня была

лепешка с картофелем и пряженники. Теперь **нам хлеб дают по порциям**, два куска за обедом, два за завтраком и два за вечерним чаем. Крепко целую. Любящий Вадя». И *напе*: «Дорогой папочка, крепко тебя целую. Я гуляю на дворе... Я видел тебя и маму во сне. Поскорей **купи мне сапоги**, потому что мне **не в чем ходить**. Вчера от мамы получили письмо, в котором она и написала, чтобы ты мне купил сапоги. Сонечке мама купила катаники. Приезжай поскорей. Позавчера я мылся в лотке, меня мыла Машутка, и вымыла хорошо. Любящий тебя Вадя» [39].

Владимир Казимирович ответил: «Мильный Вадичка. Спасибо тебе за письмечко... Очень **прошу тебя – занимайся, учись**, а то останешься неграмотным. Также **не забывай играть на рояле**, это тебе в будущем очень пригодится. Вот, если приедем с мамой в Кузнецово, то опять начнешь, как следует. Ты мне напиши, как ты проводишь день, какие у тебя обязанности или ты только кушаешь у бабушки и ничего не делаешь? Целую тебя крепко. Будь здоров и учись. Поцелуй бабушку и дедушку, а также всех остальных. Любящий тебя твой папа». И в **следующем письме**: «Милые Вадя и Сонечка. Ваши письма я получил. Спасибо вам за них. **Занимайтесь и на рояле, а, в особенности, ты Вадя. Сапоги** тебе куплю, но теперь у меня нет денег, а одни долги, как мне нагадала Сонечка. Потерпи немного, **куплю при первой возможности**. Приеду еще не скоро: думаю, не раньше апреля месяца. Целую вас обоих. Любящий вас папа. Привет всем» [3].

25 февраля **Вадя** ему **ответил**: «Дорогой папочка, крепко тебя целую. Открытку твою получил вчера. Я был немножко болен, у меня болел живот, но бабушка дала крупинки Джапоне (гомеопатическое лекарство), и у меня все прошло. Я хотел тебе послать письмо без конверта, но бабушка не позволила. У нас **отелилась Пеструха**, и теленочек у нее очень хорошенъкий, беленький весь с желтыми кругами вокруг глаз. Сегодня за завтраком были две лепешки с картофелем, и я один кусок съел, а другой оставил к обеду. Завтра, может быть, пойду гулять. Я, может быть, буду говеть, если будет хорошая погода. Я позавчера выстирал 13 платков в тазу... Я читаю очень интересную книгу «Детские годы Давида Коперфильда»... Дедушка Соне дал донышко от лепешки, и мы с ней разделили пополам. Я сейчас допишу письмо и пойду, доехать свой пирог. У меня **нет (чернильного) карандаша**, и я пишу бабушкиным. Крепко целую. Любящий Тебя Вадя». А 8 марта **Вадя** послал **еще одно письмо**: «Дорогой папочка, крепко тебя целую. **Сегодня** я, Володя, Ларя и Олешка Боричев **сгребали снег с крыши**, и я чуть не упал. Но, если бы даже упал, то все равно бы не ушибся, потому что крыша низенькая, а снегу много. У нас уже **тает** с вчерашнего дня, так что в катаниках (валенках) ходить нельзя, и я **хожу в башмаках с калошами**. Письмо от тебя получили только сейчас. Сегодня тетя Маша (Мария Юльевна) вынула из папки очень хорошенъкую пьеску «Танец русалки», и я ее разобрал. Я сейчас читаю очень интересную книгу под названием «Маска смеха». Поцелуй Александру Густавовну и Лизу (Третьяковых). Извини, что так **написал, карандаши** был очень **худой**, так что **приходилось его все время слюнить**. Крепко целую. Вадя». **Вадя** написал и **Александре Густавовне** о том, что он успел прочесть много интересных книг: «Юрий Милославский», «Детские годы Давида Коперфильда», «Сын констебля», «Аскольдова могила» «Мало помалу», «Отчего и оттого», «Собрание сказок» Андерсена и «Огнем и мечем», «Потоп», Пан Волоневский» (Эти три названия – одна книга.) Поцелуйте от меня Лизу. Бабушка Вам кланяется. Поцелуйте от меня папу. До свидания. Вадя. Я часто вспоминаю о Москве» [39].

21 февраля **Владимир Казимирович** писал **Нине Юльевне**: «Милая Нинуша... От Оли (Ольги Юльевны) на днях получил посылку для мамочки; пришлось идти верст за десять, так что я очень устал. Как ее переправить, не знаю? Думаешь ты поехаш в Кузнецово, и когда у тебя каникулы? Масса предложений на Юг, мы могли бы устроиться вместе и взять детей. **Заявление в Пельшемский Совет о нарезе земли я послал заказным письмом**. С одной стороны, туда хочется к своим, а, с другой, боюсь, что от работы я испорчу руки, т. к. быть там долго я не смогу и бросать музыку тоже не собираюсь. Хочется ужасно прогреться на солнышке, а то я кашляю иногда, и бок чувствую по временам. **Буду, кажется, играть в Студии Художественного театра**. Как только там заработаю, то пришлю тебе. У меня моего жалования в обрез, никак не выкрою. Если бы из Вольного театра получить прибавку... Мне **предлагают в Вологду и тебе тоже** (мой товарищ по консерватории Гальперин, он там дирижер) **места в Симфоническом оркестре**, жалование по ставке Союза и красноармейский паек. Может быть, придется туда поступить, чтобы проехать по железной дороге в Кузнецово.

к себе... *Дети слушаются и ведут себя хорошо*. Вчера приходила няня Аннушка Комарова, принесла детям 1 ½ пирога, клюквы; пироги очень вкусные. *Вчера стукнул год крестнице Сонечкиной*. Соня и Вадя послали девочке колясочку, лошадку, мишку, а я – маленькое детское суденышко... Дети, слава Богу, здоровы. Сонечка ходит в розовом пестрядевом платьице. Маша (Мария Юрьевна) дала ей свою белую кофточку, я ее перешью и обшью ее вышивкой; лишнее не помешает, особенно летом, когда все грязнится. Сейчас были три девочки с дьяконом, дети играли. Будь здорова, дорогая моя, крепко целую, обнимаю и благословляю. Няня просила кланяться. Желаю тебе успеха. Любящая тебя С. Зубова» [3].

И в следующем письме: «Милая Нинушечка... Сонечка гуляет когда в Вадиных валенках, а когда в калошах, смотря по погоде. В своем письме к тебе Сонечка обстоятельно отвечает тебе на все вопросы. О детях мы не менее твоего заботимся, чтобы были здоровы, и об их удобстве, т. к. они оставлены на наше попечение.. *Сонечка очень способна к музыке*: что ей нравится, то она выучит... Вообще, если все устроится к лучшему, нужно им очень хорошего учителя, чтобы приохотил к музыке. Тогда выйдет из них толк. *Управляющий Марковским принял в свое ведение Кузнецово, сдано на Машу (Марию Юрьевну), пока ничего не отняли...* Будь здорова, успеха в делах. Целую и благословляю. Любящая тебя С. Зубова» [3].

8 марта *Нина Юрьевна* написала *детям*: «Дорогие мои Вадичка и Сонечка. *Посылаю Вам башмаки починенные...* Если впору, то будешь носить, но только когда на улице тает и нельзя надевать валенки и когда бабушка позволит, а то простудишься. А дома снимай и береги. Мажь мазью, которую посыпала. *Дома носите самое старое и рваное, особенно обувь. Все, из чего выросли, берегите; я потом обменяю.* Золотых моих дорогих деточек, ненаглядных моих милых птенчиков целую крепко, крепко и благословляю. Не забывайте молиться Богу. Слушайтесь бабушку и тетю Машу. Любящая мама. *Есть ли у Сонечки башмаки?* Впору ли еще средние с галошами? Их тоже береги и носи на улице, когда будет таять, но когда позволит бабушка» [3].

25 февраля /9 марта *Соня* написала *маме*: «Золотая мамочка. Мои старые валенки нельзя носить, потому что они все развалились и на починку не годятся. Я *дома хожу в старых башмаках*, и ноги у меня не зябнут. В катаниках (новых валенках) ходить уже нельзя, сильно тает. Я *хожу гулять в старых башмаках и в своих летних галошах. Вадя ходит в своих галошах летних и в своих башмаках, в которых он с тобой приехал осенью*. Я сплю у тети Маши в комнате на зеленом диване, он прислонен к Лариной кровати. А Вадя спит на полатях у дедушки в кабинете. Он не упадет, потому что там привязана доска. Мы каждый день перед сном принимаем крупинки (гомеопатическое лекарство для профилактики)... Мы все *помещаемся в 4-х комнатах, а нас 10 человек*. В дяди Мишиной комнате живут трое Шеинных, в средней живем мы с Ларей (дочкой Петра Юрьевича) и тетя Маша. в бабушкиной – бабушка и дедушка. (Володя Зубов и Вадя спят на полатях.) Мои и Вадины вещи лежат в двух шкафах. Ларя только спит здесь, а вещи у нее в кабинете. Когда мы приходим домой, то снимаем галоши и несем их в бабушкину комнату и ставим их к печке сушить. Я не снимаю башмаков, потому что не промачиваю. А Вадя снимает, потому что бережет, и надевает мокасины. Мы обедаем в нашей комнате. До свидания. Любящая тебя твоя дочь Соня» [39].

В это время *Нина Юрьевна получила письмо от отца Юлия Михайловича*: «Милая Нинуша, несколько лет тому назад сочли бы за сказку, что *ты уплатила за валенки 3300 рублей*. Это не только удивило меня, но я подумал даже, что если детские валенки стоят таких денег, то *ты, что я ношу* теперь (которые вершка на три выше моих колен), могут стоить *не менее 10 тысяч* – целое состояние. Я хотел было тотчас идти предлагать их в продажу, но мамочка заметила, что подошвы подшиты, а сам я вспомнил, что зимой мне не в чем будет выходить, т. к. за новые валенки с меня, наверное, потребуют еще больше. Твоя девятилетняя Соня *действительно уже разбирает ноты*, что даже недоступно и мне, хотя мне скоро будет, взамен девяти, уже девяносто лет (фактически мне 81 или 82 года, хорошо не помню). (Юлию Михайловичу 80 лет, 81 год ему исполнится в мае.) *Жить зиму в столице едва ли для нас возможно*, т. к. *и в деревне теперь все страшно дорого*. Да еще у вас и климат в комнатах почти тот же, что на улице, так что в первые же дни получишь горячку. Кроме того, в столице нельзя целый день при всех, как здесь, ходить в полушибке и валенках. Хорошо, что ты имеешь возможность жить в столице: и служба, и искусство обязательно требуют городской жизни. Дай Бог, успеха... Крепко целую тебя. Душой бы *рад видеть тебя и твоего*

мужа. Если возможно – приезжайте: хотя теперь время такое, что все-таки надо справиться до поездки, во что (она) будет стоить. Дай Бог тебе и твоему мужу доброго здоровья, успехов и всего хорошего. До свидания. Tout a toi. Jules Z. 12/III 1920. Пятница» [3].

16 марта 1920 года **Вадя** послал письмо *маме*: «Дорогая мамочка, крепко тебя целую. Мы с вчерашнего дня начали пилить, и я с Соней вожу дрова от сарайчика до поленицы. У нас теперь тает, и я хожу гулять в своих хороших башмаках, которые сшил мне сапожник Лакин, а Сонечка в своих старых башмаках и ботах, которые ей оставили Шеины (дочки Ларисы Юльевны). Мои катаники еще крепкие, я на них не катался на коньках. *Приезжай поскорей*, нам без тебя скучно. Мне тётик (*тетя Маша*) показала по арифметике раздробление (деление), превращение, сложение и покажет вычитание. Твое письмо получили вчера. Я вчера вечером ходил гулять и зашел на скотный двор и видел, как Александра доила корову. Бабушка мне подарила транспорант, и я теперь не линую тетрадку. Я сейчас пойду с Сонечкой гулять. Когда будешь писать папе, то поцелуй его от меня. Крепко целую. Любящий тебя Вадя». **Соня** написала примерно о том же: «Дорогая моя мамочка... Тетя Ларя (Ларисса Юльевна) и Маша (Мария Юльевна) ходят пилить дрова. Володя рубит, а мы с Вадей возим на чугунках. Пилят в старом сарае, который стоит в поле. Я только не возила два раза... До свидания. Любящая Соня» [39].

17 марта **Владимир Казимирович** написал **Нине Юльевне**: «Дорогая Нинуша. Письмо твое от 4 марта получил. Маша (Мария Юльевна) мне тоже самое пишет, чтобы мы ехали **на Юг**, и я все время стремлюсь туда, но оказывается туда очень *трудно попасть*, т. к. очень *разрушен транспорт белыми* при отступлении, да еще *существуют эпидемии*, и жизнь там очень дорога, т. к. *купить на деньги ничего нельзя*. Можно ехать с военными организациями, такие есть, (которые) набирают оркестры на Юг. Но они до сих пор еще не уехали, хотя должны были уехать два месяца тому назад. Это собирался оркестр в Старобельск Харьковской губернии... *Предлагают еще в Мелитополь* в Крым, но *Крым еще в руках белых*, и очень трудно с семьей, т. к. не берут многосемейных. Но, я думаю, что нам это может быть, удастся устроить, т. к. мы будем служить вместе, и каждый возьмет по ребенку. Конечно, это будет очень неудобно переезжать с места на место. Я *думаю*, что пока *нужно выждать и оставаться на местах*. Очень *опасно ездить* в вагонах, т. к. там именно больше всего и *зарождаются сыпняком* (сыпным тифом). *О Вологде я тоже думаю* и напишу Гальперину, но там жалование небольшое, хотя есть красноармейский паек. Я *тебе послал с Грудьевой посылку*, она вышла тяжелая; не знаю, удалось ли ей ее довести. Положил туда (далее латинскими буквами) сахару, соли, мыла, вазелин в трубочках (2)... и по почте послал две, так что ты заплатишь за Вадины башмаки, починишь их и перешлешь скорей в Кузнецово. Я купил хорошую кожу, пожалуй, выйдут вам всем ботинки, но сапожники не берутся шить или хотят слишком дорого. Теперь буду прикупать понемногу и другой материал, подошвы и пр. Я теперь *играю в Первой студии МХАТа* и получаю по 500 р. в вечер, пьеса эта «Балладина» Словацкого, очень интересная вещь: играю раза два в неделю. Затем *бью в колокола в мистерии Байрона «Каин»*, который скоро пойдет в Художественном театре. За репетицию получаю 250 р., а в вечер буду получать 500 р. *В Вольном театре придется бросать работать*, т. к. они назначают (спектакли) 4-5 раз в неделю, а жалование 3600 р. в месяц. ...вот только жду, когда получу разницу (за) ...амortизацию (инструмента) 30%, и тогда перестану там служить. Первая студия МХТа тоже едет на Юг, в Киев или в Харьков, но, к сожалению, оркестр не берут. Слышал, что *Камерный театр* тоже *едет куда-то и берет с собой оркестр*. Вот, если удастся, то можно будет попытаться с ними уехать и там остаться. Дирижеры Камерного театра Фортер и Метнер. Очень хорошо, что ты занимаешься. Я сам все думаю о занятиях, а, самое главное, мне *хотется составить квартет*, что здесь в Москве никак не удается. Если мы *будем жить вместе*, то *это скорей осуществится*. Вадя и Соня мне прислали по письму, а также мамочка, но я их тебе не посыпаю, т. к. раньше отвечу им. Теперь *будуходить в Бюро и справляться о разных предложениях*. И как только что-нибудь будет подходящее, то подпишу за себя и тебя. Целую крепко. Любящий Володя» [3].

А 24 марта **Владимир Казимирович** послал *письмо детям*: «Дорогие мои Вадя и Сонечка. Я по вас *очень соскучился* и хотел бы скорее вас видеть, но не знаю, удастся ли осуществить это скоро. Как бы хорошо было бы нам всем на Пасху съехаться вместе с мамой к вам. Целую вас крепко. *Занимайтесь на рояле и учитесь*. Любящий вас ваш папа» [3]. 202

30 марта **Соня** писала **маме**: «Дорогая мамочка. Как ты живешь? Я живу хорошо. У нас сейчас протекают ручейки на дворе, и мы **пускаем кораблики**. Вадя сделал из картона кораблик и пускает его в канаве. Я хожу в драповом пальто. Я молюсь Блаженной Кении, это нас научила бабушка... **Если есть у тебя химический карандаш, то можно из него сделать чернила...** Я сейчас тебе пишу этими чернилами. Они страшно пачкают пальцы, и я всегда хожу с пятнами синими на пальцах... Будешь писать папе, поцелуй его крепко. И я также целую тебя крепко, крепко, 1 000 000 раз. Сегодня тетя Маша (Мария Юрьевна) будет разгребать тропинку, чтобы провести куриц. У меня свой столик, и там лежат мои письменные принадлежности. Мы недавно ходили в Марковское, я, Ларя и Вадя. До свидания. Любящая тебя Соня» [39].

4 апреля **Софья Петровна поздравила Нину**: «Дорогая моя Нинушечка. Поздравляю тебя с наступающим днем светлого Христова Воскресения. Мы пока здоровы все, у Сонечки и Вади был насморк, но они пьют крупинки (гомеопатическое лекарство)... В доме убрались, белье выстирали, только (осталось) вымыться в бане в пятницу. Дети никто не говели из-за обуви, будет сухо в конце апреля, тогда они поговорят. Вадичке и Сонечке подарила каждому по евангелию. Сонечке – евангелие после моей мамы... Я сделала надпись на евангелии, чтобы Сонечка его берегла и объяснила почему. Вчера Маша (Мария Юрьевна) была очень довольна Сонечкой, она занимается с ней арифметикой. **Сонечка** была в ударе, очень хорошо решала задачи. Она **очень способна и, когда захочет, то хорошо занимается**. Вчера с **Вадей** **играли в 4 руки мари**, он так старался и так хорошо сыграл, что, что я его расцеловала. Рука у него маленькая, не растянутая, однако он **аккорды хорошо и сильно берет...** Крепко целую тебя, дорогая моя, будь здорова, успеха в делах, храни тебя Бог... Любящая С. Зубова» [3].

Владимир Казимиевич написал **Софье Петровне**: «Дорогая мамочка, Христос Воскресе! Поздравляю Вас и папочку с праздником Пасхи, очень хотел бы быть вместе с Вами, да это теперь невозможно. Оля (Ольга Юрьевна) вернулась в Москву и привезла немного продовольствия. **Жду Нину** (Юльевну). Если она не поедет к Вам, то хотела приехать в Москву... Относительно поездки на Юг или еще куда-либо не выяснилось. Нужно выждать, т.к. предложений будет много. Так мне надоело жить одному, что **нужно нам вместе жить с детьми**, т. к. их нужно учить. Может быть, **придется еще и в Москве остаться, т. к. везде не лучше**. В театре у нас **поставили мистерию Байрона «Каин»**. (Премьера спектакля в постановке К.С. Станиславского и А.Л. Вишневского на музыку П.Г. Чеснокова, исполнявшуюся на органе, состоялась 4 апреля [40]). Вещь очень глубокая и идет хорошо, мы над ней много поработали. (**Я занят в пьесе, бью в колокола.**) Оля (Ольга Юрьевна) была у нас на генеральной репетиции. О своих впечатлениях, наверно, Вам напишет. У нас маленькое несчастье, **нас обокрали**. У Александры Густавовны и у Лизы много **украли**, а у меня мой **хороший костюм, часы, шапку, мануфактуру и кожзу, которую я купил для (обуви) детей**. Приглашали собаку, но толку никакого не вышло. Мне как-то и не особенно жалко вещей, вот только у Лизы украли все ее башмаки и ей одеть нечего. **Пасху проведем без яиц и пасхи**, но **булку испеку**, т. к. **Оля привезла белой муки**. Желаю всего лучшего. Привет Марии Юрьевне и всем кузнецовым. Вас, папочку и детей крепко целую. До свидания. Любящий Вас Владимир Герман. Р.С. Выяснилось ли что-нибудь с Кузнецовым?» [3].

Сонечка написала **папе**: «Дорогой мой папочка. Целую тебя крепко и обнимаю. Как ты проживаешь, мой папочка? **Приезжай к нам поскорее**, мне без тебя скучно. Очень жалко, что у тебя украли много, мой дорогой папочка. Мне бабушка подарила коробочку из-под часов, но внутри этой коробочки было все растрепано, так что я «внутрь выняла» (нутро вынула), и стала хорошенькая коробочка. А еще она мне подарила узенькую красную ленточку, но не длинную. Я ее надену на Троицын день. **Хорошо бы, если бы ты и мама приехали сюда**, вот бы весело было... До свидания. Твоя дочь Соня» [39].

Дети также написали **маме**. **Соня** так: «Дорогая мамочка. Целую тебя крепко, крепко. Поцелуй милого папочки. Мы опять **расколотили столовую и гостиную**, и там чай пьем и обедаем и завтракаем. Не думай обо мне, дорогая мамочка, я живу хорошо, **заботясь о себе**, дорогая моя. Сегодня или завтра я буду писать письмо моему дорогому папочке. Приходила Яня и звала нас в Зубцово к ней в гости. Мы собирались, но все не можем сходить, а она еще раз приходила давно, а мы все не можем собраться. **У нас идет уборка на Пасху**, пришли Машутка и Саня... Я теперь заплетаю косички маленькие. **Скучно мне без тебя**. Напиши мне,

что делаешь? (*Нина Юльевна* в это время преподавала на Инструкторско-Педагогических Курсах Костромы [1], и поэтому никак не могла приехать к детям.) До свидания. Любящая тебя Соня. Марсик (собака) целует, он толстый, наедается тухлятиной». А *Вадя* написал: «У нас уже убирались к Пасхе. Я позавчера устроил себе письменный столик в дяди Мишиной комнате. Бабушка мне подарила евангелие и две статуэтки Шумана и Рубинштейна. *Мы с бабушкой играем в 4 руки очень красивый «Турецкий марш»*. Твою посылку получили, и в Сониных катаниках нашли мне башибузы. Мы с Ларей играем в шахматы. Завтра буду писать папе. Крепко целую. Вадя». Позже *Соня* нарисовала яйцо с буквами «Х.В.» и написала маме: «Дорогая мамочка. Целую тебя крепко, крепко и желаю, чтобы ты провела Пасху очень хорошо. Красок у меня нет, но есть линяющая синяя бумага, я и покрасила этой бумагой немного яичек. Не знаю, что писать моей дорогой мамочке. До свидания. Любящая тебя твоя Соня» [39].

Нина Юльевна послала письма детям. *Ваде* написала: «Золотой мой Вадичка, крепко целую тебя. Христос Воскресе!. Пиши чаще и обо всем, напиши, как проведешь Пасху. Я знаю, что скучно проведу (ее) без своих дорогих деточек... Не забывай посыпать мне свой поцелуй. Слушайся бабушку и тетю Машу. Валенки посуши и спрячь в шкаф. Когда промачиваешь ноги или, если тебе холодно, то надевай валенки, чтобы согреться. Крепко целую. Напиши папе и зови его, чтобы приехал поскорей к вам. Поцелуй Евгешу. Еще целую много раз моего золотого мальчика и благословляю. Любящая мама. Р.С. Не забывай молиться Богу. *Помогай тете Маше* (Марии Юльевне) в работах. Что ты играешь на рояле?» И *Соне*: «Моя золотая девочка Сонечка, Христос Воскресе! Целую тебя много, много раз. Пиши мне чаще. Как проводишь Пасху? Так и посмотрела бы я на тебя с красными ленточками. Спрячь валенки в шкаф, а когда холодно, то надевай, чтобы согреться. Меня звали одни знакомые встречать Пасху и ночевать у них, но, думаю, что не пойду, буду писать письма и думать о моих золотых детях. Жду, не дождусь, когда буду жить с вами, и ты будешь у меня хозяйничать. Крепко целую, мою ненаглядную. Не забывай посыпать мне свой поцелуй. Не забывай молиться Богу. Еще целую и благословляю. Любящая мама. Напиши папе, зови его приехать к вам. Поцелуй Володю и Ларю (детей Петра Юльевича). *Помогай бабушке и тете Маше*. Я очень счастлива, что ты играешь на рояле» [3].

Софья Петровна написала дочери: «Христос Воскресе! Милая Нинушечка... К нам вчера явились солдаты, человек пока 10 с лошадьми, обещают, что еще придет много, также и лошадей. Поселились в скотной избе, а главный заведующий – в девичьей. Вообще, все это тяжело. Будут направо от «бульвара» поднимать землю под огород, вероятно, все лето пробудут. Нет спокойствия... Сегодня пришел Дмитрий Степанович Лебедев, хлопочет о пенсии папочке, дадут 960 р. в месяц... Жду, не дождусь, когда приедешь ты с Володей к нам в Кузнецово. Напиши, когда у вас все кончится и начнутся каникулы?... Крепко целую и благословляю, дорогая моя. Дай Бог здоровья, спокойствия и успехов в делах. Любящая тебя С. Зубова». В этот же конверт вложил письмо и *Юлий Михайлович*: «Дорогая милая Нинуша. Поздравляю тебя с праздниками, которые проходят. Тем не менее, твой музикальный сезон должен быть теперь в самом разгаре, почему от всего сердца желаю тебе успеха и крепко целую... Гулять мне не приходится, т. к. особой надобности в прогулках нет. Предпочитаю спокойно сидеть у себя в кабинете или ходить по комнатам (в полушибурке, т.к. в мои годы тепла не чувствуется). У нас в Кузнецово гостит много детей. Из числа их очень талантливый Володя – сын Пуши (Петра Юльевича). Он занялся устройством лотереи, составлением и сбором разных предметов для выигрышей, число которых при его участии оказалось около полусотни. Билеты раздавались и выигрыши получались задаром, но пришедшие на лотерею очистили наши сады, очистка которого по теперешним ценам обошлась бы без этого чуть не в тысячу рублей, если не больше. Мамочка учит детей на фортепиано, и некоторые из них уже порядочно играют. Большинство детей заменяют прислугу, т. к. настоящая прислуга – одна кухарка. Время такое, что и скотом, и полем завладели соседние крестьяне. Лошади остались негодные, которых пришлоось продать (как и накопленное сено и часть хлеба) и купить за 75 тысяч рублей новую лошадь. Коров тоже немного, и молока едва хватает на обед. А что ужасно, так это полное отсутствие соли. Сахару уже давно нет, так и чай давно уже пришлось пить с солью, теперь нет даже и соли, да и достать ее негде. Tout a toi. Jules Z. 29 апреля 1920 года» [3].

20 апреля *Владимир Казимирович* написал *Нине Юльевне*: «Дорогая Нинуша. Сегодня получил твои два письма... Я не знал, что ты не уедешь из Костромы на праздники, а то я тебе послал бы денег. Ужасно досадно, у меня всего вдоволь, а с тобой не могу поделиться. Сейчас была Оля (Ольга Юльевна), я ей дал денег 3 тысячи, и она тебе завтра пошлет, а то мне некогда, все репетиции. Дня через два *пошлем тебе посылку: сухарей и немного сала*. Ради Бога, скажи, когда у вас каникулы начинаются; я то, наверное, должен буду сидеть здесь все лето, т. к. театр наш до 15 июня, и у меня еще есть место в симфоническом оркестре, где раз в неделю будут концерты и летом. Главное, надо сидеть и беречь вещи, даже на дачу нельзя съездить, а то все украдут из квартиры... Как ты провела праздники? Я даже пасху не делал, т. к. творог был дорог, и *без красного яичка остался, оно стоило 300 р.* На первый день я *делал визиты*, был у Кругликовых, от них пошел к Тидебелям... Снес им немного хлеба, и (они) были очень рады. Затем заехал к Богоявленским. Там все по-прежнему, только Лёлю, кажется, расстреляли. ...обрадовались мне и угостили... На второй день был у Деге и обедал; они собираются уезжать и уже все подали и ждут только телеграммы, чтобы выехать из Москвы. У него купил смычок и ноты за 2 тысячи рублей. На Пасхальной неделе они приходили к нам с крестницей (Нины Юльевны), играли на рояле и со мной одну сонату. Концерт был устроен для Оли (Ольги Юльевны). Мы их угостили наславу ужином, т. к. Оля принесла с собой лепешек и сахару, так что было очень хорошо, и они остались довольны... Пожалуйста, *займи у кого-нибудь немного денег и купи себе всего. Я тебе посылаю 3 тысячи завтра, и через несколько дней еще вышилю*. Желаю тебе всего лучшего... Крепко тебя целую. Любящий тебя Володя» [3].

Во МХАТе *репетиции комической оперы* Лекока «Дочь Анго» стали чаще, с конца апреля начались черновые прогоны, а затем и генеральные репетиции. Б.Л. Изралевский писал: «Спектакль начинался в темноте на оркестровом tremolo, с усилением которого медленно освещалась сцена, и чуть слышно начинал петь хор. Вместе с усилением звучания хора и оркестра увеличивалось освещение сцены, пока оно не становилось полным, и все начинало звучать радостно, светло и молодо». Состав музыкальной части был уже более 100 человек: солисты, 40-голосый хор и оркестр из 30 музыкантов. Так что уже в это время *слова о спектакле разнеслись по всей Москве* [42].

Вадя написал *папе*: «Дорогой папочка. *Приезжай к нам поскорей*. Напиши, хорошо ли провел Пасху? У нас была серая булка, пасха и сто яиц. Я уже ходил босиком. Вчера от Александры Густавовны получили открытку. Целую. Вадя». А *Соня* написала *маме*: «Дорогая моя мамочка. Целую тебя крепко и обнимаю. Когда я ложусь спать, то зову бабушку в комнату, и она сидит в дяди Мишином кресле. А как я лягу, помолюсь Блаженной Ксении, то она меня закроет. Мы провели Пасху очень хорошо. У нас была пасха, в творог положили немного сливок, сметаны, 5 яиц и немного масла. У нас была маленькая булочка и яйца. Яиц накрасили 110 (штук)... Я бы очень хотела, чтобы нам всем жить вместе. Приезжай к нам сюда. Сегодня напишу папе. Мы купили (далее по-французски) лошадь. До свидания. Любящая тебя дочь Соня» [39].

Соня поздравила с праздником Святой Пасхи своего дядю *Михаила Юльевича*, который в Екатеринославе зимой в комнате *отморозил себе пальцы на ногах*, т. к. от холода *стал в трех пальто и в обуви*. *Дядя ответил* племяннице: «Милая Соня, спасибо, что написала мне. У меня было окрашено значительно меньше яиц. Губаревская кухарка Магдалина нашла, что вышло неважно, и перекрасила заново. Ученики приходили христосоваться, и такие хорошенъкие (яйца) принесли, я их съел последними. У меня сохранилось одно, присланное из Кузнецова, кажется года два, а, может быть, и больше тому назад. Оно совсем высохло и стало легким. *Здесь сахару нет*, белая мука есть. Я сам стряпаю на подсолнечном масле. Целую тебя и Вадю. Твой дядя Миша» [3].

В эти же дни *Вадя* писал *маме*: «Дорогая Мамочка, крепко тебя целую и поздравляю с прошедшей Пасхой. Я твое письмо получил сейчас, но прочесть не мог, потому что ходили воры, но не успели ничего утащить, потому что тетя Маша (Мария Юльевна) вышла (во двор). (Она услышала лай собаки и вышла с фонарем.) Целую. Вадя. P.S. Воры собирались залезть в сарайчик, а не в дом. В валенках уже давно нельзя ходить. Вадя». И в *следующем письме*: «Дорогая мамочка... К нам приходили девицы из Великого Двора ограбить сад, и тетя Маша устроила им лотерею. *Мы с Соней уже ходим босиком*. Вчера Олешка и Володя огораживали

малину. Сегодня у нас пашет Миша Боричев. Позавчера я зашил себе мокасины. Мы с *Ларей* играем в 4 руки очень хорошеные вещи. Мы так занимаемся: один день я, другой Сонечка, потому что бабушка устает. Мой поцелуй. Вадя». *Соня* тоже написала: «Дорогая мамочка. Целую тебя крепко и обнимаю. Башмаки, которые ты послала в валенках, носит Вадя. А мне отдал, которые носил раньше и в которых приехал 1 августа. А мои маленькие, которые починял Малинин, совсем рваные, отвалилась у носка подошва. Я завтра, если будет тепло, как сегодня, то пойду босиком. Вадя сегодня ходил. Сегодня мы повозили много дров на маленькой тележке, привезли три тележки. Очень хотелось, чтобы ты и папа приехали сюда. Завтра тетя Маша (Мария Юльевна) пойдет в Кадников пешком (12 км). До свидания. Твоя дочь Соня» [39].

Софья Петровна 2 мая писала *Нине Юльевне*: «Милая Нинушечка... У нас совсем лето, тепло, градусов до 20-ти и более. Коров выпустили, управляющий Марковским дал нам под выгон за скотным двором место, его загородили, и коровы ходят без пастуха. В саду много вычистили, и еще много осталось. Маша (Мария Юльевна) посеяла капусту и огурцы. Солдаты тоже посеяли и разделяют под картофель бывший телятник. Свой огород они будут беречь и наш спасут от хищения. *Начали пахать*, но еще не сеяли, должны дать семян на посев, но агент еще не приехал. Курочек, хоть 10 штук, но кладутся порядочно. *Лошаденка возит воду* и прочее, что нужно в усадьбе; ждем от нее жеребеночка. Также скоро отелится Красильница, и будет достаточно молока, будем копить и на масло. Скоро ли у тебя кончатся занятия, и ты приедешь? Жду, не дождусь, когда увижу тебя и Володю... Дети учатся на фортепиано и немного по-французски: читают, пишут, т. е. списывают с книги, немного учат слова. Оба на фортепиано сделали успехи. Если бы был настоящий учитель музыки, они бы приготовляли уроки, но... все же подвинулись вперед. Крепко целую тебя и благословляю. Будь здорова, успеха в делах. Любящая тебя С. Зубова» [3].

Владимир Казимирович написал жене: «Дорогая Нинуша. Письмо твое получил от 27 апреля... Я тебе пошло с проф.(ескором) 4000 р. и, может быть, маленькую посыпочку: *сахар и мыло*... Найти хорошо бы кого-нибудь, а то придется сидеть все лето и караулить вещи. Я чувствую, что мне необходимо отдохнуть, т. е. хоть пожить летом, если не в деревне, то хоть на даче под Москвой... *Собирают оркестр в Ростов-на-Дону*, но туда нельзя ехать с детьми. Затем приглашают в Нижний Новгород в оперу, как в прошлом году: жалование от 20 тысяч и красноармейский паек. И еще несколько мест только на лето, но мало интересных. Наш театр будет продолжаться до июня месяца. Я думаю, написать на всякий случай Гальперину, чтобы он прислал мне бумагу на проезд в Вологду, так что придется очень много времени тратить, хлопотать разрешения на проезд. Если хочешь, то я напишу и о тебе. Только воспользоваться его бумагой; (вряд ли возможно), не думаю, чтобы мы могли там остаться. Хотя у нас поговаривают, что, *возможно, оркестр упразднят*, т. к. не хотят совершенно работать. Всю зиму нам платили жалование, а теперь, когда коснулось дело до репетиций (идет у нас оперетта «Мадам Анго»), то *никто не желает репетировать*. Вообще, везде жалуются на нас оркестрантов, что мы губим дело. *В Камерном театре тоже упраздняют оркестр*, будет фисгармония. Я не знаю, как устраиваться: ехать на лето в Кузнецово или сидеть здесь в Москве? Пока *пайка у меня нет*, но в трех местах обещали мне. В пятницу ходил к Деге, они уезжают 1 мая, в два (часа) дня у них должна быть посадка в вагоны... Тебе очень кланяются и очень жалеют, что тебя не было... Взяли наш Кузнецовский адрес и обещали при первой возможности нам написать, ... через Англию можно получать письма. Мне так их жаль, что уехали, но меня радует, что у нас хоть заграницей теперь есть друзья. Художественный театр собирался ехать заграницу, но его не отпустила Театральная Секция.... Мамочка пишет, что Маша (Мария Юльевна) очень устала. Я думаю, ей очень трудно одной справляться с хозяйством и столько детей кормить. Мы бы *должны поехать домой и помочь ей летом работать*, а то она одна не справится... Удрать ужасно хочется, но все говорят, что нужно сидеть и не ездить. На Юге еще не скоро утихомирится, это какой-то котел. Вот я сыграл в концерте 1 мая и могу тебе послать немного денег. Желаю тебе всего лучшего. Целую крепко. Любящий тебя твой Володя. P.S. Ты об отпуске, может быть, похлопочи заранее, чтобы зря не сидеть там... С Олей (Ольгой Юльевной) мы купили для мамочки 10 фунтов мыла и думаем как-нибудь переслать. Целую. Володя» [3].

Дети тоже писали маме. *Соня*: «Дорогая мамочка. Целую тебя крепко и желаю всего

хорошего в твоей жизни... И *Вадя*: «Дорогая мамочка, крепко тебя целую. Вчера я. Володя и Володюшка *наловили карасей и сварили на костре уху*. Позавчера *тёнтик* (тетя Мария Юльевна) ходила в Кадников и *купила мне сапоги с дыркой* сзади, но мне ее зашил солдат... Я уже *давно хожу босиком*, потому что очень тепло... Целую. Вадя» [39].

8 мая в зале Университета в *Костроме* состоялся *Юбилейный концерт учеников* Музикальной Школы II-ой ступени. Из Программы концерта видно, сколь разнообразным было обучение. Восемь педагогов представили 31 выступление в двух отделениях концерта. Выступили: хор учащихся; вокалисты solo и в квартетах и квинтетах из оперного класса; пианисты solo, на двух роялях и даже на двух роялях в 8 рук. Четыре номера принадлежали ученикам Нины Юльевны Зубовой. Это «Концерт» Давида, «Девятый концерт» Берии, «Фантазия-Аппассионата» Вьетана и партия скрипки в квартете «Ave Maria» Баха-Гуно, где, кроме вокала было еще фортепиано и фисгармония [14].

16 мая *Софья Петровна* написала *дочери*: «Милая Нинушечка, письма твои от 1 и 2 мая... получили. Очень рада, дорогушечка, что *играла хорошо в концерте*. Всегда была моя мечта, чтобы ты была солисткой... Ужасно досадно, что *нынче не будет дано каникул*; теперь тепло, деревья все оделись, даже дубы, и детям, вероятно, скорее хочется конца ученья. Конечно, *найдется работа в деревне*: доить коров не придется, т. к. Евгения никому не дает, а ограбить сено; скоро придется косить траву в огороде для лошади, пасти коров, пилить (древа) тебе можно, но рубить и косить не полезно. Если много косить, могут трястись руки... *Овес и ячмень посеяли*, в огороде *картошку посадили*. *Вадя и Соня все время работали*, носили картошку, садили, прогребали гряды, и все делали очень весело. ... *Нужно, чтобы (вы) приехали оба с Володей*, надобно пожалеть нас стариков. нашей жизни осталось очень немногого. Мы и то с Машей (Марией Юльевной) все одни, да одни; она так ждет вас... Мы уже назначили для вас с детьми гостиную, комната большая, воздуха много, балкон... Нам *дали 3 десятины сенокосу*, это запущенное поле совсем близко, подле Великого Двора. Так что удобно, как в прошлом году: накосят в поле и привезут на двор, где мы сушим и убираем на конюшню. Прошлый год травы были очень плохие, и сена 1 пуд доходил до 900 р. У нас было лишнее *сено*, которое *мы продали*... и потому *смогли уплатить* все деньги за лошадь – 75 тысяч. Я думаю так: ехать до Вологды по железной дороге, а в Вологде (сесть) на пароход до Рабанги, а от Рабанги до Кадникова нанять. В Кадников, если наша лошадь окрепнет, можно ее послать с Володей за тобой... Я не смотрю, как на прихоть, твое желание работать физически, это, без сомнения, здорово... Целую, благословляю. С. Зубова. *Ваде и Соне* Маша (*Мария Юльевна*) *купила сапоги*, ... обе нары впору, я сделала им портянки. *Приписка*: «Милая Нина, приезжай в Кузнецово. Мария» [3].

Соня написала *маме*: «Дорогая мамочка. Целую тебя крепко, крепко и желаю всего хорошего. *Об обуви* нам с Вадей *не хлопочи*, потому, что тетя Маша (Мария Юльевна) достала две пары сапог, и *мы теперь с обувью*. Напиши папе, чтобы он тоже не хлопотал об обуви. Я хотела тебе сделать сюрприз, а тетя Маша сказала, что мама там хлопочет и беспокоится, и я решила написать. Может быть, придет сапожник и сделает еще по туфлям. До свидания. Соня. Извини, что худо написала» [39].

Лето 1920 года

В конце мая *Владимир Казимирович* писал *Нине Юльевне*: «Дорогая Нинуша... Раз тебе хочется, то *приезжай в Москву* на съезд; по крайней мере, отдохнешь здесь и посмотришь у нас «Мадам Анго». (Премьера спектакля прошла в мае и вызвала бурную овацию. В результате К.С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко договорились о создании Музикальной студии Художественного театра, костяк которой и составил коллектив, игравший этот спектакль [42].) Приезжай, увидишь, как я тут живу, может быть, и сама останешься в Москве или же уедем вместе куда-нибудь. Наш *театр будет работать июнь месяц*, и нам предложили разовую плату: 1-ые голоса – 2200 р., 2-ые – 1800 р. за каждый спектакль. Предполагается 20 спектаклей, 4 спектакля в неделю... Теперь летом *все получают* так, *от 2-х до 3-х тысяч в вечер*; иначе не найдут музыкантов. В июне месяце у меня

складывается *работа таким образом*: вторник, среда, пятница, суббота *Художественный театр*; в воскресенье - *симфонический оркестр от Пролеткульта*; в понедельник *играю за паек в Лазарете*, но еще *ни разу не давали пайка*, т. к. мы поступили 15-го, и дадут только 1 июня. Есть *еще один полк*, куда я зачислен с 1 мая, *но пайка еще не дают*. Словом, буду занят каждый день. Когда поеду в Кузнецово, я тоже не знаю, нужно будет держаться за пайки, т. к. в будущем году будет плохо, ибо теперь такая засуха, что рожь перепахивают, вся выгорела. Но *чтобы прожить в Москве, необходимо сейчас запастись дровами*, по крайней мере, двумя саженями. Теперь *дрова стоят 20 тысяч (сажень)*, а чем дальше, тем будет дороже. Затем, *нужно будет купить трубы и сложить из кирпичей печку*. Вот если это все будет, то, пожалуй, можно будет кое-как жить, *при условии, если будет паек*. Я думаю, что ты здесь найдешь место, т. к. музыканты очень нужны. Вот как мы сделаем с детьми? Надо жить вместе, т. к. их учить нужно. Вот для этого и нужно тебе приехать, и мы потолкуем основательно и, если решим жить в Москве, то нужно будет теперь же хлопотать о дровах и пр. *Приглашали меня в Нижний Новгород* в оперу, давали 46 тысяч руб. жалования в месяц и паек; приглашали на два месяца. У меня даже была мысль: если бы мы оба прослужили бы там лето, то как раз могли бы на зиму купить дрова или же поехать в Кузнецово. Предлагали мне в *Бердическ*, нам обоим тысяч 20; говорят, что все там дешево, *но* теперь, кажется, ничего не выйдет. т. к. *оркестра не найдут*. В *Екатеринодар приглашают в оперу*, но я еще не ходил (узнавать). Вот это все нам надо выяснить. Тебе надо отдохнуть. *Хорошо бы в Кузнецово уехать*. Мне так хочется туда или, вообще, куда-нибудь на воздух, а то здесь ужасно надоело. Еще лето (только) началось, а уже думаешь о зиме, которая в этом году еще ужаснее будет. Как ты в *Костроме*, получала ли ты хлеб и *можно ли там устроиться на паек?* Может быть, нам и придется куда-нибудь уехать в один из этих городов, конечно, только временно, на одну зиму... Словом, приезжай. Денег у меня теперь пока нет и послать тебе не могу, т. к. не знаю, когда уедешь. Если поедешь в *Кузнецово*, то я тебе пошлю туда, хотя мамочка пишет, что *за деньги ничего нельзя купить...* Завтра едет виолончелист Крейн в Вологду, думаю с ним послать... мамочке мыла... До свидания... Целую. Любящий Володя [3].

1 июня *Софья Петровна* написала *дочери*: «Милая Нинушечка, письма твои и *афиши концерта учеников* вашей школы *получила*. ...мы находимся в неопределенном положении, *предполагается в наш дом поместить приют, а нас*, может быть, *поместят в двух комнатах*. Нас это очень обескуражило, особенно меня. Да, кроме этого, русская печь одна, небольшая, ...а если будет приют, то негде будет готовить, да и опасно летом жарить печь, может загореться сажа, а печника не найти. Хоть бы дождаться скорее твоего и других детей приезда, все легче было бы переносить неприятности. ...дня три было холодно, и часть огурцов померзла. Маша (*Мария Юльевна*) все *возится с огородом*, косит в огороде, там трава большая... На будущей неделе нужно будет возить навоз... *Лошадка пахала и боронила*, она в белых чулочках, зовут ее Пташка, т. к. она маленькая, все ждем жеребеночка. Эту неделю детям даны каникулы, а потом опять будем заниматься. *Сонечка* помощница Маши, *помогает ей поливать в огороде*. Маша подарила ей свою маленькую леечку... *Притиска*: Милая Нина! У меня *мысль: устроить в Кадникове концерт*. Будете играть вы с Владимиром Казимировичем, и могут участвовать и дети твои. Как ты находишь? Тебе аккомпаниатора можно пригласить... Если приедешь в сенокос, помогай грести сено. Недурная мысль иметь женщину, но чем мы будем ей платить? Маша» [3].

2 июня *Владимир Казимирович* написал *Нине Юльевне*: «Милая Нина. Два твоих больших письма на Художественный театр я получил и еще получил две открытки на домашний адрес. Мы начали уже работать в Художественном театре... Но все мне не удается сыграть (в пятницу), т. к. у меня есть полк, а послать туда не знаю кого, и в театре я один, так что хоть разорвись. Это меня ужасно злит, что службу в двух местах невозможно совместить. Вообще, *настроение у меня отвратительное, работы много, а толку никакого*. Если бы я мог кого-нибудь оставить в квартире, то уехал бы в Нижний Новгород на два месяца, хоть покупался бы и (получил) маленько разнообразие... Поеду ли в Кузнецово, сказать не могу, т. к. *июнь надо играть в театре*, а там *не захочется бросить Просветкульт и полки*, и опять не придется ехать. А уехать куда-нибудь надо бы, т. к. ужасно все надоело, а еще предстоит целая зима впереди. Как мы будем жить эту зиму, где и вместе ли? Нужно все-таки детей учить музыке, с одной стороны, а с другой, голод и холод. Все это ужасно мучает.

Урожай нынче плохой... Мне передавали, что в Кинешму нужны скрипка и виолончель, (но) прежде всего, нужно иметь паек, а где без пайка, то там *везде трудно будет жить...* Будешь писать нашим, (напиши) им, что я здоров и благополучен. Целую. Володя» [3].

6 июня **Владимир Казимирович** сообщил: «Дорогая Нинуша. От Гальперина (из Вологды) я получил разрешение (т. е. командировку, ордер на бесплатный проезд во 2-ом классе и на провоз 23 тысяч рублей багажа). Эти документы присланы от Воинской организации на два лица, так что придется ехать вместе. Документы действительны на целый месяц (до 29 июня), но я тебе (их) не посылаю, т. к., если мы не поедем, то их нужно будет отослать обратно. Вот нам нужно решить, как мы поступим? Ведь, если мы поедем, то придется уже и служит там. Это все нужно обсудить. Я думаю, что можно будет все-таки съездить на месяц в Кузнецово и начать (служить) с августа месяца. О жалованиях он не пишет... Вот только рояль наш (зарегистрированный властями) девять некуда, а то можно было бы уехать туда, и наши дети были бы вместе (с нами), и всегда родителей можно было бы повидать и привезти им и оттуда чего-нибудь взять. С этой войной теперь ужасно будет с дровами в Москве. Но моя мечта уехать на Юг... Мне ужасно хотелось бы уехать на Кубань, оттуда приехали некоторые музыканты говорят, что там хорошо можно устроится в любой станице заниматься уроками, т. к. спрос большой, в особенности (на) пение (и) хор. Станицы – это те же города, но вместе с тем это и деревня. Но это все очень трудно. Вот в Екатеринодар собирают оперу, там нужны виолончель и скрипка, но, кажется, нельзя вести детей... Ну, до свидания. Целую крепко. Любящий Володя» [3]. В.И. Липаев писал, что в Саратове можно «моментально поступить в Советскую оперу или в Государственный симфонический оркестр [13].

Вадя написал маме из Кузнецова: «Дорогая мамочка... Позавчера мы ездили в Марковской лодке, но ничего не поймали... В Великом Дворе есть качели, и мы туда ходим качаться. Я мету нашу комнату. Приезжай поскорей. Я купаюсь. Крепко целую. Вадя» [39]. А Софья Петровна написала: «Дорогая Нинушечка... Твой муж писал, что приедет, вероятно, на свои именины... Ждем вас, дорогие мои, с нетерпением. Сонечка сделала длинную бумажку, на которой написала числа и дни, и она каждый день отрывает день, что прошел. Так хочется скорее вас увидеть, пожить с вами. К нам поселили шесть молодых людей, два инженера и четыре практиканта, они работают для Марковского, нивелируют скотский выгон, ...Марковский управляющий направил (их) к нам. Они с 7-ми часов утра уходят на работу, возвращаются к 4-м дня. Все молодые, очень скромные, совсем нас не беспокоят. Они занимают северный кабинет и комнату Маши (Марии Юльевны)...». В саду же в это время стояло много солдат с лошадьми, которые паслись в саду и в огороде. К солдатам без церемоний приходили в гости девицы с парнями, так что хозяева не чувствовали себя у себя дома. Даже мостки на большом и круглом пруду все изломали [3].

1 июля **Владимир Казимирович** опять написал жене: «Дорогая Нинуша. Деньги 10 тысяч я тебе послал... Сегодня я уже свободен и мог бы уехать куда угодно на 1.5 месяца. но придется сидеть в Москве, т. к. выехать очень трудно, да и квартиру не на кого оставить... Я, конечно, написал (в Кузнецово), что приеду к своим именинам... Но, думаю, что вряд ли мне это удастся..., т. к. ...если никого не остается дома, то всегда получается целый скандал... Тебе необходимо приехать сюда, чтобы взять продовольствие, которое привезла Оля (Ольга Юльевна), но это нужно будет сделать, когда уже выясниться, где ты будешь зимой. В этой квартире жить зимой нам всем нельзя. т. к. проводить трубы в форточку мало толку, все время будет дым..., и все равно холодно. А на печку, дрова и трубы придется истратить 30 тысяч. Если же я буду один, то, в крайнем случае, может быть, устроюсь в Художественном театре. (В гримерных уже ночевали некоторые нужные театру люди.) Перевозить же вещи и искать новую квартиру, это тоже будет не меньше стоить, и вопрос: отдаст ли нам А.(лександра) Г.(уставовна) кровати и остальную мебель? Конечно, ты могла бы здесь найти работу и зарабатывать бы больше, чем в Костроме, но квартирный вопрос неразрешим... Если мне переехать куда-нибудь (одному?), то нужно пристроить куда-нибудь вещи....Если ты останешься в Костроме, то ты должна выговорить себе более выгодные условия, ...потребуй себе комнату с отоплением, или они должны дать тебе дрова... Если они тебе не могут гарантировать теплую квартиру и такие условия, чтобы ты могла жить с детьми не проголодь, ...то ты отказывайся от этого места и приезжай сюда, или поедем в

другое место, где нам дадут паёк. Детей нужно взять, т. к. их надо учить. иначе уже будет поздно, и учить *Вадю обязательно музыке*, т. к. иначе его с 16 лет... заберут на различную допризывную подготовку или же прямо в казармы. Только еще музыкантам кое-как можно жить... *В Москве без работы сидеть не будешь*, тем более, что во всех театрах обещают пайки, да мы могли бы и в полку устроиться. Почему (у тебя) только двухнедельный отпуск? У меня отпуск до 15 августа... Видно, так и не придется побывать вместе в Кузнецово. Мне так все надоело, что теперь одна мысль: *уехать бы в Америку*. В этом направлении нам и надо думать: *как только кончится война*, то, думаю, что это возможно будет... Целую крепко. Любящий тебя Володя» [3].

2 августа *Владимир Казимирович* послал письмо *Софье Петровне*: «Дорогая мамочка. У нас в театре *спектакли кончились*, и я свободен до 15 августа, т. е. 1,5 месяца. *Если удастся мне устроить все свои дела, то я приеду*. Ужасно хочется вас всех повидать и хоть немного отдохнуть, подышать деревенским воздухом... Я боюсь оставить квартиру; так как у нас часто все уходят, то опять могут нас обокрасть. Очень *трудно получить разрешение на выезд* из Москвы. Целую всех крепко. До свидания. Любящий Вас В. Герман». И на обороте этой страницы: «Милые мои, Вадя и Соня. Давно от вас не имел писем. Сам мало пишу, потому что занят, а вот вы, наверное, целый день бегаете. Хоть что-нибудь написали о себе, и как вы все живете в Кузнецово? *Очень хочется вас всех повидать*. Целую крепко. Любящий вас папа» [3].

В августе *Нина Юльевна* из Костромы *уехала в Кузнецово*. 5 августа *Владимир Казимирович* написал *жене*: «Дорогая Нина. Пропуск (на проезд) мне удалось получить, но слишком поздно. Мне хотелось здесь заработать, чтобы тебе выслать на дорогу. В Народном Доме мы только одну неделю играли три дня, в следующую неделю было два спектакля, а теперь только один раз в неделю (в воскресенье). Халтур тоже нет, так что денег мне хватает только для себя, ...покупаю только картошку и огурцы. К тому же в Лазарете, где я получал паёк, упразднили оркестр, так что я теперь без хлеба... В субботу будет репетиция, и я узнаю, будет ли продолжаться этот театр? А ты пока живи в Кузнецово, отдохни, а то зимой будет трудная работа. Слышал, что в театрах пайка не будет, в полку очень трудно устроится, а нам необходимо иметь каждому паёк, иначе мы с голоду умрем. ...место за тобой сохранится (видимо, в Народном Доме). ...может быть, зимой сезон будет удачнее... *Деньги я тебе вышлю, когда получу* в Художественном театре *после 15-го*.... а пока, если можно, то поживи в Кузнецово, а там *приедешь к сентябрю*. Если я пайка не получу, то, может быть, вместе куда-нибудь и уедем, там видно будет. Когда поедешь, то, если можно, привези чего-нибудь из продуктов: муки, крупы, масла; может быть, на что-нибудь выменяешь... Целую всех крепко: мамочку, папочку, Олю (Ольгу Юльевну) и детей. Пиши о них, как их нашла?. Любящий Володя.» [3].

И еще одно письмо мужа от 7 августа: «Дорогая Нинуша. Сегодня у нас (в Народном Доме) была назначена репетиция, но не состоялась, т. к. некоторые музыканты не пришли. Мне сказали, что у нас *спектаклей будет два в неделю*: в среду и в воскресенье... Может быть, *заведовать оркестровыми делами я возьму на себя*, т. к. теперь порядка никакого нет. Музыканты не все являются на игру. ...О театре беспокоится нечего, т. к. скрипачей мало, и *место всегда найдешь*. Денег я добуду и тебе вышлю, вот только *продовольствие надо запасать*... Хотя эта зима еще ужаснее (будет)... Мамочка мне пишет, что хорошо, что *дети наши будут с нами*. Я и сам этому рад, только вот бы учились бы они музыке. Хорошо, что начала с Вадей заниматься... Теперь *буду искать куда-нибудь устроится за паёк играть*... Я думаю, что с детьми мне можно будет ездить на дачу за дровами и шишками. Так что мы будем и воздухом дышать, и запасем на зиму топлива, т. к. этих *древ не хватит, а купить невозможно*. А пока ты сиди, занимайся с детьми, не волнуйся и отдыхай хорошенъко. Целую крепко тебя и детей. Любящий Володя» [3].

23 августа *Владимир Казимирович* написал: «Дорогая Нинуша, получил твоё письмо от 12 августа. *Приехать не мог*, хотя мне очень хотелось отдохнуть хоть недельку... Очень *рад*, что *Вадя и Соня разбирают ноты самостоятельно*, скажи им, что они меня этим очень порадовали... Мне *предложили в Камерном театре (быть) резервным*, за 5 спектаклей в месяц я буду получать жалование тысяч 8 и, кроме того, *за каждый лишний раз*, кажется, 3 тысячи; затем, там будет *обед и ужин*. Но я *не знаю, как я совмещу три театра, но я пока*

вялся. Найти паёк очень трудно, потому что *распустили пять струнных оркестров*. Главная причина, что *нет хлеба*; красноармейцы получают уже 1 фунт хлеба (в день), и еще хотят сбавить. Имей в виду, что *зиму придется сидеть без хлеба*, так что, если будет у тебя возможность, то привези хоть крупы немножко и муки, а также для киселя, а масла и яиц вы бы ели (там). Я хочу, чтобы ты подкормилась, так что тут придется (жить) не так сытно. Приехал *Кащенко* (баритон), ты его, наверно, помнишь, пел у нас в Народном Доме. *Собирает труппу оперную в Омск*, говорит, что (будет) хорошо, приглашает меня. Поедет он через месяц, туда повезет всех в отдельном вагоне, так что *дорога ничего не будет стоить*. Вот, если у нас будет неважно, да к тому же он говорит, что *у них паёк*, то *можно будет и уехать*. Там мы будем сыты, потому что здесь везде неурожай, а там еще старые запасы есть... В Саратов ехать не стоит, т. к. там был пожар, выгорело 36 кварталов (по газетам), да и вряд ли там лучше. *У нас хотят взять комнату*, т. к. взяли на учет, и все ходят смотреть. Я заявлял, но не знаю, что из этого выйдет. Через неделю, думаю, ты уже приедешь. Деньги *10 тысяч тебе посылаю* сегодня. Целую всех крепко и *благодарю всех за детей*. Передай родителям, что я их очень люблю и все о них думаю, и очень жалею их. Целую. Володя» [3].

К 1 сентября *Нина Юльевна* выехала *с детьми из Кузнецова в Москву*. *Софья Петровна* писала вдогонку: «Дорогая моя Нинушечка. Ничего не знаю, как ты доехала с детьми, благополучно ли? Очень грустно без тебя и детей, целый день ты была у меня на уме. Тишина теперь у нас монастырская... Сегодня всем поднесла по твоей конфетке, уладить горечь жизни. Скучно без вас... Я и папочка целуем вас и благословляем. Всего наилучшего Любящая тебя С. Зубова» [3].

Как мы знаем из истории и видим из приведенных здесь писем, политика «военного коммунизма» 1918-1920 годов «не только не вывела Россию из экономической разрухи, но и усугубила ее. Нарушение рыночных отношений вызвало развал финансов (чудовищную инфляцию), сокращение производства в промышленности и сельском хозяйстве. Население городов голодало и сидело в холода. Однако централизация управления страной позволила большевикам мобилизовать все ресурсы и удержать власть», несмотря на продолжающуюся кровопролитную Гражданскую войну, которая еще больше способствовала ухудшению экономической ситуации в стране [37].

Источники:

К главе VI (с учетом источников к главам I, II, III, IV и V).

43. Чеслав Сосновский (Чесловас Соснаускас) // Литва. Краткая энциклопедия. Вильнюс, 1989. С. 536.
44. Московский Художественный театр. М. 1984. Основные даты истории МХАТ.
45. Вольный театр (бывший Колизей) // Журнал «Вестник театра», 1920 г., № 5. С. 8.
46. Марков П. История моего театрального современника // Журнал «Театр»: 1967, № 10. С. 142-155; 1969, № 5. С. 106-120.

Глава VII. В оркестре Московского Художественного театра.

Осень и зима 1920 года

К 1 сентября 1920 года *Нина Юльевна с детьми* приехала из Кузнецова в Москву, в ту самую квартиру Александры Густавовны Третьяковой № 65 в доме 10 по Новослободской улице, где супруги Германы занимали одну комнату. Надо думать, что Владимир Казимирович был очень рад видеть своих подросших с прошлого лета детей: Ваде исполнилось 11 лет, Соне 10-ть [1].

Софья Петровна писала вдогонку: «Дорогая моя Нинушечка... Ничего не знаю, как ты доехала с детьми, благополучно ли? Очень грустно без тебя и детей, ...тишина у нас теперь монастырская... Сегодня всем поднесла по твоей конфетке, уладить горечь жизни... Напиши подробно, как доехали...» [3].

С 1 сентября 1920 года начался 23-ий сезон во МХАТе [41], где в оркестре играл Владимир Казимирович. «Репертуар состоял из «Синей птицы», «Царя Федора» и «Дочери Анго». Кроме того, шел спектакль Первой студии «Сверчок на печи». К.С. Станиславский начал репетировать «Ревизора» Н.В. Гоголя, а Вл. И. Немирович-Данченко приступил в Музыкальной студии к постановке комической оперы «Перикола» [42].

Вадя и *Соня* скучали по Кузнецовой, по дедушке и бабушке, и *писали письма*. *Соня* послала две открытки: «Дорогой дедушка! Хорошо ли Вы живете, дорогой дудик? Недавно получила от Вас письмо и очень была рада. Сегодня в комитете давали хлеб. Я всегда сама хожу за хлебом. Вчера я получила конфеты и пишено по детским карточкам. До свидания. Целую Вас. Соня-внучка». И: «Дорогой бубик (бабушка). Мне бы хотелось побывать в Кузнецовой. Милый бубик, Вам, наверно, очень тяжело поднимать с постели дедушку? До свидания. Любящая Вас Ваша внучка Соня» [39].

Софья Петровна ответила: «Милая, дорогая Нинушечка, получила твоё и детей письма. Рада, что дети будутходить в школу. Но, отчего Вадя не держал экзамен в Консерваторию? Мне что-то так грустно, что нет тебя со мной. Веялку нам починили кузнецы, что работают в Марковском, ...и твои спички и соль остались... Молоченье кончилось 15 числа... Завтра будем копать картофель»..., и далее все о хозяйственных делах. «*Насчет хлеба была комиссия* из трех человек, а потом еще был агент, все записывали сколько намолотили хлеба, а сколько оставят нам и сколько возьмут, еще не известно. Когда кончим в огороде, тогда примемся и за дрова... Не топим, потому что тепло. Папочка, Маша (Мария Юльевна) целуют тебя. Я целую тебя и Володю и благословляю. Будьте здоровы и счастливы. Любящая тебя С. Зубова» [3].

26 сентября *Софья Петровна* опять написала *Нине Юльевне*: «Милая Нинуша... Насчет долга, пожалуйста, не беспокойся, я желала бы, чтоб ты совсем его мне не отдавала, но ты за меня на это сердишься. Крепко целую тебя, Володю и детей. Будьте здоровы, всего наилучшего. Любящая С. Зубова». *Приписка*: «Твои конфетки доставляют нам большое наслаждение. Напиши, как дети себя ведут, помогают ли, и нравится ли им в Москве?». А на обороте написала *Ольга Юльевна*: «Я просила, чтобы кто-нибудь из санитаров привез (вам) муки..., а они, конечно, заломят цену, и вам взять не по состоянию. Я надеялась кое-что продать и заработать, тогда было бы, чем уплатить. Мамочек я за тебя (деньги) отдала, т. к. Герману должна... Целую. Оля. Германа и Александру Густавовну целую» [3].

1 октября 1920 года *Нина Юльевна*, почему-то под фамилией *Зубова-Герман*, была *принята* на службу в *оркестр Московского Художественного Академического театра* [19]. Теперь она вместе с мужем, Владимиром Казимировичем Германом, ходила на все репетиции и играла в оркестре во время спектаклей МХАТа.

18 октября *Софья Петровна* писала *Нине Юльевне*: «Милая Нинуша... Получила ли ты посыпочку с Евстафием? За детей очень рада, что учатся (наукам и музыке), и все близко к дому; только бы старались. Жаль, что не пришлось в Костроме кончить ритмику (видимо для возможности дальнейшего преподавания), а еще тебе нужно для этого два года. У тебя столько занятий; вероятно, нет ни минуты отдыха днем. Дай Бог, тебе силы, энергии и здоровья исполнить все, что задумала. Маша (Мария Юльевна) едет завтра в Вологду хлопотать, чтобы нам оставили дом и постройки. Земли нарежут, но, если жить будет негде, то и земли не

Оркестр Московского Художественного театра под сценой во время спектакля
(Изралевский Л.Б. Музыка в спектаклях Московского Художественного театра. М.: ВТО, 1965)

надобно. Папочка похварывает, ...я чувствую себя гораздо слабее, днем часто ложусь. Пиши мне, дорогая, почаше, хоть несколько слов... Любящая тебя С. Зубова» [3].

25 ноября *Софья Петровна* опять написала в *Москву*: «Милые Нинушечка и Володя, ...давно не писала вам, все некогда было, перебирались в комнаты, в которых жили прошлую зиму... Теперь об Евстафии, который пришел домой и через несколько дней опять поехал в Москву. Я с ним послала тебе опять (*далее по-французски*) хлеба и узелок со старыми калошами и башмаками, что ты просила. В этом узелке три полотенца, наволочка и накидка Сонечки... Оказалось, что Евстафия, как дезертира, схватили в Вологде и посадили куда-то, он сильно захворал, вызвали его жену и, говорят, что он лишился языка. Печальная история, он только что женился, жаль их. Эта посылка, вероятно, пропадет. Очень *рада, что поставили печку*... Очень жалею детей. Сегодня за завтраком были любимые лепешечки Сони... Вам, конечно, труднее нашего, но что делать, дорогие, надо покориться воле Божьей и терпеть. Сегодня *продали жеребенка, корму мало*, 1 пуд сена стоит 2 тысячи... Вы не пишете, сделали дети успехи в науках; о музыке ты писала, что успеваешь. Будьте здоровы и счастливы, дорогие мои Нинуша и Володя, и спокойней духом. Не забывайте любящую Вас С. Зубову. Детям пишу отдельно. Папочка и Маша (Мария Юльевна) целуют Вас» [3].

Действительно, *жить в Москве было трудно*, т. к. супруги Германы, до ночи занятые на репетициях и спектаклях во МХАТе, не могли даже присматривать за детьми, не то, что заниматься с ними. *Вадя и Соня были предоставлены сами себе*, и, гуляя, часто, не замечали времени, а им нужно было делать уроки и по научным предметам, и по музыке, и как-то вести хозяйство. Сохранилось *несколько записок Сони* этого времени. 1) «Мамочка! Я не знаю, Золото, что со мной делается? Когда тебя нет, у меня сердце прямо тоскует, а когда ты дома, то перестает... Если ты меня любишь, то обязательно разбуди меня и приласкай. Так скучно, прямо беда. Софка». 2) «Моя дорогая Милюка. Муминька, Мусинька, Золотая, Бриллиантовая.

Изумрудная. Санфировая, Опаловая. Драгоценная и дорогая мамочка. Соня». 3) «Золотая мамочка! Крепко тебя целую. Я выпила молоко с салом и сделала обтирание холодной водой. Мне незддоровится... Не забудь меня приласкать получше, чтобы я проснулась, и дай хинки и укрой потеплее... Я знаю, что трудно меня разбудить, так ты за пятки пощекочи. Сонечка» [39].

12 декабря *письма* в Москву пришли от *Софьи Петровны* и *Юлия Михайловича* вместе. «Милая дорогая Нинушечка, - писала мама. Крепко целую тебя и поздравляю с Днем твоего рождения... История с Евстафием кончилась благополучно, он выздоровел и теперь у себя дома в Великом Дворе в отпуску. Посылка с вециами не пропала, он опять поедет в Москву на работы и отвезет посылку. (Привезет также и имеющиеся в Кузнецово и Вологде школьные учебники для Вади и Сони.) Детей целую и жду, что они напишут мне – с кем подружились в училище и какие науки им интереснее, и что играют в музыкальной школе, какие пьесы? Всего, всего наилучшего, успехов в делах, душевного спокойствия и прочих благ. Не забывайте нас». «Милая Нинуша. Как поживаешь, здорова ли? – спрашивал отец. Напиши нам, успешно ли идут у тебя уроки? А нынче на все пошли *такие цены, что и подумать страшно*. Денег ни на что не хватает. *Хорошо еще, что из усадьбы не выгнали*. А время такое, что и не знаешь, как жить? ...в городе-то и ехать не на что, и чего ждать – не известно. Дай Бог, тебе доброго здоровья и успеха в делах. Приезжай в Кузнецово. Ton père Jules Z. (Твой отец Юлий З.).» Сестра Ольга Юльевна приписала о смерти одной вологодской знакомой, которая не смогла прожить на городской паек: страшно похудела, сгорбилась, превратилась в крошечную слабую старушку и ушла из жизни от истощения [3].

Новый 1921 год. Конец Гражданской войны.

2 января 1921 года *Софья Петровна* написала в *Москву*: «Дорогие мои Нинушечка, Володя и Вадичка с Соней. Поздравляю вас с *Новым Годом и праздником Р.Х.* (Рождества Христова), желаю здоровья, благополучия и всего наилучшего... Мы, слава Богу, здоровы, и пока у нас все по-старому... Здоровы ли *вы, и сыты ли?* ... Жду от вас письма. Крепко, крепко целую и обнимаю, дорогих моих. Будьте здоровы и счастливы. Папочка целует всех, и желает всего самого лучшего в жизни, успехов в делах... Любящая вас С. Зубова» [3].

И в следующем письме: «Милая дорогая Нинушечка. Поздравляю тебя с наступающим Днем Ангела. Дай Бог, тебе здоровья и успехов в делах. Володю и детей поздравляю с дорогой

именинницей. Напишите, как провели праздники, и повеселились ли дети? **Праздники провели мы невесело**, одни на Новый год сидели до 12 ночи, помолились Богу, поздравили друг друга и легли спать... На второй день Нового года мы перешли вниз, в комнаты Антонины Петровны, а она перешла в девичью... Здесь очень тепло, ...уютно и прилично, совсем не тесно, грязные стены завесили картинами, жаль только рояля. Теперь легче Маше и Оле (Юльевнам), не нужно бегать беспрестанно за всякой безделицей по лестнице вниз... У каждой есть свой столик и кресло... **Продали корову** Пеструшку за 250 тысяч, **мало корму**; (получили) часть деньгами, 1 воз корму и 2 $\frac{1}{2}$ пуда мяса очень хорошего, а мы мяса давненько не едали... Я хотела бы послать вам хлеба и сухарей, но никто не бывал к нам, ...так досадно. Все думаю об вас, как живете?. Ты, дорогая **Нинуша, никогда не пожалуешься**, пишешь все, что хорошо живете...». Мария Юльевна приписала, что ей, как заведующей (Зубовской) библиотекой, дают дрова! [3].

И в следующем письме: «Милые и дорогие Нинушечка и Володя, получила письмо от 30 января. Как часто Вадичка хворает. Мы вспоминали тебя (Нину в День именин) 14 января. Я рада, что дети были не на одной ёлке, повеселились, по крайней мере, получили лакомства. Очень рада, что Сонечка была в театре. Радуемся за Вас, что получили порядочно провизии и могли хорошо покушать. Дай Бог, чтобы всегда так было... Вчера пришел к нам Евстафий Морозов и принес от Вас посылку: соль, сахар и мыло. Очень за все благодарим, но жаль, что отрываешь от своих, у Вас страшно все дорого. Сахар мы раздали и пьем с наслаждением кофе (конечно, суррогатный). Крепко целую дорогую милую Сонечку за письмо. Также Вадичку целую. Боюсь, что дети мало ходят в школу, необходимо учить их... Крепко целую Вас, дорогие мои, Нинушечка и Володя, также и детей. Будьте здоровы, успеха в делах и благополучия» [3].

В феврале 1921 года советские войска захватили Тифлис, практически подавив последние, кроме Дальнего Востока, очаги белогвардейского сопротивления советской власти на окраинах России. **Гражданская война кончилась**. Она «явилась страшным бедствием», т. к. усугубила и так тяжелейшую экономическую ситуацию в стране, приведшую «к полной хозяйственной разрухе. Материальный ущерб России составил более 50 млрд. рублей золотом. Промышленное производство сократилось в 7 раз. Была полностью парализована транспортная система... В боях, от голода, болезней и террора погибло 8 млн. человек и 2 млн. были вынуждены эмигрировать. Среди них были многие представители интеллектуальной элиты. Невосполнимые морально-этические потери имели глубокие социально-культурные последствия, долгое время сказывавшиеся в истории советской страны... В марте 1921 года В.И. Ленин предложил новую экономическую политику (**НЭП**). Это была антикризисная программа ...отступления от принципов военного коммунизма и использования «организационно-технического опыта капиталистов (введение свободы внутренней торговли, возрождения частного предпринимательства, замены продразверстки продовольственным налогом и т. д.) при сохранении командных высот в руках большевистского правительства». Главная политическая цель – снять социальную напряженность; экономическая цель – предотвратить дальнейшее усугубление разрухи, выйти из кризиса и восстановить хозяйство; социальная цель – обеспечить благоприятные условия для построения социалистического общества» и преодолеть международную изоляцию [37].

8 марта Софья Петровна, отвечая на письмо дочери, написала: «Милая дорогая Нинушечка... Прекрасно, что Сонечку приучашь к хозяйству, и не позволяешь без себя топить печь... Милая Сонечка написала мне прекрасное толковое письмо. Я ей тоже отвечаю: у нас бедный Марсик (любимая собака детей) на трех ногах, ему переломили ногу какие-то проезжие крестьяне. Оля (Ольга Юльевна) возила (его) к фельдшеру в Кадников, но не взялись бинтовать... Марсик очень страдал, и почти не ел; теперь ему лучше, бегает и ест прекрасно. Думали купить другую собаку, без собаки страшно, но ему теперь лучше, может быть будет нас сторожить...» [3].

Нина Юльевна послала маме в Кузнецово Ходатайство от Управляющего театрами о сохранении рояля и 10 тысяч рублей. Софья Петровна ответила: «Милая Нинушечка, ...я сержусь на тебя... Теперь самое трудное и дорогое время, все продукты поднимаются до невероятной цены, а ты мне посылаешь деньги, ...мы не нуждаемся... Пишу Дмитрию Степановичу, чтобы получил деньги, посланные тобой и переслал тебе обратно...» [3].

3 апреля Софья Петровна написала в Москву: «Дорогие мои, Нинуша и Володя, все

сердце изболело о вас с детьми. Пишете редко, и не знаю, что с вами, здоровы ли и как живете? *Здесь очень плохо*, у крестьян наполовину почти *нет корму для скота*. Мы еще бьемся, трясем каждую мелочь, так что, слава Богу, докормим до травы... Надеюсь, что вы не рассердились, дорогие мои, что *послала обратно деньги*. Деньги у нас есть, и *покупать здесь нечего*, а вам они нужнее, все дорожает и дорожает...». Нина Юльевна в Москве получила премиальные деньги за многолетнюю работу сестры Оли на санитарном поезде. Ольга Юльевна ее попросила отдать 7000 рублей Мане (жене Петра Юльевича), а остальные взять себе, и написала: «Скажи Сонечке, что кролики у меня бойкие. Марсик уже приступает на сломанную ногу и может тихо ходить, но кость (еще) не срослась, и он бегает на трех ногах. У Мурыськи не скоро будут котята... Это время я плохо себя чувствовала, принимала капли, не такие как надо... Надо бы йод, да его в Кадниковской аптеке нет. Пожалуй, *скоро ничего не будет*. Ну, пока до свидания. Целую тебя, детей и Германа. Александре Густавовне привет...» [3].

В следующем письме от 9 апреля Софья Петровна выразила большое *беспокойство из-за отсутствия писем* из Москвы, которые, видимо, просто пропадали, и *послала* (наверное, с оказией) *детям сухарей*. Мария Юльевна приписала: «Здесь *цены ужасно высокие на все*. Хорошо, что в этом году у нас хватит хлеба и корму, а то *сено стоит безумные деньги*, да и нет его нигде. Коров везде кормят соломой. Впрочем, дорогоизной вас, московских, не удивишь. Хорошо бы приехали пораньше. Если сами не можете рано, то пошлите детей с кем-нибудь, у нас будет сытно...» [3].

23 апреля *Софья Петровна поздравила* семью Нины Юльевны *со светлым праздником Пасхи* и пожелала провести этот день в радости и душевном спокойствии. Но его то и не было, т. к. московский дом на Новослободской улице, в котором жили Германы и А.Г. Третьякова с дочерью, должны были реквизировать, и *нужно было переезжать на* какую-то *другую квартиру*. Поэтому надежды приехать в Кузнецово почти не было, хотя Ольга Юльевна приписала: «Ждем, чтобы хоть кто-нибудь приехал, будет повеселее и полегче (в сельских работах). Нина Юльевна, Вадя и Соня тоже написали письма в Кузнецово. Из них стало известно, что дети часто простужаются и хворают. *Софья Петровна ответила*: «Милая дорогая Нинушечка... *Пока у нас все тихо*, нет солдат..., и молодежь не очень-то лезет в наш сад. Хорошо, если бы все лето никто не залезал к нам, коровам и лошади хватило бы корма... Володю целую, и очень бы желала, чтобы он приехал ныне летом к нам отдохнуть... Папочка и сестры целуют...» [3].

Видимо, *Нине Юльевне* действительно было очень трудно справляться со всеми житейскими проблемами, потому что 26 апреля старый друг семьи *И.В. Липаев* написал ей из Саратова: «*Никогда не следует падать духом*, а слушать велений своей души и, если она привлекает и отвлекает Вас от желаний работать на поприще искусства, то этим Вы не должны смущаться, ибо это вечные искушения человека, без которых он обойтись не может до тех пор, пока в нем присутствует радость жизни, стремление к вечности и познанию миров... Поэтому не зарекайтесь так рано складывать свои желания и утешаться дурной мыслью, что Вам не суждено как следует их воплотить. Конечно, артисту делается очень чувствительно, если он не дотрагивается до своей скрипки по несколько месяцев, но ведь *Вы ...играете в оркестре чуть ли не ежедневно!*» [13].

В конце мая в Кузнецово Ольга и Мария (Юльевны) получили *посылки от сестры Нины* из Москвы. Софья Петровна, в свою очередь, собрала посылку для дочери: 10 штук крашеных яиц и немного почтовой бумаги и конвертов, но Евстафий ушел, никого не известив об этом. Хотела послать посылку с Олей Киселевой, но ей не дали пропуска. Зато *сухари* для детей *по почте дошли...* 16 июня *Софья Петровна* писала: Милая Нинушечка... Очень *рада за Вадю*, что хорошо сошло (видимо, экзамен в музыкальной школе или выступление в концерте). *он очень талантлив*. А что сказал профессор о *Соне?* *Она тоже очень способна...* *Ждем вас*, дорогие мои *с нетерпением...* Верх весь вымыт и приведен в порядок. Когда приедете, тогда устроимся, кому где поместиться. Окна каждый день открываем, сырости нет... Напиши за несколько дней, когда выедешь. Когда будешь на Сухоне, нанимай до Кадникова лошадей, остановись у Зины..., а Оля (Ольга Юльевна) вас встретит в Каднике на лошади... Еще раз целую всех. Володю непременно жду...» [3].

Но сразу выехать в Кузнецово супруги Германы с детьми не могли. Во МХАТе еще *не*

закончился театральный сезон, во время которого на сцене появились две новые пьесы: «Балладина» и «Хозяйка гостиницы» [41]. Кроме того, «в связи с предстоящим III Конгрессом Коминтерна Театральный отдел Главполитпросвета обратился к К.С. Станиславскому и Вл. И. Немировичу-Данченко с просьбой принять участие в постановке «Мистерии-буфф» Маяковского ...на немецком языке. Художественный театр должен был взять на себя музыкальную сторону постановки. В ту пору оркестр и хор Музикальной студии составлял около 120 человек... Для того, чтобы усилить оркестр, были приглашены «еще 40 артистов оркестра Большого театра. Руководил постановкой Михоэлс... Для музыкального оформления «Мистерии-буфф» был приглашен композитор Ю.С. Сахновский. Когда он написал музыку для «Мистерии-буфф» в цирке начались музыкальные репетиции, затем объединенные репетиции музыкального и актерского составов. Репетиции проходили вдохновенно. Всех участников волновало сознание, что этот спектакль будет смотреть III Съезд Коминтерна во главе с В.И.Лениным. Репетиции проходили, можно сказать, круглосуточно: утром, днем и ночью. Ночная работа заканчивалась в 6 часов утра, но участникам спектакля, пережившим волнение и подъем во время репетиций, часто не хотелось расходиться. В газетах того времени подробно описана эта постановка» [42].

А еще семье пришлось переезжать и начать жить *по новому адресу: Кудринская Садовая улица, дом 12, квартира 5.* С разрешения Комиссии по учету и распределению музыкальных инструментов при Отделе Народного Образования Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов рояль Зубовой-Герман Нины Юльевны и Германа Владимира Казимировича № 4547 (371) фирмы Герман и Гроссман был также перевезен по этому же адресу, о чем владельцам был выдан соответствующий документ [1].

Лето 1921 года

Видимо, только в конце июля, к великой радости Софьи Петровны, Юлия Михайловича и сестер Нины Юльевны, Маши и Оли, *супруги Германы с детьми приехали в Кузнецово.* Конечно, москвичи, взрослые и дети, как могли, помогали в хозяйстве, но не забывали и музыку. В августе *семья дала в Кадниково концерт.* Владимир Казимирович играл на виолончели и пел, Вадя играл на рояле, Соня и Ларя (дочь Петра Юльевича) спели арию «Куда, куда вы удалились...?» из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Нина Юльевна, наверное, им аккомпанировала. Потом дети танцевали. Как вспоминали родные, «народу было битком набито, успех был колossalный, но сбор, ясное дело, небольшой» [1].

30 августа *Нина Юльевна с детьми* села на поезд, уходящий из Вологды в Москву, и 31 августа была уже дома в новой квартире. *Владимир Казимирович остался в Кузнецово помогать* в обмолотке хлеба и других хозяйственных делах. *Софья Петровна* писала в ответ на письмо *дочери:* «Милая, дорогая моя Нинушечка... Как ты, бедная, измучилась в дороге. Блаженная Ксения послала тебе доброго человека в дороге, напрасно не взяла у него больше денег, что он предлагал, жаль муки (которую везла с собой Нина Юльевна и, видимо, отдала кому-то за услугу), лучше бы (заплатила) деньгами. Целую дорогих моих Вадю и Соню за письма. Рада, что (дети) *выдержали экзамены...*, только бы Вадя выдержал в Консерваторию». И в следующем письме: «Спасибо Володе, что остался, теперь идет молотьба, и дела для мужчины много. Овес измолотили, и его очень порядочно, ...теперь есть, что давать лошади, курицам, и нам на крупу и муку будет. Сегодня последнюю посадили рожь; остался ячмень, который в субботу и измоловим... Картошки выкопали много, капусты много убрали, осталась мелкая, будем ее солить после молотьбы. Теперь мы займемся деланием всяких круп и городом... *Володя* твой очень мил, *все делает с удовольствием*, так мы ему благодарны... Сейчас с Володей вставила окна на балкон и в столовой. Еще очень важно перевезти с гумна овсяницу, ячменицу и все, что годится для корма скота... (Владимир Казимирович с Михаилом Ведровым позднее свезли овсяницу на конюшню.) ... В нашего бедного пса Марсика какой-то негодяй выстрелил в упор, ...думали, что он умрет в тот же день, но все еще жив, страдает ужасно, стонет. Это сделано, конечно, для того, чтобы легче было воровать по ночам; у нас все понемногу пропадает... Теперь хлеб свезен в амбар, страшно, что украдут, собаки теперь нет, да и замок один (от амбара и судебной камеры, куда складывали весь урожай). *Воровство здесь*

В.К. Герман (пятый справа во втором ряду) среди оркестрантов и сотрудников МХАТ'а

(Фото из семейного архива автора)

большое: у священника украли весь мед из ульев и хомут..., у отца дьякона украли петуха и 15 кочней капусты весом по 15 фунтов каждый, у нас вчера украли курицу и Олиных кроликов... Дорогушечка, молю за нас, чтобы все было благополучно.... Папочка, как и прежде, здоров, и тебя целует. Будь здорова, дорогая, с детишками, которых целую и прошу быть умными и слушаться мамочку. Постоянно думаю об вас и молюсь, чтобы Бог сохранил и помог вам... С Володей пошли для детей восемь носовых платков» [3].

Владимир Казимирович приписал: «Дорогая Нинуша, целую тебя крепко, также Вадичку и Сонечку. Когда вас посадил в поезд, то очень было вас жаль, и теперь *все время скучаю*. Как только что-нибудь узнаешь о театре, то сообщи мне. В понедельник иду в Кадников (12 верст), и буду просить отсрочить мое предложение, чтобы не потерять бесплатный проезд. Как вы живете без денег? Когда ты получишь? Мамочка мне дает папочкино зимнее пальто в Москву, так что я буду обеспечен эту зиму, только бы тебе теперь купить. Всю неделю молотили; слава Богу, завтра последний день. Целую вас крепко. Любящий вас всех Володя» [3].

А Мария Юльевна написала в том же письме: «Милая Нина. Думаю так (далее по-французски): *Если ты не будешь иметь возможности жить в Москве, то ты можешь приехать в Кадников, чтобы открыть музыкальную школу или просто давать уроки игры на фортепиано и пения. В течение этого времени нужно стараться продать всё, что можно, в Кадниково.* (Имеются в виду оставшиеся хозяйствственные постройки у дома отца, который реквизировали.) *Наши работники Николай Баричев сказал, что 4 миллиона за каретник в Кадниково, это очень дешево и, если будет разрешение его продать (и вывезти) из города, то он бы его купил.* Володя пошел в Кадников, чтобы попросить хозяев (которые живут в нашем доме в Кадниково) охранять все строения за вознаграждение (в виде) двух пудов овса...». И приписала еще: «Твой муж очень нравится Николаю Боричеву, и тот находит его способным к крестьянской работе. Теперь он (В.К. Герман) помогает Михаилу Ведрову, они возили с гумна овсяницу и прочий корм, теперь будут разбирать крышу тесового сарая...». Владимир Казимирович начал хлопоты по поводу каретника, которые Ю.М. Зубов подарил дочери Нине Юльевне, как бы переезжающей с семьей в Кадников, но Исполком разрешения не дал, решив разместить в нем пожарную команду. [3].

Владимир Казимирович написал жене в Москву: «Мамочка и мы все очень огорчены, что ты до сих пор не получила денег; следовательно, вы сидите без ничего... Меня ужасно беспокоит, что *нигде денег не дают*, и я ничем вам помочь не могу... Если такое же положение будет в Москве и в дальнейшем, то я думаю, что нам, может быть, и нужно будет переехать сюда (в Кадников) хоть временно. Это советует мамочка и Маша (Мария Юльевна). Можно будет развести огород или же летом жить в Кузнецово, помогать работать... Это, я пишу, только в том случае, если в Москве нельзя будет жить». Владимир Казимирович собрался приехать в Москву к 1 октября, привезти муки, крупы и картофеля и поэтому хлопотал о новом пропуске. «*Мне так вас хочется видеть*, - писал он, - а в Москву меня не тянет... Это всегда так, когда вы со мной, то я на вас ворчу, а когда вас нет, то об вас скучаю. Надеюсь скоро вас увидеть». И далее: «Милые мои Вадя и Соня. Бедного Марсика у нас застрелили, и (мы) закопали (его) под большим дубом возле курятника. Что вы делаете и ходите ли в школу? Удалось ли тебе, Вадя, попасть в Консерваторию? Целую вас, милые детки. Ваш папа» [3].

30 сентября **Софья Петровна** написала в Москву: «Дорогая моя ненаглядная Нинушечка... **Володя завтра едет**, уже вчера уложена часть (вещей). Повезет его Михаило Ведров... Посылаю *кое-что* (далее по-французски) из серебряной посуды, постарайтесь продать: деньги (эти) для вас и Миши (Михаила Юльевича), когда приедет в Москву... Не забывайте, пишите, когда можно хоть на открытке, т. к. *письма нынче дорого стоят*».

И далее: «Дорогой мой **Вадичка**. Скучно стало после вашего отъезда. Вероятно, ты очень рад, что в Москве. Как идут твои дела, *выдержал ли экзамен?* Я надеюсь, что да: ведь *тебе совсем нетрудно выучить пьесу*, только нужно не полениться. Дай себе слово бросить лень и увидишь, как все пойдет успешно и хорошо. Вы так недолго пробыли у нас в Кузнецово. Если буду жива, надеюсь, что на будущее лето опять приедешь к нам, ...тогда бросишь все свои проказы и лишние шалости, и мне останется только любоваться на тебя... Крепко целую тебя, будь здоров, будь более кротким и послушным. Не забывай любящую тебя бабушку С. Зубову» [3].

В рамках программы НЭПа (новой экономической политики советской власти) 15 сентября 1921 года Кооперативное товарищество МХАТа было преобразовано в Кооператив работников театра и его студий. Спектакли начались с 8 октября премьерой комедии **Н.В.Гоголя «Ревизор»**, поставленной К.С. Станиславским [40]. Музыки в этом спектакле не было [47], но В.К. Герман и Н.Ю. Зубова-Герман играли в оркестре в спектаклях репертуара театра прежних лет, а также во вновь появившихся постановках, например, в **«Периколе»** [41].

Кроме работы в оркестре театра, **Нина Юльевна** с 1 октября заняла должность **«аккомпаниаторши в Первом Московском Государственном Музыкальном Техникуме** при Главпрофобре», где получала паек. Она стала концертмейстером в классе пения оперной солистки и старого друга, заслуженной артистки М. Дейша-Сионицкой не только в Техникуме, но и в Консерватории. В этом же Техникуме по классу фортепиано занимался Вадя [19].

16 октября **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Милая золотая моя Нинушечка... Напиши, как доехал Володя, благополучно ли, не растерял ли вещи? Без него скучно, мы очень к нему привыкли.... Милую Сонечку целую и благодарю за поздравление (с именами)... Вещи, что привез Володя постарайтесь продать; из них часть возьмите себе, а часть оставьте у себя для Миши (Михаила Юльевича)... Получили бумагу от Губернского бюро жалоб, нам отказали возвратить реквизированную мебель; придется хлопотать, подавать дальше... Это письмо отправит М.(ихайл) Ведров, который пойдет в Кадников с моими письмами, а главное, послать тебе переводом деньги для Миши (который собирается перебраться из Екатеринослава в Кузнецово). Посылаю (далее по-французски) сто пятьдесят тысяч, знаю, что перевод денег очень дорого стоит, так что в письме сумму нельзя определить... Схлопотали деньги через жену о. дьякона. Я ужасно волновалась и плакала – где здесь достанешь денег? ... Крепко целую тебя, дорогая моя, также Володю и детей. Будьте здоровы и всего наилучшего. Любящая тебя С. Зубова». И в следующем письме: «Милая дорогая Нинушечка. Только что послала тебе письмо и перевод для Миши (Михаила Юльевича) сто тысяч. Хотела послать полтораста тысяч, но по одному переводу нельзя более ста. Михаил Ведров не сумел взять на почте еще другой бланк, перевести пятьдесят тысяч, и привез мне эти деньги обратно. С первой же верной оказией перешлю тебе эти деньги тоже для Миши... Все следующие с нас подати, сено и проч., уплатили... Папочка и сестры целуют. Детишек целую. Любящая тебя С. Зубова» [3].

26 декабря/8 января 1922 года **Софья Петровна** написала в **Москву**: «Милые Нинушечка и Володя, целую Вас и поздравляю с праздником Р.Х. (Рождеством Христовым) и наступающим Новым Годом. Как Вы проводите праздники, весело ли и благополучно ли? Не голодаете ли и не мерзнете ли? Праздник 25 числа (Рождество по старому стилю) был для нас невеселый... Четыре пары валенок стоили нам 24 пуда овса, а на деньги 1 440 000 руб... Я рада за Вадю, что он прислуживает в церкви, да еще в стихаре, говел и исповедовался, и хорошо, что на него наложили поклоны... Также Сонечка очень порадовала, что начинает хорошо учиться...». Притиска: «Что Ваши хозяева?» «Дай Бог здоровья милой твоей хозяйке, что заботится о тебе. Я тоже очень беспокоюсь, чтоб ты не осталась без дров» [3].

Действительно, дети стали более самостоятельны. **Соня** оставляла, например, такие записки маме: «Золотая мамочка! Вадя ушел к учителю, а я ложусь спать. Покойной ночи...». Притиска: «В школу не ходила, потому что шубу не успела сделать к 4,5 часам. Играла на рояле, и все сделала, что записала». Или: «Внимание, очень важно. Мама, в ватер нельзя спускать воду, потому что может нас залить. И Вадю предупреждаю, чтобы он этого не сделал, а то нас затопит, и мы погибнем. Надо не забыть, а то опасно. Соня» [39]. Дело в том, что с наступлением зимы в домах замерзали водопровод и канализация, т. к. центральное отопление в Москве не работало уже несколько лет.

28 декабря/10 января **Нина Юльевна** написала в **Кузнецово**: «Дорогие мои... Целую Вас и поздравляю с наступающим Новым Годом и желаю успехов в делах и здоровья. В первый день у нас была ёлка, были двое детей чужих и все Зубовы. Племянницы (видимо, дочери Петра Юльевича) были у меня первый раз. Княгиня (хозяйка) научила меня делать торт и лепешки, и я сделала еще конфеты из сахара. Вчера я с детьми была на ёлке в Художественном театре. Два детских билета стоили 170 000 р.». **Владимир Казимирович** также поздравил всех кузнецовых с Новым Годом и пожелал «полного успеха в делах» [3].

Вадя написал отдельное письмо: «Дорогие бабушка, дедушка, тетя Маша, тетя Оля и дядя Миша. Крепко вас целую и поздравляю... У нас в первый день *была ёлка*... Мне тетя Лиза (Елизавета Юльевна) подарила австрийский штык, и мне он очень нравится... Я пятнадцатого пойду на елку в школу... Я стал хорошо кататься на коньках и каждый день хожу на каток... Я получаю паек в *Музыкальной школе*: 24 фунта муки, 5 фунтов рыбы $\frac{1}{2}$ фунта сахара. Целую вас крепко. Любящий вас Вадя». А *Соня* добавила: «...На второй день Рождества *Вадя*, Валя и Лёля ходили на *«Синюю птицу»*, а я не ходила, потому что на *«Американском питании»* должна (была) быть ёлка, но ёлки там не было... Но мама говорит, что она меня возьмет на *«Синюю птицу»*... В третий день к нам приходила тетя Лиза (Елизавета Юльевна). А в четвертый день мы ходили в *Художественный театр на ёлку*. Там мы маршировали вокруг ёлки, потом нам показывали разные фокусы. А потом Тильтиль, Митиль, Насморк, Собака, Кот и Фея нам стали раздавать кустарных раскрашенных петушков и курочек. Вадя достался петушок, а мне ничего не досталось... А не хватило потому, что некоторые схватили по две штуки. А потом пошли чай пить; там давали по две конфеты и по два бутерброда, один с колбасой, а другой с сыром... А потом мы пошли через сцену, ...вышли к кассе, где нам дали по тюричку сладостей: ...сущеные яблоки, шесть печений, полплитки шоколада и пять конфет. До свидания. Любящая вас Соня Герман» [39]. *Софья Петровна* ответила: «...благодарю за поздравления с праздником. Мне очень приятно, что ты (Вадя) служишь в стихаре при Патриархе... Ты мне ничего не пишешь, как идет твое ученье и как музыка, успеваешь ли? Смотри, не зарывай свой талант, потом будешь раскаиваться... Мата, собаку тети Антонины, съели волки...» [3].

Нина Юльевна 2/15 января написала *маме*: «Дорогая моя мамочка... Мы *встречали Новый год* так: Володя был *на квартете у дирижера Орлова* с 7 часов; там проводили с пирогами и вином Старый год и без 10 минут 12 (часов) разошлись. Дома он, я и Соня *поели пирогов и выпили вина* и уже собирались ложиться спать, когда *пришел Вадя, который был в 12 часов ночи в церкви на молебне, и потом еще встретил Новый год у отца Филарета*... Вчера Сонечка была у соседей наших на ёлке, а Вадя – у Всенощной. А сегодня он на ёлке в своей школе с 5-ти часов, а потом должен пройти к 8-ми часам на ёлку к отцу Филарету (из нашего прихода), который живет со своей сестрой-монашенкой... Он уже был там на именинах и еще несколько раз с другими мальчиками. Все угощаются белыми пирогами и пьют чай с конфетами. *Отец Филарет любит беседовать с мальчишками на духовные темы*. Завтра, кажется, у Сонечки ёлка в школе... *Мы не голодаем и не мерзнем*. В морозы *больше 10 градусов* не можем *натопить*, но *когда тепло, то доводили до 13-ти. Дрова* здесь теперь **1 200 000 р. сажень**, а бревнами – миллион. Но валенки, вероятно, у нас можно купить за 500 000 руб., а 6 пудов овса, что Вы заплатили за каждую пару, у нас стоят приблизительно 2 000 000 р., так что ...у нас дешевле. Оказывается, *в Москве дешевле одна сажень дров, чем в деревне одна пара валенок!*.. Простое письмо стоит 8 000 р., а заказное 23 000 р. Володя Вас целует...». И в *следующем письме*: «С хозяйкой (княгиней Эристовой) я в очень хороших отношениях и зову ее «доброй феей». Помимо того, что она часто меня выручала, она научила меня делать пироги, торт и лепешки, и сама месила мне тесто. Благодаря ей, я могла кое-что сделать к празднику и к именинам». В гостях на именинах были сестра Лиза и жена Петра Юльевича Маня со всеми детьми, кроме Лари (Надей, Соней, Володей и Ниной) [3].

После спектакля 12 февраля *«Нахлебник»* во МХАТе *Владимир Казимирович* должен был играть в *оркестре Камерного театра*, и *Нина Юльевна* пошла с ним на футуристическое представление. Также она два раза попала с мужем на гастроли *Александринского театра*, на *«Идиота»* Ф.М. Достоевского и *«Бесприданищицу»* А.Н. Островского. Во МХАТе она могла бесплатно пересмотреть те пьесы, в которых оркестранты не заняты, но «быт заедал» [3].

27 февраля В.К. Герман и 2 марта 1922 г. Н.Ю. Зубова-Герман получили Удостоверения за подписью Члена Правления МХАТа Подобеда и Председателя Месткома Михновского о том, что *театр* находится «на государственном снабжении и финансировании». Получаемая (ими) тарифная ставка равняется ежемесячно: соответственно 5 550 000 и 4 000 000 рублей [1]. Это стало результатом проведенной в стране реформы системы оплаты труда. Вместо натурального вознаграждения (продуктами, дровами и предметами ширпотреба) была введена денежная система по тарифной сетке [37]. Однако миллионные заработки никак не могли улучшить служащим их почти нищенского существования [1].

9 марта **Нина Юльевна поздравила** родителей, сестру Олю и брата Мишу с (приближающейся) **Пасхой и написала, что сестра Маша приехала** (в Москву). В большой комнате Германов, справа от двери, ей отдали ширмой кровать, стол, стул и этажерку. «Мы очень обрадовались приезду Маши, - написала Нина. Она, может быть, отдохнет и развеется... Да, может быть, удастся поводить ее и по театрам...» [3].

Вадя в Пасху тоже написал в **Кузнецово**: «Дорогие бабушка, дедушка, тетя Оля (Ольга Юльевна) и дядя Миша (Михаил Юльевич). Крепко Вас целую и поздравляю с Праздником. Я вчера был в цирке и опять пойду во вторник, а может быть, и в среду. Я познакомился с мальчиком, дядя которого известный в Москве клоун, и я теперь буду часто ходить в цирк. Мама мне подарила на Пасху 300 000 р., и я в вербное воскресенье ходил на базар к Сухаревой башне с одним мальчиком и купил там себе солдатиков. Нас распустили на Пасху. Целую Вас. Любящий Вас Вадя» [39].

Мария Юльевна 29 марта написала **Софье Петровне**: «Сижу сейчас с детьми. Нина и Владимир в Художественном театре на спектакле... Я приехала как раз вовремя, т. к. Нина по вечерам в театре, а (больную с температурой 40 и 41 градус) Сонечку не с кем было оставить... На днях иду на (спектакль) «Дочь Анго». Нина достала билет... **Питаются они хорошо.** Володя варит прекрасный суп с овощами, каждый день то гречневая, то пшенная каша, есть постное масло, а сейчас и сливочное, жарят картофель...». И в следующем письме: «Милая моя мамуленка! Сейчас сижу дома, потому что, во-первых, праздник, воскресенье; во-вторых, дождь, а, в третьих, Нины и Володи нет, они в театре, а **Соня** еще лежит в постели. **Корь у нее довольно сильная, и только два дня, как она выздоравливает и весела...** Нина **вынуждена была занять** у «княгинички» **5 миллионов на доктора, лекарство и белый хлеб** для Сони... **Нина (Юльевна) мечется целый день, у нее семь учениц по пению, две по скрипке, театр, иногда репетиции,** масса сути; всё торопится, всё бегом!» [3].

Соня приписала: «Дорогая и милая бабушка! Я была больна, но теперь выздоровела почти. Я сейчас сижу дома и никуда не хожу, ни в школу, ни гулять. Сегодня у меня нормальная температура. я думаю, что скоро буду выходить... До свидания, дорогая бабушка. Целую Вас крепко. Соня Герман. Приписка: Недавно у нас была тетя Маня (жена Петра Юльевича) и принесла нам с Вадей по «жаворонку», они стоили тогда 25 000 р. (один) жаворонок» [39].

На открытке от 24 апреля **Мария Юльевна** написала: «Золотая моя мамочка! Пишу Вам в первый день Пасхи утром. Все еще спят, только я и Вадя не спим. Он ест шоколадку, которую Нина сунула ему под полушку, а я пишу Вам. Вчера мы с Ниной ходили прикладываться к плащанице и святить куличи к Пасхе. Аксюша (прислуга хозяйки) сделала 5 небольших куличей в печурке или духовом шкафике, тут же в комнате. Вышли вкусные и удачные. Володя вчера сделал две пасхи и покрасил яйца. Я сделала из папиросной бумаги цветы. У заутрени были Володя, Вадя и Соня, а мы с Ниной все прибирали... Соквартиринки наши «княгинички» (Варвара Петровна Эристова и ее сестра) замечательно хороши и добрые. ...обе вчера приходили с подарками, одна подарила детям по 5 маленьких цветных яичек (леденцов), а другая по настоящему крашеному яйцу и по сахарному... **Разговаривали вчера** пасхой, куличём, яйцами. (а также подаренными Маней, женой Петра Юльевича из его посылки) американским свиным салом, чаем с медом и сгущенным молоком... Все Вас крепко, крепко целуем и любим...». И в следующем письме: «Сегодня Нина свободна целый день после многих дней труднейшей работы в театре. Они с Володей даже обедали в театре, т. к. репетиции продолжались чуть ли не до 5-ти часов. На Генеральную репетицию «Периколы» ей и Володе дали 8 бесплатных билетов, которые мы все и раздали своим знакомым и сослуживцам... Вчера дети были днем на «Периколе» и, конечно, в восторге. Но, кажется, главного нет, голосов, а остальное все хорошо: оркестр, декорации, игра и т. д. **Нина Юльевна** приписала: «Вчера первое утро было свободно, только вечером пошла в театр, но ...едва доплелась: т. к. Аннушка стирала, то я готовила... Когда случайно день свободен от репетиции, то домашнего (дела) столько накапливается, что некогда присесть...» [3].

Софья Петровна писала: «Дорогушечка, моя Нинуша, вижу, как в театре вас мучают... Мне так стыдно брать у тебя деньги и, вообще, от моих детей. Напрасно ты

думаешь, что мы плохо едим; у нас есть пшено, картофель остался. Миша (Михаил Юльевич) купил еще 10 пудов. В его именины 23 мая были макароны, (он) купил немного сыру, рису, (варим) клюквенный кисель, едим яйца, сахар не переводится, твой посланный сахар только теперь раскололи, а Машин (Марии Юльевны) еще лежит в запасе. Ларя (Ларисса Юльевна) и Милочка (Милица, ее дочь) послали (из Вологды) белой муки, да и Миша на большие праздники покупает белую муку. В его именины был белый пирог с рисом и яйцами, белый пирог с черникой очень хороший и белая булка, так что мы пируем... Буду счастлива, если ты приедешь к нам, *дай Бог хорошо тебе устроиться...*» [3]. Видимо, необходимо было устроиться на работу, *в связи с отъездом Московского Художественного театра на два года на гастроли в Европу и Америку* [42].

Весной *Мария Юльевна* писала в *Кузнецово*: «Вчера мы ходили на Ходынку смотреть на полеты, но видели над головами только два аэроплана, а на аэродроме осмотрели только несколько аэропланов, а потом публику попросили на выход. Мы погуляли немного по краю Петровского парка, посидели на траве. Маня (жена Петра Юльевича) и Володя Герман даже подремали немножко. С нами были Соня и Вадя...». А *Нина Юльевна* приписала: «Расскажите папочке, ему, вероятно, будет интересно: ...за границей уже есть аэропланы, которые поднимаются прямо без разбега вверх вертикально..., а на аэродроме мы видели аэроплан английской системы с двойным пропеллером...» [3].

И далее *Мария Юльевна* написала в *Кузнецово*: «Я дала слово неходить в театр и не есть мяса, пока не устроены Вы с папочкой жить уютно и спокойно с обожаемыми Вас детьми не в тюрьме кузнецковской, а в городе. Нина покупала мне билет, но я заставила его продать... У Нины громадная комната и, перегородив ее, можно устроить спаленку еще на троих. *Мечтаем* с Ниной к осени, когда она приедет (в Кузнецово), *уговорить Вас с папочкой переехать в Москву*. Мы все сильно скучаем по Вас, ...и если Вы любите нас, то решайтесь, и мы перевезем Вас и папочку, будем ухаживать за Вами обоими, и счастливы будем, что вы оба с нами...». Со своей стороны, *Нина Юльевна* написала так: «Золотая моя мамочка, не волнуйтесь, что мы зовем Вас в Москву. Я знаю, что Вы Мишу (Михаила Юльевича) не бросите, но, возможно только, что Вы переедете к нам прежде него, а он вслед за Вами. Потому что, в конце концов, *жизнь человека дороже имущества*, а если умно устроить, то и имущество не пропадет. Если Оля (Ольга Юльевна) и Маша (Мария Юльевна) будут в Москве, то о Вас некому будет заботиться. Миша (Михаил Юльевич) хоть и любит Вас, также как и мы, но он, как мужчина, не может заменить женщины в разных мелочах. А и он сам зиму не проживет там (в усадьбе), уедет или в Вологду, или в Москву. Уроков я ему сколько угодно найду частных, все живут на это, а в Консерватории здесь совсем денег не платят, тем более в Вологде, (где) ему, конечно, придется трудиться задаром... Если Оля уедет и Маша не вернется, то, может быть, Ларю (Лариссу Юльевну) попросили бы помочь в домашнем хозяйстве, т. к. скоро начнется посадка огорода... Я *постараюсь приехать как только дадут отпуск*... А ведь нам, вероятно, не на что будет и приехать, да и нечем нас прокормить в Кузнецово... Маша говорит, что если 40 пудов отдать за пашню, да налогу, может быть, 20 пудов, то, в лучшем случае, останется 40 пудов, из которых надо платить за стирку, ремонт и проч.; следовательно, хлеба не хватит. А в Москве я, Володя и Маша прокормим Вас и папочку, Бог нам поможет... Я, во что бы то ни стало, постараюсь приехать к Вам, я не побоюсь оставить детей на Машу... Она помогает нам во всем, чинит детям (белье), спрашивает уроки, так что понемножку подтягиваем Вадю. (Возникла идея отдать Вадю в Петербургское морское училище, но один служащий там знакомый сказал Владимиру Казимировичу, что не стоит туда отдавать сына.) ...Сонечка сегодня пела песенки и сама мне аккомпанировала. Надеюсь, что у нее будет хороший голос...». И в следующем письме: «...Как только кончится экзамен в Консерватории учениц М.Дейша-Сионицкой, я постараюсь приехать к Вам и, если деньги позволят и если отпустят до отпуска театрального, то, может быть, даже с Володей и детьми, или с одним Вадей.... По слухам болезни Оли (Ольги Юльевны) очень волнуюсь о ней и о Вас.... Володя, Вадя и Соня целуют...» [3].

26 апреля/9 мая в Москву пришло *письмо от Софьи Петровны с трагической вестью*: «... У нас все бы благополучно, если бы не болезнь папочки, он третий день как захворал, а два дня в постели и почти без сознания, у него болит нога – гангрена. Сейчас был отец Венедикт и

его приобщил. Помолитесь, чтобы не очень мучился... Сегодня день нашей свадьбы... Миша (Михаил Юльевич) был сильно болен, хотя теперь ему легче, но все же он должен остерегаться каждого движения, а то делается одышка и сильный кашель... Крепко вас всех целую и благословляю. Будьте здоровы. Любящая вас С. Зубова». А *Ольга Юльевна* приписала: «...положение дел в Кузнецово изображает настоящую больницу: папаша умирает, у меня опухоль ног... Миша сейчас может только сидеть на месте... Если будет уж очень тяжко, я постараюсь устроить себе командировку в Москву, как временно заведующая кузнецковской библиотекой. Только одну мамочку бросить нельзя...» [3].

18/31 мая *Софья Петровна* написала *дочерям* Нине, Маше и Лизе *о смерти их отца* и своего мужа *Юлия Михайловича Зубова*, произошедшей 28 мая в 2 часа дня: «Мне, конечно, очень жаль папочку, мы *жили вместе 59 лет*, и он никогда меня ничем не оскорбил, *были мы счастливы*. Папочка *оставил по себе хорошую память*. Все говорят: «Хороший был человек, оставил честное имя...». Всегда папочка хотел быть похоронен в Прилуках, но не пришлось, ныне невозможно...» [3]. Похоронили Ю.М. Зубова после панихиды в церкви Животворящей Троицы, что на Пельшме, недалеко от этого храма в селе Поповском. В 20-ый день Елизавета Юльевна Зубова служила панихиду по отцу в Марфо-Маргинской обители в Москве. На 40-ой день тоже служили панихиду в Москве в 10 вечера, т. к. раньше ни у кого не было времени. В 1997 году дочка няни Вади и Сони Анны Рафаиловны, крестница Сони Герман Галина Дмитриевна Камичева, показала автору книги, где был похоронен Юлий Михайлович, и на его могиле, на средства Н.В. Лукиной, был установлен большой дубовый крест с овальной фарфоровой табличкой о датах жизни Ю. М. Зубова [1].

Нина Юльевна написала *Софье Петровне* 5 июня: «Ненаглядная моя золотая мамочка, крепко, крепко Вас целую. Получили ли наше первое письмо после смерти папочки? ... *Всей душой стремимся к Вам*, но Маша (Мария Юльевна) не должна ехать, потому что отпуска ей (еще)

10

не дадут. А о нас решится, *когда кончится театр*. Сколько заплатят 1 июля, тогда и выяснится – можем ли мы все ехать или одна я. А раньше меня не отпустят или я лишусь места, т. к. у нас *репетиции*. *Экзамен в Музыкальном Техникуме* отложили на 20 июля; здесь я служу и должна аккомпанировать. *В Консерватории* же не служу (нас сократили с 1 марта), но М. Дейша-Сионицкая хочет, чтобы я аккомпанировала ученикам. Поэтому ко мне еще приходят поучить со мной все, кому надо будет держать экзамен, чтобы вполне знать вещи. Говорят, что мне в Консерватории заплатят за это. Вот я и занята потому так усиленно, да еще в театре тоже идут усиленные репетиции «Периколы», которую Вл.И. Немирович-Данченко ставит в Музыкальной студии Художественного театра. Она должна пройти несколько раз, и потом ее оставят до зимы... *Маша* мне чрезвычайно *помогает*: метет наш «салон» (полкомнаты), ставит самовар, моет посуду и даже детям иногда кое-что зашивает. *Володя* у меня *главный повар и провиантмейстер*. А я *ключница и экономка*, а, кроме того, и *кухарка* тоже, и *судомойка*, и всегда ложусь позже всех, потому что надо все осмотреть и убрать от крыс, которых много, и, вообще, прибрать за всеми... *Сонечка* мне во многом *помогает* и многое научилась делать. Один Вадя очень ленив. Оба перешли в следующие классы, только Соня хорошо, а Вадя посредственно; их уже распустили. *Вадя держал экзамен по музыке*. Учитель сказал, что его решили выставить за леность, но он очень хорошо сыграл, произвел хорошее впечатление, и его остали до следующего экзамена, который будет 20-го (июня). Я ... слушала Вадю. Он очень хорошо сыграл. (Накануне экзамена два дня хорошо поработал.) Я решила не огорчаться, если Вадю выставят (хотя он бесплатно здесь учится), значит, не судьба ему учиться по этой методе, которая очень его «сушит». Тогда придется его учить у кого-нибудь по-прежнему, т. е. с гаммами, чего он сам бы хотел. Ну, Бог не без милости... Главное теперь, мне бы приехать к Вам хоть в июле... Здесь Кованьки, ...мы изредка видимся. Когда я у них бываю, то *даю урок на скрипке* Танечке бесплатно, потому что это чудная девочка (ей уже 20 лет). Не просится ни в какие студии, ничего для себя, и шьет платья на заказ, чем кормит отца. Я брала ее три раза в театр... Крепко, крепко целую Вас, моя дорогушечка. Надеюсь, скоро увидимся. Володя и дети целуют...» [3].

В июне *Мария Юльевна* тоже написала *маме*: «Золотая мамочка. Сегодня Троицын день, и поэтому я дома. У Нины и Володи сегодня два спектакля...». И на открытке: «*У Нины дела выше головы*, и совсем она измучилась. Ну, у Вас и с Вами отдохнет. Сегодня утром в

222

воскресенье были мы все на обедне в Польском костеле, был праздник «Тела Господня» у поляков... **В.К. Герман играл на хорах трио** (орган, скрипка и виолончель)» [3].

А **Нина Юльевна сообщила** 25 июня: «**Экзамены** оба мои *прошли хорошо*, и в Консерватории, и в Техникуме. Вадя (на втором экзамене) сыграл очень хорошо. Ему учитель только пригрозил, что если будет лениться, то через месяц его выставят. Мне потом передавали, что его хотят запугать, чтобы заставить заниматься, т. к. он способен, но ленив. До 1 сентября он свободен и в гимназии, и в Музыкальном Техникуме. Я очень замоталась последние два месяца: кроме экзаменов, уроков и вечерних спектаклей у нас *в театре* начались почти ежедневные утренние репетиции. **Ставили «У жизни в лапах»** с Качаловым и Книппер-Чеховой, там много музыки, и продолжали репетировать «Периколу», которая, может быть, пойдет несколько раз до 5 июля или же кончим ее Генеральной репетицией и оставим до осени, чтобы открыть сезон новинкой. **Спектакли** у нас теперь *почти каждый день*, т. к. идут только «У жизни в лапах» и «Дочь Анго», в обоих (спектаклях) мы заняты. Которого числа закончим, еще не известно, но, кажется, не дальше 15 июля. Я подала в Техникуме заявление с просьбой дать льготный проезд мне с Вадей и, т. к. дочь не на кого оставить, то прошу и на нее. Не знаю, дадут ли? А если дадут, то доедем за половинную плату. Не знаю только, сколько нам заплатят в театре и удастся ли взять аванс? От этого зависит, приедем ли мы все или я одна? Но и от Вас хотела бы знать – можем ли мы все, т. е. я, Володя и дети, приехать на месяц... Крепко, крепко целую, дорогую мою мамочку. Любящая дочь Нина». И *в следующем письме*: «Золотая моя мамочка, собираюсь. Надо посушить одежду и уложить в сундук, купить кое-что и ехать к Вам. Надеюсь, что через неделю выедем» [3]. А **Соня приписала**: «Дорогая бабушка! ...Я думаю, что я Вас скоро увижу. Недавно я была на «Периколе», очень интересно. Я была (один) раз, а Вадя два раза. «Перикола» нам очень понравилась. Соня» [39].

Софья Петровна 22июня/5 июля написала *дочери*: «Милая Нинушечка, рада, что у тебя сошли хорошо экзамены, и что В сентября.адя сыграл хорошо на экзамене. Если можно тебе, Володе и детям, и не особенно дорого, то, конечно, хотелось бы видеть вас всех, ...так уж рада буду вам... **Спасибо Немировичу-(Данченко)**, что *схлопотал Вам паек*, по крайней мере, хорошо попили какао. Маша писала, что два дня пили, благодаря молоку. Вам не понравится наш стол, такой однообразный. Поспел бы к Вашему приезду свежий картофель. Крепко целую вас всех, дорогие мои, и жду с нетерпением...» [3].

Мария Юльевна написала *маме*: «У Нины все кончено в театре, остаются домашние хлопоты и хлопоты об отъезде. Она привезет с собой муки, рису, сахару; одним словом, всего, что нужно Оле продовольствия. Нина так замоталась с работой, что ей необходимо отдохнуть... Нина была у Пареного, брала урок английского...». **Елизавета Юльевна** *приписала*: «Кажется, тариф на проезд будет уменьшен, и я мечтаю накопить денег и приехать к Вам на несколько дней. Сегодня работаю у Нины. Сонечка очень милая девочка, хочет скорее ехать к Вам в Кузнецово. «Уж, поскорей бы к бабушке, - говорит...». И снова **Мария Юльевна**: «Пишу Вам с Ниной. Дорогая мамочка. Очень рада, что она, наконец, вырывается из Москвы и, хотя недолго, но отдохнет... Хорошо бы Нине с детьми поселиться внизу рядом с Вами, если Вы не перешли наверх... Лиза бывает два раза в неделю, чинит белье Нине... Целую Вас, моя дорогушечка, мой ангел мамочка. Целую Ваши ручки. Мария» [3].

Последний раз в Кузнецове

В июле Нина Юльевна и Владимир Казимирович с Вадей и Соней приехали в Кузнецово. **Мария Юльевна** писала им из Москвы: «Милая Нина... Вчера была в Художественном театре, где *мне выдали (ваше) летнее жалование* до половины августа 2676 руб., из которых 2325 руб. я *истратила на 7 сажень* березовых сухих *древ* (ходила на склад с ?), 210 р. ему за то, что ходил, приценивался, купил и сложил дрова в чулан, 200 руб. извозчику, 25 руб. на чай, 300 руб. отдала (хозяйке) Варваре Петровне и расходы по дому. Осталось 51 руб., которые и получишь от меня по приезде... Комнату нашу я держу чисто, и даже Варвара Петровна похвалила меня. Начала чинить тебе чулки (в пенснэ)... Целую тебя, «волнистая сестра моя», «безумного моего зятя» и «капризных» племянников. Имею честь объявить, что без вас я скучаю... Нина, к тебе приходила ученица, которую ты обещала готовить к осеннему экзамену пения, а к Герману приходил ученик. Я сказала, что вы будете 1

сентября. Надеюсь, что ты, Нина, устроишь свои дела. Потребуй материи за (реквизированные) костюмы (Кадникова театра отца). Костюмы твои ведь... Все думаю, *как вы там живете?* *Здесь трудно, а там еще труднее!* И далее: «Нина, опять с тобой *приключение*. Я ужасно этим расстроена и княгинички тоже. *Проклятые воры!* Постараюсь найти работу (литературную) и заработать больше, чтобы помочь хоть немного тебе. А то до сих пор ты все на меня тратилась, и я у тебя в страшном долгу. Но, ты не приходи в отчаяние! Жаль только, что у Володи своего такой характер, что он не «облегчит», а еще больше «расстроит» тебя... Ужасно *жаль твоих кофт...* Целую тебя. И еще всех наших, кто в Кузнецово». И в *следующем письме*: «Милые мамочка и Нина, письма ваши получила... Вижу, что в Кузнецово живется всем *неважно*... Рада, что Вы, мамулечка, спите с Ниной. Все-таки вам повеселее» [3].

Семья Германов пробыла в Кузнецово примерно полтора месяца и к 1 сентября вернулась в Москву. Софья Петровна писала вдогонку: «Милая Нинуша, ...мне *очень скучно без вас* всех. Как-то вы доехали, дорогие мои, благополучно ли? ...Все мои мысли о тебе и твоей семье. Целую и благодарю Володю, что приезжал к нам, дай Бог ему здоровья. Целую Вадю, прошу его быть послушным и не лениться. Также целую Сонечку и прошу ее полюбить музыку и заняться ею. Будьте здоровы... Целую тебя, Володю и детей...». И в *следующем письме*: «... благодарю вас всех за поздравление меня с Днем моего Ангела... Еще *благодарю*, дорогие мои, за посылку с кофтой и гостинцами, как раз получила перед именинами» [3].

Кроме Софьи Петровны, в Кузнецово остались последний «владелец имения» Михаил Юльевич и Ольга Юльевна, которая не могла оставить 80-летнюю маму и больного астмой брата, и все московские родные очень беспокоились о них. Мария Юльевна писала: «Стоит ли сеять и пахать, если половину урожая надо отдать пахарям, третью часть – продналога, 10 пудов посеять, да еще оставить что-нибудь на промен. Останется самое большее пудов 20, на которые прожить никак нельзя год. Придется продать корову, да и то не хватит». Поэтому главная мысль, которая не покидала сестер Нину, Машу и Лизу Зубовых – это *мечта перевезти 80-летнюю маму в Москву*. «У нас, - писали они, - большое знакомство между докторами. Они схлопочут перевезти Вас на санитарном поезде, ...и все будут заботиться о Вас и радоваться, что Вы, наконец, с обожающими Вас дочерьми». *Надеялись* сестры также помочь перевезти в Москву Ольге Юльевне и Михаилу Юльевичу, если бы он захотел, или тому хотя бы в Вологду. Все упиралось в необходимость приобретения жилья, на которое ни у кого не было денег. В то время купить комнату в Москве можно было не менее чем за 150 миллионов рублей.

Сезоны 1922 - 1923 и 1923 - 1924 годов

Осенью 1922 года Московский Художественный театр отправился в двухлетнюю гастрольную поездку по Европе и Америке [42]. Взять оркестр за границу было, конечно, невозможно. Артисты оркестра участвовали в спектаклях студий МХТ, главным образом, Музикальной студии, руководимой Вл. И. Немировичем-Данченко. В Камергерском переулке шла комическая опера «*Дочь Анго*», а также спектакли: «*Принцесса Турандот*», «*Чудо Святого Антония*», «*Гибель Надежды*», «*Двенадцатая ночь*», «*Укрощение строптивой*», «*Карменсита и солдат*», «*Лизистрат*». Прошли вечера памяти Е.Б. Вахтангова и композитора И.А. Саца [41].

В это время в стране продолжал действовать аппарат насилия и политических репрессий. «Под предлогом сбора средств для борьбы с голодом была конфискована значительная часть церковных ценностей..., разрушались храмы и соборы», преследовались священники [37].

В октябре Ольга Юльевна приехала из Кузнецова в Москву и тоже остановилась у сестры Нины с семьей. Пробыла примерно с месяц, и решила уехать в Кисловодск, чтобы поправить в конец расшатанное здоровье. Софья Петровна благодарила Нину и Владимира Казимировича, что «приютили ее». Ведь там хорошо, где мир и любовь. Если остальные 90 млн. разошлись у нее за 5 недель, что жила в Москве, то с чем же она уехала? – спрашивала мама в письме. Исполнила ли ты, Нина, мое поручение – дала ли Оле три столовые ложки с буквами «Ю.З.», как и Маше (Марии Юльевне)? Я очень *рада, что* ты (*Нина стала*) *спокойнее с детьми* и так продолжай, увидишь, что они станут лучше. Будь здорова, целую тебя и благословляю. Целую Володю и детей. Все тебя целуют. С. Зубова» [3].

Л. Герасим

Н. СИЗОВ и
А. КОЗЛОВСКИЙ

МУЗЫКА

к ПОСТАНОВКЕ

ТРЕТЬЕЙ СТУДИИ

М.Х.Т.

ПРИНЦЕССА

ТУРАНДОТ

К. МИРОНОВ

В конце октября, в это трудное для всех время, *Н.Ю. Герман-Зубовой удалось* просто чудом *приобрести хорошую итальянскую скрипку* марки «*Carlo Bergonzi in Cremona 1732 года*». Ей ее уступил артист оркестра МХАТа А.Ф. Гедич [42] и, видимо, недорого, т. к. большинство людей, чтобы прожить, продавали все, что у них было ценного (в Торгсине, на рынке и даже просто на улице). 26 октября 1922 года все расчеты были окончены [1]. *Карло Бергонци* из Кремоны (время работы 1720-1750 гг.) *был учеником Страдивариуса*, «не отступавший от образцов своего учителя и оставил прекрасные инструменты». Его скрипки имели «формат Страдивариуса, дерево - обыкновенно очень роскошное, лак прекрасного темно-красного цвета, своды дек с возвышением», завитки легче, чем у скрипок Страдивариуса. Судя по Каталогу, купленному Ниной Юльевной 18 января 1905 года, в 1873 году осталось всего 15 скрипок работы этого мастера. Причем, в России была только одна, а остальные 14 находились у частных лиц в Европе: в Париже, Лионе, Брюсселе и в других городах. «Всем любителям известны прекрасные инструменты Карла Бергонци. Скрипки, виолончели и альты этого мастера отличаются совершенно характеристично ясностью звука, ...звучность его инструментов полна прелести и проникает душу насквозь» [48]. Так что *приобретение такой редчайшей скрипки было не только осуществлением заветной мечты виртуозной скрипачки, но и величайшим и чрезвычайно радостным событием не только для нее, но и для ее семьи, родных, знакомых и, конечно, слушателей*. Автор книги с детства помнит изумительный звук бабушкиной скрипки. Н.В. Лукина плакала от счастья снова слышать подобное, когда на Заключительном концерте V Международного конкурса скрипачей имени Паганини, 1 декабря 2007 года, народный артист России Сергей Стадлер исполнял Концерт Паганини на принадлежавшей композитору скрипке работы Карло Бергонци (около 1720 года). Эту скрипку приобрел Председатель Попечительского совета Фонда скрипичного искусства Максим Викторов на лондонском аукционе Sotheby's [49].

1 декабря *Софья Петровна* написала в *Москву*: «Милая Нинушечка, получила твоё письмо, твою посылку с пшеном и сахаром, ...также Маши. За все благодарю вас, дорогие мои... Я рада, Нина, что ты, наконец, купила себе скрипку, но как ты смогла это сделать? (Об этом чуть ниже.) Я, конечно, ничего не понимаю в скрипках, и твою не находила плохой. Помню скрипку Александра Семеновича Брянчанинова, очень мягкий звук. Сонечку благодарю, что хорошо учится в Техникуме музыке. (*Соня поступила в Первый Московский Государственный Музыкальный Техникум*, где Нина Юльевна служила аккомпаниаторшей и уже второй год учился Вадя.) Очень рада за тебя, что старушка ходит к тебе, все-таки помогает, но платить надобно ей много. Что Володя, как поживает, здоров ли? И приписка: «Милый мой *Вадичка*, прошу тебя, учись прилежнее, не ленись, если любишь маму. Прогони лень и увидишь, как будет легко и хорошо. *Продолжаешь ли прислуживать в церкви и звонить на колокольне?* Здоров ли? Я очень часто вспоминаю тебя с Соней, как вы гостили у нас. Надеюсь, что летом опять приедете к нам. Тетя Лиза обещала приехать и насадить разных вкусных вещей, как огурцы, дыни, тыквы и проч. А пока целую тебя. Послушайся моего совета. Твоя бабушка С.Зубова» [3].

В декабре состоялись Съезды Советов разных народов, которые одобрили образование союзного государства как федерации равноправных республик. 30 декабря Первый Всесоюзный съезд Советов утвердил Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. На Съезде был избран ЦИК, исполнительную власть осуществлял пока Совнарком РСФСР [37].

Новый 1923 год принес *поздравления от Софии Петровны*, пожелания здоровья и исполнения желаний. В Кузнецово продали бычка за 7 пудов ржи, людскую избу вместе с двумя печками за 30 пудов ржи и обеспечили себя хлебом до нового урожая. «А то просто беда, на что купить столько хлеба? ... *С Новым Годом!* Что-то принесет нам хорошего?!» – писала мама. И в следующем письме поздравила дочь с именами, пожелав «успехов в делах и всякого благополучия. У нас теперь есть тележка, - писала она, - променяли ...тарантас с кабриолетом (на) 60 пудов ржи... Еще раз благодарю за посылки, все очень вкусное, но больше ничего не посыпайте, все очень дорого, беспокойно, а у нас на долю все есть... Крепко целую и благословляю, тоже целую милого Володю и милых деток. Любящая тебя С. Зубова» [3].

Из письма Софии Петровны узнаем, что *на именинах Нины Юльевны* были все родные и друзья: Зубовы, Кованько, Тидебель. «Как ты сумела угостить 19 человек? Кто тебе пёк пироги

для именин?» - удивлялась мама. «Я довольна, что тебя, наконец, вспомнила Богоявленская. Отчего они помещаются, как сельди в бочке, ведь у них 14 комнат в доме?» (Видимо, так хорошо «уплотнили» их семью!) Мне очень грустно за тебя, что почти не ходишь в театр, (т.к.) много дела дома... Что милые мои детки, Вадя и Сонечка, как живут, здоровы ли, как учатся и помнят ли свою бабушку? Я их очень люблю и всегда помню. Что милый **Володя**? Лиза мне писала, что он *упал и разбил виолончель*. Это меня страшно расстроило, починили ли? Крепко вас всех целую. дорогие мои, будьте здоровы, всего хорошего» [3].

21 февраля/6 марта **Софья Петровна** написала **Нине Юльевне**: «Не знаю, *поздравлять ли тебя с продажей* (завещанного отцом **каретника** и еще каких-то строений в Кадникове)? Конечно, если перевести эти миллиарды на прежние деньги, то это – гроши, а, с другой стороны, строения рушатся без ремонта». И в *другом письме*: «Только и может купить такое учреждение, как Потребительское общество, которое отлично торгует и ведет свои дела. Но если ты даже не сохранишь (эти деньги), то, по крайней мере, сделаешь самое необходимое, ведь все так износились, а в городе и, служа в театре, нужно мало-мальски быть прилично одетой. Я очень *рада, что все кончилось*. (Видимо, именно *на эти деньги и была куплена скрипка Карло Бергонци*) ... Володе и тебе, действительно, необходимо съездить, как ты пишешь, в Липецк или Старую Руссу попечиться. По крайней мере, деньги у Вас теперь на это есть. Я совершенно не знала, что Вы живете в сырой комнате. Может быть, в Липецке или Старой Руссе дадите концерт? Желаю от души тебе устроиться, все сделать необходимое хорошо и практически... Помоги Вам, Господи...» [3].

Перед Пасхой **Софья Петровна** *поздравила* родных москвичей «с наступающим Светлым праздником» и пожелала его встретить «в радости и добром здравии». А **Соне и Ваде** написала: «Милые, дорогие мои..., поздравляю Вас... Целую тебя, Сонечка, что не забываешь меня, пишешь мне, а Вадичка ленится... *Рада за Вас, что экзамены проверочные за полугодие выдержали*... Не забывайте меня, дорогие мои, я Вас очень люблю и постоянно вспоминаю. Мой правнук Лёка (Леонид Недович?) мне пишет письма, и в последнем письме написал: «Я Вас очень люблю, бабушка, издали», я ему тоже пишу. Целую Вас, дорогие мои, Христос с Вами». И в *следующем письме* от 6 июля **Софья Петровна спрашивала**: «Где-то нынче, ты Нинушечка, с семьей пробудешь? Мне очень грустно, что не увижу вас... Милого Володю и милых Вадю и Соню целую... *Рада за детей, что перешли (в следующий класс) и перезкзаменовку* Вадя, вероятно, приготовит» [3]. «По Постановлению Школьного Комитета 70-ой школы В. Герман переведен в VI группу с проверкой осенью по математике. По прочим предметам и по поведению – удовлетворительно. Соня перешла в пятый класс» [1].

В июле II сессия ЦИК приняла Конституцию будущего Союза ССР [37]. Завершилась и **денежная реформа**: 1 миллион 1922 года в два приема «потерял» шесть нулей, и превратился в 1 рубль. Так что заработки теперь колебались в пределах несколько десятков рублей [1].

Летом 1923 года семья Германов уехала в Ялту. Нина Юльевна и Владимир Казимирович, с коллегами из МХАТа, получив отпуск, *поступили в Симфонический оркестр* Ялтинского Районного Курортного Управления, так что *удалось не только немного заработать, но и поправить здоровье*. Н.Ю. Герман_Зубовой, «страдающей подагрическим воспалением суставов в тяжелой форме», прописали горячие морские ванночки. 11 сентября Наркомздрав (Народный Комиссариат Здравоохранения) Ялтрайкуруправления (Ялтинского районного курортного управления) направил в Местком Московского Художественного Академического театра Удостоверение о том, что «артисты Симфорка (т. е. Симфонического оркестра) т. т. Каrevich, Сысоев, Кордашева, Герман и Зубова были задержаны в целях сохранения дела, ибо, не имея заместителей, концерты без их участия не могли бы продолжаться. ...Местком (Симфорка) ходатайствует перед Месткомом Художественного театра о сохранении за ними занимаемых ими мест, т. к. не приезд их к началу репетиций произошел не по их вине. Председатель Месткома (подпись). Директор-распорядитель Курзала (подпись)». Аналогичное письмо в Московский Губрабис было написано Председателем Ялтинского отделения Всероссийского Профсоюза Работников Искусств о том, что перечисленные выше оркестранты были задержаны до 16 сентября, т. е. окончания игры Симфонического оркестра [1].

Софья Петровна писала: «Милая, дорогая моя Нинушечка, очень рада за тебя, что ты в Ялте, и имеете заработка. Я думаю, ты и Володя довольны в тепле, прогреется после Москвы, да и детям полезно... Лиза говорит, что Сонечка купается 5 минут в море, это очень долго и вредно, а также по часу лежать на солнце. Лучше спроси у доктора, сколько минут можно купаться в море? (Напомним, что из-за малокровия врачи не разрешали Нине Юльевне в 1907 году даже окунаться в море.) Дай Бог, пребывание Ваше в Ялте принесет вам всем здоровье, спокойствие духа и удовольствие... *Поправляйтесь, дорогие мои*, Нинушечка, Володя, Вадичка и Сонечка. Крепко целую вас...» [3].

В середине сентября 1923 г. семья Германов, вместе со своими сослуживцами, вернулись в Москву. Нина Юльевна писала в Кузнецово, что Ваде, который, видимо, не сдал математику, пришлось за большие деньги нанять учительницу... 13 декабря Софья Петровна писала: «Милая Нинушечка... Рада за тебя, что поправилось твоё здоровье, а как рука у Володи, поправилась ли? Напиши, когда приедешь в Москву, ...как Вы доедете и все ли благополучно, не лишитесь ли места? Милый Деге. (спасибо ему), что послал струны. Знаете ли Вы его адрес и пишете ли ему? Я думаю, что Ваде и Сонечке было весело в Ялте... Крепко целую тебя, дорогая моя, Володю, милых деток целую; вероятно, поздоровели и выросли...». И в следующем письме: «Рада, что, наконец, у тебя будет шуба, но 30 миллионов (по старым дореформенным ценам) – это умопомрачение! Как Вы еще справляетесь? (Это было время кризиса сбыта и затоваривания дорогими, но плохими товарами [37].) Поздравляю тебя, дорогая моя, с Днем твоего рождения. Дай Бог, тебе здоровья, счастья и успеха в делах. Володю целую. жаль, что рука (у него) все болит. Попробовать бы самое простое средство: на ночь натирать руку тертой редьюкой. Я, как то очень давно, нарочно приезжала в Кузнецово из Вологды, и Аристарховна мне натирала руку, и с тех пор (она) не болела» [3].

В январе 1924 года, на II Съезде Советов, была утверждена ранее принятая Конституция, законодательно утвердившая образование нового государства - Союза Советских Социалистических Республик (СССР) [37].

Софья Петровна писала в Москву: «Милая моя Нинушечка, Володя, Вадичка и Сонечка, крепко вас всех целую и поздравляю с Новым годом... Передайте письмо, вложенное в Вашем конверте, Мане (жене Петра Юльевича), отдельно не пишу, дорогого. В Вологду ...пишем с оказией. Миша (Михаил Юльевич) продал баню и водогрейку ...и все на хлеб, да и за работы всё хлебом все платят... Миша в сочельник наверху, в своей комнате, зажег ёлку, были восковые свечи и более никаких украшений, но, несмотря на это, ёлка имела очень хороший вид. Миша пригласил нас всех к себе наверх, мы вошли, сели, а он заиграл прелестные вещи, все мы слушали со вниманием. Я же подбоченилась и прошла не один раз кругом ёлки. Были леденцы, которые нам послала Маша (Мария Юльевна), и он ими угождал нас. И потом несколько дней после ёлки мы, вместо пирожного, закусывали этими конфетками... Пожалуйста, не думай, что я могу сердиться на тебя (что не пишешь), зная, как ты занята, и считаю тебя мученицей... Милого Володю целую, и надеюсь, что он окреп после Ялты и (стал) спокойнее духом... Любящая Вас С. Зубова». И в следующих письмах от 28 февраля и 28 марта: «Дорогая моя Нинушечка, получила твои письма. Конечно, знаю, как вам тяжело живется, ...я очень тебе сочувствую и жалею тебя, что приходится возиться с кухней и (уборкой) комнаты. Что же делать, что Сонечка, вообще, не проворна, ты не очень с нее требуй, у нее уж такой характер медлительный. Вообще, будь ласкова с детьми и не брани их. Прости, что так тебе пишу, знаю, что ты их очень любишь, но жизнь такая нынче беспокойная, непохожая на прежнюю, что невольно можно быть вспыльчивой. *Счастье человека зависит от мира и любви в семействе*. Все Зубовы всегда жили дружно, и Ухтомские, и я всегда была счастлива; папочка был всегда миролюбив, и вся его семья ко мне... Ты всегда была самая справедливая и никогда никого не обижала, и всегда я это понимала, и люблю тебя за это. Ты с детства всегда была привязана ко мне, и я с тобой всегда была откровеннее других детей... Очень жаль, дорогая, что у тебя расстроилось с учениками. Я, как вспомню, как ты разрывалась, и мне так грустно сделается: какая твоя тяжелая жизнь... Ты хочешь, чтобы твои дети знали хорошо иностранные языки, но в гимназии их дурно преподают; надо, чтобы дома слышали и говорили, но нынче это невозможно. Насчет питания не беспокойся, я всегда сыта...» [3].

В апреле к Пасхе Софья Петровна писала: «Дорогая моя Нинуша. *Христос Воскресе!* Детей и Володю крепко целую и поздравляю со Светлым праздником, желаю им здоровья и счастья... *Посылаю тебе и Маше мой портрет, что нарисовала Лиза*, ...другого нечего Вам послать. Напишите, как провели Пасху?». Дочери, Нина, Маша и Лиза, послали к Пасхе в Кузнецово деньги и посылки. И в следующем письме от Софьи Петровны: «Милая Нинушечка, ... получила твое письмо от 2 мая. Мне очень приятно получать письма от Сони, она так толково всегда пишет... *Обо мне* Миша (Михаил Юльевич) и Хорьеса Александровна заботятся, я, слава Богу, здорова, и сама еще могу заботиться о других... *Посылку получила*, благодарю тебя, дорогая; чудные вещи, гостинцы – все раздала, как ты писала... Не посыпай, милая, нелегко тебе дается, да самим надобно: дети растут, и расход на них больше и больше...». Ваде Софья Петровна послала отдельное письмо: «Христос Воскресе! Милый Вадичка, как живешь, здоров ли, как ученье? ...я всю зиму не выходила... Теперь тепло, буду гулять, т. е. работать, грести в саду, потому что *не люблю гулять без дела*. Постарайся не остаться (на второй год) в классе... Иногда вспоминай свою бабушку, я тебя люблю, и мы всегда с тобой жили дружно. Когда Сонечка будет писать мне, и ты припиши мне хорошее словечко. А пока крепко целую тебя, будь здоров, и всего лучшего тебе желаю. *В Пасху звонили на колокольне?* Любящая тебя бабушка С. Зубова» [3]. И далее: «Праздники провели хорошо, но грустно, что нет родных», зато четыре дня подряд приходили гости. «Были белый пирог, суп с курицей, маис в плошке... Видите, как мы шикарно живем. Милого Володю целую и благодарю за приписку. Вадю и Сонечку целую и благодарю их за письма. Все благодарят за память и шлют свои приветствия и хорошие пожелания...». И в следующем письме: «Дорогая моя Нинушечка... На днях заметили сырость в сундуке, где спрятаны альбомы и фотографии, и нашли там твой портрет со скрипкой, ...я его повесила в своей комнате над письменным столом. Другой портрет, где вы сняты все шесть сестер, висит у моей кровати. Дорогие, бесценные, каждую минуту о вас думаю и *молюсь, чтобы Господь послал счастья, и умирать не хочется*. Сонечки и Вадички портреты у меня в письменном столе лежат... Крепко целую и обнимаю, мою дорогую Нинушечку, Володю, Вадю с Соней; будьте здоровы, счастливы и благополучны...» [3].

Из следующего письма Софьи Петровны узнаем, что в Москве супругам Германам уже два месяца, как не платят денег. По-видимому, Нина Юльевна опять стала думать об отъезде из Москвы. Софья Петровна сразу же ответила ей: «Дорогая моя Нинушечка. ...эти господа, чтобы завербовать себе учителей, в десять раз увеличивают выгоды против действительных. Пример тебе Кострома. Потом, уехать из Москвы, где ты уже составила себе реноме, и потерять друзей? Обо всем этом надо очень и очень подумать, и в такую даль (Екатеринодар) ехать и растерять все последнее? Если б, действительно, было очень выгодно, то я бы благословила тебя, дорогая моя, хоть в Америку... Прости, что пишу против твоего желания..., но не торопись, посоветуйся с друзьями... Крепко целую, дорогушечка, тебя, Володю и детей, будьте здоровы и благополучны. Любящая С. Зубова» [3].

Из личного письма Вл.И. Немировича-Данченко Н.Ю. Герман-Зубовой от 10 июля 1924 года (на бланке с «Чайкой» за № 1657) узнаем, что в театре возник конфликт с артистами оркестра. (Возможно, как раз из-за задержки заработной платы.) Поведение Нины Юльевны в этой ситуации оказалось столь достойным, что Владимир Иванович счел необходимым написать ей: «Многоуважаемая Нина Юльевна. Я не имел случая выразить Вам искреннейшую признательность за Ваше поведение во время конфликта с артистами оркестра, но я надеюсь, что мне удастся когда-нибудь подчеркнуть ту симпатию и благодарность, которые испытывает к Вам Художественный Театр. В часы уныния, в дни тревог и опасений за будущее, воспоминание о людях, умеющих поставить любовь и уважение к общему делу выше личных выгод, придает бодрость и веру в успех этого дела. Вот за это чувство бодрости и благодарю Вас пока этими строками от себя и от Театра. Разумеется, Ваша служба с 1-го Сентября обеспечена. Представитель Московского Художественного Академического Театра, Народный Артист Республики: (подпись В. Немирович-Данченко) [1].

Во второй половине лета супруги Германы с детьми уехали в Елатму. Необходимо было поправить здоровье Сони, у которой нашли туберкулезную интоксикацию в нерезкой форме и поставили на учет в Диспансер № 9 Секции Общественной борьбы с туберкулезом. Из

Константин Сергеевич Станиславский

(Фото из семейного архива автора)

Владимир Иванович Немирович-Данченко

Елатьмы родители *плавали «с концертами по Оке* вместе с Арс. Вл. Обуховым и певицей Ольгой Абрамовой». Московский отдел Всерабиса выдал В.К. Герману Удостоверение в том, что «ввиду его отъезда из Москвы в отпуск в гор. Елатьму сроком до 1/IX, **комната** его, находящаяся по Садовой Кудринской, д. 12, кв. 5 подлежит сохранению за тов. Герман на основании п. 16 Инструкции Жилотдела МКХ, утвержденного Президиумом Моссовета РК и ДК 29 марта 1921 г. Подпись и печать Жилищного товарищества № 1971, д. 12 на Садовой Кудринской» [1].

Софья Петровна писала 9/22 июля: «Милая, дорогая Нинушечка... Меня, конечно, удивило, что Вы очутились в Елатьме. Это хорошо, дай Бог, только успеха и хорошо заработать... Володя, поздравляю тебя с Днем Ангела, желаю тебе успеха в концертах, здоровья и всего наилучшего... Вадичку поцелуй за меня и поздравь, также целую милую Сонечку... Я очень рада, что ты выступала, надеюсь, что игра твоя понравилась публике... Хорошие ли были аккомпаниаторы? Володя доволен ли своей поездкой, также и дети Елатьмой? Вероятно, денег достало на содержание и возвратную дорогу в Москву и, если нет долга, то и это хорошо... Как дорого берут за зал, это просто возмутительно!» [3].

В следующем письме **Софья Петровна сообщила**: «Дорогая моя Нинушечка... У нас хотят отобрать землю. Если бы одну землю, то ничего, если оставили бы дом, сад, огород и двор, то Миша (Михаил Юльевич) справился бы и привел все в отличный вид, но дело в том, что и дом, и все хотят отобрать. **Был обыск, и все описали в доме до последней худой табуретки.** Так что, если возьмут мебель всю, то придется сидеть на полу, а если водворят в дом неприятный персонал, то и уехать... Я с Мишой страшно огорчены, Миша ничего не может делать, все из рук валится, да и зачем делать, т. к. **отберут...** Земли не жаль, а **жаль дому, сада и огорода, жаль каждой вещицы в доме и каждого дерева и куста.** Помолитесь, дорогие за нас, чтобы гроза миновала. Не забывайте, пишите... Крепко, крепко целую, дорогих моих Нинушу, Володю и деток... Миша ездил в Вологду, подал заявление...» [3].

Сезон 1924 – 1925 годов

В августе **Труппа** Московского Художественного Театра вернулась из-за границы. У семьи Германов, после возвращения в Москву начались *трудовые будни*: в Московском Художественном театре, у Нины Юльевны еще и в Первом Московском Государственном Музикальном техникуме, а у детей – занятия музыкой и в школе.

Осенью 1924 года К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко включили в актерский состав театра большую группу студийной молодежи. Среди них оказались позднее ставшие знаменитыми: О.Н. Андровская, А.Н. Грибов, К.Н. Еланская, А.П. Зуева, М.Н. Кедров, А.М. Комиссаров, Б.Н. Ливанов, П.В. Масальский, М.И. Прудкин, В.С. Соколова, А.И.Степанова, В.Я. Станицын, И.Я. Судаков, Н.П. Хмелев, М.М. Яншин и многие другие. Вместе с пришедшими из других театров А.П. Кторовым, М.М. Тархановым, В.О. Топорковым и другими они составили ядро второго поколения мхатовцев [42, 44, 47]. **Начался 27-ой** напряженный и интересный **сезон** театра, в течение которого прошли 346 спектаклей и музыкальных постановок, преимущественно, прежних сезонов [41].

В сентябре возникли *жилищные проблемы*. Несмотря на то, что семья Германов из пяти человек занимала всего одну комнату, Правление Жилищного товарищества дома № 12 по Садовой Кудринской улице приняло *решение о вселении* в нее *чужих людей* путем установки перегородок. Правление и Местком МХАТа встали *на защиту* своих сотрудников, обратившись в Правление Жилищного товарищества этого дома с просьбой о предоставлении артистам оркестра В.К. Герману и Н.Ю. Герман-Зубовой «совершенно отдельной комнаты» или, оставив их в их комнате, «не делать там перегородки и *не заселять* таким образом их комнату *посторонними лицами*. Условия повышенной нервной работы артистов во время спектаклей и необходимость их музыкальных упражнений на дому для работы в театре, а также полного отдыха после работы» заставляют «обращаться к Вам с этой нашей убедительной и настойчивой просьбой». Однако этого оказалось недостаточным, и через несколько дней театр выдал еще одно Удостоверение за подписью Члена Правления М.Г. Комиссарова и Председателя Месткома Я. Михновского. «Квалифицированный работник МХАТа В.К. Герман,

состоящий в должности артиста оркестра и получающий вознаграждение по 16 разряду 17-ти разрядной тарифной сетки, связан с необходимостью производить свою ответственную художественно-артистическую работу на дому и **имеет право на 20 аришин дополнительной жилой площади и уплотнению** в пределах этой площади **не подлежит**. Основание: Декрет СНК от 25.05.1920 г.; Инструкция Жилищного отдела МКХ, утвержденная Президиумом Моссовета, от 29.03.1921 г.; Постановление ВЦИК и СНК от 13.06.1923 г.; Примечание 1 к параграфу 2 Положения Президиума Моссовета от 23.06.1923 г.; Примечание к параграфу 7 Постановления Президиума Моссовета от 22.08.1924 г.; Разъяснение Президиума Моссовета от 01.09.1924 г. Печать Всероссийского Производственного Союза Работников Искусств». Оклад В.К. Германа в это время составлял около 90 рублей в месяц [1].

В это же время Государственный институт музыкальной науки Народного Комисариата по просвещению выдал В.К. Герману расписку в том, что «Комиссией по охране и эксплуатации Коллекции Музыкальных Инструментов от него получен инструмент – **виолончель неизвестного тирольского мастера с футляром и смычком** – находившийся у него по расписке (инв. № 93). Состояние инструмента исправное. Приемку произвел мастер (подпись). Член Комиссии (подпись). Управляющий делами (подпись)» [1]. Видимо, **Владимир Казимирович брал этот инструмент из Коллекции, пока его разбитая** в январе 1923 года **виолончель [1] находилась в ремонте**.

В середине сентября москвичи **поздравили Софью Петровну с Днем рождения**. Она **ответила** всем, а Ваде написала: «Милый Вадичка, мне было очень приятно получить от тебя письмо. Благодарю за поздравление... Очень я рада, что ты учишься музыке, не ленись, дорогой... Я часто вспоминаю тебя и Сонечку, ...будь дружен с ней, будь добрым, хорошим и люби всех, слушайся родителей и люби их. Целую тебя дорогого, будь здоров...». И в письме **Нине Юльевне**: «**Музыку Вади я очень люблю, он положительно талантлив, и очень будет жаль, если погибнет он для эстрады...** Твое письмо, Вади и Сони получила на именины и им отвечала: милые дети, я их очень люблю... Напишу, как только получим известие по нашему делу» [3].

28 декабря **Софья Петровна писала**: «Дорогая моя Нинушечка. Ты мне, помнится, писала, что в нынешнюю зиму ты возьмешь прислугу и будешь давать уроки, что выгоднее. Почему ты этого не сделала? Дай Бог, тебе, дорогая, здоровья; вижу, что у тебя нет отдыха, ...знаю, как тебе трудно... Лизочка (**Елизавета Юльевна**) пишет, что она **три раза в неделю ходит** к тебе **заниматься с Вадей и Соней**. Еще пишет, что Вадя изменился к лучшему, чему я очень рада, и вперед знала, что он будет хорошим мальчиком, душа у него добрая. А вот Сонечка похварывает, это нехорошо... **Продолжает ли Вы играть в симфонических концертах?** Конечно, это без сомнения интереснее, чем что другое... Благодарю тебя, дорогая, за посылку... Я очень рада, что Володя учит Вадю на виолончели, но рука у него еще мала, как он справляется?» [3].

Новый 1925 год не принес пока ничего нового. **Софья Петровна** писала: «Милая моя дорогая Нинушечка. Даже в свои именины ты не можешь быть свободной... Хорошо ли прошел спектакль у **Сонечки? Как ее здоровье после операции?** Сонечка **вялая, потому что** она слабая здоровьем... Я рада, что ты с Сонечкой дружна, я ее очень люблю. Целую Володю и деток, будьте здоровы, дорогие милые мои...» [3]. Сохранились Сонини записочки: «Мамочка, а я ведь сегодня не получала ни одного яблочка... Положи мне, пожалуйста, под подушку...». «Ты обязательно меня поцелуй, мое золотце, когда я буду спать, да покрепче...» [39].

А 31 марта/13 апреля, в **Пасху**, **Софья Петровна написала**: «Христос воскресе! Милые и дорогие Нинуша, Володя, Маша (Мария Юльевна), Вадичка и Сонечка. Пишу Вам, что вчера, т.е. **12 апреля я и вся коммуна переехала в Кадников**. Миша (**Михаил Юльевич**) **сдал корову и щенка**, т. к. **все это отобрано**. Приехали совершенно благополучно, я здорова и великолепно себя чувствовала в дороге, хотя после революции ни разу не ездила. Измотались, ожидая выселения, слава Богу, все кончилось. **В Кузнецово остались одни голые стены...** Могилу Юлия Михайловича поручили Ведрову, и он заказал два креста на могилу Вашего отца и моей матери... **Жаль Кузнецова, но жить бы дальше было бы невозможно из-за хулиганства...** Несколько человек пооплакали нас, и одна женщина дала мне 20 копеек на счастье, которые я буду хранить... Будем ждать, **когда пройдет Сухона и пойдут пароходы**, тогда **поедем в Вологду**, где нас все ждут. Пасху встретили с людьми, а не одни... Пишите на адрес: Кадников,

София и Владимир Герман в 1925 году
(Фото из семейного архива автора)

Профили Володи и Сони Герман
работы художницы Кругликовой
(Из семейного архива автора)

Октябрьская, 15. Будьте здоровы, целую и благословляю. Ваша С. Зубова». Через день писала о приезде в Вологду: «...у нас прилично и уютно... На будущей неделе я хочу пуститься в свет... Ты так бедствуешь, дорогушечка моя, а еще послала мне 3 р., это не следует делать. Выручка, что пропала, так и не нашлась? Так грустно все это, а помочь нечем, ...*все наши знакомые живут очень неважно*» [3].

Лето 1925 года в Сочи, Сухуми, Елатьме и Москве

К лету 1925 года *Соня закончила 7-летнюю среднюю школу* [1], а 19 июня был сыгран 346-ой спектакль во МХАТе [41]. *Владимир Казимирович с Вадей должны были уехать в Сочи. Нина Юльевна написала маме*: «...в субботу 20-го у нас поднялось столпотворение: Вадя стоял с утра в городской кассе в очереди, а я с Володей были на репетиции в Зоологическом саду. (Супруги играли там в симфоническом оркестре.) Оттуда пошли в театр за деньгами, но ничего не могли добиться. Наконец, когда кончилось заседание нашего Правления, мне удалось поймать Главного бухгалтера и упросить его дать Володе, в первую очередь, (аванс) 50 р., т. к. городская касса закроется в 4 часа, и из-за этого муж не попадет в Сочи на службу, и товарищи его уедут. Он согласился дать такую большую сумму, несмотря на то, что тут было более 20 человек, которые тоже все просили аванс, и им дали только по 5 р. Дома я еще заняла у (соседки) Варвары Петровны 25 р., она меня всегда выручает. Получив деньги, я побежала в городскую кассу, это было уже четверть четвертого. Оказалось, что касса по субботам закрывается в 3 часа, но Володе удалось в воскресенье утром купить билеты до Туапсе. В Сочи же покупают билеты уже в Туапсе, стоят 3 р. Соня сшила на машинке Ваде чехол для постели и обшивала носовые платки, а я ставила заплаты до 4-х часов утра. В воскресенье с утра до концерта я гладила, а Соня немножко еще стирала и шила. Потом мы побежали на концерт. Обед и пирожки для отъезжающих делала приходящая прислуга наших соседей. После концерта я укладывала вещи, а Вадя провизию. Потом мы поехали с Соней их провожать и вернулись в 12 с половиной часов ночи. На другой день я не могла встать до 3-х часов дня. Сонечка тоже ужасно замучилась. После Володиного отъезда *пришлося каждый деньходить в театр зажалованiem*, которое, вместо 20-го, выдали 27-го. Жара была 37 градусов. И еще были репетиции для Зоологического сада, дирижировал Глиэр своими сочинениями, поэтому была не одна репетиция, а больше» [3].

Софья Петровна написала Нине: «Хорошо, что Володя получил приглашение в Сочи и уехал с Вадей. Говорят, это чудное место, ... там поправятся. А вот милая моя Сонечка, уехала ли она в Елатьму? У тебя, дорогушечка моя, тоже (как и у брата-пианиста Миши) *талант, но* так обстоятельства сложились, что (ты) *должна играть в оркестре*» [3].

Вадя с дороги писал маме. Из Курска: «Дорогая мамочка, пока *все благополучно...* Я сплю на самой верхней полке, мне очень хорошо. Молоко очень дешевое – 2 копейки кружка. Папа тебя целует». Со станции Кавказская: «Мы едем в купе трое вместо шести...». Из Таганрога: «...все благополучно, погода пасмурная» [39]. *Владимир Казимирович* сообщил из Сочи, что туда «*приедет Опера* и будет два месяца давать спектакли; им нужен будет оркестр и, если это устроится, то я дам телеграмму, и вы (с Соней) должны (будете) немедленно выехать. Условия – полный пансион, комната «На Ривьере» (в гостинице) и «дорожные», а если будут сборы, то и платить немного будут...» [3]. *Соня* писала из Москвы: «Дорогой папочка! Я по тебе очень скучаю. Мне очень бы хотелось быть в Сочи... Надоело в Москве, хочется на море. Постарайся найти маме место, чтобы я с мамой приехала..., здесь купаться негде. Жара невыносимая». И далее: «*Дорогой Вадичка! Много ли купаешься?* Нравится ли тебе Сочи? Ешь ли ты фрукты и какие? Где обедаешь, съят ли ты? Напиши все подробно... Мы с мамой раз только покупали клубнику, а черешен даже не пробовали... Твоя сестра Соня. P.S. Целую тебя и папу». *Вадя* ответил: «Я купаюсь и немного загораю. Мы с папой принимаем сину, чтобы не заболеть малярией... » [39]. *Нина Юльевна* просила мужа: «Постарайся поскорей выяснить (об Опере), а то бедная девочка все лето проведет на душном дворе «в ожидании отъезда». Это было бы слишком жестоко. Да, правда, у меня и денег не хватит на нас обоих. Буду искать халтуры, на что надежды мало... (По воскресеньям, за 5 р. она продолжала играть в симфоническом оркестре.) Я сохранию тебе и Ваде 50 р. на обратный путь, хотя это мне будет очень трудно, т. к. на 5 р. в неделю не прожить. Посылаю в этом письме 3 р. специально

на фрукты Ваде и тебе... Вадичка, мой дорогой, я отрываю от себя, чтобы ты мог кушать фрукты хоть понемногу, но за это надо играть на рояле. Если будешь играть, то выйдет из этого польза. ...Целую крепко, крепко вас, мои дорогие. Любящая мама» [3].

Владимир Казимирович написал: «Дорогая Нина, ...ни с *Оперой*, ни с *Опереттой* ничего не вышло, так что напрасно я тебя взбаламутил; *Соню отправляй* (поправить здоровье) в *Елатыму*. ...Ресторан еще не открылся (видимо, в котором должны были играть); *деньги* мы получили, больше *не посытай*, ...а лучше *сама на них питайся*, а если понадобятся нам на дорогу, то не сейчас, а, может быть, мы уедем и на свои... Надеюсь получить «дорожных» 20 р. и, если пробуду здесь месяца полтора, то и за уроки виолончели 30 р. Мне еще хочется брать серные ванны в Мацесте, ...может быть, можно избавиться от ревматизма... Нога у меня до сих пор не проходит, сейчас иду к доктору... Хорошо бы привезти тебе в Москву фруктов». И далее: «Я вчера *играл в концерте* и получил 10 рублей, *сегодня тоже играю* за 14-ть. Очень хорошо, что прислала струны, а то у меня многие полопались... Я думаю, что теперь я *сговорюсь на будущее лето*, т. к. тут, вероятнее всего, будет оркестр в Городском саду, ...и тогда *можно будет всем нам поехать*, но жизнь здесь очень дорогая». И о *Ваде*: Он «совсем *не играет на рояле*.... немного начали на виолончели, но он пропадает на целые дни, нашел тут кучу товарищей. Вообщце, он груб и ленив, и *ничем не интересуется*. (Ваде почти 16 лет – налицо все признаки переходного возраста.) Тебя и Сонечку целую крепко. Любящий вас Володя» [3]. А *Вадя* написал: «Дорогая мамочка. Я *записался в футбольную команду*, взнос 40 коп. Мы *играем* в футбол вечером, *когда жар спадает*, от 5 до 7 часов. Вчера состязались, и я забил гол... В сандалиях очень сильно куют, (и) сандалии уже разваливаются... *Прошу немедленно выслать мне бутсы*, а то я разобью ботинки... Постыдай посылку (бутсы, футбольную фуфайку, трусики, папе очки, канифоль и членский профсоюзный билет) и пиши письма (на) Приморскую улицу, 1... Без профсоюзной книжки папе придется платить налог... Недавно я с мальчиками ходил на Агурские водопады и Орлиную скалу. С Орлиной скалы видны снежные горы...» [39].

Соня написала *папе*: «Дорогой мой пусинька! Я еще не знаю, когда поеду в Елатыму. Деньги маме не дают... Мне очень *хочется в Елатыму, но в Сочи бы хотелось гораздо больше*... Милый Вадя! Счастливый, что ты в Сочи. Целую тебя. Соня» [39]. 9 июля **Нина Юльевна** написала, что *проводила Соню до Елатмы*. На поезде доехали до Мурома и далее шли на пароходе. Через два дня, в 8 часов утра Нина Юльевна вернулась в Москву и сразу пошла на репетицию симфонического оркестра. «Из своих 5 рублей в неделю, - написала она мужу, - постараюсь купить себе понемногу: батисту на сорочку, панталоны и комбинацию... Не бойся, я не буду голодать: яйца сырье 5 шт. в день – 21 коп., 1 кружка молока – 12 коп., французская булка за 8 коп. на два дня, кашу буду варить и пр. Получил ли ты посылку, там твоя профсоюзная книжка?» [3].

Соня писала *из Елатмы*: «Золотая моя мамочка! *Встретили меня хорошо*, все были рады моему приезду... У нас с Тусей отдельная комната, очень светлая и чистая, в два окна. У меня кровать, но вместо тюфяка десять пуховых подушек, и так мягко, как на перине... Я с Тусей дружна, уже так не лазаем по деревьям и крышам. Мне некогда скучать, много надо штопать, да и книг читаю много... *Расписание* (режим и питание) более или менее *исполнению*. Каждую субботу хожу на базар за яйцами и все записываю: сколько стоит и количество. (Чтобы поправить здоровье Соня должна была выпивать 5 сырых яиц в день!) Молоко я не покупаю, у них молоко лишнее остается... Я *заказала* себе *сандалии* у шорника, ...я их уже получила, они стоили 2 р. 50 коп., очень крепкие... На 4-ый день я *обрилась у парикмахера*... Чешу голую башку частым гребнем, и теперь ...у меня стали (волосы) такие, что рукой можно захватить... К моей *гимнастике* прилагается *еще одно дело – колю дрова* понемногу: пять больших полен в один день... Я загорела немножко, потому что еще не много (раз) ходила на реку... *Хожу босиком по росе*... Иногда (утром) придешь, выкупашься и надо идти скорей помогать, ...вишни рвать до обеда. Мне полпуда надо каждый день нарвать...». И далее: «Золотая мамочка. **Я чувствую** здесь *себя* гораздо *лучше*... Если хочешь, чтобы я пила (чай) с сахаром, то пришли лучше сахар, а не деньгими, (сахар) здесь дороже... Христос с тобой. Твоя дочурка Соня» [39]. Хозяйка написала Нине Юльевне, что ее очень беспокоит, что Соня сильно похудела, весит всего 2 пуда 14 фунтов (38.5 кг) и совсем не поправляется [1]. (У Сони это совпало с переходным возрастом.) А в августе хозяйка предложила Соне: «Обедай у нас, только

Владимир Казимирович Герман на отдыхе с оркестрантами во время "гастролей" на юге.

(Фото из семейного архива автора)

хлеб и сахар покупай, а мы с мамой как-нибудь сочтемся». У хозяев, действительно, все было «вкусно и питательно». **Соня** написала **маме**: «Вчера и сегодня я ела куриный бульон и жареного цыпленка... Была в театре на «Наталке Полтавке» и малороссийской пьесе «Вулица». Хорошо играли, и я очень довольна» [39]. Хозяйка же вскоре написала Нине Юльевне, что их «бюджет настолько подорван, что даже одного человека не в силах содержать», и хотела отправить Соню после 4 августа в Москву, «но ей, бедной, так не хочется ехать. Мы ей безвозмездно можем давать сколько угодно молока, но все остальное ей будет покупать Анна Ивановна и готовить. ...ее самостоятельное существование будет стоить не дороже 10-15 р. в месяц. Если Вы согласны на такие условия, то я Соню могу немного дольше оставить, до холодов» [1]. В конце августа **Соня** говорила хозяевам, что стала меньше уставать, значит, все-таки *окрепла*. Она просила маму прислать рублей 8-10 на дорогу и написала: «Целую тебя. Твоя мышка большеглазая, и дорогуша, и глупыша, и детеныш Сонечка» [39].

12 июля **Нина Юльевна** поздравила «дорогого **Вадичку** с Днем рождения» (23-го по новому стилю): «крепко, крепко целую тебя и желаю сделаться благоразумным и прилежным... Посылаю тебе в подарок фуфайку голубую с белым воротником, черные вязаные трусики, красивый ремень и одну пару носок. Слушайся папу... Если он ворчит, то это оттого, что он теряет терпение от твоего безделья и беспечности. Мне хотелось бы, чтобы вы оба пробыли в Сочи до 1 сентября, а то я не в силах начинать кухню, и просто заставлю тебя, но есть придется впроголодь... Если не хочешь, чтобы папа отоспал тебя, будь ласков и послушен, ...и жалей своего папу и люби. Крепко обнимаю тебя, дорогой мой мальчик, и целую» [3].

16 июля **Владимир Казимирович** написал в **Москву**: «Мы вчера только начали играть (в ресторане), конечно, ужасно противно, но я радуюсь, что осталось меньше месяца, т. к. мои коллеги уезжают 10-15 августа. ...нас кормят обедом и два чая в день, я совершенно сыт... Денег я никаких еще не получил... Играть еще где-нибудь нельзя, т. к. здесь мы заняты 2 часа днем и 3-5 часов вечером, и везде играют в такое же время...» [3]. А **Вадя** написал **маме**: «Мы переехали на другую квартиру. Просшу тебя посыпать письма «до востребования», потому что я каждый день хожу мимо почты *обедать и ужинать в ресторан*. (Там) я получаю, *вместо паниных 30 р.*, обед из двух блюд и ужин. Обед очень хороший, можно выбирать по меню... Мы *купили две пары сандалий*, папе и мне. Если придут бутсы, и я буду в них играть в футбол, то сандалий мне хватит на все лето...». И далее **Вадя** описал, как он *ездил* с товарищами на пароходе в **Гагры**. Владимир Казимирович не хотел его отпускать, но с сыном было трудно сладить. Мальчики ночевали в Гаграх в парке на траве, ходили на базар, осматривали окрестности, а потом *пешком* пошли в **Сочи**, переночевав по дороге. «Мы пошли пешком потому, - написал он маме, - что увидели на базаре очень хорошие черкесские ножи и купили (их). На границе Абхазии и СССР мы легли спать на траве. Нам не было страшно, потому что около нас как раз ходили часовые. За весь (следующий) день, с различными отыхами, мы прошли 40 верст... Я в Сочи привез папе бутылку вина» [39].

Владимир Казимирович написал **жене**: «Дорогая Нина. Очень прошу тебя – *отдыхай, не щи халтур* и непременно поезжай в Дом отдыха, а я, надеюсь, что себе найду работу, пробуду (здесь) до сентября и Вадю оставлю при себе... Чтобы нам уехать, нужно еще 20 р., которые я надеюсь заработать, когда поступлю на новое место. *Предполагается мне место в Опере*, ...у них нет виолончелиста в оркестре. Возможно, что они пробудут в Сочи две недели, а на две недели уедут в Сухуми, и они мне предлагают с ними ехать дальше. Жалования я надеюсь получить 90-100 р., и думаю, что из этих денег мне хватит с **Вадей на жизнь** и останется на дорогу. ...а театральное жалование с 15 (августа) по 1 сентября пойдет на нас, когда мы приедем в Москву. Я думаю, что я Вадю пристрою в Опере, что-нибудь помогать... Но, я думаю, что там, в Сухуми, жизнь дешевле, и я сам его прокормлю. Из Сухуми мы приедем на пароходе в Туапсе, билет стоит не более 3-х рублей, а от Туапсе до Москвы два билета стоят всего 32 рубля... Никаких посылок мне не надо, рубашки пригодятся в Москве, а я хожу в блузах верхних, а нижнего белья и носок не носим. Вадя надевает только трусики, а когда идет обедать, то надевает твою фуфайку... *Не волнуйся, не поступай в Пивную* (играть на скрипке?), *только измучаешься*, а получишь так мало... *Не нужноходить на Биржу*, лучше *отдыхай*... Поезжай в Дом отдыха, ты там отдохнешь по-настоящему, ...об нас не думай, приедем к сентябрю на свой счет. Желаю всего лучшего. Целую тебя крепко. **И**

далее: «Дорожные» 18 руб. я уже получил, с уплатой всяких долгов останется 10 р., и за уроки 20 р. наберется, итого 30 р. Стало быть, останется накопить 20 р., которые я скоплю из жалования...» [3].

5 августа **Владимир Казимирович сообщил**: «Дорогая Нина. Вчера *начали играть в Опере*, шла «Аида», сегодня «Евгений Онегин». А у меня в «Ривьере» есть концерт. Вот у меня задача сложная – сыграть в концерте и поехать в Оперу ко 2-ой картине. Не знаю, как это удастся?» [3]. **Вадя** написал: «Я вчера смотрел «Евгения Онегина», меня провел (дирижер) Капони... Пожалуйста, спокойно отдохай в Доме отдыха... Целую тебя крепко. Вадя» [39].

Владимир Казимирович 6 августа сообщил **жене**: «Дорогая Нина. Вчера *участвовал в концерте и должен был получить 15 р.* Сегодня пошел в Союз получать их, пришлось истратить на извозчика 2 р., да в Союзе вычтут. Но, думаю, что рублей 12 получу, 10 р. отложу на дорогу, теперь у меня уже будет отложено 35 р., останется только добавить 15 р., и мы с Вадей обеспечены (деньгами) на дорогу. Их я заработкаю в течение пребывания Оперы в Сочи, так что ты не беспокойся и отправляйся в Дом отдыха. Мы *приедем на свои деньги*, и еще, надеюсь, привезти тебе вина из Сухуми... Целую. Володя». И на следующий день: «Милая Нина. Три спектакля уже прошли, еще три назначили. Эту неделю спектакли шли в Гостеатре, а с той недели (пойдут) в «Ривьере», мне будет далеко ходить. Мы *начали играть в одной столовой* от 6-30 до 8-30 *за обед и ужин* без денег. Не знаю, как на это посмотрит наш Союз. Я сейчас написал Соне письмо. Вадя с товарищами ушел за 15 верст в Хосту и в горы на целый день. Об нас не беспокойся... На дорогу деньги 55 руб. ...хранятся у моего ученика, где я обедаю каждый день... Желаю всего хорошего. Целую. Володя» [3].

17 августа **Опера переехала в Сухуми**. «...ехали на громадном пароходе, но без всяких удобств, замучились, т. к. не спали почти две ночи. В Сухуми только через два дня начинаем, так что отдохнем. Мы остановились в Доме крестьянина, за Вадю придется платить 40 к. за кровать, обеды тоже по 40 коп. Фрукты здесь дешевле, чем в Сочи... *На дорогу собрал 60 руб. и берегу их* страшно, т. к. боюсь, что на дорогу не хватит... Нам писать не нужно, т. к. скоро уедем... Жаль, что ты не попала в Дом отдыха, если бы знать, то я бы в Сухуми не поехал... Мы собираемся с Вадей выехать из Сухуми в субботу 29-го. Пароход отходит ночью, так что, возможно, в субботу отыграю спектакль. Поедем до Туапсе, а оттуда в Москву. Не знаю, получим ли билет? Но, все равно, *раньше 4-го* в Москву *не приедем, придется телеграфировать* Борису Львовичу (*Изралевскому, дирижеру оркестра МХАТа*). До скорого свидания. Я и Вадя тебя целуем. Любящий Володя» [3].

Сезон 1925 – 1926 годов

В сентябре *начались репетиции и работа супругов Германов во МХАТе*. 19 сентября прошла *премьера* пьесы «Пугачевщина» **К.А. Тренёва** с режиссурой Вл. И. Немировича-Данченко, В.В. Лужского и Л.М. Леонидова без музыки [40]. К старому репертуару *добавились* студийные спектакли: «Елизавета Петровна», «Битва жизни», «Дама-Невидимка», «Мальва», «Сказка об Иване-дураке и его братьях» и другие [41]. К исторической драме Д.П.Смолина «Елизавета Петровна» музыку для хора и оркестра в народном стиле написал **композитор Ю.С. Сахновский**. Он сочинил также полонез, подобрал несколько старинных маршей для духового оркестра, сигналов и музыкальной шкатулки. Пьеса по Ч. Диккенсу «Битва жизни» была *иллюстрирована музыкой композиторов Б.С. Баратова и Н.Ф. Титушина*. К другим спектаклям *музыку писал* даровитый композитор **В.А. Оранский**. Он блестяще оформил музыкой, танцами и народными песнями спектакль «Дама-Невидимка» П.Кальдерона. Музыку к сказке Л.Н. Толстого «Иван-дурак» в старинном стиле, с уклоном в лубок и гротеск, блестяще написал *опять Ю.С. Сахновский*. Все *музыкальные номера в этих спектаклях органически сливались с текстом пьес и с блестящей актерской игрой мхатовцев* [42].

К 100-летию восстания декабристов К.С. Станиславский задумал поставить спектакль по пьесе А.Р. Кугеля «Николай I и декабристы», доверив режиссиру Н.Н. Литовцевой. Это был один из первых спектаклей, которым МХАТ откликнулся на тему революции. *Музыку*, которая занимала в пьесе значительное место, *написал В.А. Оранский*. Торжественное вступление – реквием, посвященный памяти декабристов, и величественный финал исполнялись оркестром и

хором [42]. Так что *начались* серьезные *репетиции* этого программного спектакля.

11 октября *Нина Юльевна* писала в *Вологду*: «Дорогая моя золотая мамочка. Крепко целую Вас. Получила Ваше письмо. Спасибо за Ваши молитвы. *Вадя поступил в Музыкальный техникум*, к большой моей радости. Я уж думала, что опять ничего не выйдет – по приезде из Сухуми он порубил себе палец, потом захворал. Наконец, начал готовиться к экзамену этюд и пьесу. Вступительные экзамены уже кончились, я надеялась на дополнительные. Наконец, через две недели пьеса выучена хорошо. Я пошла к одной учительнице музыки в Техникуме им. Ярошевского, которую мне рекомендовали. Рассказала, как с музыкой его задержали, сколько пришлось ему менять учителей, … что он не пойдет на экзамен, если учительница раньше его не послушает и не скажет, что он будет принят. Учительница Марья Андреевна очень сочувственно отнеслась и сказала, что, если он годится, то она примет его к себе в класс в Техникуме, т. к. есть еще один дополнительный экзамен. Она его послушала, сказала, что *он очень музыканен*. Потом он сыграл на экзамене, и был принят. Ведь насили уговорила его идти на экзамен! Но, *когда его там приняли и тоже сказали, что он очень музыканен*, то (было) видно, что в душе *он был очень горд и доволен*, потому что прежде был разочарован в себе и боялся. Вадя уже взял 2 урока. После 1-го учительница задала ему «Двухголосную инвенцию» Баха, «Этюд» Крамера и «Сонату» Бетховена. Видно, что он очень заинтересовался, и очень много *начал заниматься*. Но сегодня (Вадя) ходил на теорию и уже говорит, что ему не хочется учиться обязательным предметам. Вообще, я бы очень радовалась, если бы верила, что он не залениться… Учительница эта, видно, хороший и бескорыстный человек. Она сама сказала, что возьмет его к себе, т. к. это дешевле, а, между тем, у нее Вадя 31-ый ученик, а … она должна иметь только 18 человек. Плату учителя получают небольшую, что-то около 3-х рублей в месяц с ученика. Поэтому все они имеют частные уроки. Школа – это как бы вывеска, а частные уроки – это деньги. Здесь средний учитель берет 20 р. в месяц за 8 получасовых уроков, т. е. два урока в неделю. Я *не имею уроков*, потому что не служу в музыкальной школе… Крепко целую Вас, моя дорогая мамочка. Любящая Нина. Р.С. Я волнуюсь, что не могу посыпать Вам, боюсь, что живете в проголодь… Тепло ли вам? Так *много надо денег, чтобы жить сыта и тепло*. Целую всех» [3].

Софья Петровна ответить дочери *не успела*. *25 октября 1925 года она скончалась* на 83-ем году жизни [1]. Это была очень тяжелая утрата для всех членов семьи Нины Юльевны.

Действительно, жизнь по-прежнему оставалась достаточно тяжелой и, помимо работы во МХАТе, Н.Ю. Герман-Зубова и В.К. Герман, чтобы прожить, *играли* по воскресеньям в *Оркестре Театра Революции*. Сохранились программы этих концертов. Так, 6 декабря состоялся 8-ой симфонический концерт (4-ый из цикла русских авторов) из произведений Н.А.Римского-Корсакова: Симфоническая сюита «Шехерезада», Фантазия для скрипки и оркестра на русские темы (солист М.И. Каревич) и Прелюдия-канта для оркестра, женских голосов соло и женского хора «Из Гомера» (хор Первого Государственного Музыкального Техникума). 13 декабря, под управлением К.С. Сараджева, прозвучали произведения из цикла «Ассоциации Современной Музыки»: «Деревенская симфония» А.Д. Кастаньского и Сюита «Египет» А.М. Дзегеленока [1].

Понимая, что не так дорога жизнь на периферии, как проезд туда по железной дороге, *В.К.Герман* в декабре 1925 года *поступил на службу в Отдел Просвещения Московско-Казанской железной дороги* на должность преподавателя по классу виолончели Музыкально-Хоровой Студии при Неровской железнодорожной школе [26]. Районному инспектору вменялось в обязанность дать отзыв о его работе и, после представления отзыва с последнего места службы, утвердить в должности с оплатой по 18 разряду. При тарифной ставке в 64 рубля 38 коп. В.К.Герман получал ее половину, а именно 32 р. 19 коп., т. к. работал по совместительству. Выданные Удостоверения Н.К.П.С. Казанской ж/д *всем членам его семьи* давали им *«право на бесплатный проезд по железнодорожным и водным путям сообщения в пределах выданных документов»* – до 31 декабря 1926 года, а затем и до 31 декабря 1927 года. А также служащий обеспечивался топливом на льготных условиях на правах железнодорожника [1].

Новый 1926 год не принес существенных перемен. *Во МХАТе* продолжались *репетиции* Оркестра и хора к спектаклю «Николай I и декабристы» и готовились к постановке *новые пьесы*: «*Горячее сердце* А.Н. Островского без музыки и «*Продавцы славы*» П. Нивуа и

М.Паньоль с музыкой Ю.С. Милютина [40]. В последней постановке режиссерами были В.В.Лужский и Н.М. Горчаков. Как писал Б.Л. Изралевский, «Горчаков отлично чувствовал, где музыка должна быть активно звучащим компонентом, а где служить фоном» [42]. Премьера «Горячего сердца» прошла 23 января 1926 года [40]. Два других спектакля находились в стадии постоянных репетиций.

Продолжались **Симфонические концерты Оркестра Театра Революции**, в которых **играли супруги Германы**. Уже **3 января** состоялся **12-ый концерт** сезона 1925/1926 годов (2-ой из цикла Ассоциации Современной Музыки и Музикального Сектора Государственного Издательства) под управлением К.С. Сараджева. В программе I-го отделения были сочинения Юлии Вейсберг: «Сказочка» для оркестра и «Поет печальный голос» с «Канционеттой» из оперы «Русалочка» в исполнении М.И. Бриан с оркестром. Во II-ом отделении прозвучала музыка М.Штейнберга: «Заклинание Аны» из драматической поэмы «Небо и земля» в исполнении М.И. Бриан и оркестра, «Мидас» и «Смерть Адониса» из 2-ой и 3-ей картин триптиха «Метаморфозы» для оркестра. **17 января прошел 13-ый симфонический концерт** (7-ой из цикла русских авторов) под управлением Георгия Шейдлера. Оркестр сыграл сюиту из балета «Павильон Армиды» И.Н. Черепнина, посвященную А.К. Лядову, и сюиту из сказки-балета «Жар-Птица» Иг.Ф. Стравинского. **14-ый симфонический концерт 24 января** представил **произведения Р.М. Глиэра под управлением автора**. Оркестр исполнил его «Первую симфонию», посвященную В.И. Сафонову, и Симфоническую картину «Запорожцы». Для голоса в сопровождении оркестра прозвучали **три пьесы** («Лада», «Ночь идет» и «Леда») в исполнении В.Ф. Туровской и «Кузнец» в исполнении Голинд. Музыке А.Н. Скрябина был **посвящен 20-ый симфонический концерт**, состоявшийся **7 марта** под управлением В.В.Небольсина. Прозвучали «Вторая симфония» и «Поэма Экстаза» для большого оркестра. **14 марта и 4 апреля прошли 21-ый и 22-ой концерты**. В последнем из них, оркестром под управлением Георгия Шейдлера, исполнялась музыка Н.А. Римского-Корсакова - Симфоническая сюита «Антар», и П.И. Чайковского – Фантазия «Франческа да Римини» и «Концерт для фортепиано с оркестром», посвященный Г. Бюлову (солист Г.М. Коган) [1].

19 мая **во МХАТе** состоялась **премьера спектакля «Николай I и декабристы»**, а 15 июня - премьера пьесы **«Продавцы славы»** [40]. Всего в театре за 28-ой сезон прошло 498 представлений, а также было устроено «Утро памяти декабристов» [41]. Вл.И. Немирович-Данченко писал: «Искусство Художественного театра приобрело за революционные годы новые очертания. Оно оставалось в своей основе по-прежнему ясным, простым, ярко реалистическим... Революция углубила наше понимание искусства и сделала его мужественнее и сильнее...» [50].

Лето 1926 года Нина Юльевна с детьми Вадей и Соней провела **в Курской области**. В сентябре на пять дней они съездили **в Сочи**, где летом, будучи в отпуске, служил Владимир Казимирович. Благо дорога им ничего не стоила [1].

Сезоны 1926 - 1927 и 1927 - 1928 годов

Осенью 1926 года Соня поступила **в класс фортепиано Музикальной школы Государственных Музыкально-Вокальных курсов имени Игоря Стравинского** [1], но все еще писала маме детские записочки: «Золотая мамочка, ...прошу меня приласкать, разбудить, сказать секрет, закрыть меня и посидеть около меня. Целую крепко, крепко. Соничка [39].

Во МХАТе режиссер И.Я. Судаков с молодыми артистами поставил **пьесу М.А. Булгакова «Дни Турбинных»**. Художественным руководителем был К.С. Станиславский. Музыка входила в этот спектакль, как важнейший эмоциональный фактор. И.Я. Судаков просто напел многие нужные мелодии Музыкальному руководителю и дирижеру оркестра театра Борису Львовичу Изралевскому, который достал этот материал, аранжировал и оркестровал. Премьера спектакля состоялась 5 октября [40, 42].

15 ноября Нина Юльевна упала на улице и сильно ушибла левое плечо, бок и крестец, появились сильные боли. Тем не менее, 27 ноября 1926 года супруги пошли в Клуб работников «Центробумтреста», где состоялся **«Художественный концерт**, посвященный 100-летию со

дня кончины великого музыканта-композитора *Л. Бетховена*, в исполнении артистов Бетховенского ансамбля при МХАТе». Программа включала биографические сведения о Бетховене и музыкальные номера: песни для голоса и двух голосов в сопровождении ф-но или трио; трио для ф-но, скрипки и виолончели; «Крейцерову сонату» для скрипки и ф-но; «Лунную сонату» для ф-но; Сонату для виолончели и ф-но и Траурный марш. Исполняли коллеги-артисты Вокальной и Музыкальной части МХАТа и его студий. Концерт сопровождался туманными картинами на экране [1].

Новый 1927 год начался в семье Германов с бытовых хлопот. *Нина Юльевна* обратилась в Профессиональный Союз Работников Искусств СССР и получила Удостоверение о том, что «Постановлением Президиума Московского Губернского отдела Всерабиса за членом Союза Н.Ю. Зубовой признано *право пользования* для профессиональных занятий на дому дополнительной площадью в размере 20 кв. аршин сверх жилой площади по норме, с оплатой указанной дополнительной площади по той же ставке, что и основная. Основание: Постановление ВЦИК и СНХ от 29.09.1924 г., Постановление Президиума Моссовета от 22.08.1924 года и Соглашение Президиума МГО Всерабиса с Муни. Секретарь Союза (подпись Щербаков), Зав. Общей канцелярией (подпись Николаева). Настоящее удостоверение зарегистрировано в Муни за № 12...» [1].

Во МХАТе, параллельно с текущим репертуаром, режиссерами К.С. Стениславским, Е.С. Телешевой и Б.И. Вершиловым началась *постановка комедии* П. Бомарше «*Безумный день, или Женитьба Фигаро*». К работе был привлечен один из крупнейших советских композиторов, Рейнгольд Морицович Глиэр. Это было большим событием в театре, и, как писал Б.Л. Изралевский, «Константин Сергеевич работал со свойственной ему одержимостью. Ввиду большой роли, отведенной в этом спектакле музыке, постоянное присутствие композитора на репетициях было необходимо. Часто вопрос ввода музыки или пения в тот или иной кусок сценического действия решался в процессе репетиции... Глиэру очень нелегко дался этот спектакль», потому что К.С. Стениславский сначала не принял его оркестровки. Но когда было принято решение, что музыканты будут участвовать в действии в гриме и костюмах и играть без дирижера наизусть, то предложили Константину Сергеевичу ввести их в народную сцену. «Эффект получился исключительный - все сцены зазвучали необычайно жизнерадостно, оркестр слился с народной массой. Константин Сергеевич был в восторге, и все присутствующие устроили овацию композитору» [42]. Премьера спектакля состоялась 28 апреля 1927 года [40].

Летом 1927 года артисты оркестра МХАТа получили очередной отпуск, а актеры отправились на гастроли по Югу России [41]. *Н.Ю. Герман-Зубова с Вадей и Соней* уехали в Анапу, где *Нине Юльевне* была обещана работа и недорогая жизнь. *Владимир Казимирович* уехал опять в Сочи, надеясь не столько заработать, сколько поправить здоровье [1].

[1 июля он на открытке написал *семье в Анапу*: «Дорогие Нина, Вадя и Соня. Я хорошо устроен и вполне отдыхаю... Вадю погоди присыпать сюда, т. к. у меня *денег нет*, а найти комнату очень трудно, меньше 40 р. нельзя, у нас же спать совершенно негде. Пусть терпит. Пока я не получу что-нибудь (в смысле работы и заработка), об этом надо забыть. Целую крепко. Ваш Володя». А затем *подробно в письме*: «Дорогая Нина. *Был у доктора* (по нервным болезням). Он меня очень хорошо осмотрел и выслушал, за это ничего не взял, т. к. он играет на виолончели, и даже хотел у меня брать уроки, если у него будет время, но он слишком занят. *Прописал мне порошки и пилюли*. *Нашел у меня невроз сердечной мышцы и небольшой выдох в правом легком* (верхушка), а также *неврастению и общую слабость* в организме... Но, ничего страшного нет; говорит, что в течение трех недель поправлюсь и обойдусь без Мацесты... *Запретил мне купание и лежание на солнце*, а велел делать обтирание. Чувствую себя ничего... У меня в Сочи пока *ничего нет*, никакой оперы... Если бы не Ковалевские, то я бы сюда не поехал: во-первых, дорого, во-вторых, страшно жарко, а по ночам душно. Я очень плохо сплю, просыпаюсь рано и после заснуть не могу, поэтому лежу после обеда часа 1,5. Ковалевские очень милы, я с Алексеем Алексеевичем в этом году более дружен, и занимаюсь с ним через день. Он сделал успехи... (Владимир Казимирович, видимо, *дает уроки за стол и проживание*.) Я теперь хожу на море в 6 часов утра и сижу там до 8-ми, пока не жарко, делаю гимнастику (легкую) и обираюсь морской водой. Затем, иду домой в 8 часов, пью кофе, и я

отдыхаю, затем занимаюсь на виолончели, а через день даю урок... Они (Ковалевские) ко мне очень хорошо относятся, и хорошо меня кормят... Если так будет продолжаться, то, доктор сказал, что через месяц мое сердце совершенно поправится, а нервы окрепнут... Денег у меня осталось 4 р., да Ал. Ал. за ноты и струны мне должен 9 р., вот и все мои ресурсы.... Я с этими деньгами надеюсь как-нибудь обойтись... Но ты обо мне не думай, ...и посыпать мне ничего не нужно... Если бы на август месяц нужен был бы виолончелист, то я мог бы приехать... На будущее время мне просто *придется искать себе летом место*, потому что так *живеть, вечно под страхом голодовки, нельзя*. Постарайся как-нибудь продержаться хоть до 15 августа, тогда в Москве можешь, по приезде туда, получить мое Перовское жалование... Если я что-нибудь заработка, то постараюсь все вам прислать...». И далее *Ваде*: «Дорогой Вадичка, очень жаль, что я *не могу тебя взять к себе*, т. к. устроить тебя будет негде... Место я не могу найти, т. к. оркестра никакого нет, даже в парке в Курзале нет ресторана, а потому и оркестра... Ты лучше *занимайся на рояле*, а на будущее лето мы сами устроим что-нибудь. Мне здесь тоже надоело, а живу только две недели. Но делать нечего, нужно терпеть. Целую тебя крепко. ...слушайся маму. Нам *очень трудно будет прожить до начала зимнего сезона*. И *Соне*: «Дорогая Сонечка, я ...тоже *об вас соскучился*... Если мама тебе устроит занятия на рояле, то занимайся хорошенько. Хотелось бы знать, хорошо ли вас кормят, и как вы проводите день? Ты *должна помогать маме*. Целую вас всех крепко. Любящий вас Володя» [3].

3 июля *Владимир Казимирович* написал *жене*: «Дорогая Нина. Меня очень *огорчило*, что с тобой случилось такое несчастье (?)», но еще больше огорчает, что я ничем не могу тебе помочь. Если бы я знал, что так все будет, то нам нужно было ехать в другое место или просто поступить на службу. Что там жизнь дороже, то это нужно было ожидать. Всегда все говорят, что дешево, а когда приедешь, то выясняется другая картина... Я сейчас *послал заявление в Московский Художественный Театр, прошу высказать тебе мое жалование за август*, с 15-го по 1 сентября. Я думаю, что они должны были тебе выслать по твоей просьбе, если ты написала, что находишься в безвыходном положении, ввиду того, что тебя *частично обокрали*. Я не знаю, где мне взять денег, чтобы послать вам немного. Мои 12 р. я берегу на дорогу, я из них не могу тратить ни копейки... Я хочу просить у Ковалевских, но у них самих ничего нет... Они очень милы со мной, очень меня любят и страшно заботятся обо мне... Ал. Ал. очень доволен моими уроками... Заработка здесь никакого нет, да я и *не могу играть*, ...боюсь, развлечусь. Недавно у Шмелевых был народ, и меня просили сыграть, так у меня такое *сильное сердцебиение* (сделалось), что продолжалось с 9 до 12 часов, пока я не лег в постель. Я принял валериановые капли и заснул, и не знаю, когда это прекратилось... Я надеюсь, что ты *до моего письма получишь деньги из Москвы*... Дорогие мои, целую вас всех крепко. Как Вадя и Соня, занимаются ли они музыкой?. У Вади целый день свободен, *пусть Вадя работает и приготовит хорошо заданное учителем к экзамену для поступления в Техникум*. (Вадя пока был принят в Музикальную школу при Техникуме.) До свидания. Желаю всего лучшего. Целую вас. Любящий вас Вадя папа» [3].

Нина Юльевна получила из МХАТа 80 р.: 40 р. своего жалования и 40 р. жалования мужа [1]. *Владимир Казимирович* немного успокоился и 29 июля *написал*: «Дорогая Нина. Вчера были мои именины, третий год, как я их провожу без вас. Ковалевские угостили хорошим обедом с пирожками... Мне как-то тут уже порядком *надоело*, но все-таки *придется жить*, т.к. здесь мне (жизнь) ничего не стоит, а в Москве придется взять или аванс, или Перовское жалование... Уже с неделю, как у нас *в Сочи не хватает хлеба*... На днях ходили на Орлиную скалу и на Агуру (водопады), очень хорошо прогулялись, я хорошо шел, ...но *ходить* все-таки *в гору мне трудно, задыхаюсь*... Очень *жалко*, что Соня так конется, что *не успевает* даже *поиграть на рояле* и на пляже мало бывает. Обидно, что Вадя *целые дни на футболе*. ...время уходит, а они совсем мало двигаются вперед. Я о них всегда думаю, и так *обидно*, что они с таким опозданием идут с учением, а Соня так и совсем не учится, а ей уже 17 лет. В это время почти все дети заканчивают среднее образование. Хорошо, если Соня поправится за лето, и тогда, может быть, лучше будет в Москве заниматься. До свидания. Целую вас крепко. Любящий вас папа. Я думал, что вчера получу от тебя письмо с поздравлением, но почта здесь так неаккуратно ходит. Целую. Володя» [3].

В последних числах июля *Нина Юльевна*, видимо, *начала играть в Симфоническом*

оркестре Курортного объединения с окладом 70 р. в месяц. **Владимир Казимирович** тоже попал в приехавшую *Оперу*. Заработанные *деньги выслал* жене в *Anapu* и 20 августа написал: «Дорогая Нина, еле выцарапал эти деньги и посылаю тебе. Страшно боялся, что вы сидите без денег. Погода испортилась. *дожди, и дела плохи в Опере*, и трудно получить деньги. Если получишь от Карпова (жалование из Перовской школы), то можете побывать подольше, ...и сама не готовь, а бери обед, и отдохни немного... Я думаю пробыть здесь еще с неделю ...и выехать не позднее 29-го августа. В *Teatre в Москве* есть объявление: с 3-го сентября начинаются спектакли... Целую вас крепко. Любящий Володя» [3].

Осенью 1927 года в *Москве* супругам Германом пришлось сразу включиться в работу во *МХАТе*. а Ваде и Соне засесть за учебу и, по мере сил, помогать по хозяйству. В театре начался **30-ый сезон**. или такие *новые спектакли*, как «*Дни Турбинных*», «*Безумный день, или Женитьба Фигаро*», а также постановки старого репертуара. *Репетировали* мелодраму «*Сестры Жерар*» **В.З. Масса**, музыку к которой написал **В.А. Оранский**. Б.Л. Изралевский писал, что «в спектакле звучали менуэты Люли и Рамо, подлинные неаполитанские песни, хорошие хоры... Для последнего акта была сочинена музыкальная картина – «Взятие Бастилии», основной темой которой была «Марсельеза». И здесь *музыка В.А. Оранского обогащала спектакль*, подчеркивая ...революционные тенденции» [42]. Премьера этой пьесы состоялась на Малой сцене МХАТа еще в марте. Теперь ее нужно было адаптировать к основной сцене. Этим занимались художественный руководитель спектакля **К.С.Станиславский** и режиссеры **Н.М.Горчаков** и **Е.С. Телешева** [40]. Одновременно, к 10-ой годовщине Октября, *готовился* к постановке масштабный спектакль «*Бронепоезд 14-69*» **Вс. Иванова** [44].

При такой загруженности в театре, еще не совсем поправившийся **В.К. Герман** принял *решение оставить преподавание* в Музикально-Хоровой Студии при Перовской железнодорожной школе. Он сдал Отчет о проделанной работе по классу виолончели за 1926/27 учебный год и 3 октября получил Удостоверение о том, что с 15 октября 1927 года «освобожден от должности, вследствие сокращения сольной работы. В течение всего времени службы *отличался знанием своего дела* и очень *добросовестным отношением к нему*. Ввиду этого т. Герман *заслуживает рекомендации отличного работника*. Заведующий Перовской школой (подпись). Зам. Зав. Школы по Студии (подпись). Печать» [1].

Пришлось основную нагрузку по добыванию дополнительных средств **Нине Юльевне** взять на себя. 1 октября 1927 года она *вступила в должность преподавателя по классу скрипки в Государственных Музикально-Вокальных курсах имени Игоря Стравинского*. Но ее зарплата составляла всего 19 р. 60 к. в месяц [19].

29 октября во *МХАТе* состоялась *премьера* спектакля «*Сестры Жерар*», а 8 ноября – *премьера* программной постановки «*Бронепоезд 14-69*» [40]. А.В. Луначарский писал об этом последнем спектакле: «...революция может давать театру высокохудожественные эффекты, а театр Станиславского может заставить зазвучать идеи и чувства революции так громко и тонко, так патетически и задушевно, как, может быть, никто другой» [44]. Но музыки в этой постановке не было.

После Октябрьских торжеств *театр приступил к репетициям пьесы Л.М. Леонова «Унтиловск»*. Ответственный режиссер **К.С. Станиславский**, режиссер – **В.Г.Сахновский**. *Музыку к спектаклю подобрал, аранжировал и оркестровал дирижер оркестра Борис Львович Изралевский* [40, 41]. Премьера этого спектакля состоялась *после* наступившего **Нового 1928 года**, а именно 17 февраля. Еще одним новым спектаклем 30-го сезона театра 1927-1928 годов стала пьеса «*Расстратчики*» **В.П.Катаева**, поставленная режиссером **И.Я.Судаковым** при художественном руководстве **К.С.Станиславского**. Музыки в ней не было. Премьера этого спектакля состоялась 20 апреля [40]. Возобновили и спектакль «*Вишневый сад*» [41], поставленный **К.С. Станиславским** еще в январе 1904 года [47].

С весны 1928 года **Вадя**, помимо Музикального техникума, начал учиться *на 1-ом курсе Счетно-Финансовых курсов* при Школе № 36 Хамовнического Отдела Народного Образования. **Соня** в это время учились в *6-ой группе этой же школы*. В 17 лет она выросла до 166.5 см и весила 52 кг [1], но училась неважно. То и дело писала маме записки, что (болит живот, зноит, сильный жар, и поэтому) в школу она не пойдет, а будет учить уроки на следующий день «к пятнице и субботе». Или: «Дорогая золотая моя мамочка. Я думаю, что мне завтра в школу идти не стоит, а с утра заниматься на рояле и пойти к учительнице. В школе

уроки незначительные... Если решишь, что я могу не идти, то не ворчи, а то ты позволишь, а сама будешь упрекать целый день. Тогда я (лучше) пойду. Соня. Р.С. Завтра очень важно сыграть хорошо на уроке, так вот решай! Я знаю, что если в школе пропущу, то пустяки...». Однако она могла вдруг вспомнить, «что сегодня в саду кино бесплатно» и через день она может ходить. «Я была во вторник, а сегодня четверг, решилась идти. Соня. Р.С. Не сердись, на даче буду ложиться (спать) рано» [39].

Всего в сезон 1927-1928 годов во МХАТе состоялось 597 спектаклей [41]. Расходы оказались очень большими, и перед летними отпусками началось сокращение сотрудников. Н.Ю. Герман-Зубовой в декабре должно было исполниться 55 лет и, видимо, ее решили сократить одну из первых. 30 мая *Нина Юльевна обратилась с письмом к Главному Руководителю Театра – самому К.С. Станиславскому!* [1].

«Глубокоуважаемый Константин Сергеевич, - писала она. Во имя справедливости, прошу Вас лично пересмотреть дело о моем сокращении и защитить аккуратного и добросовестного работника от произвола Заведующего. У нас в оркестре сокращение произведено без рассмотрения ни материальных условий сокращаемых, ни степени их непригодности. В оркестре есть лица, имеющие 3-4 службы одновременно, я же имею только театр. Если недостаточно, что я окончила Санкт-Петербургскую консерваторию на свободного художника по классу профессора Ауэра, что я играла в Операх Зимина и Народного Дома, где была помощником концертмейстера 1-ых скрипок (а всего служу в оркестрах 29 лет), что в «Сестрах Жерар», в очередь с Золотаревым и Черняховским, играю за сценой со слепой и solo, если всего этого недостаточно, то прошу сделать конкурс нашей группе, чтобы выяснить, кто более не пригоден. Я уже подавала заявление, и мне предложили половинную службу. Но у меня двое больших детей, которые учатся, и на жалование мужа 100 р. и мое 46 р. мы будем просто голодать. 29 лет я всегда получала 90-100 р. в месяц. В Художественном театре служу 8 лет и, если теперь с 46 р. в месяц перейду на социальное обеспечение, то буду получать гроши, 13-15 рублей в месяц, а это ведь на всю мою остальную жизнь. Предложение половинной службы мотивировано «неполной нагрузкой», но у меня 22 спектакля в месяц в среднем. Это ли неполная нагрузка? Константин Сергеевич, поверьте человеку, горячо любящему Ваш театр и Ваше творчество: то скрытое ожесточение, о котором Вы говорили на собрании, происходит от Вашей недоступности. Дайте, хотя 1 час в неделю для желающих поговорить с Вами, это разрядит стущенную атмосферу театра. Глубоко уважающая Вас Н. Зубова» [1].

Летом 1928 года, с 19 июня по 15 июля, состоялись гастроли МХАТа в Ленинграде. Владимир Казимирович Герман, видимо, ездил на гастроли: Нина Юльевна с Вадей остались в Москве, а Соня уехала на дачу к двоюродной сестре Милице в Подмосковье, куда та с мамой Ларисой Юльевной и сестрой Ниной переехали из Вологды [1]. В конце августа Соня писала маме: «Золотая мамочка! ...очень прошу достать из моей желтой картонки материю на платье, синюю с белыми полосками. Здесь у меня есть свободное время и под руководством тети Лари я бы сшила его. Фасон его я уже паметила, и я помню, что ты его одобрила... Я хочу обязательно такой. Буду носить с моим черненским пояском или с белым, который куплю... Пришивать буду белые воротнички, которыми ты меня наградила... Любящая тебя, мою мамочку, Соня» [39]. Из письма видно, что Соня уже стала барышней, ей 18 лет [1].

Сезоны 1928 – 1929 и 1929-1930 годов

С 1 сентября 1928 года начались спектакли 31-го сезона МХАТа. Вероятно, благодаря вмешательству К.С. Станиславского, 3 сентября 1928 года артистка оркестра Зубова-Герман Нина Юльевна получила пропуск – Личную карточку МХАТа № 8, действительную по 1 января 1929 года и продленную до 15 мая 1929 года [1]. Таким образом, ее служба в оркестре театра была обеспечена еще на один год.

12 сентября состоялась первая премьера – был поставлен спектакль-шутка В.П. Катаева «Квадратура круга». Художественный руководитель Вл.И. Немирович-Данченко, режиссер Н.М. Горчаков. Музыку к спектаклю подобрал Б.Л. Изралевский [40, 47].

В октябре отмечался 30-летний юбилей МХАТа. На сцене сидели юбиляры, а потом были показаны отрывки из спектаклей: 2-ая картина пьесы А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», сцена из 2-го действия «Гамлета» В. Шекспира, 1-ое действие пьесы А.П. Чехова

В.К. Герман (второй справа во втором ряду) среди оркестрантов
Московского Художественного театра
(Фото из семейного архива автора)

«Три сестры», сцена «Колокольня» из пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», а также прочтены и сыграны отрывки из книг Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», «И на чистом воздухе» и др. [47].

Помимо работы в театре **Н.Ю. Герман-Зубова**, за мизерную зарплату, **продолжала преподавание** по классу скрипки в Государственных Музыкально-Вокальных курсах имени Стравинского. Причем, **из-за отсутствия** свободного **помещения** на Курсах она **давала уроки на дому**. В связи с этим, «Группком № 1 Мосгубрабиса поддерживал **ходатайство** педагога тов. Герман-Зубовой Н.Ю. в предоставлении дополнительной площади для ее профессиональной деятельности на дому» [1]. Этот документ давал возможность не оплачивать «лишние» квадратные метры по завышенной цене.

26 апреля в Малом зале Московской Консерватории состоялся **Показательный концерт учащихся** Курсов. В I-ом отделении выступил оркестр военно-капельмейстерского класса, а во II-ом – пианисты, певцы, хор и ученик-скрипач Н.Ю. Герман-Зубовой Нестеренко с Шестым скрипичным концертом Берии [1].

В.К. Герман начал давать **уроки** на виолончели в **Детской музыкальной школе при Музыкальном Техникуме имени В.В. Стасова**. Сохранилась программа Отчетного концерта школы, на котором выступили ученики В.К. Германа с «Грустной песней» П.И. Чайковского, «Арией» Маттесона и «Непрерывным движением» Шлемюллера [1].

Иначе семье было не прожить! Вадя перешел на 2-ой курс Счетно-Финансовых курсов при школе № 36 Хамовнического ОНО, но не бросал и занятия музыкой. У **Сони** осенью 1928 года произошла резкая **вспышка малярии**, помешавшая ей вовремя начать школьные занятия. Тем не менее, она **закончила программу Музыкальной школы** Курсов имени Стравинского и была **переведена в Музыкальный техникум** имени Мусоргского (в дальнейшем переименованный в Первый Московский Государственный Музыкальный Политехникум). Там, помимо фортепиано и теоретических музыкальных предметов, преподавали научные дисциплины за 8-ой и 9-ый классы средней школы [1].

Новый 1929 год не принес принципиальных перемен к лучшему в жизни семьи Германов. Политика государства на индустриализацию страны и коллектivизацию сельского хозяйства опять вызвала **экономический кризис**. Заниженные государственные закупочные цены на хлеб привели к сокращению посевных площадей, но хлеб у крестьян, даже необходимый им для проживания, оперуполномоченные отбирали под угрозой уголовной ответственности. Все равно, в городах **хлеба не хватало**, и его **выдавали по карточкам**. Непомерно увеличились цены на промышленные товары и услуги [37]. Вот **пример записок маме от Сони** в этот период: «Золотая моя мамочка! Я тетю Машу (Марию Юльевну) накормила, сама накормилась, все убрала и выстирала Ваде носки (висят на отоплении)... Тете Маше дала свои перчатки (белые, рваные) потому, что она свои потеряла, а себе выстирала свои серые бумажные, т. к. хожу «рукав в рукав» и не мерзну...» [39].

26 февраля во МХАТе состоялась **премьера** спектакля «**Блокада**» **Вс. Иванова**. (режиссеры Вл.И. Немирович-Данченко, И.Я. Судаков) [40, 41]. После этого начались **репетиции** спектаклей к новому сезону с художественным руководителем Вл.И. Немировичем-Данченко: «**Дядюшкин сон**» по повести **Ф.М. Достоевского** (режиссеры В.Г. Сахновский, К.И.Котлубай), «**Воскресение**» по роману **Л.Н. Толстого** (режиссеры Вл.И. Немирович-Данченко, И.Я.Судаков) и американская комедия нравов «**Реклама**» **М. Уоткинса** (режиссеры Е.С. Телешева, Б.И. Вершилов) [47]. Всего за сезон во МХАТе прошло 658 спектаклей [41].

В апреле состоялся **Показательный концерт учащихся** Музыкально-Вокальных Курсов, где учеником класса Н.Ю. Герман-Зубовой был исполнен 6-ой скрипичный концерт Берии [1].

Летом, с 1 июля по 28 августа, **артисты оркестра** МХАТа были уволены в **отпуск**. В их Удостоверениях было написано: «По истечении указанного срока **надлежит возвратиться к месту своей службы**. Домом отдыха не пользуются». Судя по Членским книжкам Кассы взаимопомощи Владимир Казимирович **взял ссуду** в размере **110 р.**, а **Нина Юльевна 50 р.**, видимо, чтобы отправить болезненную Соню на Юг. Поехать туда всей семьей было не по средствам, ведь бесплатного проезда по железной дороге уже не было. Супруги с Вадей остались в Москве, а **Соню** отправили в **Anapu** [1].

Хозяйка писала в Москву, что «жить Соня будет в одной комнате с Зоей. На содержание, мы считаем, выходит при семье 25 р. на человека. Больше ни за что платить не нужно, т. к.

стирать Сонечка будет сама» [13]. Однако, когда Соня приехала, *хозяева сняли для нее отдельную комнату за 10 р.*, а свои апартаменты сдали отдыхающим из Ленинграда и Москвы. Хозяйка повесила на закрытую проходную дверь ее комнаты старинный платок, кисейные занавески на окно и положила кружевную скатерть на столик, дополнив обстановку, состоящую еще из походной кровати с тюфяком. *Соня* писала маме: «Золотая, дорогая, ненаглядная моя мамочка! ... Сегодня меня *прописали и выдали заборную книжку*, ... теперь до 1 августа я *обеспечена продуктами*... За прописку я должна 2 р. 33 к. ... Утром пью чай и что-нибудь закусываем, и хлеб с маслом, это часов в 7-8 утра. Затем обед часа в 3, но в этот промежуток хорошо бы бутылочку молока с хлебом. Часов в 8 с половиной тоже сытно, но опять-таки с обеда промежуток большой, хотелось бы тоже чего-нибудь закусить... У меня осталось очень мало денег, хватит только на зубной порошок... Мне *хотелось бы, чтобы ты мне ассигновала* «на карман», *я бы покупала молока* каждый день. Ведь (доктор) Печерский сказал, чтобы я пила 4 стакана в день, а я пью только с чаем. Молоко здесь приблизительно 10к. бутылка... На пляж ходить нельзя, т. к. вход стоит 10 к.. ...раньше хоть можно было пролезть не через вход, а теперь забором все обнесли. На высокий берег ходить совсем не разрешают с тех пор, как был обвал и засыпало пять человек... Чувяки стоят 3 р. 50к., мне не в чем ходить, те с переплетом уже разлезаются...» [39].

Нина Юльевна отвечала: «Дорогая Сонечка, золотая моя девочка. *Пока не могу тебе ничего послать..., посылаю* (хозяйке) *Марии Иванове 25 р.* Все еще *возьмусь со своим экзаменами*, ...как только буду иметь возможность, пошлю тебе на твои долги и нужды... Напиши мне поскорей фамилию дирижера Симфонического оркестра. Я хочу написать туда, может быть, после 1 июля нас пригласят?... *Если бы папа получил место, то я послала бы Вадю*, ему надо прогреться, *у него хронический бронхит...*». И в следующем письме: «...*послала тебе 9 р.* Заплати все, что ты задолжала, покупай себе молоко и пей каждый день; ...также покупай себе брынзу и фрукты, ...купи чувяки. Я постараюсь на днях опять послать... Я рада, что ты спишь после обеда и рано ложишься... Если ты хочешь быть добросовестной относительно мамы и папы (*папа продал свой костюм* для тебя, а *мама ходит в зимнем..*, т. к. *на летнее платье не хватает*), то исполняй режим (дыхание, питание, обтирание или купание), чтобы укрепить свое здоровье и привыкнуть к аккуратности, чем ты отблагодаришь нас за все наши лишения Мы только и *хотим, чтобы ты была здорова* и счастлива. А ты будешь счастлива, когда будешь трудоспособна, когда будешь в состоянии учиться, как следует... Дешевого белья я сейчас в коммунарах не нашла, пошло тебе рубашку тети Маши, она сама вышивала гладью, мою комбинацию, а третий предмет не могу послать, а также и купить не могу, поэтому сши из мадаполами, который я тебе дала... В клетчатой кофте пока ходить можно, т. к. в саду освещение неважное, а шляпка у тебя хорошенъкая» [3].

Соня писала: «Дорогая моя мамочка! Живу хорошо, теперь получила 9 р. и буду покупать себе ряженку (катьк), это такая прелесть. Сперва только куплю чувяки, а то, прямо, босая... Деньги не транжирую, будь спокойна, никаких тряпок не покупаю. Мне бы только (синий) костюм прислала.... батист (на рубашку), тюль (для отделки), букетик фиалок лиловых, ...нотной бумаги (на диктанты и гаммы) ...и сахару, если можно, хоть 1 фунтик, мне его совсем не хватает. Тот сахар я Марии Ивановне преподнесла вроде подарка, а мне *не хватило пайка*. Паек был дан на две недели, а мне на неделю хватило и то в обрез» [39].

В июле из Анапы пришло известие, что с 20 июля «на Соню не будут выдавать хлеба, пока не будет представлено Удостоверение о снятии ее с пайка в Москве» [13]. Нина Юльевна *послала хозяйке 15 р. и посылку Соне* с вещами и даже с *7-ю батонами хлеба*, т. к. Удостоверение сразу не выдали, но не послала костюма. «Ты, верно, очень огорчилась, - писала она, - что я не послала тебе костюм. Но ты должна понять, что у меня ничего нет, а мне *надо ходить на Биржу (труд)*. А если получу место, то он тоже мне необходим, потому что платья купить мне не на что... Я не могу истратить даже 3 р. 50 к. на батист, ни на букетик, ни на тюль (что ты хочешь получить), ни на что больше, чем я даю тебе... Все, что просишь, постараюсь прислать, если будет возможно. Я тебе дала два своих прекрасных платья, белое и русалочье... Ведь, у тебя взято много платьев, кажется, всех одиннадцать. Мы с папой *сосчитали, что получим* (в конце июня) до 1 сентября, и пришли в ужас, ...у нас *останется 6 р.* Конечно, *прожить будет невозможно*. Суды все уже получены, а с *1 сентября опять надо будет брать вперед*. Так что мы *хотим продать* наши три *облигации* Индустрального займа (75 р.)

и купить две 5-рублевых, а на остальное жить до сентября. Как только я получу в конце июня деньги, так сейчас же пошло Марии Ивановне и тебе за месяц 45 р., и за август тоже мне бы хотелось послать уже сразу... Видишь, моя милочка, *стайся, чтобы Анапа принесла тебе пользу*, чтобы мы не напрасно с папой приносили все эти жертвы... Не горюй, моя золинька, начнешь учиться, и поищем 1-2 урока, на них будешь одеваться... Вадю... очень хотелось послать в Анапу. Я даже схлопотала ему железнодорожную скидку 50%, но наши расчеты не оправдались...» Учитель сказал, «что очень жаль, если *Вадя* поступит на службу, т. к. тогда совсем бросит музыку, а он *очень даровит*, лучше *я ему дам уроки*. Вадя и подал Заведующему 36-ой школой заявление, что т. к. он пойдет специально по музыке, то он просит освободить его от практики по счетоводству, т. к. квалификация ему не нужна... *Свидетельство выдали за 9-летку и окончание (Счетно-Финансовых) Спецкурсов... Вадю удалось устроить на полмесяца на даче* на полный пансион. На все лето я не могу, дорого, - написала Нина Юльевна. Вчера уже он вернулся...» [3].

В Анапе Соня неплохо проводила время, у нее появилась компания: девушка и юноша 17 лет. С юношой она музенировала – он играл на гитаре, она на пианино. Вместе они гуляли, играли в крокет, два раза ездили на прогулку, были в концерте, ходили в кино [39]. **Нина Юльевна** написала **Соне**: «Я очень счастлива, что тебе весело, и ты не скучаешь... *Пожелай* от всей души, чтобы мне удалось (бы) *переменить квартиру...*» [3]. Но 19-летней **Соне** хотелось быть нарядно одетой, чтобы вечером ходить в городской сад, где была элегантная публика, *а мама* никак *не могла выслатить ей свой единственный костюм*. И хотя Соня писала, что «платья переделала почти все», продолжала считать, что ей «совершенно нечего носить», и расстраивалась до слез. «Дорогая моя девочка, - написала ей мама, - мне зарез без костюма, т. к. пальто мое все лоснится и, как крашеное, нитки побелели. А на Бирже, Сонечка, надо быть хорошо одетой, а замухрышкой такой неловко быть... Нельзя же снимать с мамы последнюю одежду, я ведь тебе отдала все, что у меня есть лучшего, все платья... Если бы ты мне дружески написала все свои огорчения, то я бы переделала серый костюм для тебя. Но *ты* мне *поручила купить* батист, тюль, букетик, ...если покупать, *то уж не на что перешивать...* Ты плачешь из-за костюма, но не плачешь о том, что я каждые 5 дней стираю и гляжу до 3-х (часов ночи), что у меня пальцы болят от ревматизма. Но я должна сэкономить 10 р... Поверь, что *если* ты даже будешь хуже одета, но *лицо твое будет одухотворено добротой*, то *ты будешь гораздо интереснее и* (будешь) *более нравиться* истинно порядочным людям. А что до остальных – то это должно быть безразлично... Полно, моя девочка, радуйся, что ты в Анапе, жива и здорова, вся жизнь впереди. *Стоят ли тряпки того, чтобы портить себе кровь?* Ты не написала, получила ли 45 р. за июль? Целую тебя, моя золинька, крепко, крепко...» [3]. **Мария Ивановна** написала **Нине Юльевне**: «*Сонечка такая милая девушка*, мы все от нее в восторге... (Она) мне хорошо помогает... Сонечка может прожить у нас все лето; если соберемся в Крымскую, так возьмем с собой и её... За Сонечку не беспокойтесь, она чувствует себя хорошо, а мы все любим её, как свою» [13].

Но *материальное положение семьи оставалось очень сложным*. На летнее театральное жалование в 140 р. нужно было втроем прожить 2.5 месяца, а квартплата составляла 50 р. в месяц, так что ее с июля уже и не платили. «Весь июнь, - писала Нина Юльевна Соне, - мы сидели на картошке. Вадю я заморила и на две недели отдала в Мамонтовку на полный пансион, там он подкрепился и посвежел немного, но стоило это дорого. Теперь остается всего 15 р. до 15 сентября. Конечно, я приму меры, чтобы достать денег, но больше того, что я посылаю тебе, я посыпать не в силах...» [3].

В середине июля В.К. Герману удалось устроиться на работу. **Владимир Казимирович** переехал в *Дом отдыха*, где два раза в неделю *играл в концертах*. За это он имел $\frac{1}{2}$ комнаты, полный пансион и один раз в неделю бесплатный проезд на автомобиле в Москву и обратно. 16-го числа Нина Юльевна *приехала туда с Вадей*, устроилась в комнате в деревне Валуево за 10 р. На следующий день ее попросили аккомпанировать на концерте, так что синий костюм пришелся, как нельзя кстати. 18-го она уехала в Москву за посудой, керосинкой и прочими хозяйственными вещами. Картофель и молоко решили покупать в деревне, а хлеб привозить раз

в неделю из Москвы. Лес и река оказались рядом, так что можно было купаться, собирать малину и грибы. Вадя питался вместо Владимира Казимировича, который столовался с женой. Им хотелось так прожить до сбора труппы в театре 28 августа, ...но у Вади с 19 августа

начиналось учение. Так что вернуться в Москву надо было не позднее 15-16 августа [3].

На август в Анапу Нина Юльевна **послала 50 р.**: 25 р. Марии Ивановне, 10 р. за комнату, 10 р. на продовольствие и 5 р. Соне на портниху для серого костюма, который выслала вместе с сатином на подкладку и многими другими венцами. «Мне бы хотелось, - писала Нина Юльевна, - чтобы ты пробыла у Вишневских и сентябрь. Ты бы хоть поела винограду... Это укрепит твоё здоровье. Я уж как-нибудь, может быть, достала бы для тебя еще на месяц денег. (Учительница музыки) Элеонора Яковлевна говорила, что тебе лучше дольше побывать на Юге и окрепнуть, и когда начнешь учиться, то уж по-настоящему... Папа тебя целует, Вадя тоже, и поздравляют с Днем рождения. Я тоже крепко, крепко целую и обнимаю мою девочку и поздравляю от всей души... Я и папа **очень просим тебя думать как можно больше о своем здоровье...** Твоё здоровье – воздух, солнце, купанье, виноград...» [3].

31 августа В.К. Герману и Н.Ю. Зубовой-Герман во МХАТе выдали удостоверение о том, что «**никаких изменений в должности не было, но произошло изменение в окладах**, т. к. **за летнее время** труппа получает жалование в размере **66% месячного содержания**» [1]. **Пришло** Нине Юльевне **взять аванс и еще ссуду в 50 р.** Они пошли на настройку, чистку и 10 струн для рояля и в Музтехникум Вади за август [3].

30 сентября 1929 года **на площади Свердлова** супруги **играли в объединенном оркестре** (I и II ГТОБа, Персимфанса, Софила, Радиоцентра, Оперной студии К.С. Станиславского, I и II МХАТа, Малого театра и коно: «Арс», «Колосс», «М. Дмитровка» и др.), состоящем более чем из 100 скрипок, 40 виолончелей, 30 контрабасов, 50 деревянных, 50 духовых и 16 ударных инструментов. Около **300 музыкантов** дали концерт под девизом: «Оркестранты – на оборону СССР» в фонде постройки самолета «**Красный оркестрант**». В I-ом отделении были исполнены «Интернационал» и три венца Вагнера под управлением Народного артиста Л.П.Штейберга, а во II-ом отделении –музыка Чайковского, Грига и Римского-Корсакова, **без дирижера** [1].

Во МХАТе уже шли спектакли текущего репертуара **32 сезона и репетиции** постановок, задуманных ранее Вл.И. Немировичем-Данченко: «**Дядюшкин сон**», «**Воскресение**», «**Реклама**» [41]. 8 ноября **Н.Ю. Зубова-Герман** была **командирована** МХАТом «в Подмосковный район «Красная Пахра» для проведения Торжественного вечера, посвященного 13-ой годовщине **Октября**». В Удостоверении было написано: «Просим оказывать тов. Зубовой всяческое содействие. Председатель Месткома МХТ (подпись Михновский)» [1].

Но **жить легче не становилось**. Невыплаченный июльский остаток ссуды В.К.Германа вместо 15 сентября был частично им погашен только 16 ноября, и остаток составил 65 р., к которому прибавилась еще одна ссуда в размере 60 р., взятая 22 ноября. В этот же день 20 р. ссуды взяла и Нина Юльевна, так что ее долг составил 75 р. Итого, в конце ноября **долг семьи** составил **200 рублей**, что было больше их общего месячного заработка. Деньги уходили на жизнь и на то, чтобы «поставить на ноги» детей. **Вадя** занимался в классе фортепиано на Государственном Музыкальном **Спецкурсе имени В.В. Стасова**. У Сони по приезде, судя по справке, **обострился туберкулезный бронхoadенит с поражением корней легких и увеличением желез**, что требовало лечения и усиленного питания. Из-за болезни **заниматься** на фортепиано и научными дисциплинами в **Музыкальном техникуме имени Мусоргского** она **начала только во второй половине октября** [1].

К зиме К.С. Станиславский разработал **план постановки трагедии В. Шекспира «Отелло»** (режиссер И.Я. Судаков). [47]. **Музыка** для этого спектакля (военные сигналы, фанфары, марши) **была написана** композитором **Р.М. Глиэром**. Она служила выразительным фоном для сценического действия, которое прорабатывалось чрезвычайно тщательно. Спектакль «обещал стать крупным событием в истории МХАТа» в будущем году [42]. 2 декабря состоялась **премьера спектакля «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского**[40].

В январе нового 1930 года **Н.Ю. Зубова-Герман** получила инвалидность, к счастью, 4-ой рабочей группы по общим заболеваниям, и, конечно, **продолжала работать и в театре, и преподавать на Курсах** [1].

Во МХАТе подряд прошли **премьеры**: 30 января спектакля «**Воскресение**», 22 февраля американской комедии нравов «**Реклама**», а 14 марта **впервые** была показана трагедия «**Отелло**». К сожалению, эта постановка прошла только 10 раз, и была снята с репертуара, в

связи с тяжелой болезнью исполнителя роли Отелло Л.М. Леонидова [42]. Вл.И. Немирович-Данченко, совместно с Н.Н. Литовцевой, уже *репетировали* пьесу «*Наша молодость*» С.М. Карташева, *музыку* к которой *писал композитор В.Я. Шебалин*. Режиссеры Н.М. Горчаков и Е.С. Телешева, при художественном руководстве Вл.И. Немировича-Данченко и И.М. Москвина, ставили пьесу Ю. Олеши «*Три толстяка*» с *музыкой В.А. Оранского*. *Премьеры* этих двух спектаклей *прошли*, соответственно, 15 и 24 мая [40]. Всего в этот сезон во МХАТе было сыграно 795 спектаклей [41].

В апреле МХАТ обратился в Краснопресненское управление недвижимого имущества с просьбой *перерегистрировать удостоверение В.К. Германа «для продолжения его права пользоваться дополнительной жилой площадью* в 20 кв. аршин». Московский жилищный трест Президиума Мосгорисполкома и Моссовета выдал В.К. Герману Удостоверение о том, что ему «предоставляется, для служебных занятий на дому, право пользования дополнительной жилой площадью в размере 10 кв. м, сверх полагающейся на него и его семью установленной жилищно-санитарной нормы», и с годами это удостоверение продлевалось [1].

Летом 1930 года артисты МХАТа гастролировали в Ленинграде, Тифлисе, Баку и Харькове [41]. Оркестр на гастроли не ездил, и *супруги Германы* остались в Москве. Чтобы отправить детей отдохнуть, пришлось опять несколько раз брать ссуды в Кассе взаимопомощи и, частично погашая их, брать новые. В июле общий долг в Кассу составлял уже 150 р. *Соня уехала в Вологду*, «к тете Оле и дяде Мише», а *Вадю* отправили на месяц отдохнуть и поесть фруктов на Азовское море, в городок Геническ Мелитопольской области [1].

Теперь можно было немного отдохнуть. Ходили на именины к Ольге Сергеевне Кованько, где было вкусное угощение. А *именины* Владимира Казимировича, из-за отсутствия денег, *отметить не смогли, и вместо праздника поехали искать халтуры*.

В июле Германы с грустью прочитали в газете, что 16 числа недалеко от Дрездена в возрасте 85 лет скончался Леопольд Ауэр, «известный всему миру скрипач-виртуоз и педагог», создавший «плеяду перворазрядных скрипачей (Галкин, Налбандян, Хейфец, Цимбалист, Цейтлин и др.)» [1]. Среди них была и Нина Юльевна Зубова!

Ко Дню 21-го года рождения и именинам *Вадя получил в подарок теннисную ракетку*, поэтому, с тем, что ему было дано, он должен был прожить неделю, после чего Нина Юльевна обещала ему прислать еще денег. Комнату он снял в доме рыбака, хозяйка согласилась ему готовить, но на оставшиеся 10 р. он считал, что может прожить только 4 дня и уже просил маму срочно прислать ему денег. «Я прямо прихожу в отчаяние, - написал он, - и боюсь, что ты не пришлешь мне денег. Ведь ты меня сама послала, я ведь на этом не очень настаивал. Если я буду здесь сидеть голодом, то я очень истощаю... *Переведи мне, как можно скорее, деньги побольше...* Лучше бы я остался в Москве служить, чем так волноваться здесь и смотреть на все, не имея возможности купить ни фрукты, ни покататься на лодке, ни купить пирожных и проч. Когда приеду в Москву, то начну служить и не буду у тебя брать денег на карман и одежду, только ты не оставь меня здесь. P.S. Пришли мне поскорей мои белые туфли, потому что «физкультурки» разваливаются, и мне не в чем ходить... Здесь можно рублей за 7 купить лосевые туфли очень хорошие, скорей бы ты мне прислала (денег), а то я боюсь, что их продадут все, т. к. очень много покупают. Крепко тебя целую, дорогая мамуля. Вадя» [39]. *Нина Юльевна* написала сыну: «Дорогой Вадичка. ...я *больше того, что посылаю* и буду посыпать (20 р. в неделю), *не могу прибавить*. И то мы с папой *всего себя лишаем*, а денег достать будет негде, нам уже все выдано... По твоей просьбе послала сегодня по телеграфу 30р. Теже 5 и 11, посланные мной «до востребования», считай ...на туфли тебе и папе. Если туфель уже нет, то побереги эти деньги, их тебе хватит на 4 дня после 1 августа... Я хочу, чтобы ты хорошо питался и кушал фрукты, но не сори деньгами, помни, что мне очень трудно... Всего надо, чтобы ты пробыл месяц... Если купишь себе туфли, то немедленно черкани открыtkу. Я тогда не пошлю тебе белые... 25-го только будут готовы, а черные можно будет отдать только завтра, дали талон на 23-е, а *без талона не берут обувь в починку*. Мои и папы взяли чинить до 20 сентября, т. е. на 2 месяца. Целую. Мамуля» [3].

Получив сначала только 16 р., *Вадя* 25 июля написал маме: «Дорогая мамуля... Вообще, я тебе последний раз заявляю, что или ты мне прислачи сразу денег рублей 40, или пришли мне денег на дорогу, потому что это *для меня сплошная мука сидеть без денег...* Я совершенно *не могу отдохнуть*, т. к. только и думаю о том, что если через два дня не придут деньги, то мне

придется сидеть голодом, если меня не выручит опять хозяйка. Имей в виду, что письма и твои «переводы» приходят только на 5-ый день... Ну, прощай, моя дорогая, поцелуй папу. Надеюсь, что ты поймешь, как мне здесь тяжело. Я знаю, что ты не виновата, т. к. не куешь деньги, но все-таки ты могла бы улучшить мое положение... Если бы ты знала, как я все время волнуюсь и только и думаю о том, как я здесь проживу. Любящий тебя Вадя». На следующий день, **получив 30 р.**, Вадя написал: «Большое тебе спасибо, дорогая моя мамуля, теперь ты можешь не беспокоиться за меня, т. к. этих денег мне хватит числа до 3-4 августа... Насчет того, что нужно купить туфли себе и напе, не может быть и речи, т. к. **туфель** здесь давно **уже нет и денег этих** (16 р.) **тоже...** **Сегодня**, в честь получения денег, моего прошедшего Дня рождения, наступающих именин и долгого поста, **решил** сейчас **пойти в кондитерскую, съесть 5 пирожных и выпить бутылку фруктовой воды...** Если сможешь, **пришли также немножко папирос**» [39].

28 июля и 3 августа **Нина Юльевна** выслала **Ваде еще по 25 р.** и написала: «Очень уж ты широко живешь, довольно и 10 р. в день... У нас с папой ничего не осталось, весь август надо жить, надежда только на халтуры.... **Папа ходит на Биржу каждый день**, один раз получил 6р. Для тебя я храню пшено, 1 десяток яиц и 1 бутылку постного масла, так что в начале не будешь голодать, если будут давать мясо, но, конечно, так питаться не будешь, как в Геничеке...» [3]. **Вадя же был беспечен**: то его обсчитали на 4 р., то у него вытащили 20 р. «Но не беспокойся, мамочка, - писал он, - я все-таки хорошо отдохнул и, думаю, что поправился. Из-за этих 20 р. мне придется раньше уехать... До свидания, дорогая мамуля, поцелуй от меня папу и скажи ему, чтобы он не огорчался очень этим. Любящий вас Вадя» [39].

Отправив сына отдыхать, **Нина Юльевна ездила по ВУЗам, собирала анкеты и послала Ваде** подробную **информацию о 18 институтах и десятках факультетов**, прося его выбрать ВУЗ, который он предпочитал. «Вот видишь, - писала она, - бросил Высшие курсы английского языка, музыку, уроки у Надежды Дмитриевны по гармонии и попал на чужую дорогу, а свою бросил, и никуда не придишь. Собезьянничал с Жени и сел между трех стульев. Поправившись и обдумай все без эгоистических влияний товарища» [3]. Но **Вадя**, видимо, уже **больше не хотел учиться музыке, и ответил** маме: «**Подавай в Пл.(ехановский) и в Институт Промышленности и Труда**, в первый – копии (документов), а в другой – оригиналы: на электротехнический факультет и на факультет технико-экономического проектирования» [39].

Нина Юльевна **послала сыну еще 35 р.** и просила рассчитать, чтобы денег хватило расплатиться за всё и купить билет. Ведь **сумма посланных Ваде денег** получилась **громадная** – 180 р. на месяц! К последней посылке она приложила список его вещей, которые нужно собрать и привезти, не забыв и 4 пары носок, т. к. «**носки продаются только командированным**, а у частников очень дорого» [3].

Соня писала **маме из Вологды**: «Дорогая моя мамусинька, золотая милочка и дорогой папочка! **Хлебного пайка мне совершенно достаточно**, так что муки не посыпайте, а потом теперь все равно **запретили муку посыпать...** Тетя Оля, когда получила от тебя деньги, сейчас же стала покупать мне, и я ем: утром чай с молоком и хлебом, в час яйцо и молоко, чашки две, ...обед сырный часов в 5, вечером чай с хлебом. Относятся ко мне все хорошо, помогают... Платя шью, и белых ниток уже не хватает...» [39]. **Нина Юльевна делилась** с дочерью своими **трудностями**: «Дорогуша моя, теперь мы **по утрам не едим кашу**, т. к. все **слишком дорого**, **русского масла тоже не покупаем**, а картофеля часто нет в кооперативах. В кино ты можешь ходить, но денег на это я посыпать не могу, т. к. их нет. **Папа ходит на Биржу**, но ничего нет... **Туфли дают только по ордерам**, а театр не дал нам ордера, сказав, что получим в 5-ую очередь в декабре. Так что ты очень береги туфли, и хорошо бы купила себе и мне лапти... **Катушки белые дают за август только рабочим...** Отдыхать не приходится, хотя по вечерам изредка лежу, хотя надо ставит занплаты на белье... Постылка для тебя готова, но ...нет денег. **Занимаю на продовольствие...** Целую тебя, тетю Олю и дядю Мишу... Мама» [3].

Хорошо, что Соня в Вологде играла на рояле: «два часа в день, как следует... Вчера, кроме этого, играла с Лилей в 4 руки ...Шестую симфонию Чайковского... У нее есть метроном очень хороший, и я его завожу... Сейчас темно писать, допишу завтра. Бережем керосин, и после чая ложимся спать» [39].

Сезоны 1930 – 1931, 1931 – 1932, 1932 – 1933, 1933 - 1934 и 1934 - 1935 годов.

Женитьба Вади и замужество Сони.

1 сентября 1930 года **Н.Ю. Герман-Зубову**, вместе с 20-ю другими педагогами, **сократили на Музыкально-Вокальных курсах имени Стравинского, как совместителя**, т. к. нужно было дать места выпускникам. Но директор Курсов разрешил Соне Герман продолжать учиться бесплатно и даже приехать к 1 октября [3].

Во МХАТе 33 сезон 1930-1931 годов **начался спектаклями текущего репертуара и репетициями пьесы Р.А. Ваграмова «Взлёт»** [40], но первое жалование супругам Германам можно было получить только 16 сентября [3].

Вадя, приехав из Геническа в Москву, видимо, не стал поступать в ВУЗ, а **начал работать конторщиком** в Обществе Потребителей «Красное Замоскворечье». Проработал он там только две недели и, из-за отказа от работы на Плодовоощной базе, 6 сентября **был уволен** [1]. Думается, что Вадя, отказавшись от базы, берег руки для занятий на фортепиано.

13 сентября **Н.Ю. Герман-Зубова** была **восстановлена** в должности преподавателя по классу скрипки на Музыкально-Вокальных курсах имени Стравинского [1].

Соне в конце сентября **пришлось срочно выехать из Вологды**, т. к. могла случиться большая неприятность из-за ее заборной книжки, по которой за сентябрь на нее уже получали продукты в Москве, а по квартирам шли проверки, и на Германов могли наложить большой штраф [3].

С октября **Вадя стал работать счетоводом** в Модельно-опытном отделе фабрики «Москошвей» с окладом 110 р. в месяц [1].

10 октября **во МХАТе** уже состоялась **премьера спектакля «Взлёт» Р.А. Ваграмова**. Следующей новой постановкой должен был быть спектакль «Хлеб» В.М. Кириона с режиссурой И.Я. Судакова. **Музыку подбирал**, аранжировал, а, возможно, и писал **Б.Л.Изралевский** [40], так что в конце 1930 года шли репетиции оркестра и подготовка пьесы к премьере.

1 декабря **Вадя снова потерял работу**, получив расчет, как временный сотрудник [1]. Учился Вадя дальше или работал – не известно.

Новый 1931 год не принес принципиальных изменений в жизни семьи. 25 января во МХАТе состоялась **премьера пьесы «Хлеб» В.М. Кириона** [40], прошло «**Утро памяти революции 1905 года**». Всего за сезон 1930-1931 годов был сыгран 751 спектакль [41].

16 февраля Первый Московский Государственный Музыкальный Политехникум написал Удостоверение в том, что **Н.Ю. Зубова «пользуется правом на дополнительную комнату или площадь в размере 10 кв. м** для выполнения своей производственной деятельности на дому. Основание: Протокол № 9 Спец. Комиссии МУНИ по распределению жилплощади. Директор (подпись) Секретарь (подпись)». Видимо, **аналогичное Удостоверение от МХАТа** в очередной раз **получил и В.К. Герман**. Начались ходатайства о получении семьей, где дочь София была больна туберкулезом, другой квартиры: может быть, даже меньшей площади, но состоящей из двух комнат. Ходатайство было удовлетворено, и **Германы переехали в Большой Левшинский переулок, дом 4**, принадлежавший когда-то состоятельному фабриканту. Парадный подъезд этого дома располагался как раз у конца Чистого переулка, что на Пречистенке. Над полуподвальным помещением находился бель-этаж с многочисленными комнатами и жильцами, а на втором этаже, в большой коммунальной квартире, жило 6 семей, 23 человека. Один звонок на всех позволял приходившим гостям нажимать на кнопку нужное количество раз, в зависимости от того к кому они пришли. **Германам предоставили квартиру 11**: угловую комнату с двумя окнами площадью 33 кв. м и небольшую проходную с окном в 11 кв. м, отгороженную фанерной перегородкой от соседей и бывшей залы. Большая комната, с высотой потолков 4,5 м, представляла собой когда-то кабинет фабриканта, оформленный довольно интересно. Потолок и 1,5-метровый багет были украшены гипсовой лепниной, выкрашенной в темно-коричневой цвет под мореный дуб. По середине потолка шла балка с флористическими мотивами, а на поверхности багета располагались круги (по два на каждой стене) с выпленными внутри них барельефами обнаженных амуротов. Амурчики символизировали разные отрасли знаний и искусств. Так, один из них держал в руке глобус, другой циркуль, третий скрипку, четвертый, кажется, гроздь винограда и т. п. Стены были оклеены темно-

коричневыми тиснеными обоями, а в углу располагался бывший камин, переделанный как бы в голландскую печку, т. к. вместо огромного каминного зеркала и топки все было заделано белым кафелем. В одной половине комнаты разместили кабинетный рояль и старинную мебель: шкафчик из черного дерева с инкрустацией из цветной гальки (с ящичками внутри и секретной шкатулкой), круглый стол на одной витой «ноге», гарнитур из двух кресел и двух мягких стульев, большое зеркало, в простенке окон, буфет и закрытое ширмой одно спальное место на сундуке. В другой половине комнаты, отгороженной шкафами и занавесками, находилась спальня, где был письменный стол, кровати, умывальник и пр. В походной комнате тоже была какая-то, но более простая мебель. Другие жильцы занимали бывшую столовую и буфетную, комнаты, отгороженные от залы, и другие апартаменты. Готовили на керосинках и примусах в длинном проходе, где была и единственная на всю квартиру раковина и кран с холодной водой. Оттуда по широкой лестнице можно было подняться в мезонин, где в трех комнатах жила семья Беликовых: врач с женой, двумя взрослыми сыновьями и дочерью. Туалет располагался на лестнице черного хода. Отопление было калориферным. Когда в подвале топили дровами большую печь, то теплый воздух по специальным трубам поднимался вверх и выходил в комнаты из открытых медных заглушек. Супруги Германы у себя не только давали уроки ученикам, но и устраивали трио и квартеты с знакомыми музыкантами [1].

С 1961 года в этом доме расположилось Мексиканское посольство, и старинный дом был перестроен, превратившись в здание-модерн.

Летом 1931 года МХАТ уехал на гастроли в Ленинград, где давал спектакли в июне и июле [41]. Оркестр на гастроли не ездил. **Владимир Казимирович с Вадей** остались в Москве, а **Нина Юльевна с Соней** уехали отдохнуть к знакомым на хутор под Серпухов [1]. Если выдавались свободные дни (Владимир Казимирович где-то работал), то он ездил к жене и дочери. **Вадя** не служил, а ходил учиться на курсы автоворождения, и Нина Юльевна во время его учебы «платила ему жалование» в размере 12 р. в месяц. В начале июля она написала ему: «Я знаю, что все это уйдет за долги, и пора уже будет платить тебе за июль 20-го, но я решила приехать в Москву 26-27-го, чтобы 1 августа вместе с папой (и, может быть, с тобой) вернуться на хутор. Живи с папой дружно» [3]. Вадя отвечал: «Дорогая мамуля. ...у нас все благополучно.... Я играю в теннис и сделал большие успехи... Не беспокойся, все идет хорошо. Целую. В.» [39].

Владимир Казимирович написал жене: «Дорогая Нина... Я все деньги истратил, т. к. приходится давать Ваде и на панироны... Мы с ним ни разу не ссорились, живем дружно. Он хочет служить, и ему не знаю, удастся ли? Я ему сказал, что я должен отдохнуть август месяц. Я действительно очень устал, а, главное, у меня сердце плохо (работает) и какая-то слабость... Тут была такая жара, что это меня совсем доконало. Ни днем, ни вечером дышать было нечем. Сегодня после дождя стало лучше... Буевский скрипку разобрал, и основательно ее будет чинить, меняет пружину и, вообще, много работы. Хорошо, что отдала ему... Если приедешь, то Соню оставь на полном пансионе... Теперь весь вопрос в деньгах. ...сейчас я тебе послать не могу, у меня их нет... Если удастся продать что-нибудь, например, цитру, смычек свой, тогда можно будет отдохнуть. Вадя получит место, и ему на жизнь хватит своего жалования, пусть привыкает. Он был в диспансере, и ему сказали, что туберкулеза у него нет, но есть предрасположение: что у него упадок сил и малокровие. Нельзя заниматься спортом много. Но пока ничего страшного нет. Я сам очень испугался... Из этого жалования я заплачу за квартиру, т. к. запускать никак нельзя, а за август (заплатим) из сентябрьского жалования. Целую тебя и Сонечку» [3].

Нина Юльевна написала Ваде: «Пане необходимо отдохнуть август месяц, иначе он не выдержит зиму. Поэтому он будет искать себе на август заместителя и, следовательно, не получит жалования. Получив 31 июля свои 80 р., он поедет к нам... На эти 80 р. мы должны прожить все трое. Ты понимаешь, что это слишком небольшая сумма.... Исходя из всего этого, ты понимаешь, что должен служить... Если даже ты не совсем здоров, то служба тебе не больше повредит, чем твой бездеятельный и безалаберный образ жизни. Служба приучит тебя к дисциплине и, наконец, ты попадешь в (Проф)Союз, что необходимо. Она не помешает тебе держать экзамен на шоfera и пойти потом по шоферскому делу... С 1 августа я должна буду прекратить давать тебе на содержание, т. к. давать будет не из чего. Если не удастся тебе поступить до 1 августа на службу, то придется тебе поехать с нами. Вероятно,

будут грибы, тогда у нас будут вкусные обеды. В лесу будет малина, черника и брусника. И ты хорошо понравишься. Можно удить рыбу. Если уж ты никак не можешь уехать из Москвы, то, повторяю, необходимо тебе начать служить. Не думай, что случится чудо, и я вдруг опять буду в состоянии давать тебе деньги. При нас я тебя прокормлю и не отказываюсь и в будущем, но отдельно давать тебе на содержание не в силах. В школе за август я не получу, в театре жалование дадут только 15 сентября, и ссуда 180 р. на шее. Подумай серьезно, мой мальчик. Крепко целую тебя и благословляю, чтобы ты сгоряча не сделал какой-либо глупости, а серьезно обдумал и поступил умно. Любящая тебя мама» [3]. **Вадя ответил:** «...раньше первого мне все-таки туда к вам поехать нельзя. Я *выучился хорошо управлять автомобилем*, так что теперь ничем не связан с Курсами, и могу сам от себя идти сдавать «АОМС» [39].

Осенью 1931 года 22-летний Владимир Владимирович Герман в первых числах ноября был *призван*, как допризывник, в ряды Российской Коммунистической *Красной Армии* [1]. Служить его отправили в *Ленинградскую Военную Школу авто-техников*, откуда 6 ноября он писал: «Дорогая мама, приехали благополучно, сейчас временно поместились в казармах, сидим в карантине. Потом, через определенный срок, говорят, что пошлют на Курсы одногодичников. *Должны выйти* оттуда *командирами взводов* или *авто-техниками*. ...*получим права шоферов и мотоциклистов*. Нам в первый же день выдали одежду, обмундирование хорошее, только шинель немного коротковата... Пришли мне, пожалуйста, денег, потому что очень много непредвиденных расходов... Вчера я как раз дежурил на кухне 24 часа, весь день и ночь работали, я разрубил корову на мелкие кусочки и поэтому весь в сале, нужно обязательно купить одеколона. Все свое *жалование за год мы пожертвовали в Фонд моторизации...*». И далее дает маме массу поручений: прислать книги по автоделу, получить психотехническую справку и фотографии, купить тетради и т.д. «Имей в виду, - пишет он, - что все, что я тебя прошу сделать, сделай скорей, т. к. после 20-го я не знаю какой у меня будет адрес... Письма посыпай без марки, только добавляй – «Красноармейское». В декабре Вадя уже учился на курсах, где было много военных предметов. Он просил прислать ему ноты Баха и Шопена, т. к. «все время жарил под кино» и даже хотел в свободное время начать в клубе заниматься [39].

Во МХАТе 34-ый сезон 1931-1932 годов начался спектаклями текущего репертуара и постановкой новой пьесы А.И. Афиногенова *«Страх»* с режиссурой И.Я. Судакова. Премьера этого спектакля состоялась 24 декабря. Всего за сезон сыграли 681 спектакль [40, 41].

Новый 1932 год для МХАТа стал знаменательным – *театру было присвоено имя Максима Горького* [44]. Жизнь супружеской пары Германов проходила, как всегда в трудах и заботах. В.К. Герман был приглашен на вечер 21 января в Большой театр для исполнения ансамблем виолончелистов «Арии» Баха [1].

Вадя писал из Армии: «Дорогая мамуля... *Наши казармы есть курсы*, нас 125 человек, имеются специально приспособленные классы и проч. Мои товарищи все очень хорошие, *все из Москвы*, и есть даже с высшим образованием...». **Нина Юльевна послала 70 р.** и Вадя «купил себе коньки, они мне ободились с ботинками и приклепкой в 55 р., сегодня пойду отдать их поточить, а когда получу от тебя деньги, то выкуплю. Сегодня уже 6-ое число, а денег от тебя нет, ты ведь обещала прислать к 5-му. У меня уже давно нет денег, и пришлось даже занять у командира отселения 5 р.». И далее: «Сегодня *получил* от тебя 20 р. Ясно, что этого мало, т. к. один каток стоит: вход 50 к., раздевалка 10 к. и трамвай 20 к.. итого 80 к. Нужно обязательно подкормиться в буфете... Но существу говоря, и 30 р. очень мало, но большего я у тебя просить не собираюсь. Поэтому *посыпай мне к 5-му числу каждого месяца 30 р.* Пиши мне письма веселей, а то ты все про нехватку денег, я это отлично знаю, и мне совершенно не нужно все время об этом напоминать» [39]. Какой абсолютно *недопустимый тон по отношению к матери*, которая, работая на двух должностях, никак не могла обеспечить членов семьи всем необходимым! С середины января **Вадя стажировался на заводе**, работа была ему интересна. Он писал: «Живу хорошо. Сейчас у нас начинаются *соревнования по теннису* между командным составом, и меня пригласили принять участие. Это мне интересно... Завтра *пойду на каток*. Очень удачно получилось у нас с этими 40 р. Больше денег мне ты не посыпай, и я у тебя просить не буду, т. к. мне *мне больше ничего не нужно, кроме башмаков*, которые я сам здесь все равно купить не могу, т. к. они стоят не меньше 100

рублей, а если будет линий ордер, то куни 42 размер... На днях *думаю пойти сняться*, как в прошлом году: карточка размером как открытка, ...в кожаном обмундировании, чтобы сохранить память о военной службе» [39].

В Ленинграде *Вадя познакомился с семьей матери Любы* (Любови Юльевны, которой дома в эти годы не было) и *был у них в гостях*. «Дядя Вилли, - писал он домой, - очень славный человек, и мы с ним в очень хороших отношениях. 24-го числа я к ним опять пойду, и он обещал мне поиграть Баха. Играть с ним в 4 руки я, конечно, не буду, т. к. не умею читать с листа. Пробовал играть с Жоржем, ничего не вышло... Чувствую себя очень хорошо, сильно *окреп и закалился*. Работы много и всевозможной. *По всем предметам* («Сопротивление материалов», «Технология металлов» и др.) *успеваю*... На днях был в «Сатире» и думаю в следующий выходной пойти на «Страх» в Александрийский театр... *На каток хожу* раза 3 в 5-дневку, *получаю большое удовольствие*... Отдал перешивать свой шлем портному за 7 р., т. к. он был очень некрасив... Хочется все-таки немножко лучше быть одетым, а то ведь все на красноармейцев смотрят очень плохо, и это заставляет мое самолюбие.... Было бы очень хорошо, если бы ты смогла мне послать большую толстую тетрадь из хорошей бумаги для автодела в kleenчатом переплете. Эти записки мне потом пригодятся на всю жизнь, т. к. *я уже думаю все время заниматься автоделом*. Я очень в него втянулся, и оно мне нравится. *Мои мечты*, когда я вернусь из армии, *устроится на завод «АМО» авто-техником, а потом поступить в МАДИ* (Московский Автодорожный институт). Это вполне осуществимо. Вчера ночью у нас были тактические занятия, ездили за 60 км от Ленинграда и... «играли в войну». Хотя ночью было очень холодно, я не заболел... У меня здесь есть *несколько знакомых девушек*, ...встречаюсь с ними на катке. Все-таки приятно изредка видеть женское общество; ты (мама) ведь меня знаешь в этом отношении... Сегодня у нас в буфете все подорожало на 30%, поэтому приходится быть очень экономным... Не забудь прислать тетрадь и папиросы (и еще множество других вещей)... Целую всех вас. Вадя». И *далее*: «Дорогая мамуля! Получил от тебя посылку и письмо, очень тебя благодарю за это. Ты пишешь, что не можешь посыпать мне, что я тебя прошу... Ты мне *пошли скорей денег*, и я себе сам все это куплю...» [39].

В марте *Вадя* писал *маме*: «Дорогая мамуля, ...получил от тебя в этом месяце только 15р., бедствую, жду остальное. *деньги очень нужны*... Уезжал на маневры, ...и мы жили в деревнях. Жаль, что не было денег, а то можно было бы попить молока. Пожалуйста, пошли скорей. Я стал театралом, ...сейчас сижу на «Сорочинской ярмарке...» Возможно, что я приеду в Москву числу так к 1 мая учиться в нормальной школе на авто-техника. Режим в этой школе военный, жизнь в казарме, но, наверное, часто будут отпускать домой... Но, ...меня не взяли, и я *остаюсь в Ленинграде*, ...приеду не раньше 1 ноября. Сейчас мне приходится много заниматься, хотя мы большинство предметов военных закончили, но зато больше *приходится заниматься автоделом, ездить на машинах* и пр. Скоро *будут экзамены на гражданско-военного шофера-мотоциклиста*, а осенью на *авто-техника и командира взвода*... Увлекаюсь лыжами и коньками... Два раза я *участвовал в лыжных состязаниях*, и один раз пришел 9-ым, а другой раз сошел, так испортились ремни у лыж... *Играю в шахматы*, ...но у меня выходит не особенно удачно. Обыгрываю хороших игроков, и проигрываю плохим. По всем предметам успеваю. *Стреляю хорошо*. Кренко целую... Живу хорошо, только с деньгами очень плохо и с папиросами также... Ты мне лучше не посыпай дешевых папирос, а посыпай немного, но дорогих... *Жду от тебя денег*. Кренко тебя и всех вас целую. Вадя» [39].

В апреле Вадя писал о том, что они *работают в мастерских по изучению двигателей*, очень интересная работа. И *далее*: «Сегодня получил отпуск с 12 часов дня до 12 ночи. *Думаю* два раза *сходить в театр*: днем на оперу, а вечером на драму. Это единственное удовольствие теперь, т. к. каток закрылся...» [39]. 15 мая *Вадя* должен был уехать в *лагеря* и, конечно, просил досрочно выслать ему денег на июнь, т. к. «из лагерей в Ленинград отпускать не будут и, следовательно, деньги также получить будет нельзя. А в лагере можно будет попить молока, купить яиц и масла. Этого я совершенно не вижу, нужно немного попитаться...». *Нина Юльевна* послала *Ваде* письмо и 40 р., а он ей посыпал с коньками и другими ненужными вещами. 12 мая выехали в *Красное Село*. Оттуда *Вадя* писал *маме*: «Дорогая мамуля! Как можно скорее принеси мне посылку со следующими вещами: трусики белые, щитки, наколенники, т. к. у нас устраивается футбольная команда, белые брюки, белые теннисные

туфли, английские рубашки с воротничками, пару галстуков (Гамбургский серый... и пестрый летний), пару носков хороших, синий пиджак и брюки. Бутсы я себе здесь купил за 20 р.». 30 мая **Вадя** получил *посылку от мамы* и 15 р. Вчера он уволился из лагерей на сутки, переночевал в батальоне и решил пойти к Жоржу, чтобы оставить вещи, а, может быть, и переодеться, чтобы поехать в Сестрорецк на пляж. Он писал, что теперь *играет в волейбол* (даже) чаще, чем в футбол, а еще в теннис и баскетбол, но «в день остается для занятий спортом не более часа, а иногда и совсем нет времени». И 1 июля **Вадя** опять начал просить прислать ему *деньги* вперед: «за июль месяц к 10-му июня, ...за август к 20 июля, а на сентябрь уже в положенный срок. Таким образом, я смогу войти в свою колею, а для тебя это будет все равно. Пожалуйста, сделай это, а, главное, к 10-му числу не опоздай послать деньги... Живу в палатке и провожу *целый день на воздухе*. От этого очень хочется есть, а у нас здесь очень хороший буфет и стали продавать молоко... *Выучился хорошо ездить на автомобилях нескольких марок и тракторе*, скоро *начнут учить* (ездить) *на мотоцикле*. В августе, наверно, буду работать авто-техником на практике в мастерских. Кроме того, будет месяц стажировки, как командира взвода, придется командовать красноармейцами и самому преподавать автодело и прочие предметы... Целую всех вас крепко. Осталось служить 5 месяцев. Надеюсь приехать к 1 ноября. В.Г.» [39].

Летом 1932 года **Нина Юльевна и Владимир Казимирович с Соней** уехали к знакомым в город **Касимов** на Оке. Там играли трио Мендельсона, «Элегию» Форэ и др. [1].

Вадя писал теперь в Касимов. 28 июня он *сообщил*, что его *посылают учиться на бронетанкового техника и водителя танка*, и он *закончит* Бронетанковую школу *не раньше конца февраля 1933 года*. Срок обучения в школе 1,5-2 года, - писал он, - но я в группе, которая идет ускоренными темпами, и для нее срок обучения 8 месяцев. После окончания я получу месячный отпуск и, конечно, не замедлю приехать... *Начальник обещал* меня *устроить работать в Москве*, поэтому я и согласился... Я должен буду отслужить 1,5 года, оклад около 200 р., военный паек на всю семью и обмундирование бесплатно. Пиши по этому адресу примерно до 15 сентября: Ленинград, Красногородский лагерь имени Фрунзе, п/я № 1, 1-ая рота, курсанту такому-то» [39].

22 июля **Владимир Казимирович** уехал из Касимова, чтобы участвовать в трио в концертах с оркестрантом из МХАТа Михновским, и писал жене: «Дорогая Нинуша. Мне так не хотелось уезжать из Касимова. Доехал благополучно, с парохода попал на поезд и приехал в Москву в 3 часа, так что был вовремя на репетиции. Два дня репетировали, 24-го концерт в Юрьеве-Польском, а затем концерты в Иванове-Вознесенске, Кинешме и промежуточных городах. До 16 августа уже есть 20 концертов. Администратор сказал, что условия еще повысятся... Новые пропуски я получил в Месткоме, сахар уже давали, теперь придется получать все Маше (Марии Юльевне). Деньги тебе я, как только проработаю неделю, пришлю, так что не жалей на питание...» [3]. И в следующей весточке: «Вчера уже провели два концерта, и сегодня уезжаем в Гаврилов-Посад. Хорошо тем, что переезды днем и не более 2-3 часов... Сегодня приехали в Тейково, и тут будут два концерта. Здесь было хорошо относительно квартетов и питания. Целую кренко. Любящий Володя. Пиши Иваново-Воскресенск. Главный почтamt, до востребования с 1 по 6 августа. Целую Сонечку. Ходите купаться и гулять, отдохните хорошо. Когда поедешь в Москву, то поезжай через Шилово, там есть два местных поезда от Сасово, и очень свободно на них сесть, и очень скоро иду без остановок. До вокзала не очень далеко, и там есть подводы, которые за 1 р. довезут вещи... Поезжай не раньше 19-го, т.к. 20-го выходной день у всего театра, а ты приедешь часа в 3 дня. Хорошо бы понравить нам рояль, я жертвую 100 р. на него... *Деньги я тебе на Москву вышилю* числа 18-20». 6 августа **Владимир Казимирович** написал жене: «Дорогая Нина. Сегодня заканчиваем здесь свои концерты и *едем в Вычегду*. У нас много пропало дней, не играли 31. 1-го концерт отменили из-за Антивоенного дня и 4-го... Устроим еще ряд концертов до 25 августа. Я тебе дам адрес, куда ты мне можешь написать... С 17 до 20 будем в Кинешме, пиши *до востребования*... Аванс я взял 150 р., но у меня еще есть рублей 80... Чувствую я себя ничего, правда, уже надоело, но делать нечего... Вернусь в Москву числа 27-го. Распишись за меня (в театре), когда приедешь. Целую кренко тебя и Соню. Володя». И далее: «Сегодня приехали в Вычегду, и пробудем здесь 3 дня. *Деньги 200 р. я тебе (в Касимов)* *пошли* завтра.

Поздравляю Сонечку с Днем рождения и крепко целую... Хорошо, если бы ты купила русского масла фунтов 10, а то в Москве дороже. Ты мне напиши в Кинешму, деньги еще столько же я вышлю тебе в Москву. Я чувствую себя ничего, только ужасно жарко и душно, т.к. здесь нет все лето дождя, и все выгорело, а воздух страшно накаленный и даже ночью не освежается. Я почти каждый день играю, занимаюсь часа два. Вот не дождусь, когда попадем на Волгу, думаю там каждый день купаться...» [3].

Вадя писал 3 августа *маме*: «Я живу хорошо. ...числюсь капитаном футбольной команды, а также инструктором по теннису. Сейчас меня освободили от всех нарядов и работ, т. к. мне придется руководить спортом (физрук уехал в Москву). Сейчас у нас идет календарь по футболу, и мы надеемся взять первое место, а тогда, может быть, нас пошлют на состязания в Москву... Нам повезло: всех бывших одногодичников собрали в одну группу, и вместо выпуска в феврале еще ускорили выпуск. **Нас выпустят 1 декабря.** Дадут месяц отпуска, месячный оклад и подъемные, полное командирское обмундирование и вооружение... После отпуска придется 1,5 года работать военным авто-техником или начальником гаража. Надеюсь, что удастся почасть служить в Москву, т.к. начальник обещал. По истечении 1,5 лет думаю поступать в Военно-Техническую или в Военно-Воздушную Академию, а если не удастся, то уйду из Армии» [39]. *Вадя* послал *маме* бумагу о льготах военнослужащих и их семьях. Он советовал ей вступить в Военный кооператив, надеясь, что можно будет меньше платить за квартиру и получать военный паек. «Может быть, - писал он, - тебе удастся в Военном кооперативе достать туфли (желательно приличного фасона и черные), а если нет туфель, то башмаки. Хочу немного приодеться, очень надоело ходить в сапогах; поэтому думаю приобрести краи и носить их с башмаками в неурочное время, когда отпускают в город. Относительно того, что я пишу, никому ничего не говори. Пиши чаще. Целую. В.Г.» [39].

Как советовал Владимир Казимирович, *Нина Юльевна уехала из Касимова* в Москву числа 19-го августа, а *Соня осталась* там с подругой Женей. *Нина Юльевна решила* не делать пересадку в Шилово на поезд, как советовал муж, а *плыть до Москвы*. Она *описала* Соне, как *ехала*, «сидя на венцах 16 часов в ужасных условиях. Мимо весь 3-ий класс проходил по несколько раз на корму, чтобы дышать. С одним пьяным парнем был «фридрих» на корме, и «это» долго не убирали. Наконец, после нескольких напоминаний, уборщик нашел виновного и заставил его самого щеткой размазывать эту прелесть, а потом этой же щеткой мели весь 3-ий класс. Потом еще 14 часов я сидела уже на скамейке, и мне была обещана верхняя полка с Рязани. Несмотря на это, я несколько раз ходила к капитану, чтобы с Рязани перевел меня в 1-ый или 2-ой класс. С величайшим трудом это удалось. Эти 30 часов в 3-ем классе я сидела мокрая, как мышь... Условия 3-его класса таковы, как будто везут скот на убой. Там я нашла на себе двух «блондинок». Вероятно, пока я сидела у двери на корму, проходящие натрясли на меня. Перейдя во 2-ой класс, вымывшись с ног до головы и переменив чистое белье и платье, я нашла на прежнем платье и белье 12 пятук (*вишей*). Можешь представить мой ужас! Приехав в Москву в 1 час дня, я *наняла матроса до самого дома*, т. к. сама не могла даже несколько шагов тащить порт-плед. Дома я сначала вымела и вытерла пыль, а потом сама вымылась в корыте горячей водой и голову (вымыла). Легла спать в 3 часа ночи...» [3].

19 и 20 августа *Владимир Казимирович* писал *жене*: «Сегодня уезжаем из Наволок к Кинешме, возле Кинешмы на фабрику, там пробудем два дня... Я тебе послал в Москву деньги 250 р. Осталось нам 8 концертов, 28 числа у нас последний концерт, надеемся быть в Москве 29-го. Борису Львовичу (Израилевскому) с Михновским мы напишем. Я здесь узнал, что моя сестра *Мария Казимировна Куратина* жива и живет в Ленинграде... Напиши ей письмо (я привык, что ты все дела делаешь за меня), а также Ваде дай телефон, пусть позвонит и познакомиться с теткой... Она будет рада его видеть, она, говорят, очень добрая, детей у нее своих нет, и она пяничится с внуком детей ее мужа. 2-го уезжаем в Шую. ...24-го едем в Родники, там два концерта. 26-го в Иваново-Вознесенск, 28-го – Яковлевское и, затем, домой. У нас уже прошло 24 концерта, осталось 5. Денег я получил 750 р., тебе послал в Касимов 200р. в Москву 250 р., стало быть, на жизнь истратил 250 р.. Думаю, что получу еще рублей 200... Чувствую себя ничего, я не утомился. С 10-го числа мы находились все время на Волге, и я *купался каждый день*... Живем все дружно, и поездка проходит гладко, материальный и

*художественный успех – хороший... Жди 29-го вечером или 30-го утром. Купил тебе 20 кусков туалетного мыла по 1 р. 20 к., больше гостинцев никаких не будет... Любящий Володя... Приехала ли Женя или она пробудет там вместе с Соней? Жаль, что у нас *уйдет много денег* на Соню, опять *не хватит на костюм и пальто*. Желаю всего лучшего. Целую крепко. Вообще, я себя чувствую очень хорошо» [3].*

21 августа *Нина Юльевна была в театре*, расписалась, получила обеденную карточку, победала, поила в продмаг, получила рис и немного конфет и, т. к. был только саквояж, не взяла крупы и яблок. Потом пошла в Музыкальную школу, 23-го уже педсовещание. Придя домой, переписала Удостоверение, посланное Вадею, и понесла его в *Домоуправление*, чтобы выяснить, сколько будет мне скидки с квартирной платы? А также, почему не оставили ордера на дрова? (Председатель вернется только 26-27-го). На следующий день - поход за керосином, стирка, сапожник, юрист, театр-обед, библиотека (вернуть книги), продмаг, письма Ваде, мужу. 23-го к 11 часам поехала в *Местком* получать книжки РК, в 12 часов *была на собрании* на Новослободской всех *педагогов*. Потом, сломя голову, помчалась обедать в *театр – надо каждый день быть, узнавать о репетициях*. Кроме платы за квартиру за июль, прислали еще «аванс на то, что» 40 р., да еще Ваде надо послать... «Вот, моя милочка, - писала *мама Соне*, - опять *суетливая московская жизнь началась* – «верчение белки в колесе». Ты все лишнее пошли и будь налегке. Придя на пристань, можешь вернуться обратно, если нет билетов в 1-ый или 2-ой класс... Ни за что не езди в 3-ем...». 26-го *Нина Юльевна собрала посылку в Касимов*: сахару, 6 коробок геркулеса, рис, драже, кусок мыла и проч. Ни конфет, ни печенья, ни папирос (для Вади) не нашла. Не послала и крупы перловой, которую получила - говорят, был *приказ временно приостановить пересылку муки и крупы*. Получила ордер на дрова, боялась, что одна не справится, а надо было покупать скорей, хотя и дороже, чтобы ордер не пропал. У Нины Юльевны руки стали, как щетки, а скоро надо уже играть, т. к. должны начаться репетиции [3].

Подруга Сони *Женя уехала из Касимова* к 1 сентября в Москву, а *Соня осталась* числа до 10 сентября, т. к. экзамены в Музыкальном Политехникуме будут 15-го. Поэтому она *просила маму прислать ей немного денег* [39]. *Нина Юльевна просила* Соню *рассчитать, сколько* денег *нужно послать*? [3]. Какой-то *поклонник* написал *Соне*: «Сонечка! Что это Вы так долго зажились на даче? Разве хорошо и весело? Вероятно, отдохнули «на большой палец»? Когда приедете? В день приезда я постараюсь быть свободным, чтобы Вас встретить. Конечно. Вам это безразлично, но все-таки я это сделаю! Без Вас у нас скучно. Ведь два месяца Вас нет дома... Жму руку» и неразборчивая подпись [13].

В последних числах августа *Вадя вернулся из лагерей в Ленинград*, где началась 35-дневная *практика на заводе* «Красный Октябрь». «На завод ездим все вместе на машине к 7 часам, - писал он. Обедаем там за свой счет, но, кроме этого, конечно, получаем свой обед в 4 часа». 30 августа *Вадя* получил *от мамы 40 р.*, а 10 р. пронали [39].

Владимир Казимирович вернулся домой в *Москву* 30-го, привез мыла и яиц. Нина Юльевна рассказала ему, что *Вадино удостоверение не имеет никакой силы*, т. к. мы не его иждивенцы, а членом Военного кооператива стать нельзя, т. к. Вадя курсант, а не начальствующий состав [3].

Во МХАТе 35-ый сезон 1932-1933 годов начался спектаклями текущего репертуара. Многие пьесы, поставленные в последние годы, шли без музыки, и поэтому в последних числах сентября и в начале октября *Владимир Казимирович* опять *принял участие в концертах*. Он писал жене: «Дорогая Нина, нахожусь сейчас в Ярцеве, в 2-х часах езды от Смоленска. Завтра едем в Смоленск, и я надеюсь получить от тебя письмо. Сегодня *послал тебе 150 р.*, раньше не мог выслать... На эти деньги *постарайся купить себе пальто*. Если нужно, то прибавь еще, пусть будет дорогое. В Смоленске видел брата, я очень рад, что мы встретились. Пока у нас все благополучно. Что у нас в *театре*? Я уже беспокоюсь, как бы чего не вышло. Во всяком случае, ты там за меня, если понадобиться, то *постарайся найти заместителя*. В Смоленске пробудем до 4 октября, но там нет электричества, и у нас из-за этого не состоялся концерт. Масла пока мы не купили, т. к. не можем попасть в базарный день. Хотя в Смоленске, говорят, можно купить только сливочное, и оно стоит 10 р. (фунт). (Если) я не привезу масла, то я

Феноме - Кынади и Савас. Маскү.

Соняна. Сүсүмбекова
и Токта - Асан.

привезу деньги, живу очень экономно. Сегодня уже пятый концерт... Были в *Рославле*, *дали два концерта*, и еще нас приглашают... Целую вас крепко. Любящий Володя». И в следующем письме: «Сегодня 29-го и 30-го концерты на фабрике «Катушка» и 4-го в Доме Просвещения, целых 3 дня свободных. Если (администратор) ничего не устроит, то буду просить, чтобы меня отпустили в Москву. Масла я еще не купил, думаю, что перед самым отъездом... Куплю несколько фунтов нам и Борису Львовичу (Изралевскому)... Кажется, Сонечка на днях именинница, поздравляю и целую... Что нового у нас в театре? Желаю всего лучшего. Целую крепко. Володя». И далее: «Дорогая Нина, *нас задержали* до 4 числа в Смоленске, т. к. 30 числа не было электричества в городе, и концерт наш не состоялся. Это должно было быть в ОГПУ... Несколько раз *был у брата и даже ночевал два раза*... Михновский сегодня напишет Изралевскому о том, что нас задержали... *Приедем или 7-го* (октября) *вечером, или же 8-го утром*. На 5-ое (во МХАТе) назначены «Турбины», надо послать кого-нибудь, и еще две «Елизаветы», не знаю, как это сойдет нам? Должно быть, духовые бузят, что мы мало играем, да еще за себя посыпаем. Конечно, на такой срок уезжать нельзя, (можно) только на несколько дней. Всего лучшего. Целую. Володя» [3].

28 ноября состоялась премьера «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Музыку к спектаклю подобрал Б.Л. Изралевский. В сцене бала у губернатора *оркестр сидел на сцене*, играя мазурку, вальс и другие танцы, затем, во время поворота круга для сцены «Ужин», звучал марш [42].

Осенью *Вадя был переведен в Ленинградскую военную школу танковых техников*. В октябре он *оказался в госпитале с воспалением легких*, к счастью, в легкой форме. Домой он писал: «*Отвык курить*, уже две недели не брал в рот папиросы, и ...я уже почти выздоровел и думаю скоро выходит. Денег больше не посыпайте, *мне вполнехватит стипендии*, которую я (теперь) получаю (58 р.). Целую вас крепко». И далее: «...я давно *выздоровел*... За несколько дней предупрежу о приезде...». Однако «с 1 декабря *начинаются занятия* (зачетные) и *экзамены*. К 1 января все должно закончиться, и я надеюсь приехать... *Сдал на значок «ГТО»* и получил *благодарственную грамоту*». В середине декабря оказалось: «...не известно, когда меня *выпустят* и дадут ли после выпуска отпуск? Есть вероятность, что оставят при школе в Ленинграде, но могут послать куда-нибудь и в другое место. Сейчас я получаю 50 р. стипендии и *трачу* их, главным образом, *на театр*. Последнее время видел следующие вещи: «Сирокко» в Камерном театре, «Холопка» в Музкомедии. Завтра иду на «Роз-Мари» и 17 числа в Филармонию на концерт. Плохо только, что очень дорогие билеты..., но я все-таки решил не отказывать себе в этом единственном удовольствии... Заходил недавно к тете Мане (Марии Казимировне), она мне показывала написано письмо. Все вещи от Жоржика я давно уже перенес к ней... Учусь я хорошо, средняя из всех отметок 3-4... Надеюсь все-таки скоро увидеться...». В конце декабря: «Дорогая мамуля... У нас начинаются *зачеты для перевода на 3-й* последний курс. Живу я хорошо. У нас сейчас продают лыжные костюмы и свитеры. Я записался..., но у меня нет денег, а свитер необходим для катка. Если у тебя есть возможность, то пошли мне 50р., я добавлю немного из оставшихся денег и куплю эти вещи... Целую всех вас крепко. Любящий вас В.» И отдельно: *Дорогой папуля*, прости, что я тебе не писал. Это я потому, что знаю, что ты, все равно, читаешь мое письмо, адресованное маме. Я живу ничего, учусь хорошо, научился управлять всеми машинами и *имею права шофера*. Часто хожу в театр, и на это трачу все получаемые мной деньги. Целую тебя крепко. В.Г. К тете Мане (Марии Казимировне) хожу часто, она очень милая». И: «Здравствуй Софа, целую тебя крепко, скоро я приеду, и ты меня, наверно, не узнаешь в военном костюме с наганом! Привет Мусе. Оле и всем прочим нашим общим знакомым. Я стал «такой страшный», что ты меня испугаешься. Напиши мне, куда ты ходишь и с кем видишься. Целую Вафа» [39].

Новый 1933 год встретили, как обычно, в кругу семьи, но *без Вади*. 4 февраля *Вадя* прислал домой последнюю записку: «Писем больше не пишите... *Меня демобилизуют*. Числа 8-го буду в Москве. Совсем. Целую всех. В.Г.» [39].

Таким образом, февраль 1933 года стал одним из самых счастливых для семьи Германов. После 1,5-годового отсутствия домой *вернулся красивый, спортивный офицер – сын Владимир, получивший не только шоферские и мотоциклетные права*, но и несколько

военных специальностей: *авто-техника и водителя танка*. По-видимому, после отпуска, *Владимир Владимирович Герман начал служить*, как ему и было обещано, *на военном предприятии* с окладом 200 р., получая военный паек и бесплатное обмундирование [39]. Уже в марте 1933 г. он *стал членом Жилищно-арендного кооперативного товарищества «Мосгоржилсоюз»*, которое было создано «с целью улучшения жилищно-бытовых условий своих членов путем арендования жилого домовладения и предоставления в нем жилых и служебных помещений по установленным законом нормам [1].

Жить стало немного легче и, судя по расчетным книжкам, Германы уже не брали ссуды в Кассе взаимопомощи МХАТа *Нина Юльевна* получала во МХАТе уже 200 р. в месяц, «подоходный и культурный налог (с нею) уплачивался по месту службы». Кроме того, она *продолжала преподавать* по классу скрипки в 1-ом Московском Государственном Политехникуме. *Владимир Казимирович* получал во МХАТе 210 р. и, как мог, *подрабатывал* в разных музыкальных коллективах [1].

25 апреля *во МХАТе* состоялась *премьера комедии К. Гольдони «Хозяйка гостиницы»* с режиссером Б.А. Мордвинова и М.М. Яншина, а 14 июня – *премьера комедии А.Н. Островского «Таланты и поклонники»* (руководитель К.С. Станиславский, режиссер Н.Н. Литовцева). Началась и *подготовка* сцен по произведениям М. Горького *«В людях»*, (режиссер М.Н. Кедров) [40, 47]. К сожалению, в этих спектаклях оркестровой музыки не было, и оркестр был занят в постановках старого репертуара. Всего за прошедший сезон было сыграно 756 спектаклей [41].

Лето 1933 года Нина Юльевна и Владимир Казимирович с Вадей провели в Москве. Вадя служил, *Владимир Казимирович* какое-то время *играл в кафе*. По воспоминаниям одного знакомого. Вадя «увлекся современной эстрадной музыкой, а отец кратко страдающее возмущался и просил жалобно сына, чтобы тот, хоть в его присутствии, не играл тех своих пьес, которые он не считал сколько-нибудь музыкальными» [1].

Соню отправили с одной знакомой отдохнуть и подлечиться *в Башкирию*. В Уфе жил двоюродный брат Сони Александр Александрович Зеленецкий с женой Марочкой, и родители надеялись, что они помогут Соне устроиться, чтобы, может быть, *попить кумыс и покупаться*. Но к Зеленецким Соня не попала, т. к. ее компания взяла билеты на местный поезд в район под Уфой (п/о Давлеканово). *В дороге Соню ударил хулиган* и, воспользовавшись ее растерянностью, *украл у нее часть продуктов*. В результате пытаться она стала хуже, т. к. Нина Юльевна пока еще не посыпала ей денег. «Не стоило тратить 100 р. на дорогу, - писала она, - чтобы также голодать, как дома», и *посоветовала* дочери *устроится в Доме отдыха* или служить, например, в канцелярии, или остаться, как отыкающаяся. Для этого она перевела Соне 100 р. и 100 р. ее компании, которой Соня уже задолжала. «100 р., написала мама, - пойдут или на дальнейшее пребывание, или на немедленный отъезд... Поэтому решай: *или Дом отдыха, или домой...* Целую крепко, мою девочку, не падай духом. Христос с тобой. Мама». Владимир Казимирович приписал: «Милая Сонечка. Если ты не устроилась в Доме отдыха, то нечего тебе сидеть в пыльном месте. Приезжай к нам, как можно скорее. Любящий папа. Целую» [3].

Соня заплатила 100 р. за пребывание *в Доме отдыха* до 15 августа. «Кормят неважно, - писала она, - но, по сравнению с тем, как я питалась до этого, - хорошо. Но опять невезение: публика ужасная, никого интересного, одни кустари. Так скучно, прямо ужас! Ни одного лета так скверно не жила еще». Все-таки, «4 раза в день я ем: в 9 часов завтрак (обычно чай с хлебом и чуть-чуть масла), затем, в 2 часа обед из двух блюд (большей частью, постный), затем «мертвый час» до 4-х часов, и в 5 - чай с хлебом без масла, а вечером ужин (какая-нибудь каша и чай). Все здесь прикупают масло, молоко и кумыс, затем, огурцы и помидоры, а я ничего» [39]. 1 августа *Нина Юльевна послала еще 100 р.*, чтобы Соня могла *оплатить Дом отдыха до 1 сентября* и покупать себе кумыс и пр. И спрашивала: «Неужели (компаника) Пр. Зах.., получив 100 р., не отдала тебе сдачу? Ведь ты не успела ей столько задолжать. Сосчитайся с ней непременно. Напа и Вадя целуют» [3]. Но Соня давно сосчиталась, отдав остаток за проживание в июле другой хозяйке, т. к. ее компания уехала в Уфу. В последнем письме из Башкирии *Соня* писала *маме*: «Собери, если можешь, деньги и вышли 50 р. Если еще останусь, потом дошлешь еще 50 р. Ведь я не истрачу, ... раз я знаю, что ты не можешь (больше), я буду

беречь их на дорогу... Целую мою золотую миличку крепко, крепко, папулю и Ваду (Вадю). Скоро буду дома. Слышала, что у вас керосину нет, как-то вы там мучаетесь? Если приехала бы, наверно, пришлось бы ходить за керосином по очередям. Ужасно!» [39].

Во МХАТе 36-ой сезон 1933-1934 годов начался с *премьеры* сцен, с хорами под баян, по произведениям *М. Горького «В людях»*, прошедшей 25 сентября [40, 47].

В конце октября *Владимир Казимирович* и *Вадя* оказались в *больнице* (то ли с отравлением, то ли с инфекционным заболеванием). 26-го *Нина Юльевна* писала мужу: «Дорогой Володя, не волнуйся, все сделаю, как хочешь. *О печке хлопочем, деньги на нее оставлены*. Нужно ли тебе носить побольше масла? Ты все отсыпал назад с хлебом, и можно ли (тебе) хлеб? Прилагаю кисель, молоко и масло, бумагу, ножик, чайную ложку. *Вадя вышел из больницы*, уже пошел на работу. Целуем все крепко. Если ты хочешь свидания, то я попрошу разрешения и приписала: «Дорогой папуля, Целую тебя, выздоравливай скорей. Софочка. Сегодня от тебя надо поскорей в театр. Владимир Иванович (Немирович Данченко) делает *доклад по поводу 35-летия театра*. Не быть неловко. Целую. Нина» [3].

Владимир Казимирович писал: «Дорогая Нина, ты даже не знаешь, какую ты *громадную пользу мне делаешь*, что *приносишь каждый день молоко*. Я утром в 6 часов выпиваю его, и, ты знаешь, я так голоден бываю в это время, что у меня дрожат руки. Каждый день утром нас будят около 6 часов, когда смотрят температуру, я умываюсь и выпиваю твое молоко, и до 9 часов можно лежать и ждать завтрак и чай... Так что очень прошу, если можно, то приноси каждый день (молоко), я так к нему привык, хлеб можно через день или два. Я за обедом еще получаю порцию хлеба... Спасибо тебе. ...я тебе так благодарен... Сегодня вдруг хотели весь наш барак закрыть, и всех хотели перевести по разным баракам, но, слава Богу, приостановили, может быть, тут доживем... Я думаю, что нас и меня *выпишут к ноябрьским праздникам*. Лежать недолго... Не огорчайся, если я приду раньше, тут не оставят, т. к. барак нужен для других больных... Ну, ничего, я помещусь в маленькой комнатке... Как Софочка занимается на рояле? Почему Вадя пошел на работу, разве ему отдыха не дали? Ну, желаю всего лучшего, целую всех. Володя» [3].

1 ноября *Нина Юльевна* пришла с *передачей и запиской*: «Дорогой папуля. Прилагаю бутылку молока, масло, кисель, хлеб, печенье, полбутылки цыплячьего бульона, $\frac{1}{4}$ цыпленка (я купила у Лосевой полцыпленка и половину бульона и разваренной половины цыпленка принесла), а завтра (принесу) другую (половину), 3-го принесу, что смогу, а 4-го ничего не принесу, и не приду из-за школы. Целую. Вадя и Соня целуют. Вадя хотел к тебе это все везти, но я не доверяю, т. к. в толкучке трамвая еще разобьет что-нибудь. Любящая Нина. Прилагаю открытку». В 9 часов вечера: «Дорогой папуля, представь мое отчаяние, когда я пришла в больницу в 6 часов с этой передачей, и меня *не пустили*, т. к. вышло новое постановление: строго пускать только в *часы приема*, а часы *переменили*. Будут пускать с передачей ежедневно с 1-30 до 2-х и с 4-х до 6-ти часов вечера. Нас собралось в комендатуре человек 50, многие плакали, но ни для кого не сделали исключения. Сидели долго, но ничего не вышло. И ты, дорогой, уже 3-ий день будешь голодный... Бульон не испортится, а молоко куплю свежее. Бедняшка, так мне тебя жалко, что и сказать не могу... Целую крепко. Прости меня, что 31-го не была, а сегодня, хотя два раза приезжала, но и ты ничего не получил. Любящая Нина» [3].

Владимир Казимирович написал: «Милая Нина. У меня, кажется, *температура* уже *стала*, три дня, как нормальная... Все-таки ты мне *молоко приноси, а также*, когда будут *котлеты*, то тоже принеси, теперь у меня *хороший аппетит*. Вчера ко мне не пришла, и мне было очень печально. Мне порцию переменили, дают за обедом котлету, вообще, ничего, но только мало. Хлеба тоже не хватает, но ты мне принесла и очень хорошо. Я думаю, если температура не будет подниматься, то я, может быть, или *к празднику, или же*, в крайнем случае, *числа 10 ноября выпишишь*, если, конечно, ничего не случится. Надоело лежать. Если покупашь иногда «Вечерку», то принеси мне... Меня все беспокоит вопрос о печке, я боюсь, что ты опоздаешь. Может быть, у тебя уже нет денег, и тебе тяжело мне приносить молоко? Но мне без него голодно. Как *прошли торжества* у нас в *театре*? Я, кажется, уже писал, чтобы ты поздравила Бориса Львовича. Как у нас в квартире? Ты знаешь, мне бы очень хотелось купить себе башмаки хорошие, на кожаной подошве, какие купил Вадя в распределителе.

Вообще, правду говоря, мне надо купить хотя бы хорошую теплую куртку и брюки, а то ходить, вероятно, не в чем. Эта синяя блузка холодная, и я буду мерзнуть. Но где взять денег? И на передачу мне нужно, и ребят кормить тоже нужно, прямо беда. Соня нас совершенно связывает, такая неудачница, сколько с ней хлопот... Ну, целую вас всех. Привет всем товарищам в театре. Целую. Володя». И, наконец: «Милая Нина. Меня, возможно, завтра выпишут... Молоко и хлеб получил. Целую всех. Володя» [3].

27 декабря 1933 года Вадя, Владимир Владимирович Герман, женился на Марине Викторовне Лабунской, с которой познакомился в одной из компаний своих друзей. Марина, 1913 года рождения, была на 4 года моложе Вади, и жила недалеко на Кропоткинской улице. Ее мать Ксения Дмитриевна во втором браке была замужем за Всеволодом Дмитриевичем Штекером, сыном сестры Константина Сергеевича Станиславского Анны Сергеевны (рожденной Алексеевой). От этого брака в 1923 году родилась дочь Татьяна [1].

В Новом 1934 году 24-летний **Владимир Владимирович переехал в семью** своей жены Марины, которая, после регистрации брака, взяла его фамилию [1]. **Нина Юльевна** перешла на преподавательскую работу по классу скрипки в Музыкальную школу Октябрьского района [19].

6 февраля **во МХАТе** прошла премьера спектакля «*Егор Булычов и другие*» **М. Горького**. Художественным руководителем спектакля был Вл. И. Немирович Данченко, режиссером В.Г.Сахновский [47]. Сразу же приступили к репетициям следующего спектакля в постановке Б.А. Мордвинова, при художественном руководстве Вл. И. Немировича-Данченко. Это «*Чудесный сплав*» **В. М. Кириона**. Наконец, и оркестр в котором продолжали играть супруги Германы, должен был освоить новые мелодии композитора **Л.К. Книппера** к этой постановке. Премьера спектакля состоялась 22 мая, т.е. уже через 3,5 месяца [40].

22 марта 1934 года вышла замуж 23-летняя Соня, София Владимировна Герман. Ее мужем стал сосед по коммунальной квартире **Владимир Александрович Беликов** (1904-23.07.1971). Нужно сказать, что 19-22-летней Соне симпатизировали и объяснялись в нежных чувствах чуть ли не все молодые люди, которые встречались ее на своем пути: друзья подруг, попутчики в поездах, отыкающие в Анапе, вологодские и касимовские знакомые и т. д. Некоторые дарили ей свои фотографии с такими, например, надписями: «На память той, которая оставила неизгладимый след в моем сердце. Сонечка, хотя изредка, но вспоминай того, кто тебя искренно любит». Или: «На память Соне, которая быстро забывает, но которую долго, долго помнишь и не забываешь никогда!!». Другие фотографировали ее, оставляя себе на память ее карточки. А вот как писал Софье Владимировне в 1970-ые годы протоиерей Анатолий Правдолюбов, в молодости бравший уроки у Владимира Казимировича: «Вы мне нравились (в самом невинном смысле), как девушка, каким-то чудом сохранившая в таком великом граде детский очаровательный облик и детски чистую добрую душу. (Вы) - светлое явление юности моей, много способствовавшее, самим своим существованием и некоторым со мной контактам, моему нравственному становлению» [1].

Владимир Беликов был на 4 года старше Сони. Он уже имел инженерную специальность и, по-видимому, неплохо зарабатывал. Его, как любителя классической музыки, покорила Сонина вполне профессиональная игра на рояле т. к. она уже заканчивала II-ой курс факультета «Исполнительское фортепиано» в 1-ом Московском Государственном Политехникуме. Софии Владимировне не нужно было никуда переезжать, она всего лишь поднялась в мезонин большой коммунальной квартиры, где у мужа была своя комната [1].

В конце марта **Владимир Казимирович** оказался участником концертов в **Горьком** (ныне Нижний Новгород). Оттуда он писал жене: «Дорогая Нина. Сегодня у нас был концерт на Сормовском заводе, и все эти дни тоже будут концерты, кажется, нас заняли 1 числа. Если я не приеду, то нужно, чтобы играл 1-го числа, а, может быть, и 2-го Егоров. 1-го идет «Булычев» и «Турбины», а 2-го «Елизавета Петровна». Если я приеду 1-го, то позвоню Егорову и буду играть сам. Так что ты сговорись с ним, чтобы он был готов к этому. Если нам нужно будет остаться, то Михноский будет звонить Борису Львовичу по телефону. Как вы живете? Целую всех. Мне скорей хочется в Москву» [3].

Летом 1934 года спектакли МХАТа шли в Парке культуры и Отдыха. Всего за сезон их было сыграно 731 [41]. **Вадя с Мариной и Соня с Владимиром Александровичем** отдыхали в **Комаровке**, возможно, на даче сестры К.С. Станиславского Анны Сергеевны Штекер [1].

Марина Викторовна и Владимир
Владимирович Герман в Алуште
в 1936 году

(Фото из семейного архива автора)

Владимир Владимирович Герман
в феврале 1932 года в Ленинграде

Муж Софии Владимировны Герман
и отец автора книги Владимир
Александрович Беликов (1906-1971)

София Владимировна Герман (1910-2006)
в конце 1920-ых—начале 1930-ых годов

(Фото из семейного архива автора)

Во МХАТе 37-ой сезон 1934-1935 годов начался со спектаклей текущего репертуара и с репетиций к постановкам пьесы «Пиквикский клуб» по Ч. Диккенсу (режиссер В.Я.Станицын) и драмы А.Н. Островского «Гроза» [40]. С этого года у МХАТА появился Филиал – здание бывшего театра Корша на улице Москвина [44].

В сентябре 1934 года **Нина Юльевна** перестала числиться преподавателем в 1-ом Московском Музыкальном Политехникуме (он был переименован в Музыкальный техникум при Краснознаменной ордена Ленина Военной Академии им. Фрунзе), т. к., будучи занятой круглый год, уже с марта получала не более 21 р. в месяц [1]. Она *перешла* на службу в **Детскую Музыкальную школу Октябрьского Совета РК и КД**, и за те же месяцы получала в среднем по 178 р. Такой заработка был необходим для установления большего размера будущей пенсии [19].

27 октября 1934 года Народные Артисты Республики Вл. И. Немирович-Данченко и К.С.Станиславский подписали письмо, адресованное **В.К. Герману**: «Дорогой Владимир Казимирович! В связи с исполнившимся 36-летием Московского Художественного Академического Театра Союза ССР им. М. Горького и на основании утвержденного ЦИК Союза ССР «Положения о нагрудном значке «ЧАЙКА», - просим Вас принять прилагаемый жетон, как выражение благодарности за Ваш ценный труд в течение 17 лет на пользу всем нам близкого и дорогого Театра» [1].

Музыку к спектаклю «Пиквикский клуб» сочинил Н.И. Сизов. Она служила не только фоном, но вместе с художественным оформлением помогала раскрытию пьесы». Она носила лирический, комедийный и шуточный характер: звучали сигналы горнистов, марши, в том числе «марш торжествующих победителей», а также новогодняя песенка и полька, которой заканчивалось действие. *Премьера «Пиквикского клуба» состоялась 1 декабря*. Этот спектакль был сыгран более 700 раз на сцене Филиала театра [42]. *Премьера драмы «Гроза»* была на следующий день, 2 декабря, но музыки в этом спектакле не было [40, 47].

Новый 1935 год в театре начался с репетиций пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» (режиссер И.Я. Судаков), *премьера* которой состоялась 13 июня, и подготовки к спектаклю М.Горького «Враги» (Режиссеры Вл. И. Немирович-Данченко и М.Н. Кедров) [40, 47].

Сезоны 1935-1936, 1936-1937, 1937-1938, 1938-1939, 1939-1940 и 1940-1941 годов. Рождение внучек Нины и Наташи.

20 мая 1935 года у Софии Владимировны Герман и Владимира Александровича Беликова родилась дочка **Ниночка**, названная в честь бабушки Нины Юльевны [1].

Летом 1935 года родители с грудной девочкой уехали отдохнуть в **Мамонтовку** под Москвой. **Нина Юльевна и Владимир Казимирович** остались в **Москве**, т. к. спектакли театра продолжали идти в Парке Культуры и Отдыха им. М. Горького [1].

В сентябре Н.Ю. Герман-Зубовой была назначена пенсия с учетом жалования во МХАТе и зарплата в Музыкальной школе Октябрьского района. А 27-го октября **Нине Юльевне Герман-Зубовой** был торжественно вручен нагрудный знак МХАТА «ЧАЙКА», в связи с 15-летием ее службы «на пользу Театра». Поздравительное письмо в ее адрес, такое же, как и В.К. Герману год назад, было подписано К.С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко [1].

Во МХАТе 38-ой сезон 1935-1936 годов начался со спектаклей текущего репертуара, которые шли на двух сценах, основной и в филиале. 10 октября состоялась *премьера пьесы М.Горького «Враги»* [40, 47]. Началась *подготовка к постановке* Н.М. Горчаковым пьесы М.А.Булгакова «Мольер». режиссерами-ассистентами в которой были сам автор Михаил Афанасьевич Булгаков, Б.Н. Ливанов и В.В. Протасевич. В этом спектакле очень **большую роль играла музыка Р.М.Глиэра**. «Вся постановка была насыщена музыкой, причем музыкальные номера не только великолепно сливались со сценическим действием, но имели законченную музыкальную форму и могли исполняться в симфонических концертах». Б.Л. Йзралевский опубликовал ноты «Мадrigала» и «Гавота», написанных для этого спектакля [42].

Премьера пьесы М.А. Булгакова «Мольер» состоялась уже в **новом 1936 году**, а именно 15 февраля [47]. К сожалению, спектакль этот был показан на сцене только 7 раз, и по каким-то причинам очень быстро снят с репертуара [40, 42]. Всего же за 38-ой сезон состоялось 670 представлений [41].

Владимир Казимирович Герман (в центре)
во дворе Московского Художественного театра
(Фото из семейного архива автора)

Летом 1936 года МХАТ гастролировал в Киеве и Ленинграде [41]. **Нина Юльевна** и **Владимир Казимирович** один месяц были с театром в *Киеве*, а на второй уехали отдохнуть на Украину в *Миргород*. София Владимировна с Владимиром Александровичем и годовалой Ниночкой уезжали в *Балашиху*. **Марина Викторовна** была в *положении* и жила на даче в *Быково*. **Владимир Владимирович** был призван Военкоматом на *сборы* [1]. 31 мая рано утром Марина проводила его до места встречи, а на следующий день на Казанский вокзал. Сборы проходили в Октябрьском городке под *Рязанью*, где жили не в палатах, а в домах [51].

В начале июня **Марина** писала **Нине Юльевне**: «Дорогая Нина Юльевна! Очень рада, что **Вы меня не забываете**. Чувствую я себя очень хорошо физически, но душевно очень плохо. Скучно на даче, ведь я весь день одна, тетя (художница Галина Александровна Лабунская) приезжает поздно вечером. Не могу найти себе дела, ведь здесь есть домработница, стараюсь найти что-нибудь... не могу сидеть, ничего не делая... Очень, очень скучаю о *Ваде*, а он, противный, наверное, совсем меня не любит, как уехал, ...прислал одно письмо. Разве можно меня сейчас так мучить? Думаю иногда ездить в Москву, а то, наверное, не выдержу на даче целый месяц...». И далее: «Здравствуйте, дорогая Нина Юльевна и Папуля! Наконец, *дождалась от Вади письма*... Встают (они) в 6 часов утра, завтракают в 7 часов (суп и чай), потом занимаются до 3-х часов; в 3 часа обед (суп и чай), до 5-ти «мертвый час», до 9-ти перерыв, потом прогулка, и в 11 часов спать. Пишет, что приходится подкупать свиного сала... Это очень хорошо, оно страшно полезно. Наверное, Вадюлька приедет очень окрепший. Их хотят к концу сбора выпустить командирами машин и механиков-водителей... Им выдали обмундирование совершенно новое и хорошее, но только сапоги он носит свои... Ребята, пишет, что все очень славные... Вадюлька пишет, что тоже очень скучает, и не дождается, когда кончится срок... Я очень, очень скучаю о Ваде, и *Вас тоже очень не хватает*... Целую Вас и Папульку, отдыхайте. Привет от мамы и Тани» [51].

Как писала потом **Марина Нине Юльевне**, ей пришлось остаться в Москве «по очень неприятной причине», так что 17-го утром она пошла к врачу, который прописал ей *строгий постельный режим*. На субботу и воскресенье Вадя приехал в Москву и вызвал на дом хорошего врача, который тоже сказал, что нужен полный покой, прописал лекарство и свечи и предупредил, что, если положение ухудшиться, то нужно будет ехать в больницу, но, может быть, все обойдется и удастся доносить ребенка до срока. Вадя уехал 18-го в 12 часов ночи, он бросил курить и, вернувшись, собирался всерьез заняться пением... Я очень о Вас скучаю, так сильно уже привыкла и привязалась к Вам, лежу и думаю: «Была бы Нина Юльевна в Москве, уж сейчас же пришла бы меня навестить... Желаю Вам поправиться и как следует отдохнуть. Целую Вас и Папулю. Ваша Марина» [51].

21-го в 9 часов утра **Ксения Дмитриевна** свезла Марину в родильный дом и написала **Нине Юльевне**: «Боюсь за нее и за ребенка, только ведь 8 месяцев. Целую, привет Владимиру Казимировичу». В тот же день в 15 часов: «Дорогая Нина Юльевна. **Марина** *родила* сегодня в 10-55 девочку. (вес) четыре фунта – 1 кило 520 г. ...Ваде послала телеграмму». И на следующий день: «Дорогая Нина Юльевна, сегодня в 5 часов вечера ходила к Марине..., она чувствует себя хорошо, ...до сих пор *девочку не показали*... Сестра сказала, что сейчас ребенок сосать не может, что его там кормят, и он съедает все, что полагается... Очень боюсь за девочку, уж очень видно, она слабенькая... Поздравьте от меня Владимира Казимировича со второй внучкой. Целую Вас, и ждем от Вас писем». Из письма **Марине** своей маме узнаем, что «няня сказала, что Ваша *девочка* уж не так плоха. А сестра сказала, что *очень слабенькая*, но то, что ей полагается кушать, все съедает» [51].

23-го **Марина** написала **Нине Юльевне**: «Дорогая Нина Юльевна. Вот Вы с Папулей еще раз бабушка с дедушкой, и опять внучка (жалко, что не внук), только уж не такая удачная, как первая (Сонина дочь Нина). Милая Нина Юльевна, как я *страдаю*, что родила такую маленькую, несчастную девочку. *Не доносила я ее больше месяца*... Принесли ее мне только 22-го в 7 часов вечера. Боже, до чего жалкое маленькое существо; лицо с мой кулак, не больше. Белые волосики, глаза большие серо-мутные, нос Вадюкин, не курносый, как у меня. Как я за нее волнуюсь, и как мне трудно будет ее выходить... В виду того, что у меня ребенок не доношенный, меня выпустят из больницы только через 10 дней... Дочку мне приносят только один раз в день посмотреть, а так ее кормят в детской, норму она свою выпивает. Как мне ее

жалко, выживет ли она? Очень боюсь за нее... Пишите, не волнуйтесь обо мне. Привет от меня и внуки Вам с Напулей. Целую. Марина» [51].

Вадя написал **маме**: «Здравствуй, дорогая мамочка. Марина 21-го родила девочку, я получил телеграмму, писем еще никаких от нее не получал, ...я очень беспокоюсь... Относительно тех 40 р., что ты мне послала, я выясню, думаю, что все-таки я их получу... Будь добра, **пошли мне денег**, как можно скорей, т. к. **когда Марина выйдет** из больницы, то **я к ней поеду**, дорога туда и обратно стоит 35 р., а мне ехать не на что и, кроме того, я еще должен за ту поездку и сижу совершенно без денег... Крепко тебя целую, а также Папулю. Пишите. Вадя» [39]. 25-го **Марина** писала **Нине Юльевне**, что «очень **tronuta Вашей заботой** обо мне... (**Девочка**) совершенно **здрава**, только очень слаба. Сейчас мне ее приносят кормить через 4 часа, а в промежуток кормят в детской. Она через отсосник, который я одеваю на грудь, **хорошо сосет**, только еще нет настоящего молока... Люблю я свою дочурку ужасно..., для меня она замечательная, и очень за нее боюсь... Ну, целую крепко. Привет от меня и от внучки и бабушке, и дедушке. Ваша Марина» [51].

26-го июня **Ксения Дмитриевна** написала **Нине Юльевне**: «Дорогая Нина Юльевна. Сегодня **устроила (Марину) с девочкой**; ее там переведут в **отделение недоношенных**, где за ними особый уход. К сожалению, это отделение закрывается на ремонт 15 июля, но и то много значит. Марину, когда выпишут, а девочку оставят, то ночевать она будет дома, а с утра до вечера будет проводить там, около ребенка, (который) до 15-го будет под наблюдением врачей. Это такое счастье... Марина пишет, что не может глаз отвести от детки, так она для нее хороша. Я говорила сегодня с детским профессором, который там, и спросила его, что девочка выживет или нет? Он мне сказал, что она не безнадежна, слабенькая, но грудь сосет... Нина Юльевна, я очень не одобряю Ваш поступок, что Вы приезжаете сюда. Вам надо обязательно остаться под Киевом, т. к. хорошо и дешево. Билет Вы всегда можете продать. Была у меня Ольга Юльевна по Вашему письму, говорила, что Ниночка здорова и очень хорошо выглядит, так что Вы там не нужны. Отдыхайте обязательно, а тут Вы опять закружитесь, а ведь перед Вами целая зима, так что Вам надо набраться сил. С Мариной, слава Богу, все хорошо. Целую Вас. Привет Владимиру Казимировичу» [51].

Видимо, **Нина Юльевна** послушалась совета, и они **с мужем** уехали **на время отпуска** в **Миргород** под Харьковом [1]. 8 июля **Марина** ей писала: «Дорогая Нина Юльевна. Сегодня получила Вашу открытку. Вчера **получила я и мама извещение о переводе денег**, большое спасибо, но только я очень ругаюсь, что Вы это сделали, совсем не надо было. **Вадя** ко мне **приедет** 16-го числа **на два дня**, не могу дождаться, **очень соскучилась**. Один Ваш **перевод он получил**, а другие два обещали на днях выдать... Я чувствую себя очень хорошо, сильно пополнела, все платья на меня не лезут, вообще, вид цветущий. Молоко есть, хватает Наташеньке. С ней у меня что-то не ладится, ...у нее желудок совершенно не переваривает, и после каждого кормления она все срыгивает, страшно мучается и плачет, за эти дни похудела, сейчас в ней 1.5 кг... Два раза у меня брали кровь и делали ей вливание, потом еще какое-то вспрывкивание, но мало помогает... Ужасно то, что это отделение закрывается, ...и детей будут отдавать по домам. Что я с ней буду делать, прямо не могу себе представить, ведь до нее страшно дотронуться, так она мала и худа... Мне комнату отремонтировали, я обила диван и купила Наташеньке плетёную кроватку. Тут встретила Вашего Володю (Владимира Александровича) на улице, он говорит, что они хорошо устроились, все здоровы, и Ниночка стала большая и толстая. Дорогая Нина Юльевна, очень за Вас рада, что Вы решили еще остаться отдохнуть. Отдыхайте, как следует и поправляйтесь. Сейчас в Москве очень плохо, стоит жаркая душная погода. И ужасная пыль. Ну, жду от Вас писем и желаю Вам с Папулей приехать к нам радостными и помолодевшими. Целую Вас и Папулю. Спасибо за все. Привет от мамы и маленькой внучки. Ваша Марина» [51].

9 июля **Ксения Дмитриевна** написала: «Дорогая Нина Юльевна, у нас большое несчастье. Бедная **наша Наташенька** очень плоха и, **наверно, даже не выживет**. **Марина** все время **плачет**, ...смотреть на нее очень жалко. Наташенька все время срыгивала, вчера ей было неважно, а за эту ночь ей стало совсем плохо. Сейчас звонила туда по телефону, говорила с сестрой, она говорит, что **состояние очень тяжелое**, сердце плохо работает... Боюсь, что завтра будет? Сейчас сидит у нас тетя Оля, зашла навестить Марину. Пока целую. Буду писать. Очень грустно и тяжело. Так приготовились для девочки, и все напрасно...» [51].

На следующий день **Марина написала**: «Нина Юрьевна. Наташа умерла с 9 на 10 июля в 3-15 ночи. **Очень тяжело**. Жду приезда сегодня или завтра Вади. Очень болят груди... Больше писать нечего. Ваша Марина». А еще через день пошло **письмо от Ксении Дмитриевны**: «Дорогая Нина Юрьевна. Марина Вам уже писала, какое у нас горе... **Марина ужасно убита**, все время плачет... Вчера утром, как узнала, ...**дала телеграмму Ваде**, и **вчера же он приехал** часов в 8 вечера... Марина повеселела, говорит с Вадей, **ей легче...** Вчера ей забинтовали груди... **Вы на мое имя прислали 50 р.. я Вам очень благодарна...** Я на Марину своих денег ни копейки не истратила. Когда она слегла, я бросила ходить на службу, ...и была с Мариной. Только 3 июля я устроилась теперь на Зубовской площади, Контора Развития Телефонной Сети... Вадя приехал очень загорелый, но немного похудел. Думают на август месяц куда-нибудь уехать. Это было бы очень хорошо... В Миргороде, по Вашему описанию, уже не так хорошо, но если **Вам ванны принесут пользу**, тогда другое дело. Пока до свидания. Большое Вам спасибо за внимание. Целую Вас. Привет Владимиру Казимировичу» [51].

Нина Юрьевна немедленно написала **Ваде и Марине**, и получила ответ от 16 июля: «Дорогая Нина Юрьевна. вчера вечером получили Ваши письма. Большое, большое Вам за все спасибо. Я думаю, что **мне нет смысла к Вам приезжать**, т. к. я сейчас еще сижу дома. Три дня была температура 38,3 от грудей, ...вот уже 7-ой день, как они забинтованы, а молоко еще не пропало, и есть затвердения. Наверное, я еще несколько дней с ними провожусь... Я, как поправлюсь, буду ездить ко всем на дачу и проводить там 2-3 дня. Соня у меня была вчера, тоже звала, поеду на денек. Говорила, что Ниночка очень хорошо выглядит, потолстела и немного начинает ходить одна. Мне хочется ее повидать. **Вадя** приехал ко мне 10-го, а 14-го уехал. Так он **девочку и не видел**, ведь **мы ее сами не хоронили**, т. к. ей 10-го утром сделали вскрытие (никаких болезней не нашли, кроме общего недоразвития организма) и потом предложили мне сделать ей там кремацию и похоронить у них. Смотреть ее мне не советовали... Да, это и лучше, ...было бы гораздо тяжелее все переносить... Ведь 20 дней провела с ней и кормила ее, ведь это так много для матери... Врач сказала, что **надо обязательно лечиться**, ...может быть, даже положат меня на исследование в сентябре. Также очень советовала поехать куда-нибудь отдохнуть, чтобы окрепнуть и рассеяться. У нас с Вадей засела мысль - **поехать на Юг...** **Мы думаем**, что без путевок будет дешевле... Если мы, вообще, уедем, то числа 3-го августа, а то ведь Вадя 1 сентября надо явиться на работу. Очень жалко, что разъедемся с Вами. ...я **очень соскучилась о Вас**. Рада, что Вы устроились, наконец, полечиться, что это за ванны...? Что там за вода, которую Вы пьете? Хорошо, что есть, где гулять... Дорого, наверное, Вам все там обходится. Как Вы себя сейчас чувствуете и как Папуля? Пишите скорее, как живете. Обо мне не беспокойтесь. Целую Вас и Папулю. Ваша Марина. Тетя Оля иногда к нам заходит» [51].

20 июля **Вадя** написал **маме**: «Дорогая мамуля! Все три перевода на общую сумму 70 р. я от тебя получил. 29-го я буду в Москве и **собираюсь** сейчас же с **Мариной** **выехать на Юг**, в Феодосию или в Коктебель за свой страх и риск. Около 1000 р. у нас с Мариной будет, затем, она возьмет в Кассе взаимопомощи рублей 300, а на обратную дорогу ты. Вместо костюма, я надеюсь, нам пришлешь. **Марину необходимо разлечь**, т. к. она очень переживает смерть девочки... Ты ее в письме уговаривай, потому что Ксения Дмитриевна, до некоторой степени, против и может ее отговорить. Целую тебя и папу. В.» [39]. **Марина писала** в следующем письме: «Дорогая Нина Юрьевна... Я уже подала заявление в кассу взаимопомощи, мне дадут 200 р., взяла работу чертежную, и мне за эти дни удастся подработать 100 р. Я решила, **мы едем** с Вадей в **Алушту**... Чувствую я себя вполне хорошо... Дорогая Нина Юрьевна. Очень боюсь, что вся Ваша поправка и отдых уйдут напрасно, когда Вы приедете в Москву и в августе будете катать все время к Соне и возить ей продукты... Отдыхайте у себя и август. Ведь смогла же Соня обойтись без Вас два месяца... Ваша Марина». И далее: «Я на первое число уже взяла билеты... Завтра приезжает Вадюлька, иду его встречать... Вы, как я вижу, стремитесь в Москву, но у нас здесь очень плохо. Стоит очень жаркая погода, от 35 до 40 градусов, пыль и духота, все накалено, все горит...» [51].

С Юга **Вадя** писал **маме**, что **Марина в восторге от моря**, и уже встретила знакомую, которая пообещала их устроить в гостиницу за 7 р. в сутки. Он попросил сходить на Кропоткинскую, взять ракетку, купить теннисных мячей, штук 6-ть самых твердых, и послать

«спешным путем», может быть, авиа-посылкой на Симферополь [39]. *Марина* писала: «Дорогая Нина Юльевна. Я **очень довольна**, что очутилась на Юге, главное, **увидела море...** Алушта очень хорошее местечко, зелени вполне достаточно. Завтра мы переезжаем в гостиницу, (она) стоит почти на берегу моря, пляж очень близко. Начали играть в теннис... Как Ваша Ниночка? Наверное, очень довольны, что увидели ее. Жалко, что им пришлось переехать в Москву... Вам теперь опять много хлопот. Будете, конечно, жалеть Соню и все делать за неё. Уж такая она у Вас счастливая, что имеет такую маму и папу... Через 16 дней увидимся. Я очень **соскучилась о Вас с Папулей**. Целую, ...передайте привет Соне, тете Оле и поцелуйте маленькую девочку. Привет Марина». И далее: «Сегодня **получили Ваши деньги 1250 р.** Большое, большое Вам спасибо, мы перебрались в гостиницу, очень довольны. С обедами стало лучше, меньше народа... Мы с Вадюлькой 16-го ездили в Ялту на катере. Море было спокойное, совсем не качало. Изумительно красивая дорога. Ялта тоже понравилась... С билетами здесь очень трудно, придется стоять с вечера всю ночь, иначе не достать. Думаем ехать 24-го. Уезжать не хочется... Как Вы себя чувствуете? Не надо болеть. Целуем с Вадей Вас и Папулю. Ваша Мариночка» [51].

Во МХАТе 39-ый сезон 1936-1937 годов начался спектаклями текущего репертуара и подготовкой к постановке под руководством Вл. И. Немировича-Данченко *пьесы К.А. Тренева «Любовь Яровая»* [47] и драматической *композиции Н.Д. Волкова по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина»*. Музыка к обоим спектаклям была подобрана Б.Л. Изралевским. Для сцены в театре, где оперу слушают Анна, Каренин и Вронский, пришлось практически воспроизвести фрагмент оперного действия. Были выбраны секстет из оперы «Лючия де Ламермур», который вокалисты исполняли на итальянском языке под мощное звучание сидящего за кулисами оркестра, и оркестровое вступление к этой опере. Были и другие музыкальные моменты: духовой оркестр в сцене «Скачек», мелодии «Анны, Каренина, Вронского» и т. д. [42].

Премьера спектакля «Любовь Яровая» прошла 29 декабря 1936 года [40, 47].

В новом 1937 году МХАТ был награжден Орденом Ленина [44]. А 21 апреля состоялась *премьера* одного из самых блестательных спектаклей театра «Анна Каренина», с А.К.Тарасовой, Н.Н. Хмелевым и М.И. Прудкиным в главных ролях [40, 47].

Б.К. Герман начал преподавать в Детской музыкальной школе имени Стасова [26], Н.Ю.Герман-Зубова подрабатывала в Музыкальной школе Гельфгат [1].

Летом 1937 года на Всемирной выставке в *Париже*, МХАТ гастролировал с тремя спектаклями: «Любовь Яровая», «Анна Каренина» и «Враги». Музыку исполняли, в основном, французские вокалисты и оркестранты. *Супруги Германы* оставались в *Москве*. Вадя работал, а *Марина* была снова в *положении* и, на этот раз, очень береглась. По состоянию здоровья *Соню* отправили на май месяц в *санаторий в Гурзуф*. Внучка Ниночка была уже большая, ей исполнилось два года, и она, видимо, оставалась с бабушкой и с дедушкой. Вернувшись, *Соня с Владимиром Александровичем и дочкой* уехали отдыхать в *село Глубокое* под Серпуховым. С 16 июля по 23 августа *София* Владимировна провела в *Кадниково*, куда ездила по приглашению хорошей знакомой Софии Петровны Зубовой Марии Александровны Поповой-Введенской [1]. Можно предположить, что «экономические издержки колLECTIVизации» привели к тому, что в городах было еще очень голодно, т. к. «среднегодовое производство зерна в 1933-1937 годах снизилось до уровня 1909-1913 гг. и на 40-50 % уменьшилось поголовье скота» [37]. Наверное, Соня хотела не только навестить родных и знакомых в Вологде, побывать в любимых местах детства и повидать свою крестницу Галину Дмитриевну Камичеву, но и, скорее всего, привезти из села каких-нибудь продуктов в Москву.

Во МХАТе 40-ой сезон 1937-1938 годов начался репетициями трагедии Н. Вирты *«Земля»* под руководством режиссеров Л.М. Леонидова и Н.М. Горчакова [47] и спектаклями текущего репертуара, в большинстве которых был занят оркестр, а, значит и супруги Германы.

Осенью 1937 года произошло знаменательное событие - *1 ноября*, к великой радости родителей, бабушек, дедушек и всех родных. *Марина* *родила хорошую здоровую девочку*. Это случилось в знаменитом родильном доме Грауэрмана на Арбате. Девочку *назвали Наташей* [1]. Через четыре дня во МХАТе состоялась *премьера спектакля «Земля»*, поставленного к 20-летию Октябрьской революции [40, 47].

Новый 1938 год сулил новые радости и новые заботы. **Нина Юльевна** перешла на работу преподавателем по классу скрипки в Детскую музыкальную школу имени Стасова Московецкого района, где с прошлого года преподавал Владимир Казимирович [19, 26].

Во МХАТе началась подготовка к постановке Вл. И. Немировичем-Данченко и Е.С. Телешевой комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» и А.М. Леонидовым и И.М. Раевской пьесы М. Горького «Достигаев и другие» [40].

Весной двоюродная сестра Софии Владимировны **Надежда Петровна Зубова**, будучи режиссером Киностудии научно-популярных фильмов, сняла 3-летнюю Ниночку Беликову, дочь на одуванчик, в одном из своих кинофильмов [1].

Летом МХАТ выехал на гастроли в Ленинград с десятью спектаклями: «Враги», «Анна Каренина», «Любовь Яровая», «На дне», «Вишневый сад», «Горячее сердце», «Земля», «Синяя птица», «У врат царства» и «Дни Турбинных» [47]. Оркестр был взят, практически, в полном составе. **Нина Юльевна** и **Владимир Казимирович** поехали вместе с дочерью Соней и 3-летней внучкой Ниночкой и, возможно, остановились у сестры Марии Казимировны. Нина Юльевна нанесла визит Елизавете Сергеевне Кругликовой, и уже в Москве получила от нее письмо: «Дорогая Нина Юльевна, простите, что так запоздала с ответом. Желаю Вам всего хорошего, а, главное, здоровья всей Вашей семье. После Вашего визита в Ленинград я первое время прилежно стала упражняться на скрипке, но затем всякие дела заставили делать все большие и большие перерывы, и, в конечном итоге, успехов не достигла. Но это не значит, что я совсем бросила надежду стараться выискать время для занятий. Надеюсь, что Вы опять нас навестите. Шлю сердечный привет Владимиру Казимировичу и Соне. Крепко Вас целую. Любящая Вас Е.Кругликова». Возможно, именно в этот приезд Елизавета Сергеевна подарила Нине Юльевне две свои небольшие картины углем: «Украинская хатка» и «Елагинский остров зимою». На обороте второй картины Е.С. Кругликова написала: «Дорогой Нине Юльевне от любящей благодарной бездарной ученицы на добрую память» [1].

Вадя писал маме в начале июня в Ленинград: «Здравствуй, дорогая мамуля. Крепко, крепко тебя целую, а также папу, Соню, Ниночку и тетю Маню (сестру Владимира Казимировича Марию). Я сейчас очень устаю и с нетерпением жду отпуска, который у меня будет в июле. Сейчас я не пою, и в июне месяце не взял ни одного урока. Брать не имею никакой возможности... Очень прошу тебя – не сердись и никаких денег ему (т. е. преподавателю) не посытай. Если я успеваю после работы на дачу (в Алабино, где жили Марина с Наташей), то на другой день высыпаюсь. А на следующий (день), чтобы попасть с дачи на работу, встаю в 4 часа утра, что очень тяжело. Сейчас до отпуска я всецело занят тем, чтобы больше получить, когда уйду в отпуск, т. е. поднять свою бренную зарплату. Очень благодарен тебе за твою готовность купить мне брюки и плащ. Если случайно найдешь брюки, то бери 52-ой размер. 3-ий рост, чтобы в талии были узкие, а в ногах длинные... Смотреть пальто я не поеду, т. к. оно мне не нужно, для работы слишком дорого, а для выхода... обойдусь своим летним пальто. т. к. у меня очень много теплых вещей... У никто не живет, да и поместить кого-либо было бы очень трудно, т. к. теплые две комнаты смежные и разделены только перегородкой. При этом они очень маленькие, так что в первой живет Таня и столовая, а во второй стоит кровать Анюты (Наташиной няни), а мы с Мариной – в холодной. За дачу я заплатил уже 600 р., ты на нее совсем не рассчитывай, т. к. в июле у нас у всех отпуск... Конечно, я надеюсь, что ты с папой недели на две приедете к нам отдохнуть от Сони и Нины. Крепко целую. Вадя» [39]. Видимо, Нине Юльевне и Владимиру Казимировичу очень хотелось видеть маленькую внучку и пожить остаток лета недалеко от семьи сына.

После возвращения театра с гастролями в Москву, София Владимировна с Ниночкой уехали на дачу в Тарасовку, а Нина Юльевна с Владимиром Казимировичем - в Истру [1].

В начале августа **Марина** писала туда: «Дорогая Нина Юльевна, мы с Вадей ужасные свиньи, до сих пор не могли Вам ответить. Он с 1 августа уже стал работать... Наташа у меня болела, ... дней 10 почти ничего не ела. Вот уже два дня, как я ей стала все давать... Вы, наверное, были 9-го в Москве на похоронах Константина Сергеевича Станиславского? Всех артистов вызывали. Лилиана, наверное, очень тяжело переносит его смерть... Мне уже 16-го на работу, ужасно не хочется. Вы, значит, довольны? Я очень за Вас рада, что Вы отдохнете, как следует. Как здоровье Ваше и Папино? Скоро кончается лето, ... скоро увидимся. Целуем вас... Поправляйтесь и отдыхайте... Целую. Марина и Вадя» [51].

Владимир Казимирович с внучкой Ниночкой в 1838 году
(Фото из семейного архива автора)

Во МХАТе начало 41-го сезона 1938-1939 годов было ознаменовано торжествами по случаю **40-летия Театра**. За все эти годы во МХАТе было осуществлено 97 постановок, и в состав оркестра вошли уже 44 музыканта [47]. В честь Юбилея Театр был награжден Орденом **Трудового Красного Знамени** [44]. 27 октября в 8 часов вечера состоялось **Торжественное заседание**, на котором руководители театра, **все** актеры и актрисы, артисты оркестра и представители вспомогательных служб находились **на сцене**. Н.Ю. Зубова и В.К. Герман сидели в 5-ом ряду, соответственно, на местах № 130 и № 143 [1].

30 и 31 октября состоялись **премьеры: комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» и пьесы М. Горького «Достигаев и другие»** [40].

Комитет по делам Искусств при Совнаркоме Союза ССР 1 ноября в 23 часа пригласил всех на **товарищеский вечер** в Большой зал гостиницы «Метрополь». Супруги Германы сидели за столом № 18. Вышел в свет, тиражом в 3000 экземпляров, объемный фолиант – «Московский Художественный Театр в иллюстрациях и документах, 1898-1938». Каждому сотруднику Театра он был вручен на память. Супруги Германы получили экземпляр книги за № 1575 [1].

Новый 1939 год начался во МХАТе **с подготовки** к постановке В.Г Сахновским, при художественном руководстве В.И. Немировича-Данченко, **пьесы Л.М. Леонова «Половчанские сады»**. **Музыку** к спектаклю **писал** выдающийся советский композитор **И.О. Дунаевский**. **Премьера** спектакля состоялась 6 мая [40, 42].

А 2 мая в помещении Клуба завода Ильича был **Отчетный концерт учащихся Детской музыкальной школы имени Стасова**. Ученица из класса виолончели В.К.Германа Мира Чакман исполнила «Сонату» Ромберга. Ученики Н.Ю. Герман-Зубовой не выступали, т. к. она пришла преподавать в эту школу по классу скрипки на год позже мужа, в октябре 1938 года [1].

Летом 1939 года МХАТ выехал **на гастроли в Киев**. Все участники гастролей, в том числе и оркестранты, в конце мая получили Командировочные удостоверения, действительные до 1 июля. Супруги Германы опять **взяли** с собой **Соню с 4-летней внучкой Ниночкой** [1]

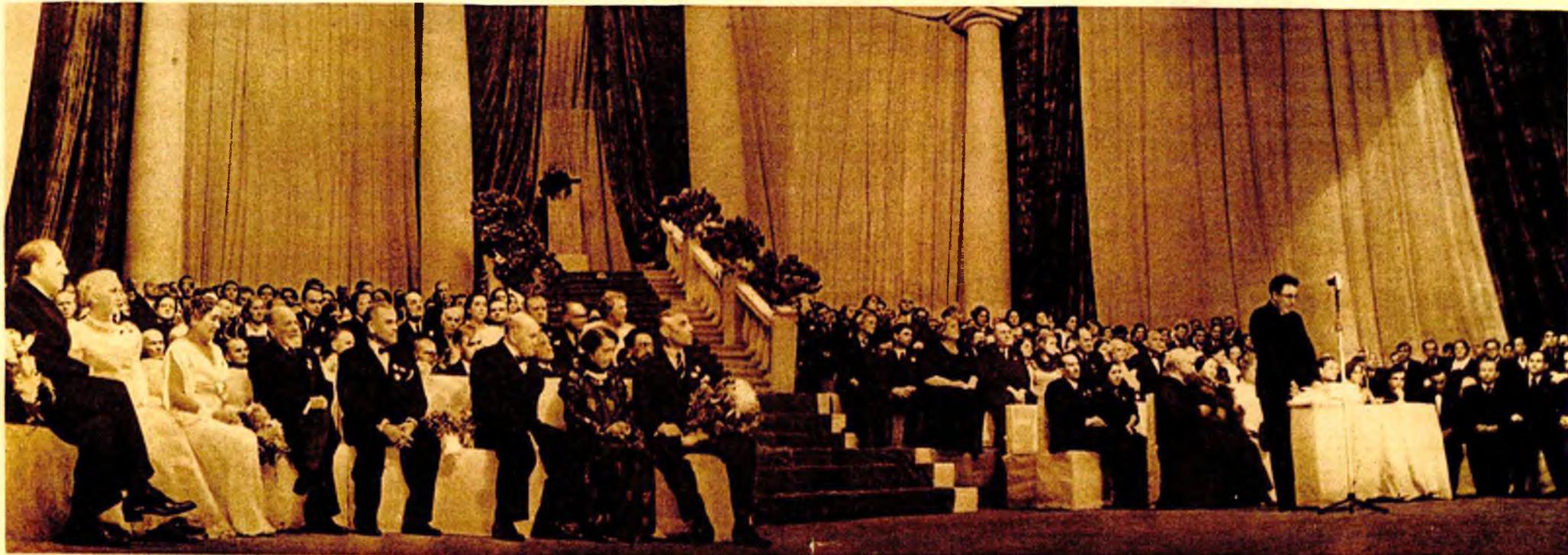
Вадя писал **маме** в середине июня в Киев: «Дорогая мамуля, сейчас получил два твоих письма. Я уроков (пения) не пропускаю... Сейчас, после ночной работы, еду на дачу. Марина с завтрашнего дня идет в отпуск, а я пока еще не знаю наверное, но надеюсь получить с 1 июля. Целую тебя крепко и Папу, Соню и Ниночку. Пиши. Твой. В.» [39].

После гастролей в Киеве **Соня с Владимиром Александровичем и дочкой Ниной** уехали **на дачу** около станции «Правда», где уже, взяв отпуск, **отдыхали Марина с Вадей и Наташей**. **Нина Юльевна поехала** отдохнуть и подлечить ревматизм и подагру **в Старую Руссу** [1]. 13 июля **Марина писала** ей туда: «Дорогая Нина Юльевна! Жду от Вас письма, но такого, чтоб Вы ...меня простили за мое грубое и резкое письмо. Мне сейчас очень тяжело, т. к. **нет денег**, а всегда приходится думать об этом мне одной... Пришлось заложить все облигации. Все **отпускные** деньги мы **истратили**, и живем сейчас **на Ваши** и, которые Соня мне дала (250 р.). Я получу получку 14-го, но ведь только 120 р., а надо на это жить до 22-го, (когда) будет Вадина получка. Он получит немного, ...рублей 200, не больше. Теперь надо кормить на наши деньги, а их мало. 15-го я должна заплатить 300 р. за дачу, а где их взять? У Вади только 7 сентября будет большая получка рублей на 600-700, но до 7-го надо дождаться... Ане (няне Наташи) должна за посылку 50 р.. 17-го надо платить ей жалование, а денег нет. Боже, **почему так трудно жить?** Я себе сейчас во всем, в чем могу, отказываю. На работе проедаю не более 1.5 р., очень дорого стоит проезд. Вы меня простите, но мне больше не с кем поделиться об этом. Вы в этом деле скорее поймете меня... Милая, напишите мне про все и не сердитесь на свою нехорошую Марину. Я знаю сама, что я злая и очень невоздержанная. Да, то поделаешь, такая уж уродилась, может быть, буду лучше. Целую Вас крепко и внучка тоже. Пишите, ждем. Ваша Марина» [51].

Нина Юльевна просила Вадю сходить в Музыкальную школу, где она преподавала [1]. **Вадя** написал: «Дорогая мамуля, я был 16-го в школе. Оказывается, нужно было быть там 10-ю. Затем, нужно являться в школу каждый день и расписываться... Ты **возьми у доктора травку или бюллетень, а то не получишь жалования** с 10 августа... Варвара Николаевна могла бы нам наварить варения, пошли ей денег... Целую Вадя» [39].

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР СОЮЗА ССР
ИМЕНИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Торжественное заседание, посвященное 40-летию МХАТ, 27 октября 1938 г.

София Владимировна Герман с дочерью
Ниной в 1938 году
(Фото из семейного архива автора)

Осенью во МХАТе начался **42-ой сезон 1939-1940 годов**. М.Н. Кедров готовил к постановке комедию Мольера «*Тартюф*», В.Г. Сахновский, А.Н. Грибов и Н.А. Подгорный – «*Трудовой хлеб*» А.Н. Островского. Начались и спектакли текущего репертуара. 4 декабря состоялась премьера «*Тартюфа*» [40].

Новый 1940-й год ознаменовался премьерой комедии А.Н. Островского «*Трудовой хлеб*», которая прошла 1 января. Начались *репетиции драмы А.П. Чехова «Три сестры»* в постановке Н.Н. Литовцевой и Н.М. Раевского при художественном руководстве Вл.И.Немировича-Данченко. Премьера этого спектакля состоялась 24 апреля [40].

Весной в Детской музыкальной школе имени Стасова состоялся *Отчетный концерт*. Ученица В.К. Германа Мира Чакмак сыграла «Грустную песенку» П.И. Чайковского, а Володя Тульпо - «Арию» Маттесона [1]. Ученики Нины Юльевны не выступали.

Летом МХАТ опять уехал на гастроли в Ленинград. Н.Ю. Зубова-Герман и В.К. Герман поехали также вместе с оркестром. Марина с Вадей вывезли Наташу на дачу. В начале июня Вадя написал: «Здравствуй дорогая мамуля! Наконец-то, я собрался тебе ответить. С 7-го числа я работаю через день с грузчиками, но еще не знаю, как буду зарабатывать. Работаю часов до десяти, но не устаю, т. к. только сижу за рулем». Видимо, Владимир Герман перешел на гражданскую службу и начал работать на грузовой машине. Но *уроков пения* пока не бросал, и хотел в июне раз пять позаниматься. «На большее количество не рассчитываю, - писал он, - и то мне будет очень трудно. Не сердись на меня за это и никаких денег больше за уроки не присытай! На дачу езжу, но не каждый день. Все у нас здоровы. Наташа очень поправилась. Соня хотела быть у нас. 6-го ей сказали, что Володя (Владимир Александрович) приедет, и она его напрасно прождала, т. к. он приедет только числа 9-10-го... Целую тебя и папочку крепко. крепко. Привет от Маринки. Твой В.Г.» [39].

Марина тоже писала Нине Юльевне в Ленинград: «Дорогая Нина Юльевна... Вижу по письмам, что Вам там отдыхать не приходится... Еще раз большое, большое спасибо. Плохая у Вас невестка, не может сама столько зарабатывать, чтобы содержать свою семью. Также Вадя не повезло, что он женился на мне. Вообще, я очень плохая, мне стыдно принимать от Вас деньги, я их не заслуживаю... Наконец, у нас наступила жара. В Москве духота, так хорошо на даче... Вадя чувствует себя хорошо, отдыхает на даче по своим выходным дням. (В последний раз) не приезжал, т. к. у него были теннисные состязания... Ему предлагают взять отпуск в июле... Я, может быть, совсем не пойду, а (отпускные) возьму деньгами. (Наташа с няней Анютой.) Все лето мне придется работать для выставки (по результатам) олимпиады детского творчества. Прельстило меня то, что мне будут платить рублей 500-600, но до сих пор смета не утверждена. Я то в Центральном Доме (детского творчества) работаю, то в Музее, но до сих пор ничего не знаю - буду я или нет? ...Не дожусь, когда все это выяснится. Ведь мое несчастье в том, что Вадя вроде Владимира Казимировича, не знает жизни. Ему все кажется, что те деньги 250-300 р., что он дает на все, это очень много... Мне же (обо всем), вроде Вас, приходится думать одной... Я ужасная свинья, никак не могу зайти к Соне. Она ко мне на дачу не приезжала, наверное, потому что (было) холодно... Напишите Соне, чтобы она обязательно с Ниной выбралась к нам... Ну, дорогая Нина Юльевна, целую Вас с Папулей крепко. Пишите. Еще раз благодарю. Ваша плохая дочь Марина» [51].

С 1 сентября во МХАТе начался **43-ий сезон 1940-1941 годов**. Кроме текущего репертуара, шла подготовка к постановке комедии Р. Шеридана «*Школа злословия*». Руководил постановкой В.Г. Сахновский, режиссерами были Н.М. Горчаков и П.С. Ларгин. Легкую изящную музыку написал композитор Д.Б. Кобалевский. Там были и марш, и песенки, и комические куплеты, а также дуэт арфы с флейтой, который исполняли О.Н. Андровская и М.М. Яншин. Так что оркестр был занят на репетициях. Премьера спектакля состоялась 18 декабря 1940 года [40, 42].

Осенью Ниночку Беликову стали водить в Детский сад МХАТа, который находился на Петровке. Недалеко и от Основной сцены и от Филиала Театра [1].

30 декабря 1940 года София Владимировна Герман была официально разведена с мужем Владимиром Александровичем Беликовым и подала заявление на выплату алиментов [1]. Трудно сказать, что послужило причиной развода, возможно, неприязненные отношения со стороны родственников Беликовых. Соня уже жила с родителями и, конечно, с Ниночкой [1].

Искренно уважающему Владимиру Казимиевичу Гершан
в знак благодарности от Вадима Тучкова и его дедушки Р.А.Рау.
23 апреля 1940.

(Из семейного архива автора)

Ниночка Беликова в Детском саду
Московского Художественного
Театра в 1940-1941 году

(Фото из семейного архива автора)

Ниночка Беликова в научно-популярном
кинофильме, снятом Надеждой Петровной
Зубовой в 1938 году

Источники:

- К главе VII (с учетом источников к главам I, II, III, IV, V и VI).
- 47. Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898-1938. М.: Изд. МХТ им. М. Горького. 1938. 758 с.
 - 48. Фетис (пер.) Страгивариус и ему предшествовавшие и последовавшие итальянские школы смычковых инструментов и о смычках Турта. С прибавлением: критической и исторической таблицы, служащей для распознавания итальянских инструментов соч. Галлея и Каталога оставшихся доселе известных за границей и в России итальянских смычковых инструментов. М., 1875. С. 57-58, 102, 140, 157, 192-194.
 - 49. V Московский международный конкурс скрипачей имени Паганини. М.: Фонд инвестиционных программ. 2007. 32 с.
 - 50. Владимир Иванович Немирович-Данченко. Буклет «МХТ 50 лет». М.: «Искусство». 1948.
 - 51. Письма к Н.Ю. Герман-Зубовой от жены Владимира Владимировича Германа, Марины Викторовны (рожд. Лабунской) и ее мамы Ксении Дмитриевны Штекер (из семейного архива автора).

Глава VIII. Великая Отечественная 1941-1945 годов и послевоенная жизнь.

В 1940 году территория Союза ССР увеличилась за счет присоединения Бессарабии и Северной Буковины, а также включения Эстонии, Латвии и Литвы, как союзных республик. К 1941 году фашистская Германия захватила уже всю Европу и разработала план «Барбаросса», по которому планировалось захватить Европейскую часть СССР до осени 1941 года и уничтожить СССР, как государство. На рассвете **22 июня Германия напала на Советский Союз** без объявления войны, внезапно начав широкие бомбардировки крупнейших промышленных и стратегических центров и наступление сухопутных войск на протяжении 4,5 тысяч километров его западной границы [37].

На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 года, **Владимир Владимирович Герман был призван в ряды РККА**. МХАТ выдал справку о том, что «при исчислении квартплаты семьи В.К. Герман следует исключить площадь, полагающуюся на их сына и, соответственно, сделать перерасчет». В июле в Москве началась мобилизация гражданского населения на строительство заградительных сооружений вокруг столицы. **София Владимировна Герман** по состоянию здоровья была **освобождена от тяжелых работ**; ей было разрешено выполнять «только легкую работу, до 3-х килограмм подъема тяжестей». **Владимир Александрович Беликов**, как старший инженер Треста «Гидроэнергосбыта», был оставлен **в тыловом ополчении** [1].

МХАТ начал свой 44-ый сезон 1941-1942 годов. В конце августа Дирекция Театра обратилась на телефонный узел с просьбой «не выключать телефон № Г 6-98-35 в квартире Артистов Оркестра В.К. Герман и Н.Ю. Зубовой, необходимый им для поддержания постоянной связи с МХАТом» [1]. А с октября 1941 года **началась** всеобщая эвакуация предприятий и учреждений из Москвы, т. к. враг подступал к столице. **МХАТ должен был эвакуироваться в Куйбышев**, куда уже переехало Правительство СССР почти в полном составе. **Владимиру Казимировичу Герману** была выдана **справка** о том, что с 15/х он «**выбывает в длительную командировку с женой Н.Ю. Зубовой-Герман, дочерью С.В. Герман и внучкой 6-ти лет**» [1]. 19 октября в Москве было введено **осадное положение**.

Комитет по Делам Искусств при СНК 23 октября выдал справку о том, что **В.К. Герман временно переводится для работы на периферию** и, что на основании Постановления Правительства» за ним **сохраняется жилая площадь**, занимаемая семьей по Бол. Левшинскому пер., д. 4, кв. 11. Домоуправление ... несет полную ответственность, как за сохранность указанной жилой площади, так и за все имущество, лично принадлежащее ему и его семье. На время его работы по новому местонахождению он ... **освобождается от** взносов **квартирной платы** за занимаемую им и его семьей жилплощадь в Москве, а также от **оплаты коммунальных услуг** [1].

По воспоминаниям, **София Владимировна не успела собраться сама и сбрать дочь к отправлению поезда**, на котором **МХАТ** в последних числах октября **отбыл в эвакуацию**. У Нины Юльевны и Владимира Казимировича не хватило моральных сил оставить дочь и внучку и уехать с Театром. 1 ноября **Н.Ю. Герман-Зубова и В.К. Герман** получили во МХАТе справки о том, что они являются Артистами Оркестра с окладом, соответственно 500 р. и 700 р. в месяц и «с 20/х-41 г. находятся во временном длительном отпуску без сохранения содержания». **Семья осталась в Москве без средств к существованию**. В ноябре **С.В. Герман** устроилась работать секретарем-кассиром в **Юридическую консультацию** с окладом в 350 р. [1].

В это время **гитлеровцы** уже были **на подступах к Москве** и охватили ее полукольцом [37]. **По детским воспоминаниям автора** книги, ближайшая хлебная палатка закрылась, и около нее шныряли огромные крысы. Город с вечера погружался в темноту, т. к. маскировка была строжайшей, и ни один луч света из окон домов не должен был проникнуть на улицу. Стоящие на земле аэростаты девушки-солдаты Противовоздушной обороны ежедневно наполняли легким газом, выдавливая его из принесенных больших гондол весом собственных тел, в чем принимали участие и крутившиеся тут же дети и подростки. Затем, аэростаты поднимали, и они висячими длинными сетками преграждали путь вражеским самолетам, которые каждую ночь сбрасывали на город огромное количество фугасных и зажигательных бомб. Лучи прожекторов выхватывали из темноты налетчиков, и зенитные орудия стреляли по

Нина Юрьевна Герман-Зубова
с внучкой Ниночкой. Осень 1941 г.

(Фото из семейного архива автора)¹

Ниночка Беликова с буквarem
в фамильном кресле Зубовых

ним. Наши истребители навязывали врагу воздушные бои. По сигналу воздушной тревоги люди бежали прятаться в метро и бомбоубежища. Во многих дворах в земле были вырыты специальные укрытия. Сначала мы с бабушкой и дедушкой во время тревоги спускались в подвал нашего дома, но потом стали просто выходить в коридор, где не было окон, и спали там на чемоданах. Ведь от взрывной волны даже заклеенные крест на крест бумагой разбитые стекла окон летели со страшной силой. А если бы в наш дом попала бомба, то и в подвале никто бы не остался в живых. Так и случилось с соседним домом, куда попала «фугаска». София Владимировна во время воздушных тревог *дежурила на крыше*. Она *была начальником группы самозащиты* трех домов (№№ 2, 4 и 6) нашей улицы, составляла графики дежурств 36 жильцов и следила за тем, чтобы во время налета все были на своих постах. Главное, необходимо было гасить зажигательные бомбы, чтобы предотвратить пожары. Одна такая бомба застряла в деревянных стропилах чердака, как раз, над нашей комнатой, но мама сумела ее засыпать песком, а потом, взяв клещами, окунуть в бочку с водой. Все эти приспособления были на чердаках каждого из московских домов. Так что жесточайшие оборонительные бои вели не только бойцы Красной Армии, курсанты и ополченцы на фронте, но и гражданское население в самом городе.

Только **5-6 декабря**, благодаря подошедшем сибирским дивизиям, *враг был отброшен от Москвы* [37]. Морозы стояли очень сильные. Весь потолок и стены нашей огромной комнаты были покрыты инеем, и когда мы затапливали печку-плиту, труба которой была выведена в дымоход старинного камина, то температура в помещении поднималась только на 4 градуса, от минус 2-х до плюс 2-х. Дрова, конечно, покупать не могли, а топили щепками и дощечками, которые подбирали во дворах и на улице после бомбежек. Спали в одежде, рукавицах и валенках, накрывшись всем, чем только можно. У нашей семьи из 4-х человек было только две продуктовые карточки – «служащая» Софии Владимировны и «детская» автора данной книги. Нина Юльевна и Владимир Казимирович, не уехав с МХАТом, потеряли и преподавательскую работу в Детской музыкальной школе имени Стасова. Весь дневной рацион пищи семьи составляла «болтушка» из нескольких ложек муки, заваренных в кипятке, и сваренные картофельные очистки, которые отдавала Германам более обеспеченная соседка [1].

Новый 1942 год не принес существенных перемен. А с **1 марта** 1942 года София Владимировна *перестала работать* в Юридической консультации, видимо, от истощения уже не было сил ходить на работу. Может быть, несмотря на развод, были только какие-то льготы для семьи военнослужащего, т. к. **Владимир Александрович Беликов стал курсантом** Окружных курсов младших лейтенантов [1].

С наступлением весны люди собирали в скверах и парках лебеду и другие съедобные травы; в основном, этим занимались дети. С 15 мая София Владимировна *нанялась* на летний период *ухаживать за нетрудоспособной соседкой* с окладом 75 р. в месяц, что, конечно, было ничтожно мало. К счастью, в июне 1942 года **В.К. Герман** сумел занять *должность артиста оркестра* Государственного Московского *Музыкального Театра имени Народных артистов Союза ССР К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко* с окладом 700 р. в месяц, а, следовательно, получил хлебную и продуктовую карточку. **Н.Ю. Герман-Зубова** только в сентябре 1942 года *получила место разового артиста оркестра в Московском театре Ленсовета*. А 1 ноября с ней было заключено *трудовое соглашение* сроком на три месяца, с правом пролонгации, «*по обслуживанию музыкальной части Московского Театра Драмы* для участия в репетициях и спектаклях репертуара театра в помещениях Филиала МХАТа, Театра Революции, Основной базы, а также в выездных спектаклях... Вознаграждение в размере 450 р. в месяц» и, конечно, продуктовая карточка! В это время **Владимир Александрович Беликов** находился уже в рядах Красной Армии в чине младшего лейтенанта, и его (пусть даже бывшая) жена или дочь раз в год получали ордер на приобретение каких-то нужных товаров [1]. **Владимир Владимирович Герман на фронте был танкистом**, за боевые заслуги был награжден. Его семья не успела эвакуироваться и тоже осталась в Москве. **Марина Викторовна работала, ее мама** Ксения Дмитриевна *сделала с 3-4-летней Наташей*. Жизнь, конечно, была тяжелой [52]. Немцы наступали по всему Югу и продвигались к Волге. С первых дней сентября началась героическая оборона Сталинграда, продолжавшаяся практически до конца года [37]. Во время Сталинградской битвы **Владимир Владимирович Герман** был ранен.

В Липецком госпитале *его навестили жена Марина с дочерью Наташей* [52]. Победа в Сталинградской битве переломила ход войны, Красная Армия стала наступать [37].

Новый 1943 год сулил большие надежды. В январе была прорвана (но еще не снята) блокада Ленинграда; в феврале освобожден Северный Кавказ; на центральном направлении линия фронта отодвинулась на 130-160 км. [37]. **Владимир Владимирович Герман**, получив после ранения небольшой отпуск, *приехал в Москву на «Виллисе»*. После отпуска он *продолжил воевать*, но теперь уже начальником военной автоколонны [1, 52].

Многие Учреждения и предприятия стали возвращаться в Москву. **МХАТ** вернулся весной 1943 года, в конце своего 45 сезона 1942-1943 годов. **Н.Ю. Зубова-Герман** и **В.К.Герман** были *восстановлены в своих должностях* [1]. За время эвакуации Театром были поставлены «*Кремлевские куранты*» **Н.Ф. Погодина** с музыкой **А.И. Хачатуряна**, «*Фронт*» **А.Е. Корнейчука** и «*Последние дни (Пушкин)*» **М.А. Булгакова** [40].

Б.Л. Израилевский вспоминал, что *«еще звучали над Москвой сирены воздушных тревог, а в Филиале МХАТА уже шла горячая вдохновенная творческая работа над спектаклем «Глубокая разведка» А.А. Крона.* Постановку осуществлял М.Н. Кедров, помогал ему А.М.Карев. **А.И. Хачатурян** написал для этого спектакля *музыку* с отчетливым кавказским колоритом... Основу этой музыки составляли три азербайджанские песни... под аккомпанемент кавказских инструментов», широкая русская песня под балалайку и зажигательная мексиканская песня под гитару. Композитор «становился за пульт, и сам репетировал с оркестром финальный марш спектакля, добиваясь нужной характерности и яркости звучания». Премьера спектакля «*Глубокая разведка*» состоялась уже 23 июня 1943 года [42].

София Владимировна поступила учиться на Курсы стенографии [1].

Летом 1943 года артисты и сотрудники МХАТА получили возможность отдохнуть в принадлежащем Театру бывшем Доме отдыха «Пестово». Как запомнилось Нине Беликовой, на высоком берегу Пестовского водохранилища было несколько зданий. В большом двухэтажном каменном «Белом» доме комнаты были предоставлены народным и заслуженным артистам и членам их семей. В небольшом бревенчатом «Желтом» доме тоже жила избранная публика. А в двухэтажном бараке, который называли «Аэроплан», маленькие комнатки были заселены сотрудниками вспомогательных служб: артистами оркестра, костюмерами, примерами, билетёрами и их родными, среди которых, конечно, было много детей. В маленькой избушке находилась Администрация «Пестова». Было еще очень просторное здание бывшей столовой с большой кухней, посреди которой стояла огромная плита.

Ниночка писала бабушке **Нине Юльевне** из Пестова: «Дорогая бабушка! Я живу хорошо, с мамой не скорюсь. Мы получили два одеяла, две подушки и скатерть. В портплене лежит мой альбом с засушенными цветами. Бабушка, осторожно положи на рояль альбом и не трогай, потому что (иначе) растения не высохнут. Скажи дедушке, чтобы он не забыл достать учебники. (Осенью Ниночка должна была пойти в школу в первый класс.) Целую вас крепко, крепко. До свидания. Твоя любимая внучка Нинуша» [53].

Уже из этого детского письма видно, что *жизнь* отдыхающих **мхатовцев** была организована очень достойно. На машине в «Пестово» привозили хлеб и продукты, которые можно было приобрести по карточкам прямо у здания столовой. Днем на кухне всегда дровами топилась плита, на краешке которой каждый желающий мог приготовить себе нехитрый обед. В комнатах домов были плитки и чайники, так что проблемы завтраков и ужинов практически не существовало. Каждый устраивался со своей семьей кто как мог. В «Пестове» можно было загорать и купаться, плавать на лодках, ходить в лес за грибами и ягодами, играть в большой и настольный теннис, домино, шахматы и карты, музенировать на пианино в столовой, да и просто гулять и общаться. Как же это было важно для душевного спокойствия людей, которые уже пережили много страданий - потерю родных и близких на фронтах или от бомбежек в тылу, голод и холод в городах, разорение и уничтожение деревень. Большой отдушиной в «Пестово» были стихийно возникавшие *незабываемые капустники талантливых актеров*, которые особенно сильное впечатление производили на присутствовавших детей. Дети получали мощный пример для подражания, когда жена М.М. Яншина, актриса Театра «Ромэн» Ляля Черная, учила их цыганским танцам; молодой актер К.К. Градополов играл в большой теннис; когда композитор Кирилл Молчанов музенировал в столовой, а Алексей Покровский и позднее В.Трошин пели романсы и советские песни [1].

Вверху: «Белый» дом, внизу «Желтый»

Дом отдыха МХАТа «Пестово».

(Фото из семейного архива автора)

Вверху: вид с обрыва Пестовского «моря»,
внизу – дом «Аэроплан»

К концу лета немецко-фашистские войска потерпели *поражение под Курском*, в августе Красной Армией были освобождены Орел и Белгород. В честь этой победы 5 августа в *Москве* был произведен *первый салют* 12-ю артиллерийскими залпами [37].

1 сентября 1943 внучка супругов Германов *Нина Беликова* пошла в *1-ый класс* 29-ой средней школы, что на Зубовском бульваре. Школа была чисто женская, мальчики учились в соседней «мужской» школе [1].

Во *МХАТе 46-ой сезон 1943-1944 годов* начался со спектаклей текущего репертуара. 12 ноября состоялась *премьера пьесы К.М. Симонова «Русские люди»*. Постановку осуществил Н.П. Хмелев, режиссуре В.Я. Станицын и М.О. Кнебель [40].

В этом же году была создана Школа-студия имени Вл. И. Немировича-Данченко [44].

Новый 1944 год начался во *МХАТе с премьеры пьесы А.Н. Островского «Последняя жертва»*, которая состоялась 1 января в постановке Н.П. Хмелева, режиссуре Е.С. Телешевой и Г.Г. Конского. *Музыку* к этому спектаклю *написал Б.Л. Изралевский*. Ноты двух вальсов к этому спектаклю, «Последняя жертва» и «Забытая беседка», опубликованы им в своей книге [42]. На основной сцене и в Филиале шли спектакли текущего репертуара, и *оркестр* был *востребован* в полную силу.

Лето для семьи Германов опять прошло в *Пестове*. Все четверо членов семьи располагались в небольшой комнатке на 2-ом этаже «Аэроплана» [1]. В это время, как раз, был открыт Второй фронт в Европе, и появилась *надежда на скорое окончание войны* [37].

46-ой сезон МХАТа 1944-1945 годов начался спектаклями текущего репертуара и *подготовкой* к постановке *пьесы А.А. Кроны «Офицер флота»*. Режиссерами были Н.М. Горчаков и И.М. Раевский, *музыку написал композитор Т.Н. Хренников*. Собственно он написал только романс на слова Ольги Бергольц «Где бы ни был моряк, в этот час...», а остальную музыку *подбирал Б.Л. Изралевский* [42].

1 декабря 1944 года *София Владимировна Герман* поступила на службу *помощником библиотекаря* в нотную библиотеку Государственного Музыкально-педагогического Института имени Гнесиных с окладом 525 р. [1]. И Красная Армия, как раз, освободила территорию СССР от немецких захватчиков [37].

Новый 1945 год принес надежду на скорую Победу – Красная Армия освобождала уже страны Европы. Но жизнь всего населения СССР была еще очень тяжелой. *В.А. Беликов* 2 января вторично обратился с фронта в Местком Главвостокэнерго с *просьбой «выдать его дочери* Беликовой Нине 9-ти лет *ордер на зимнее пальто и рейтзузы*» [1]. По воспоминаниям автора книги, в школе, когда она училась во 2-ом классе, ей действительно выдали ордер на покупку зимнего пальто, зимней шапки и какой-то обуви. А в конце февраля Главк «Востокэнерго» выдал Софии Владимировне «пропуск № 216 на право выноса из Здания американских подарков: дамского зимнего пальто, шелкового платья, юбки, блузки, а также детского пальто и платья» [1]. Получение этой одежды стало большой радостью, как для молодой женщины, так и для школьницы Нины, которая потом много лет щеголяла в элегантном американском красном пальто.

Весной 1945 года началась Берлинская операция, которая 1 мая завершилась взятием Берлина, а 8 мая и Праги. Гитлер покончил жизнь самоубийством, наспех созданное Правительство Германии подписало Акт о безоговорочной капитуляции. **9 мая** были разгромлены остатки немецких войск и была *провозглашена Победа* советского народа в Великой Отечественной войне [37].

Москва и вся *страна ликовала*. Тот, кто видел *салют Победы* над столицей, никогда его не забудет. А *парад Победы* мы теперь видим практически ежегодно по телевизору.

Бойцы Красной Армии стали постепенно возвращаться домой. 12 мая 1945 г. старший лейтенант *Владимир Александрович Беликов* получил справку о том, что он с 14 июня 1944 г. по 2 апреля 1945 г. находился на фронте в войсковой части (полевая почта 30608). Во второй справке было написано, что он имеет «право обмена в Госбанке СССР на советскую валюту 1500 польских злотых, полученных им в счет денежного содержания на территории Польши во время его службы в воинской части» [1]. Но вернулся он в Москву, как помнится, только в 1946 или в 1947 году.

Владимир Владимирович Герман после демобилизации поступил шофером в один из

София Владимировна Герман

(Фото из семейного архива автора)

1935 год

1932 год

1943 год

1945 год

Владимир Владимирович Герман

Жена В.В. Германа Марина Викторовна
и дочь Наташа

таксомоторных парков города. К счастью, *там был вокальный кружок*, руководимый солисткой Большого театра, и *Вадя запел* прекрасные арии и романсы для баритона. Часто ему аккомпанировала сестра Соня, приходившая на репетиции и концерты с дочерью Ниной [1].

Перенеся неимоверные тяготы военного времени, люди ожидали улучшения жизни СССР. Но необходимость восстановления городов и сел, промышленности и сельского хозяйства *не позволили даже отменить карточную систему* [37].

18 апреля *во МХАТе* состоялась *премьера* пьесы А.А. Крона «*Офицер флота*» [40, 42].

Лето 1945 года было особенно приятно и радостно проводить *в Пестове* [1].

Во МХАТе 47-ой сезон 1945-1946 годов начался спектаклями текущего репертуара и *подготовкой* к постановке *комедии О. Уайльда «Идеальный муж»*. Руководил постановкой В.Я. Станицын, режиссуру осуществлял Г.Г. Конский, *музыку подбирал* и писал дирижер оркестра **Б.Л. Изралевский** [40].

27 октября 1945 года **Нина Юльевна Герман-Зубова** получила *поздравительное письмо* на фирменном бланке МХАТа: «Дорогая Нина Юльевна! В связи с исполняющимся в этом сезоне *25-летием Вашей работы* в Художественном театре, позвольте сердечно поздравить Вас от имени театра и выразить Вам *глубокую благодарность за многолетнее преданное служение* его искусству. Коллектив Художественного Театра привык высоко ценить Вас как участницу творческого ансамбля, укрепляющую его глубоким пониманием наших общих художественных задач». И *подписи: Народных артистов СССР*: «И. Москвин, Василий Качалов, Н. Хмелев» и РСФСР «М. Прудкин», Заслуженных деятелей искусств РСФР «Б. Изралевский, Е. Калужский», директора-распорядителя «В. Месхетели». Растроганная **Нина Юльевна** 3 ноября *написала*: «Глубокоуважаемые Иван Михайлович, Василий Иванович, Николай Павлович, Марк Исаакович, Борис Львович, Евгений Васильевич и Владимир Евгеньевич! Меня *до слез тронуло письмо* глубоко любимых мною артистов дорогого нашего МХАТа, для которого 1 октября 1920 года я бросила оперу, в которой служила 16 лет и была помощником концертмейстера первых скрипок, для того, чтобы в дорогом моем МХАТе занять последнее место в оркестре. Ваши *дорогие подписи служат мне наградой за мою любовь и преданность Театру* и его глубоким талантам. Ваше дорогое для меня письмо с Вашиими автографами будет храниться в моем семейном архиве. Глубокопреданная Н. Зубова» [1].

30 декабря 1945 года *во МХАТе* состоялась *премьера «Идеального мужа»* О. Уайльда [40]. Н.Ю. Зубова-Герман и В.К. Герман, несомненно, играли в оркестре.

Новый 1946 год, кроме текущей репертуарной работы во МХАТе был *посвящен подготовке* к постановке драматической *повести АН. Толстого «Трудные годы»* («*Иван Грозный*»). Режиссерами были А.Д. Попов и М.О. Кнебель. Было решено пригласить писать *музыку* композитора Асафьева, но он серьезно заболел и попросил Театр освободить его от этой работы. *Пришлося подбирать и сочинять* музыку к спектаклю, а также стать не только дирижером оркестра, но и хормейстером **Б.Л. Изралевскому**. *Премьера* спектакля состоялась *16 июня* [40, 42].

18 мая 1946 года Заместителем Председателя Исполкома Свердловского Райсовета, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1946 года, **Н.Ю. (Герман)-Зубовой и В.К. Герману** были вручены *медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»* [1].

Летом, 4 июля в Москве **София Владимировна прошла ВТЭК** (Врачебно-трудовую Экспертную Комиссию), которая пришла к выводу, что она «может выполнять конторскую работу без физических нагрузок. Библиотекарем работать не может». С 9 июля по 25 августа, оркестранты МХАТа получили *очередной отпуск*, и супруги **Германы с внучкой Ниной** снова уехали отдыхать в Дом отдыха МХАТа «*Пестово*» [1].

48-ой сезон 1946-1947 годов во МХАТе начался спектаклями текущего репертуара и *подготовкой к постановке* и репетициями военной *драмы БФ. Чиркова «Победители»*. Руководство взял на себя В.Я. Станицын, режиссером был Г.Г. Конский. «Необходимо было привлечь композитора, который в своей музыке к спектаклю сумел бы отразить все величие и весь драматизм пережитой нашим народом эпохи, весь пафос борьбы с фашистскими захватчиками, горячий патриотизм и неиссякаемую веру в победу советского народа. Тотальное звучание музыки должно было быть национальным в самом широком смысле этого

слова». Выбор пал на композитора Ю.А. Шапорина, автора таких произведений, как «На поле Куликовом» и «Сказание о битве за русскую землю». Он написал много музыкальных моментов к спектаклю, но наиболее сильными «своим драматическим звучанием» были Вступление, «дающее патетический тон» ко всей постановке, и финальный «Марш победителей» для духового оркестра. Актёр Н.И. Дорохин с изумительной теплотой исполнял песню Минутки, тема которой звучала в оркестре в момент его трагической гибели. *Музыка, написанная Ю.А. Шапориным* к «Победителям» оказалась «на редкость крепко спаяна с темой пьесы, талантливым замыслом режиссуры и блестящим исполнением актеров» [42].

В декабре *София Владимировна*, по состоянию здоровья, *уволилась* из нотной библиотеки Государственного Музыкально-педагогического института имени Гнесиных [1]. По-видимому, это было *связано*, не только с заключением ВТЭК, но и с *возвращением В.А. Беликова с военной службы*. Примирения с бывшей женой не состоялось, но отец Ниночки поступил на хорошую работу, и теперь *он мог давать на дочь алименты* в большем размере, а София Владимировна могла позволить себе не работать и жить на эти средства. Тем более, что родители вели с ней одно хозяйство [1]. Отец побаловал дочь Нину, угостив ее как-то порцией мороженого и купив к новому году пакет мандаринов. Эти эпизоды послевоенной жизни запомнились автору книги на всю жизнь.

В *Новом 1947 году* 14 февраля *во МХАТе* с большим успехом прошла *премьера* спектакля «*Победители*». И сразу же *стали готовиться к постановке двух новых спектаклей, пьес: «Дядя Ваня» А.П. Чехова и «Русский вопрос» К.М. Симонова. Премьеры их состоялись, соответственно, 10 и 28 июня* [40].

Летом *Н.Ю. Герман-Зубова и В.К. Герман получили* во МХАТе *Удостоверения* о том, что «с 7 июля по 23 августа» они «числятся в отпуске». Удостоверения были выданы «на получение муки» [1]. *Нина Беликова с мамой* уже были в *Пестове*, откуда *Ниночка* писала бабушке *Нине Юрьевне*: «Здравствуй, моя милая, хорошая Бабушка! *Мне очень хорошо*. С 15-го числа *стали давать обеды*. Обеды хорошие, порции большие. Я ем с большим аппетитом. Каждый день пью молоко, т. к. денег мало, то покупаем только 1 литр; молоко стоит 15 р. Первые дни была земляника, но сейчас она уже спадает, скоро будет малина. Я живу хорошо: хожу купаться, играю с подругами, хожу в лес. Я наступила на пчелу, и она меня ужалила, жало мама вынула, но пчелиный яд остался, и нога распухла, но сейчас проходит. Недавно здесь давали абрикосы по полкилограмма на служащего. Нам дали 1 кг за 25 р. Я сплю на раскладушке, мне удобно, только подушки сенные и жестко. Последние дни стоит плохая погода. Бабушка, *приезжай скорее, буду ждать*. Целую крепко, крепко. До свидания. Твоя любящая Нинуля» [53]. И *бабушка с дедушкой вскоре приехали*. Можно было опять отдохнуть, теперь уже всей семьей.

49-ой сезон 1947-1948 годов во МХАТе, как всегда, *начался* спектаклями текущего репертуара и *репетициями* к постановке спектаклей «*Алмазы*» *Н.А. Асанова* и «*Дни и ночи*» *К.М. Симонова*. Второй из этих спектаклей, в постановке М.Н. Кедрова и с режиссурой Г.А.Герасимова и А.М. Карева, был с *музыкальным сопровождением, написанным* композитором *М.И. Блантером*. *Премьеры* этих пьес прошли одновременно *5-го ноября*, видимо на двух сценах [40].

27 октября *Владимир Казимирович Герман* получил из *Дирекции МХАТа поздравительное письмо* следующего содержания: «Дорогой Владимир Казимирович! В этом сезоне исполняется *30 лет Вашей деятельности* в Художественном Театре. За это время мы высоко оценили Вас, как музыканта, умеющего сочетать свой талант с глубоким пониманием целей драматического театра, как активного участника в осуществлении музыкального замысла спектакля МХАТ. От имени коллектива и руководства МХАТ сердечно поздравляем Вас и благодарим за Вашу многолетнюю безупречную работу». И подпись *Народных артистов СССР*: «О. Книппер-Чехова, В. Качалов, Мих. Кедров, В. Топорков, Дорохин», и РСФСР: «М.Прудкин». Заслуженных деятелей искусств РСФР: «Б. Изралевский, П. Марков», директора-распорядителя «В. Месхетели», ? - неразборчиво» [1].

19 ноября, накануне своего 74-летия, *Нина Юрьевна* обратилась с *письмом к дирижеру* оркестра *Б.Л. Изралевскому*: «Глубокоуважаемый Борис Львович! Обращаюсь к Вашему великодушию и доброте. Разрешите мне играть спектакль «Победители», т. к. он нисколько

не утомляет меня. Здесь я все играю, несмотря на мой подагрический палец. На этом спектакле я отдыхаю в тепле. (*В квартире* у меня *8 градусов*, и я хожу в пальто.) Мне легко и приятно. Ведь в сентябре этого года исполнилось 48 лет, что я служу в театрах. Если необходимо подчеркнуть мой возраст, то, может быть, Вы были бы так добры – освободили бы меня от Филиала. Переносить скрипку туда и назад (по морозу и темным скользким улицам) гораздо тяжелее, чем сыграть весь спектакль «Победители». И разовые музыканты для театра обошлись бы дешевле: «Школа злословия» - один из трех раз. В надежде на Вашу доброту и отзывчивость пишу Вам это письмо. Скажите Володе (В.К. Герману) Ваше решение, и я буду знать, приходить ли мне в четверг 20-го. Преданная Вам Н. Зубова» [1].

Новый 1948 год во МХАТе начался подготовкой сразу трех спектаклей. М.Н. Кедров, с режиссерами В.А. Орловым и В.О. Топорковым, взялись за постановку комедии «Лес» А.Н. Островского. В.Я. Станицын и Н.М. Горчаков с режиссером П.В. Лесли задумали поставить «Двенадцать месяцев» С.Я. Маршака. И.Я. Судаков и М.О. Кнебель решили осуществить постановку пьесы Н.Е. Вирты «Хлеб насущный» [40].

Очень много музыки должно было быть к сказке «Двенадцать месяцев». У режиссеров была мысль привлечь к работе над этим спектаклем Д.Д. Шостаковича, но это не состоялось. Тогда «наступил счастливый случай снова *пригласить Б.В. Асафьеву* для работы в театре... Чудесная сказка С.Я. Маршака очаровала Бориса Владимировича, и он с удовольствием начал работать над ней... В конце концов, все трудности были преодолены... Асафьев как бы *овеял* эту *сказку своей музыкой, с большим тактом и лиричностью*, отразив в ней поэзию русской природы. Замечательны были музыкальные моменты: «Выюга», «Песня Волка», «Королева танцует», «Песня солдата», «Песня падчерицы», «Танец секунд», «Весна пришла», «Тает снег», «Лес проснулся», «Поют птицы» и, наконец, финальный хор – «Торжество весны». Была там и поэтическая фоновая музыка и выразительные музыкальные реплики» [42].

Премьеры вышеупомянутых трех спектаклей прошли почти подряд: **6 и 9 мая и 3 июля 1948 года** [40].

Лето опять проводили в Доме отдыха МХАТа «Пестово» [1]. В этот год случился эпизод, который мог закончиться трагически. По воспоминаниям автора книги, в один из жарких летних дней, когда Нина Юльевна и София Владимировна были в Москве, а Владимир Казимирович уехал на один день в город, оставшаяся без присмотра 13-летняя Нина Беликова предложила знакомым мальчику и девочке сплавать на лодке за шоколадками в Долгиниху, где стоял дебаркадер, в котором работал буфет. Лодку на пристани в Пестове дали, не подозревая, что подростки собираются пересечь по диагонали все Пестовское водохранилище. Когда юные гребцы достигли середины самой широкой части водного пространства, началась гроза, поднялся сильный ветер и большие волны, которые захлестывали уже через борта. Спасение было только в том, чтобы держаться «носом к волне» и отчирпывать воду. Нина с мальчиком гребли изо всех сил, стараясь не дать волнам развернуть лодку, поэтому причалить к берегу, который был очень далеко, не было никакой возможности. Плачущая девочка на карме все-таки кое-как черпала воду. Гроза кончилась также внезапно, как началась, и лодка оказалась уже почти у самой Долгинихи. Дети причалили к берегу и поднялись на дебаркадер. Здесь то и нашли их и, буквально, схватили в охапку примчавшиеся на катере адмирала Головко (мужа актрисы Киры Головко) художник Б.И. Волков и еще кто-то. Посадили в роскошный катер, привязали лодку, и в пять минут доставили в Пестово, к великой радости собравшихся на пристани многочисленных мхатовцев. Путешественников даже не ругали, так все были напуганы, решив, что дети утонули.

50-ый сезон 1948-1949 годов во МХАТе начался спектаклями текущего репертуара и **подготовкой** к постановке пьесы А.А. Сурова «Зеленая улица». Руководили репетициями постановщик Н.М. Кедров и режиссер А.М. Карев. *Музыку сочинял Б.Л. Изралевский* [40].

1948 год был юбилейным для Москвы. **Н.Ю. (Герман)-Зубова и В.К. Герман** в октябре месяце **были награждены** Исполнительным Комитетом Московского городского Совета депутатов трудящихся, от имени Президиума Верховного Совета СССР, **медалью «В память 800-летия Москвы»** [1].

В октябре же начались *Торжества, посвященные 50-летию Театра*. Многим мхатовцам были присуждены почетные звания Народных артистов СССР, Народных артистов РСФСР и

Заслуженных деятелей искусств РСФСР. 27 октября в газете «Вечерняя Москва» был напечатан **Указ** Президиума Верховного Совета СССР «*О награждении* орденами и медалями *артистов* Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Художественного Академического театра СССР имени М.Горького». Вот его текст: «За выдающиеся заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с 50-летием со дня основания, ...наградить» **орденами Ленина, Трудового Красного Знамени «Знак Почета»**: артистов, деятелей искусств, руководителей Театра и Школы-студии, заведующих репертуаром, цехами, мастерскими, литературной частью, издательским отделом и т. д.; **медалью «За трудовое отличие»**: артистов, артистов оркестра и вокально-драматической части и многих, многих других служащих Театра [54]. **Н.Ю. (Герман)-Зубова и В.К. Герман были награждены медалями «За трудовое отличие»**. Награжденные этой медалью должны носить ее «с честью и служить примером добросовестности и аккуратности при исполнении государственных обязанностей» [1]. Этими качества всегда отличались супруги Нина Юльевна и Владимир Казимирович.

Ордена и медали вручались 4 октября 1948 года в Большом зале Дома Актера на **Торжественном вечере**: «Первые годы МХАТ в воспоминаниях современников» под председательством Народной артистки СССР А.А. Яблочкиной. С воспоминаниями выступали: член-корреспондент АН СССР С.В.Бахрушин, скульптор С.Т. Коненков, Народный артист А.Б. Гольденвейзер, Заслуженный деятель искусств Т.Л. Щепкина-Куперник и др. Во втором отделении был **концерт**: играли оркестр МХАТа под управлением Заслуженного деятеля искусств Б.Л. Изралевского, профессор Московской консерватории пианист Л.Н.Оборин и пела Заслуженная артистка РСФСР Д.Я. Пантофель-Нечецкая [1].

28 декабря 1948 года состоялась **премьера** пьесы А.А. Сурова «*Зеленая улица*» [40].

Новый 1949 год во МХАТе ознаменовался подготовкой к постановкам сразу трех спектаклей: «*Поздняя любовь*» А.Н. Островского (постановщик и режиссер Н.М. Горчаков и режиссер М.М. Яншин), «*Заговор обреченных*» Н.Е. Вирты (режиссер Г.Г. Конский) и «*Домби и сын*» Ч. Диккенса (постановщик и режиссер В.Я. Станицын). **Музыку** ко третьему спектаклю **писал** композитор Д.Б. Кабалевский [40].

20 января Н.Ю. Герман-Зубова и В.К. Герман получили во МХАТе Удостоверения о том, что они работают в Театре по настоящее время в качестве артистов Оркестра и получают, соответственно, 880 р. и 1100 р. в месяц [1].

В феврале 1949 года Нина Юльевна тяжело заболела. По-видимому, в 75-летнем возрасте у нее случился инсульт, и она внезапно **оказалась частично парализованной**. 21 февраля Врачебно-трудовая Экспертная комиссия признала Н.Ю. Герман-Зубову **инвалидом I-ой степени** без срока переосвидетельствования. 3 марта, рукой дочери Софии Владимировны, было написано заявление в Собес Фрунзенского района с просьбой перевести Н.Ю. Герман-Зубову с пенсии по старости на пенсию по инвалидности. 10 марта во МХАТе вышел **Приказ № 82**: «Артистку Оркестра Зубову-Герман Н.Ю. **освободить от работы** с 16 марта 1949 года, ввиду перехода ее на инвалидность, с выплатой 2-недельного выходного пособия». 26-го февраля Бухгалтерия МХАТа составила Справку для Районного Отдела Социального Обеспечения о размере ее заработной платы за 1948 год и за январь и февраль 1949 г. Всего получилось 10 574 р. 11 к. [1].

25 марта состоялась **премьера** спектакля «*Поздняя любовь*» А.Н. Островского, а 17 и 19 мая «*Домби и сын*» Ч. Диккенса и «*Заговор обреченных*» Н.Е. Вирты [40]. «Спектакль «Домби и сын», - писал Б.Л. Изралевский, - начинался оркестровым вступлением, в котором звучал траурный перезвон колоколов в церкви Сент-Мари. Под эту торжественную скорбную музыку на сцене появлялся старый джентльмен, который начинал спектакль следующими словами: «Я хочу рассказать вам историю... Глава знаменитой торговой фирмы хоронит сегодня своего единственного сына и наследника... Быть может, своим рассказом я несколько раз вызову на ваших устах улыбку, может, я исторгну у вас слезы... Справедливый гнев – вот чувство, которое я хотел бы пробудить в ваших горячих и благородных сердцах». ...Надо отдать должное артисту З.Г. Тобольцеву, ...благодаря его музыкальности и чувству ритма, **текст отлично сливался с музыкой**... То, что **сочинил Д.Б. Кабалевский**, ...с текстом спектакля составляет единую ткань. Кроме пролога и нескольких музыкальных моментов, мне хочется упомянуть старинную балладу, ...а также мелодичный, в прозрачной оркестровке вальс и очень

Владимир Казимирович Герман и Нина Юрьевна Герман-Зубова – артисты оркестра МХАТа, 1948

точно выдержанную в духе эпохи музыку, звучащую на курорте, ну и, конечно, песню старого капитана Каттля. Песня эта получила широкую известность. Вот ее текст:

Для уставших скитаться по бурным морям,
По ночным океанским дорогам
В окнах Пегги веселые свечи горят.
И стаканы наполнены гротом.
Когда буря ревет, Пегги песни поет.
Пусть звенят на подносах стаканы,
И окно, как маяк, свет бросает во мрак,
Освещая нам путь, капитаны» [42].

Автор книги до сих пор помнит слова и мелодию этой песни. Ведь с 8-ми лет ей удавалось по контрамаркам пересмотреть почти все мхатовские спектакли и не по одному разу.

Летом МХАТ уехал на гастроли в Ленинград, откуда 13-го июня **Владимир Казимирович** написал **домой**: «Дорогая мамочка, Соня и Ниночка. Сегодня играем последний спектакль, а завтра надо ехать в Киев... Это письмо я посылаю с нашей певицей, которая уезжает в Москву и живет рядом с нами. Она очень милая и обещала зайти проведать маму. У меня уже испортилось настроение, потому что нужно уезжать, а я так привык и отдохнул за это время, как в санатории. Тут такой хороший воздух, много зелени и не жарко. Приедем в Киев 16-го числа после обеда, и уже начнем репетицию вечером, т. к. 17-го спектакль «Последняя жертва». Соня, я вам советую ездить с Ниной гулять в парк и купаться... Я вам уже писал, что **отыскал** (двоюродную сестру Сони) **Тасю Малкину**, и она приходила ко мне. **Был** один раз у **Жоржа** (племянника Нины Юльевны)... Вчера была Троица, а сегодня Духов день. Я все-таки был в церкви в большом храме, который находится возле Консерватории и Мариинского театра, – Николы Морского. Ну, други мои, желаю вам всего лучшего. Целую вас всех крепко, крепко. Я **по вас скучаю**. В Киеве у меня будет меньше работы. И расстояние между театром небольшое, будем ходить, а тут все на машинах... Я с Егоровым (Анатолием Николаевичем) **посылаю** вам **деньги** 600 р. Соня, позвони ему, когда можно будет получить их. Получишь деньги, постараитесь заплатить за квартиру. Как только приеду, то телеграфирую вам... Целую вас всех крепко. Любящий вас папа» [3].

51-ый сезон 1949-1950 годов во МХАТе начался, как обычно. Только **в оркестре не было скрипачки Нины Юльевны Герман-Зубовой**. Владимир Казимирович, после почти 30-летней совместной работы с женой в этом Театре, играл в оркестре теперь один. Шел текущий репертуар, **готовилась к постановке пьесы С.В. Михалкова «Илья Головин»** (постановка Н.М. Горчакова, В.О. Топоркова и М.М. Яншина). **Музыку писал А.И. Хачатурян**. Композитор сам занимался с хором и оркестром. «Надо помнить, – писал Б. Л. Изралевский, – что это был тот редкий случай, когда музыка, ее характер и эволюция, которую этот характер претерпевал по ходу действия пьесы, составляли существеннейшую часть сюжета... Отрывок из Концерта для фортепиано... по сочности темы, перекликается с Первым концертом П.И. Чайковского. Но самым замечательным моментом ... является «Песня танкистов», ставшая подлинно народной... Этой же песней, исполняемой большим смешанным хором и военным оркестром, заканчивался спектакль. Эта песня производит едва ли не такое же глубокое волнующее впечатление, как во время Отечественной войны производила песня Г. Александрова «Идет война народная» [42]. **Премьера** спектакля «*Илья Головин*» состоялась 7 ноября 1949 года [40].

В декабре прошли еще **две премьеры**: **пьеса К.М. Симонова «Чужая тень»**, в постановке М.Н. Кедрова и А.М. Карева, и **«Мещане» М. Горького**, с режиссерой С.К. Блинникова и И.М. Раевского [40].

Новый 1950 год принес семье Германов большую утрату – **15 января скончалась Нина Юльевна Герман-Зубова**. Тело ее было кремировано, и урна похоронена на Даниловском кладбище [1]. Владимир Казимирович потерял самого близкого для себя человека – жену, с которой в любви, дружбе и согласии прожил больше 42-х лет, вместе преодолевая все жизненные трудности и невзгоды.

Во МХАТе началась **подготовка к постановке пьес: Е.Ю. Мальцева и Н.А. Венкстерна «Вторая любовь»** (по роману Е.Ю. Мальцева «От всего сердца») и **Б.А. Лавренева «Разгром»**. Постановкой обеих пьес руководил В.Я. Станицын. В первой пьесе режиссуре взял на себя

Нина Беликова с племянницей М.М. Яншиной
Наташой в Доме отдыха МХАТа «Пестово»
в 1950 году

(Фото из семейного архива автора)

Нина Беликова в походе по Подмосковью
с кружковцами Юных Географов МГУ
в 1952 году

С.К.Блинников, во второй – И.М. Раевский [40]. *Музыку к спектаклю «Вторая любовь» частично сочинил, частично подобрал Б.Л. Изралевский*. Она «звучала как на сцене, так и за кулисами, создавая фон для происходящих на сцене событий». Спектакль заканчивался общей пляской под музыку польки [42].

Летом 2 июля *В.К. Герман* получил во МХАТе Удостоверение о том, что он с 4 июля по 28 августа числится в отпуске. В основном, отпуск он провел с дочерью Софией Владимировной и внучкой Ниной в Пестове [1].

52-ый сезон 1950-1951 годов во МХАТе начался спектаклями текущего репертуара и репетициями новых постановок. 7 ноября прошла премьера пьесы Е.Ю. Мальцева и Н.А.Венкстerna «*Вторая любовь*» [40, 42].

А 16 ноября к 11 часам утра *Владимира Казимировича Германа пригласили к Директору Театра Б.И. Флягину*. Выяснилось, что ему, как достигшему 70-летнего возраста, предложили уйти на пенсию. В.К. Герман написал несколько писем: в Городское Управление по Делам Искусств при Мосгорисполкоме, в Московское отделение Профессионального Союза Работников Искусств, но, возможно, отправил только одно – Председателю Президиума Верховного Совета СССР *Иосифу Виссарионовичу Сталину*. Текст был примерно следующий: «После непрерывной работы свыше 33-х лет в Московском Академическом Художественном Театре в качестве виолончелиста, мне предложили перейти на пенсию. При этом размер пенсии установлен в 380 р., что составляет лишь 35 % получаемого мною оклада. Считаю, что размер установленной мне пенсии явно недостаточен, т. к. я безупречно проработал во МХАТе почти половину своей жизни, и при этом 25 лет был концертмейстером оркестра. На моем иждивении дочь, лишенная трудоспособности. Учтя вышеизложенное, прошу Вашего содействия в увеличении размера установленной мне пенсии, хотя бы до 50% мною получаемого оклада, согласно действующему Положению» [1].

Ответ пришел из Комитета по Делам искусств при Совете Министров СССР на 2-ое Почтовое отделение, до востребования, Владимиру Казимировичу Герману после 8 декабря 1950 года. «Уважаемый товарищ! - говорилось в нем. В ответ на Ваше заявление на имя тов. Сталина И.В., полученное Комитетом, по поручению Руководства Комитета, сообщаю: ...Вы были представлены на пенсию в числе прочих работников Театра, в частности, артистов оркестра, и Решением Пенсионной комиссии Вам была установлена пенсия в размере (35%), аналогичном с другими, ...не имеющими Почетных званий... Вследствие Вашего преклонного возраста Комиссия Комитета и Дирекция Театра сочли целесообразным перевести Вас на пенсию. Это, однако, не лишает Вас права работать в любом другом театрально-зрелищном предприятии, как в штате, так и на условиях разовой оплаты. Ответственный секретарь Пенсионной комиссии Лури (подпись)» [1]. Получив ответ из Комитета по Делам Искусств, *В.К. Герману ничего не осталось, как покинуть столь дорогой для него МХАТ*, где 28 декабря прошла последняя для него премьера спектакля Б.А. Лавренева «*Разгром*» [40].

В новом 1951 году *Владимир Казимирович Герман* поступил на работу, как преподаватель по классу виолончели, в Детскую Музыкальную школу № 2 Фрунзенского района [26], которая находилась на Плющихе. Необходимо было содержать нездоровую дочь Софию Владимировну и 16-летнюю внучку-школьницу Нину Беликову [1].

Владимир Казимирович Герман скончался 17 апреля 1953 года от кровоизлияния в мозг, ровно через месяц после смерти «Вождя народов» И.В. Сталина. Прах В.К. Германа погребли на Даниловском кладбище, в одной могиле с прахом жены Нины Юльевны Герман-Зубовой [1].

Эпилог

Как мы видим из всего вышеизложенного, для Нины Юльевны Зубовой и Владимира Казимировича Германа музыка была главным смыслом и делом жизни, за исключением, конечно, здоровья и счастья детей Вади и Сони и внучек Нины и Наташи. Ведь супруги солировали в концертах, служили в операх, играли в симфонических оркестрах и последние 30 лет были артистами оркестра Московского Художественного Академического театра, где музыке, талантливо вплетенной в драматическое действие, придавали очень большое значение. Как писал Б.Л. Изралевский, «Глубокое понимание музыки отличало, в первую

Наташа Герман в 1951-1952 годах

Наташа Герман с мамой Мариной Викторовной
на даче в Комаровке ~ в 1950 году

(Фото из архива Натальи Владимировны Питерцевой, рожденной Герман)

очередь, гениальных основателей театра – Станиславского и Немировича-Данченко. Люблили музыку, творчески интересно разбирались в ней и другие режиссеры. Среди актеров было много людей по-настоящему музикально одаренных». Многие из них прекрасно пели в разных спектаклях. О.Л. Книппер-Чехова аккомпанировала себе на фортепиано, И.М.Москвин и др. – на гитаре. О.Н. Андровская и М.М. Яншин, для дуэта в комедии Р.Шеридана «Школа злословия», специально выучились играть – она на арфе, он на флейте. В.И. Качалов, обладатель необыкновенного по тембру и певучести голоса, неоднократно исполнял «Эгмонт» Бетховена-Гёте и «Манфреда» Шумана с симфоническими оркестрами, под управлением Н.С.Голованова и С.А. Кусевицкого в 1918 году. «Художественный театр произвел крупные реформы в музыкальном оформлении спектаклей. *Оркестр, хор и вся музыкальная часть МХАТа были одной их существенных сторон художественного организма театра...* Жизнь музыканта, отданная драматическому театру, – (это) жизнь, полная неизведанных и неожиданных творческих радостей... Дирижер и артисты оркестра чувствуют себя ответственными художниками, когда выступают на эстраде концертного зала, на виду у зрителя. Иное самочувствие у артистов оркестра в оперном театре, когда они сидят перед сценой и, в основном, призваны аккомпанировать певцам. Еще труднее сохранить в себе художника, подлинного артиста, когда ты *под сценой* часто не знаешь даже, что сейчас происходит на подмостках...» [42].

Во всех этих трех состояниях Нина Юльевна Зубова и Владимир Казимирович Герман побывали в течение всей своей длительной музыкальной карьеры, начиная с лет учебы и до последних лет жизни. Как бы супруги Германы ни уставали от репетиций, спектаклей и концертов, именно в классической и просто хорошей музыке они черпали положительные эмоции и вдохновение. *Лучшим отдыхом* для них *была игра* на своих любимых инструментах, скрипке и виолончели, и опять-таки музицирование – *трио, квартеты, квинтеты* с друзьями-единомышленниками. Каждый раз, когда предоставлялась возможность, Нина Юльевна и Владимир Казимирович играли для собственного удовольствия. Ведь *возвышенная музыка* русских и зарубежных композиторов уносила *все горести и печали* и позволяла отвлечься от повседневных тягот будничной жизни. Подтверждением этого является одно из писем их хорошего знакомого Бориса Азбеля: «Уважаемые Владимир Казимирович и Нина Юльевна. Совершенно неожиданно уехал. Очень *сожалею, что пришло прервать наши музыкальные собрания*. Я с большой радостью думал о том, что нам удастся проиграть очень многое из камерной литературы. Сыгранные первые *трио и сонаты* для виолончели *Бетховена* произвели на меня невыразимое впечатление. Действительно, какая-то *неземная, великая музыка!* Пробуду в поездке до 1 июля, затем вернусь в Москву, обязательно буду у вас... Всего доброго. С приветом Борис Аздель» [13].

Сестра Нины Юльевны *Любовь Юльевна Зубова-Моор писала* Софии Владимировне Герман в 1957, 1964 и 1969 годах: «Еще (когда) тебя не было на свете, (я) *слушала* концерты летом в Кузнецово, *когда Нина (Юльевна) играла*, а аккомпанировали мамочка (Софья Петровна) и брат Миша (Михаил Юльевич). Потом *и трио* также с виолончелью... Я очень *любила сестру Нину* с детства, *наслаждаясь ее игрой* еще ученицей Консерватории, а позже *полюбила и ее мужа, тоже отличного музыканта* и симпатичного человека, и всегда думала о вашей семье и о вас детях. Вы (Соня и Вадя) должны были (и это было бы естественно) пойти по дороге родителей и работать в области искусства, но не пошли... Родители вас слишком любили, не приучили к труду, не сумели закалить здоровье, воспитать волю и характер. Но без постоянного труда ничего нельзя достигнуть... Нина Юльевна не приучила детей к порядку, да ей и некогда было. Она и (работала, и) преподавала в музыкальной школе, и *играла на радио*, и всегда я *помню ее со скрипкой в руках...* » [3].

Напомним, стихи, написанные племяннице-скрипачке Нине Юльевне в конце XIX века ее дядя – певец, музыкант и композитор Михаил Михайлович Зубов:

«Едва коснувшись до пера
И обмокнув его в чернила,
Я тотчас вспомнил вечера,
Когда играешь ты так мило:

*То можешь с нежностью играть,
То с полнотой и силой звука!*

*При звуках тих, могу сказать,
Мой пропадает сплин и скука» [1].*

О виртуозной скрипичной игре Нины Юльевны Зубовой (с 1907 г. Герман-Зубовой) свидетельствует ее репертуар, восстановленный автором книги по программам концертов, воспоминаниям и письмам (см. в Приложении), а также ее выступления в публичных концертах solo и с мужем Владимиром Казимировичем Германом, часто в благотворительных целях.

Выступления Нины Юльевны Зубовой в публичных концертах

- 1) 06.01.1899 г. в Вологде в зале Дворянского собрания в пользу детей в местностях, пострадавших от неурожая
- 2) 03.02.1899 г. в Ярославле в зале Общества любителей музыкальных и драматических искусств.
- 3) 17.02.1899 г. в Вологде с пианисткой В.К. Миллер-Хорошевской.
- 4) 04.04.1899 г. в Ярославле в зале Городской Думы.
- 5) 20.04.1899 г. в Костроме в зале Дворянского собрания с пианисткой В.С. Сумароковой.
- 6) 09.05.1899 г. в Вологде в зале Дворянского собрания в пользу пострадавших от неурожая.
- 7) 08.12.1899 г. в Костроме в зале Дворянского собрания.
- 8) 20.12.1899 г. в Костроме в пользу недостаточных гимназисток.
- 9) 04.01.1900 г. в Вологде в зале Дворянского собрания в пользу недостающих студентов-вологжан
- 10) 16.02.1900 г. в Костроме в пользу реалистов.
- 11) Март 1900 г. в Костроме в пользу участников (Зубовой и Чижевского).
- 12) 12.01.1901 г. в Ярославле с благотворительной целью.
- 13) 09.02.1901 г. в Костроме в пользу недостаточных учеников Костромского реального училища, оканчивающих курс, и недостаточных учеников других классов.
- 14) 23.02.1901 г. в Костроме в Музыкальной школе В.С. Сумароковой в квартетном вечере.
- 15) 08.06.1901 г. в Великом Устюге с Михаилом Юльевичем Зубовым.
- 16) 12.06.1901 г. в Архангельске с Михаилом Юльевичем Зубовым.
- 17) 12.09.1901 г. в Костроме в пользу ученицы Музыкальной школы В.С. Сумароковой Е.В. Смирновой для окончания ее музыкального образования.
- 18) 03.01.1902 г. в Вологде в пользу недостаточных студентов-вологжан.
- 19) 02.02.1902 г. в Костроме в зале Дворянского собрания с С.К. Миролюбовой.
- 20) 10.03.1902 г. в Костроме в зале Дворянского собрания на Гоголевском вечере.
- 21) 02.04.1902 г. в Рыбинске в зале Коммерческого собрания в симфоническом концерте.
- 22) Апр. 1902 г. в Ярославле.
- 23) Лето 1902 г. в Архангельске с Михаилом Юльевичем Зубовым.
- 24) 12.09.1902 г. в Костроме в пользу ученицы Музыкальной школы Е.В. Смирновой для окончания ее музыкального образования
- 25) 28.10.1902 г. в Костроме в Музыкальной школе В.С. Сумароковой камерном вечере.
- 26) 21.11.1902 г. в Костроме в зале Общества любителей музыкальных и драматических искусств.
- 27) 29.11.1902 г. в Костроме на бенефисе капельмейстера театра и дирижера школьного оркестра
- 28) Янв. 1903 г. в Костроме с Михаилом Юльевичем Зубовым в симфоническом концерте.
- 29) 10.04.1903 г. в Вологде в пользу Вологодского женского благотворительного общества.
- 30) Февр. 1905 г. в Москве в Музыкальной школе Коваленской на музыкальном вечере.
- 31) Апр. 1905 г. в Москве в Педагогическом собрании с В.К. Миллер-Хорошевской.
- 32) Май 1905 г. в Москве в Историческом музее в камерном утре пианистки Коваленской.
- 33) Июнь 1905 г. в Кадникове в театре Общества трезвости (Народной аудитории) Ю.М. Зубова.
- 34) Июль 1905 г. в Алуште.
- 35) 15.11. 1906 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом концерте.
- 36) 09.12. 1906 г. в Москве в пользу Центральной библиотеки Совета детских приютов Императрицы Марии.
- 37) 22.12. 1906 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом концерте.

- 38) 14.04. 1907 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом концерте.
- 39) Сент. 1908 г. в Костроме с Михаилом Юльевичем Зубовым.
- 40) 17.03. 1909 г. в Москве solo в Обществе теософов.
- 41) 28.01. 1911 г. в Москве в Московском Обществе распространения камерной музыки (Камерном кружке) с пианисткой В.К. Миллер-Хорошевской (в доме Е.О. Гунста в Староконюшенном переулке, сейчас Представительство Вологодской области в Москве, д. 4)
- 42) Нояб. 1919 г. в Костроме как концертмейстер первых скрипок и солистка, в концертах симфонического оркестра под управлением Б.А. Федорова.
- 43) Февр. 1920 г. в Костроме solo в концерте.
- 44) Июль, авг. 1927 г. в Анапе в симфоническом оркестре Курортного объединения.

Совместные выступления Н.Ю. Герман-Зубовой и В.К. Германа в концертах

- 1) Май 1907 г. в Севастополе в симфоническом оркестре.
- 2) Июнь 1907 г. в Севастополе solo В.К. Германа с аккомпанементом на ф-но Герман-Зубовой.
- 3) 06.11. 1907 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом концерте (дирижер А. Никиш).
- 4) 01.12. 1907 г. в Костроме в Музыкальной школе В.С. Сумароковой-Мориной в камерном вечере (два трио и solo каждого с аккомпанементом ф-но).
- 5) 26.01. 1908 г. в Костроме в Музыкальной школе В.С. Сумароковой-Мориной в камерном вечере (с аналогичной программой).
- 6) Март 1908 г. в Москве в Московской консерватории в оркестре: спектакль «Демон» и «Реквием» Моцарта.
- 7) 04.05. 1908 г. в Москве в Обществе теософов (solo В.К. Германа с аккомпанементом ф-но Н.Ю. Герман-Зубовой).
- 8) Декаб. 1908 г. в Москве в симфоническом концерте (дирижер А. Никиш).
- 9) Янв. 1909 г. в Москве в Дворянском клубе (solo В.К. Германа, аккомпанемент ф-но Н.Ю. Герман-Зубовой).
- 10) 10.03. 1909 г. в Костроме в Музыкальной школе В.С. Сумароковой-Мориной в камерном вечере (трио и solo каждого с аккомпанементом ф-но).
- 11) 21.10. 1909 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 12) 04.11. 1909 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 13) 02.12. 1909 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 14) Декаб. 1909 г. в Москве в консерваторском студенческом симфоническом концерте.
- 15) Декаб. 1909 г. в Москве в концерте английской танцовщицы Мод. Аплан (‘a la Айседора Дункан).
- 16) 07.02. 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре под управлением известного дирижера В.И. Сафонова (видимо, в «Концерте Сергея Кусевицкого»).
- 17) Март 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре под управлением венгерского дирижера Артура Никиша (видимо, в «Концерте Сергея Кусевицкого»).
- 18) Март 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре под управлением венгерского дирижера Артура Никиша (видимо, в «Концерте Сергея Кусевицкого»).
- 19) 29.03. 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре под управлением венгерского дирижера Артура Никиша (видимо, в «Концерте Сергея Кусевицкого»).
- 20) Апр. 1910 г. в Москве в Московском Обществе распространения камерной музыки (Камерном кружке) с пианисткой В.К. Миллер-Хорошевской в доме

Е.О. Гунста в Староконюшенном переулке (сейчас Представительство Вологодской области в Москве, д. 4).

- 21) Апр. 1910 г. в Москве в Работном доме с пианисткой Хорошевской.
- 22) Нояб. 1910 г. в Москве в Женском клубе с пианисткой Фокт-Сударской трио, В.К. Герман виолончельную сонату с ф-но.
- 23) Март 1911 г. в Москве в оркестре Булычева.
- 24) Окт. 1911 г. в Москве в Работном доме с пианисткой В.К. Миллер-Хорошевской.
- 25) Окт. 1911 г. в Москве в оркестре Булычева.
- 26) 19.02.1912 г. в Работном доме квартеты М.М. Ипполитова-Иванова.
- 27) 28.12.1913 г. в концерте.
- 28) Окт. 1914 г. в концерте в оркестре в пользу раненых.
- 29) Авг. 1921 г. в Кадникове с детьми: В.К. Герман solo и пение, Вадя – ф-но, Соня – пение, Н.Ю. Герман-Зубова – аккомпанемент.
- 30) Лето 1923 г. в Ялте в концертах симфонического оркестра Курортного Управления.
- 31) Лето 1925 г. в Москве в симфоническом оркестре в Зоологическом саду.
- 32) 06,13,12.1925 г. в Москве в Оркестре Театра Революции.
- 33) 03,17,24.01.1926 г. в Москве в Оркестре Театра Революции.
- 34) 07.03.1926 г. в Москве в Оркестре Театра Революции.
- 35) 04.04.1926 г. в Москве в Оркестре Театра Революции.
- 36) Июль 1929 г. в концертах Доме Отдыха в Подмосковье.
- 37) 30.09.1929 г. в Москве на площади Свердлова в Объединенном симфоническом оркестре в концерте «Оркестранты – на оборону СССР» в фонд постройки самолета «Красный оркестрант».

Выступления Владимира Казимиевича Германа в публичных концертах

- 1) Лето 1907 г. в Севастополе solo с симфоническим оркестром.
- 2) Лето 1907 г. в Севастополе solo под аккомпанемент ф-но Н.Ю. Герман-Зубовой.
- 3) 29.01. 1908 г. в Москве в оркестре Московской консерватории на юбилее Ипполитова-Иванова.
- 4) Октяб. 1908 г. в двух концертах.
- 5) Декаб. 1908 г. в Москве в симфоническом оркестре на первом «Общедоступном Историческом концерте» под управлением С. Василенко.
- 6) Декаб. 1908 г. в симфоническом концерте с выступлением Шаляпина.
- 7) Декаб. 1908 г. в Москве solo в Обществе теософов.
- 8) 17.03. 1909 г. в Москве solo в Обществе теософов.
- 9) 12.10. 1909 г. в Москве в симфоническом оркестре на «Общедоступном Историческом концерте» под управлением С. Василенко.
- 10) Нояб. 1909 г. в Костроме в концерте.
- 11) Декаб. 1909 г. в Серпухове в студенческом концерте.
- 12) 01.01. 1910 г. в Костроме с концертом.
- 13) 20.10. 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 14) Октяб.1910 г. В Москве в семье рецензентши фон-Тидебель.
- 15) 17.11. 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 16) 01,15.12. 1910 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 17) Сезон 1910-11г. в Москве в симфоническом оркестре на «Общедоступном Историческом концерте» под управлением С. Василенко.
- 18) 12,20.01.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 19) 26,29.01.1911 г. в Москве в Большом зале Московской консерватории в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».

- 20) 31. 01.1911 г. в Москве в симфоническом оркестре на оратории Шумана «Рай и Пери».
- 21) 09.02. 1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 22) 02.03. 1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 23) 20,21,23,24.09.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 24) 27,28,30.09.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 25) 01.10.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 26) 12.10.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 27) 19.10.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 28) 26.10.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 29) 02.11.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 30) 09,11.11.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 31) 16.11.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 32) 23.11.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 33) Нояб.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 34) Нояб. 1911 г. в Москве в Большом театре в концерте, посвященном А.Н. Островскому, в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 35) 27.11.1911 г. в Москве в Немецком хоровом обществе в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 36) Нояб. 1911 г. в симфоническом оркестре на «Общедоступном Историческом концерте» под управлением С. Василенко.
- 37) 30.11.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 38) 11.12.1911 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 39) 18.12.1911 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 40) 21.12.1911 г. в концерте.
- 41) 11.01.1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 42) 18,22.01.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 43) Янв. 1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 44) 27.29.01.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 45) Пасха 1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 46) 05.04.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 47) 13.04-11.05.1912 г. на Волге: в Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Царицыне. Астрахани 18 концертов в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».

- 48) 15.05-15.08.1912 г. в Москве в Сокольниках в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого» (с другими дирижерами).
- 49) 18,19,21,22.09.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 50) 25,26,28,30.09.1912 г. в Петербурге в Дворянском собрании в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 51) 10.10.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 52) 17,18.10.1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 53) 24.10.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 54) 31.10.1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 55) 02,07.11.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 56) 14.11.1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 57) 24.11.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 58) 28.11.1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 59) 08.12.1912 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 60) 12,19.12.1912 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 61) 09.01.1913 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 62) 16.01.1913 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 63) 23.01.1913 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 64) 30.01.1913 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 65) 06.02.1913 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 66) 13.02.1913 в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 67) Март 1913 г. в Киеве, Одессе, Харькове и Ростове-на-Дону в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 68) Лето 1913 г. в Москве в Сокольниках в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого» (с другими дирижерами).
- 69) Сент.1913 г. в Харькове, Одессе и Киеве в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 70) 10.10.1913 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 71) 17.10.1913 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 72) 06,23.11.1913 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 73) 28.11.1913 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 74) 30.11.1913 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».

- 75) 11.12.1913 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 76) 15,18.12.1913 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 77) 06.01.1914 г. в Москве в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого на «Симфоническом утре по общедоступным ценам»
- 78) 15.01.1914 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 79) 05.02.1914 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 80) 12.02.1914 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 81) 26.02.1914 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 82) 05.03.1914 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 83) 18,19,21.03.1914 г. в Петербурге в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 84) 25,26,27.03.1914 г. в Большом зале Московской консерватории в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 85) 16.04-15.05.1914 г. на Волге: в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Царицыне. Астрахани 21 концерт в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 86) 20.05.-17.08.1914 г. в Москве в Сокольниках в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого» (с другими дирижерами).
- 87) Сент. 1914 г. в Киеве в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 88) 15.10.1914 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 89) 22.10.1914 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 90) 05,12.11.1914 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 91) 15.11.1914 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 92) 19.11.1914 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 93) Нояб. 1914 г. в Киеве и Харькове симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 94) 08,14.12.1914 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого» в пользу раненых.
- 95) 17.12.1914 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 96) 21.01.1915 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 97) 28.01.1915 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 98) 11,15.02.1915 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концертах Сергея Кусевицкого».
- 99) 18.02.1915 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 100) 11.03.1915 г. в Петрограде в Дворянском Собрании в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».
- 101) 01.04.1915 г. в Москве в Колонном зале Благородного собрания в симфоническом оркестре в «Концерте Сергея Кусевицкого».

- 102) 05.04.1915 г. в Москве в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого на «Симфоническом утре по общедоступным ценам».
- 103) 24.04-июль 1915 г. в Москве в театре сада «Эрмитаж» в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 104) 12,14,16,19.10.1915 г. в Москве в театре Незлобина в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 105) 09.11.1915 г. в Москве в театре Незлобина в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 106) 16.11.1915 г. в Петрограде в Малом театре в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 107) 26, 29,30.11.1915 г. в Москве в театре Незлобина в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 108) 03.12.1915 г. в Петрограде в Малом театре в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 109) 07.12.1915 г. в Москве в театре Незлобина в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 110) 15,17.12.1915 г. в Петрограде в Малом театре в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого
- 111) Январь 1916 г. в Орле в концерте.
- 112) 11,25.01.1916 г. в Москве в театре Незлобина в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 113) Февр. 1916 г. в Петрограде в Малом театре в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 114) 17.03.1916 г. в Москве в театре Незлобина в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 115) 23.03.1916 г. в Петрограде в зале Народного Дома в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 116) Апрель 1916 г. в Харькове б концертов в симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого.
- 117) 16.02.1918 г. в Москве в зале Синодального училища в трио и solo в концерте Московского Литовского Вспомогательного общества в память двухлетней годовщины со дня смерти композитора, органиста и хормейстера Чеслава Сосновского.
- 118) Конец 1919-начало 1920 г. в Москве в полку трио и solo.
- 119) Май 1920 г. в Москве в симфоническом концерте от Пролеткульта, solo в Лазарете и в полку.
- 120) Март 1922 г. в Москве в Польском костеле трио (орган, скрипка и виолончель)
- 121) Июль 1925 г. в Сочи в оркестре в ресторане.
- 122) Авг. 1925 г. в Сочи и Сухуми в оркестре Оперного театра.
- 123) Авг. 1927 г. в Сочи в оркестре Оперного театра.
- 124) 24.07.1932 г. в Юрьеве-Польском в концерте трио с Михновским.
- 125) Авг. 1932 г. в Иванове-Вознесенске, Кинешме, Гаврилове-Посаде, Тейкове, Вычегде, Наволоках, Шуе, Яковлевском и др. в концертах трио с Михновским.
- 126) Сент. 1932 г. в Ярцеве, Смоленске, Рославле в концертах трио с Михновским.
- 127) Лето 1933 г. в Москве в кафе.
- 128) Март 1934 г. в Горьком в концерте на Сормовском заводе и др. в концертах трио.

Послесловие. Потомки.

После смерти Владимира Казимировича Германа дочь *София Владимировна* осталась *без средств к существованию*, а 20 мая ее дочери Нине исполнилось 18 лет, и *В.А. Беликов перестал платить алименты*. Безвыходность положения могла спасти только *продажа скрипки Н.Ю. Герман-Зубовой*, на которой последний раз она играла до войны, когда к Германам приходили знакомые, и устраивались трио. Во время и после войны Нина Юльевна на этой скрипке не играла, т. к. *она уже была сильно попорчена*. Поэтому продать ее оказалось очень трудно. После многочисленных хлопот и хождений по знакомым музыкантам в 1954 году ее согласился купить мастер струнных инструментов Большого театра Морозов. Он установил, что «скрипка Кремонской работы с этикетом «Carlo Bergonzi in Cremona 1732», *возможно, не настоящим*, *имеет* следующие *повреждения*: «нижняя дека... с двумя трещинами вдоль под басовой частью. Верхняя дека... с проломом над дужкой и футтором. У эфов имеется несколько трещин... На головке двойная вставка» [1]. Действительно, скрипка пострадала во время войны от морозов зимой и повышенной влажности весной и осенью, когда в квартире протекал потолок и даже обвалилась толстенная штукатурка с лепниной, и куски ее упали на кровать маленькой внучки. *Больших денег за скрипку Морозов не дал*.

Нина Юльевна Герман-Зубова и Владимир Казимирович Герман в разные годы жизни
(Фото из семейного архива автора)

Видимо, Владимир Владимирович Герман, зная о материальном положении сестры и любимой племянницы Нины, отказался от своей доли этого единственного наследия матери. Он и Марина Викторовна имели тогда неплохой заработок, а Соня 1,5 года одна ухаживала за парализованной Ниной Юльевной. **Нина Беликова**, став в 1953 году студенткой МГУ, с 1-го и до последнего курса **подрабатывала** на разных кафедрах Географического факультета.

Деньги от продажи скрипки очень быстро кончились, и в этом же 1954 году **София Владимировна**, несмотря на плохое здоровье, **вынуждена была пойти работать**. К счастью, занятия музыкой с детства и учеба в юности пригодились. Она **стала концертмейстером** – для солистов-вокалистов, хора, детских и взрослых танцевальных и хореографических кружков и ритмики. Вот их перечень: в клубе Завода МПСС в 1954 году, в Средней школе № 526 в 1962-63 гг., в клубе «Дружба» Постройкома № 193 в 1963-64 гг., в Измайловском Доме культуры строителей в 1964 г., в Средней школе № 707 в 1968 г., в Восьмилетней школе № 79 в 1969 г., препаратором в Палеонтологическом институте АН СССР в 1969 году, в Калининградской средней школе № 12 в 1969-71 гг., в Доме Ученых в 1970-74 гг. и др. **Оклады были чрезвычайно малы**: например, в Измайловском ДК – 89 коп. за астрономический час, в школе № 707 – 75 коп. с каждого учащегося в месяц. После развода с Владимиром Александровичем Беликовым до конца жизни замуж она больше не вышла. В 1965 году С.В. Герман ухаживала за нетрудоспособной знакомой Космидиади, в 1966-71 гг. – за старушкой Л.Ф. Ходашевой. В 1972 году она поступила в Геологический институт АН СССР на **должность вахтера**, где проработала **20 лет**. Последние 18 лет жизни тяжело болела и жила у дочери (автора книги). **Скончалась 3 мая 2006 года**, не дожив 3-х месяцев до своего 96-летия. Прах похоронен на Даниловском кладбище, в одной могиле с родителями [1].

Владимир Александрович Беликов (1906-22.07.1970) после войны работал инженером, затем **стал преподавателем** в Московском Инженерно-Строительном институте имени Серго Орджоникидзе. **Защитил кандидатскую** диссертацию по высоковольтным электрическим сетям, купил себе однокомнатную квартиру и рояль марки «Бехштейн», на котором в часы досуга кое-что играл. Второй раз женат не был. С дочерью и с внуками поддерживал родственные отношения. **Скончался 22 июля 1970 года** от сердечной недостаточности [1].

Дочь С.В. Герман и В.А. Беликова, **Нина Владимировна** (ХХIII-10), через 2,5 месяца после смерти дедушки Владимира Казимировича в 1953 году, закончила Среднюю школу и **поступила на Географический факультет** Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова на Ленинских горах. Во время учебы выезжала на практики в Хибины и в Крым. Будучи на 3-ем курсе МГУ, вышла замуж за **Александра Сергеевича Лукина** (29.12.1931-14.10.2001), с которым познакомилась в Пестове еще 16-летней девочкой. **А.С.Лукин был техником в Институте Гражданской авиации**, после знакомства он четыре года служил в армии, а после демобилизации сделал Нине Беликовой предложение. 30 января 1956 года они расписались, Нина Владимировна взяла фамилию мужа. **21 октября 1956 года** у них родился **сын Сергей** [1]. В 1958 году Н.В. Лукина **окончила Московский университет** и была распределена во Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт (**ВНИГНИ**), где работала в Лаборатории тектонического моделирования, а с 1959 года начала ежегодно выезжать в экспедиции и **поступила в заочную аспирантуру**. Молодая семья жила то с Софьей Владимировной на улице Щукина (бывший Бол. Левшинский пер.), то в Покровском-Стрешневе (у мамы мужа Натальи Борисовны), у его дедушки и бабушки Корчажинских, на съемной квартире, в засыпной избушке в саду и даже в дровяном сарае. В 1961 году жильцы дома 4 по ул. Щукина были выселены, дом был взят под Мексиканское посольство. Софья Владимировна и семья Нины Владимировны переехали в комнаты в разных коммунальных квартирах кирпичного дома № 8 по Резервному проезду у Киевского вокзала. Когда сыну Сергею исполнилось 6 лет, родители разошлись, и **28 февраля 1966 года оформили распоржение брака**. В 1967 году Лаборатория ВНИГНИ была переведена в **ГИН** – Геологический институт АН СССР.

Н.В. Лукина **второй раз** вышла замуж за сотрудника-геолога **Аникина Михаила Федоровича** (30.09.1939-02.06.1981), с которым иногда работала вместе в поле, беря с собой и сына Сережу. **5 января 1969 года** в новой семье **родился сын Алексей**. 31 декабря этого же года родители оформили свой брак официально, а 8 января 1970 года М.Ф.Аникин сделал и

Свидетельство об установлении отцовства. Как всегда, у взрослых было много работы, старший брат опекал маленького, ездил с продуктами и к дедушке Володе. **После** смерти В.А. Беликова и **получения Н.В. Лукиной наследства** отца, вступили в кооператив «Южный» у метро «Каховская», и уже весной 1971 года **переехали в новую 3-х комнатную квартиру** в доме № 4 на Азовской улице. Выплачивать ссуду за жилье пришлось 15 лет, в течение которых **семья** просто **бедствовала**. В 1974 году Нина Владимировна **стала кандидатом геолого-минералогических наук**, но это не сильно увеличило ее оклад. Если бы не экспедиционные заработки, платить за квартиру было бы нечем. **В экспедиции ездили по очереди**, чтобы не оставлять детей одних. В некоторые поездки брали по одному из мальчиков с собой.

Сергей Александрович Лукин (XXIV-9) после школы **стал студентом** Постановочного факультета **Школы-студии МХАТ** имени Вл. И. Немировича-Данченко. В 19 лет он **женился на** окончившей медицинские курсы **Татьяне Николаевне**, родом из Дудинки. Пока родители Татьяны присыпали деньги, молодые снимали комнату, но потом переехали домой. **16 июля 1977 года** у Сережи с Таней **родился сын Константин Сергеевич Лукин** (XXV-8). Татьяна не работала, т. к. кормила малыша. Сергей к стипендии подрабатывал гроши. Забота о молодой семье легла на плечи старой. Михаил Федорович, не выдержав, решил жить на свою зарплату один. Итогом стал **развод Н.В. Лукиной с М.Ф. Аникиным**, который произошел **12 июля 1978 года**. Квартира превратилась в «коммуналку», где проживало теперь три семьи. После тяжелейших испытаний в течение нескольких лет для всех взрослых и детей и неимоверных материальных затрат Нине Владимировне все-таки **удалось решить квартирный вопрос**. Семье Сергея была выхлопотана и куплена (тогда еще не за полную стоимость) освободившаяся в кооперативе квартира на 1-ом этаже соседнего дома, а Михаил Федорович переехал в комнату в небольшой квартире у метро Бауманская. Деньгами по на нескольких каналах могла София Владимировна и родители Татьяны. Казалось, теперь жизнь у всех могла бы наладиться, но 2 июня 1981 года **Михаил Федорович трагически погиб** в экспедиции, когда Нина Владимировна с сыном Алексеем уже вылетела в поле на Алтай. После окончания Школы-студии МХАТ **С.А. Лукин** стал работать в **Театре Советской Армии**, где отслужил и воинскую повинность. На гастролях на Урале он увлекся очень красивой актрисой труппы и, вернувшись в Москву, **развелся с женой Т.Н. Лукиной**. В 1984 году Сергей Александрович **оформил брак с Натальей Владимировной Рудной** (рожд. 10 ноября 1942 года), известной интересной актрисой театра и кино. Вот уже почти 28 лет, как они вместе. За это время С.А.Лукин **поставил ряд спектаклей** на периферии и в Москве; очень много **занимался графикой и живописью**, как профессиональный художник; **побывал один и с женой во многих странах**, где много фотографировал; в настоящее время **работает, как оператор** на нескольких каналах **Центрального телевидения**. Его жена **Наталья Владимировна Рудная** за многие годы сыграла в Театре Советской Армии много ролей, снималась в кино, в том числе и в главных ролях.

После гибели М.Ф. Аникина **Н.В. Лукина** в течение 8-ми лет ездила в **экспедиции с сыном Алексеем** и в каникулы тоже старалась его куда-нибудь обязательно увезти. Алтай, Саяны, Тува, Монголия, Прибайкалье и Забайкалье – вот районы их экспедиционных работ. Причем последний год, перед уходом Алексея в Армию, работали вдвоем без отряда. Плес, Смоленск, Юрмала и многие другие – места их кратковременного отдыха.

Алексей Михайлович Аникин (XXIV-10), **отслужил Армию шофером** в районе Находки, т. к. водительские права он получил, еще учась в средней школе. Нина Владимировна летала туда на Совещание и виделась с сыном. В 1989 году А.М. Аникин вернулся домой, проехав на поезде через всю страну. **В Москве он стал работать шофером** сначала на грузовых, а потом на легковых машинах и в такси. Со временем он сменил несколько фирм, начиная с Интуриста, когда ездил сопровождающим в Грецию, и заканчивая военной организацией информационных технологий, в которой работает в настоящее время.

3 августа 1996 года А.М. Аникин оформил официальный брак с Натальей Анатольевной Труновой в красивом ЗАГСе и, после прогулки по Москве, сыграли свадьбу в ресторане, где было много гостей. **Наталья Анатольевна взяла фамилию Аникина** [1]. 20 декабря 1996 года у молодоженов **родился сын Никита Алексеевич Аникин** (XXV-9), а 16 ноября 2003 года второй сын – **Матвей Алексеевич Аникин** (XXV-10).

* * *

Сын Н.Ю. Герман-Зубовой и В.К. Германа **Владимир Владимирович Герман** до конца дней *работал шофером* в Таксомоторном парке. К счастью, большой отдушиной для него был Кружок Художественной самодеятельности, в котором он много лет занимался и часто *выступал в концертах*, совершенно блестяще *исполнял романсы и популярные арии* из известных опер. Его врожденная музыкальность и красивый баритон нравились слушателям. Племянница Нина всегда с удовольствием слушала пение дяди, и с тех пор баритональный репертуар у нее «на слуху». **Марина Викторовна** работала в *Доме Художественного воспитания детей* с хором Соколова. Она устроила племянницу Нину Беликову в хореографический кружок, и она в 5-6 классах с большим удовольствием занималась там классическим балетом [1].

Дочка Владимира Владимировича и Марины Викторовны **Наталья Владимировна Герман** (ХХIII-9) пошла в первый класс в 1947 году и, из-за близости адресов, училась в той же 29-ой школе, что и двоюродная сестра Нина. После школы она поступила в Строительный институт Моссовета, который закончила в 1959 году. 26 декабря 1959 года она *вышла замуж за филолога Георгия Сергеевича Питерцева* (1935-2004) и взяла его фамилию. После замужества дочери Владимир Владимирович и Марина Викторовна **Германы** переехали в квартиру на улице Щукина и, когда летом 1961 года дом расселяли, *получили хорошую комнату* с балконом в районе Мосфильма [52]. Наталья Владимировна переехала с Кропоткинской улицы на Кутузовский проспект, поближе к родителям мужа. Она работала в Экспертном отделе Главзарубежстроя Министерства промышленного строительства СССР и ездила в командировки в Монголию с экспертными оценками тамошнего промышленного строительства [52].

18 сентября 1961 года у супругов **Питерцевых** родилась *дочь Елена Георгиевна* (ХХIV-8). После школы **Лена** училась в Медицинском училище, *получила специальность медсестры*, работала по специальности. В начале 1990-ых годов **Елена Георгиевна вышла замуж за** студента Медицинского института **Петра Владимировича Муравьева**, от которого 20 июня 1994 года родила *дочь Марью Петровну Муравьеву* (ХХV-6). Елена Георгиевна поступила в Вечерний экономический институт, закончила его, и теперь она *экономист*. В 2012 году Мария должна окончить среднюю школу [52].

Марина Викторовна Герман скончалась 28 июня 2000 года [52]. Ее прах похоронен рядом с мужем и его родителями на Даниловском кладбище [1].

Второй раз Елена Георгиевна вышла замуж в 2001 году за Сергея Белова и сейчас носит его фамилию. От брака с Сергеем Беловым 22 июня 2003 года родилась *дочка Василиса Сергеевна Белова* (ХХV-7) [52].

Почти ровесники **Никита Алексеевич Аниkin и Мария Петровна Муравьева** и погодки **Матвей Аниkin и Василиса Белова – являются четвероюродными кузенами и кузинами** одной большой ветви потомков Нины Юльевны Герман-Зубовой и Владимира Казимировича Германа. Дай Бог им долгую счастливую жизнь!

* * *

Нина Владимировна Лукина в 2010 году, получив инвалидность 3-ей группы, *вышла на пенсию*. За свою жизнь она побывала в 38 экспедициях (24 раза как начальник отряда) в горных районах бывшего СССР от Карпат до Камчатки, недолго работала в Монголии и Китае. Она участник 15 международных конгрессов и симпозиумов и 35-ти всесоюзных и всероссийских конференций и совещаний с интересными экскурсиями, имеет порядка 200 научных трудов. После 40 лет работы в геологии, она 12 лет была секретарем Ученого Совета и менеджером учебного ВУЗа (Московского института международных экономических отношений). Работая там, смогла позволить себе туристические поездки за границу, побывала в Чехии, Финляндии, Греции, Италии, Испании, Франции.

В 1995 году Н.В. Лукина открыла для себя семейный архив ее бабушки Нины Юльевны Зубовой (с 1907 года Герман-Зубовой), хранившийся в комнате мамы. Архив состоял из

нескольких тысяч писем предков, их родных и знакомых, огромного количества старинных фотографий, заполнивших большой берестяной короб, и пачек всевозможных документов. С тех пор началось изучение Ниной Владимировной истории своих предков – вологодских дворян Зубовых (с XIII века), а также их родственных и дружеских связей с представителями известных фамилий, включая свойство с Александром Сергеевичем Пушкиным. Н.В. Лукина неоднократно выступала с докладами в Государственных музеях-заповедниках А.С.Пушкина «Михайловское» и Большие Вязёмы, в Московском Доме национальностей, в Обществе изучения русской усадьбы, в Российском институте истории искусств в Санкт-Петербурге, в Вологодской областной библиотеке имени Бабушкина, в Вологодских – музее-заповеднике и музеях Батюшкова и Дипломатического корпуса, в гор. Кадниково и пос. Погорелово на Вологодчине. Ей было организовано несколько выставок: работ художницы Елизаветы Юльевны Зубовой (в Вологде и Кадниково), о композиторах и музыкантах Зубовых (в Санкт-Петербурге и Вологде), о композиторе Николае Владимировиче Зубове (неоднократно в Москве, Вологде, Череповце), о Петре Юльевиче Зубове (в Вологде). Список трудов Н.В.Лукиной о предках Зубовых содержит 76 статей и заметок (55 из них опубликованы) и 9 больших книг самостоятельного компьютерного набора, выпущенных в нескольких экземплярах для разных музеев, архивов и родных. (См. прилагаемый список.)

Особое место в деятельности Н.В. Лукиной за последние 17 лет заняла популяризация творчества пяти композиторов Зубовых из трех поколений этого рода, преимущественно, романсов и фортепианных сочинений. В 2011 году Н.В. Лукина передала в Вологодскую областную библиотеку два тома этого наследия - 555 страниц нотного текста. Туда вошли сочинения Михаила Алексеевича, Михаила Михайловича и Михаила Юльевича Зубовых из семейного архива бабушки Н.Ю. Герман-Зубовой, а также собранные Н.В. Лукиной в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга 75 романсов и 17 фортепианных произведений Николая Владимировича Зубова и оратория Георгия Николаевича Зубова на слова С. Тузулукова «Трехсотлетний светоч России». Н.В. Лукина – автор сценария спектакля «Николай Зубов и Анастасия Вяльцева. История любви», показанного в Вологде и на родине Несравненной певицы. Также она участник (с рассказом о предках-композиторах и экспозицией о них), 48 концертов, где исполнялись романсы и фортепианные сочинения Зубовых. (См. прилагаемый список.). Выступала Н.В. Лукина на каналах Всесоюзного и местного радио, а также на Вологодском телевидении и в передаче «Романтика романса» канала «Культура» Центрального ТВ. Есть и газетные публикации.

Коллекция Н.В. Лукиной аудиозаписей романсов и фортепианных произведений композиторов Зубовых собрана ее троюродным братом, Римаром Владимировичем Зубовым, на один компакт-диск, содержащий 150 номеров, исполненных более чем двумя десятками вокалистов и музыкантов.

В сайте Вологодской областной библиотеки «Дворянские усадьбы» есть раздел «Зубовы. Усадьбы. Альбом. Музыка». Этот сайт совершенствуется и пополняется.

В результате выходят на связь с автором книги потомки Зубовых и их дальних родных, что позволяет расширить генеалогическое древо рода и дополнить сведения исторической давности.

Источники:

К главе VIII (с учетом источников к главам I - VII).

52. По сведениям Натальи Владимировны Питерцевой (рожденной Герман).
53. Письма Нины Беликовой к бабушке Нине Юльевне Герман-Зубовой.
54. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями артистов МХАТа СССР имени М. Горького // Газета «Вечерняя Москва», 28 октября 1948 г.
55. Извлечение из «Положения о медали «За трудовое отличие» // Удостоверение к медали (из семейного архива автора).

Приложение.

Публикации Нины Владимировны Лукиной (1) и рукописные работы (1) о предках Зубовых и их родственных и дружеских связях

1. Лукина Н.В. Первая публикация. **Новый документ об имени Вревских Голубово.** // Журнал «Лукоморье». I. Под редакцией Михаила Богустова. Рига, 1995. С. 75-80.
2. Лукина Н.В. **Новый документ об имени Вревских Голубово** // Усадьба в русской культуре XIX - начала XX веков (Мат. научн. конф. 22-24 ноября 1994 г. Пушкинские горы). М.: МЦНТИ, 1996. С. 11-17.
3. **Год Зубовых.** Н.В. Лукина, представительница рода Зубовых. Г. Москва // Газета «Русский Север». 25 марта 1997 г.
4. Нина Лукина. **Михаил Михайлович Зубов, автор четырех опер на сюжеты А.С. Пушкина** // «Лукоморье». Рижский журнал русской интеллигенции. Riga, 3/1997. С. 35-40.
5. Лукина Н.В. Михаил Алексеевич Зубов - один из представителей вологодского дворянства // Доклад на конференции, посвященной художнику Платону Тюрину. Вологда, май 1997 г.
6. Нина Лукина. **Экспедиция в прошлое** // Мой родной Вологодский район. Вологда, 2009. С. 66-91.
7. Лукина Н.В. **Судебная реформа 1860-ы годов и парадокс одной дворянской фамилии** // «Псков». Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 7/1997. С. 78-85.
8. **«Тригорское» открыто для посетителей** // «Независимая газета», 4 июля 1998 г., № 119 (1690). С. 8.
9. Лукина Н.В.. Петр Юльевич Зубов и дипломатический корпус в 1918 г. // Доклад на Международной конференции в Музее Дипломатического корпуса. Вологда, 25 июня 1998 г.
10. Лукина Н.В. **Голубовские хранители реликвий А.С. Пушкина** // «Псков». Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Специальный выпуск, посвященный 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. 9/1998. С. 106-116.
11. Лукина Н.В. **Пушкинское наследие и усадьба XIX века (некоторые примеры)** // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Документы. Материалы. Исследования. Пушкинская конференция 1997 г. Большие Вязёмы, 1998. С. 55-68.
12. Лукина Н.В. **Семья Евфимии Борисовны Вревской (в замужестве Зубовой) во второй половине XIX - начале XX веков** // Михайловская пушкиниана. Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Вып. 2. М.: МЦНТИ, 1999. С. 106-130.
13. Лукина Н.В. **Пушкинское наследие и усадьба XIX века (Кузнецово Зубовых)** // Там же. Вып. 5. М.: МЦНТИ, 1999. С. 117-132.
14. Лукина Н.В. История без грима. **Чар твоих мне не сбросить оковы...** Вечер памяти композитора Н.В. Зубова // «Русский романс», № 7, 1999 г. Изд. Клуба любителей русского и цыганского романсов «ИЗУМРУД» Центрального Дома ученых РАН. С. 6-12.
15. Д.А. Вульф, П.Ф. Космolinский, Н.В. Лукина. **О гербах Вульфов и Вревских** // Михайловская пушкиниана. Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Вып. 6. М.: МЦНТИ, 2000. С. 105-112.
16. Лукина Н.В. **Сей напиток благородный (жжёнка Зизи)** // Там же. С. 120-124.
17. Лукина Н.В. **Какие деревья сажал Пушкин в Голубово** // Там же С. 129-132.
18. Лукина Н.В., Мальгинов А.Н., Путникова Л.Г. // **Уникальный чугунный бюст А.С. Пушкина 1899 года в Кадниковском районном историческом музее (Вологодская область)** // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Материалы IV Пушкинской конференции 1999 г. Большие Вязёмы, 2000. С. 251-258. Постскриптум. С. 169-170.
19. Лукина Н.В. **К истории театра в городе Каднике** // Деп. № РИИ-1302144, 2000 г.
20. Лукина Н.В. **Зубов Михаил Юльевич (1877-1943). Композитор, пианист, педагог** // Деп. № РИИ-1302160, 2000 г.
21. Лукина Н.В. **Зубова Мария Юльевна (1875-1971). Драматург, писательница и Поэтесса** // Деп. № РИИ-1302173, 2000 г.

22. Лукина Н.В. **Зубовы и Пушкин** // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Материалы V Пушкинской конференции 14-15 октября 2000 г. Большие Вязёмы, 2001. С. 129-142.
23. Лукина Н.В. **Порозово и Заломанха - вологодские усадьбы М.А. и М.М. Зубовых** // Материалы по истории Вологодского дворянства. Сборник научных трудов / Отв. редактор С.А. Тихомиров. Вологда: «Книжное наследие», 2001. С. 28-39.
24. Лукина Н.В. **Кузнецово - усадьба дворян Зубовых в Кадниковском уезде** // Там же. С. 40-57.
25. Лукина Н.В. **Усадьба Зубовых Кузнецово Вологодской губернии** // «Русская усадьба». Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 7 (23). М., Изд-во «Жираф». 2001. С. 434-449.
26. Лукина Н.В. **Зубов Владимир Юльевич (1865-1932)** // Деп. № D III-1302180, 2001 г.
27. Лукина Н.В. Вревские // В энциклопедию «Пушкин и Михайловское», 2001 г.
28. Лукина Н.В. Вревская церковно-приходская школа // Там же, 2001 г.
29. **Вульф Николай Иванович** (Н.В. Лукина) // Михайловская пушкиниана. Вып. 13. Пушкинская михайловская энциклопедия (материалы). Михайловское. Тригорское. М., «Вербум-М», 2001. С. 146.
30. Герб рода **Вульф** (Д.А. Вульф, П.Ф. Космолинский, Н.В. Лукина) // Там же. С. 147-148.
31. **Жженка** (Н.В. Лукина) // Там же. С. 151-152.
32. Ковшик (Н.В. Лукина) // В энциклопедию «Пушкин и Михайловское». 2001 г.
33. Лукина Н.В. Дворяне Зубовы в Кадниковском уезде. Доклад на Краеведческой конференции «Кадниковский уезд - родина пяти районов. Вологда - Сокол - Кадников», 2001 г.
34. Лукина Н.В. **Певец любви** // Газета «Москвичка», № 1 (413), 2001 г.
35. Лукина Н.В. **Век шедевру не возраст** // Там же, № 39 (452), 2001 г.
36. Лукина Н.В. **Это было недавно..., это было давно...** Юбилей романса. Композитор Николай Владимирович Зубов. К 100-летию самого популярного романса «Побудь со мной!» // «Русский романсе». № 25. 2001 г. Изд. Клуба любителей русского и цыганского романсов «ИЗУМРУД» Центрального Дома ученых РАН. С. 12-15.
37. Лукина Н.В. **Столетие шедевра русского романса** // Газета «Президент», 5-15 ноября 2001 г.
38. Лукина Н.В. **Мир детей одной из дворянских семей Вологодчины** // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Материалы VI Пушкинской конференции 13-14 октября 2001 г. Большие Вязёмы, 2002. С. 161-172.
39. Составитель Н.В. Лукина. **Фрагмент родословного дерева Зубовых и свойство Зубовых с А.С. Пушкиным** // Там же. С. 173-174.
40. Лукина Н.В. **Юный Пушкин и юноши Зубовы. Некоторые параллели** // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы IX Голицынских чтений 26-27 января 2002 г. Большие Вязёмы, 2002. С. 303-310.
41. Лукина Н.В. Недович (род. Зубова) Елизавета Юльевна (31.01.1867-?03.1926). Доклад на выставках в Вологодском музее «Мир забытых вещей» и в Кадниковском районном историческом музее. 2002 г.
42. Лукина Н.В. **Выставка Елизавета Юльевна Недович (род. Зубова) (1867-1926). «Душа живет извечно...».** (Букл.) Вологда, 2002.
43. Лукина Н.В., Путникова Л.Г. «**Душа живет извечно...**» // Газета «Сокольская правда», 16 ноября 2002 г.
44. Касьяненко Т.В., Лукина Н.В. «**Душа живет извечно...».** Выставка Елизаветы Юльевны Недович (род. Зубова 1867-1926) в Вологодском музее «Мир забытых вещей» // «Хронограф». Информационно-искусствоведческий журнал. Вологда, 2002. С. 86-91.
45. Лукина Н.В. Кадниковский театр Юлия Михайловича Зубова (конец XIX- начало XX века) // В альманах «Кадников». 2003 г.
46. **Вульф Николай Иванович** (Н.В. Лукина) // Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3 т. с. Михайловское - М., 2003. Том I. Михайловское: Тригорское; Святогорский монастырь; Святые горы; Заповедник - Персонажи (1922-2002. Ч. I). С. 156-157.
47. Герб рода **Вульф** (Д.А. Вульф, П.Ф. Космолинский, Н.В. Лукина) // Там же. С. 158.
48. **Жжёнка** (Н.В.Лукина) // Там же. С. 162-163.

49. Лукина Н.В. **Дворянская семья Зубовых в усадебной культуре русской провинции** // «Русская усадьба». Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 9 (25). М., Изд-во «Жираф». 2003. С. 316-333.
50. Лукина Н.В. Зубовы. Город Вологда: Зубов Сергей Алексеевич, Зубов Павел Алексеевич, Зубова Аделаида Алексеевна, Зубов Петр Алексеевич, Зубова Евфимия Борисовна, Зубова Прасковья Петровна, Зубов Михаил Алексеевич, Зубов Николай Михайлович, Зубов Георгий Николаевич, Зубов Михаил Михайлович, Зубов Эраст Михайлович. Сокольский район: Зубов Юлий Михайлович, Зубов Владимир Юрьевич, Недович Елизавета Юрьевна, Недович Дмитрий Саввич, Зубов Петр Юрьевич, Герман-Зубова Нина Юрьевна, Зубова Мария Юрьевна, Зубов Михаил Юрьевич. Зубова-Моор Любовь Юрьевна, Зубов Николай Владимирович, Алексей Андреевич Семенов // В справочник «Вологодская область от «А» до «Я». 2003 г.
51. Лукина Н.В. Последний предводитель дворянства Кадниковского уезда Юлий Михайлович Зубов // В Кадниковский районный музей. 2004 г.
52. Лукина Н.В., Мальгинов А.Н., Путникова Л.Г. // **Уникальный чугунный бюст А.С. Пушкина 1857 года в Кадниковском районном историческом музее (Вологодская область)** // Михайловская пушкиниана. Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Вып. 32. М.: МЦНТИ, 2004. С. 64-72
53. Лукина Н.В. Знакомый А.С. Пушкина Зубов Павел Алексеевич // В Кадниковский районный музей 2005 г.
54. Лукина Н.В. Зубов Михаил Алексеевич // В Вологодскую энциклопедию. 2003 г.
55. Лукина Н.В. Зубов Михаил Юрьевич // Там же.
56. Лукина Н.В. Зубов Николай Владимирович // Там же.
57. Лукина Н.В. Семенов Алексей Андреевич // Там же.
58. **Зубов Владимир Юрьевич**. Лукина Н.В. // Вологодская энциклопедия. Вологда: «Русь», 2006. С. 216.
59. **Зубов Михаил Михайлович**. Лукина Н.В. // Там же. С. 217.
60. **Зубов Петр Алексеевич**. Лукина Н.В. // Там же. С. 217.
61. **Зубов Петр Юрьевич**. Лукина Н.В. // Там же. С. 217.
62. **Зубов Юлий Михайлович**. Лукина Н.В. // Там же. С. 217.
63. **Зубовы**. Лукина Н.В. // Там же. С. 218.
64. Нина Лукина. **Я из дворянского рода Зубовых** // Газета «Русский Север», 25 марта 2006 г.
65. Лукина Н.В. **Князь Александр Борисович Куракин (II) и бароны Вревские** // Куракинские чтения. М.: Московский Дом национальностей, 2006. С. 73-105.
66. Лукина Н.В. Вологжанин Юлий Михайлович Зубов в увлечениях воздухоплаванием и самолетостроением в конце XIX – начале XX веков. 2006 г.
67. **Лукина Нина Владимировна** // Вологодское землячество в Москве. Вологда, НП «Фест», 2007. С.149.
68. Лукина Н.В. Роль Священного Синода в организации церковно-приходской школы во Вреве. 2007 г.
69. Лукина Н.В. Загадка старинных нот из вологодской семьи Зубовых. 2007 г.
70. Лукина Н.В. **Внучка А.Б. Куракина Евфимия Борисовна Вревская** // Куракинские чтения. М.: Московский Дом национальностей, 2008. С. 70-85.
71. Лукина Н.В. К 100-летию проекта водного пути от Вологды до Петербурга и Семипалатинска. 2008 г.
72. Лукина Н.В. Имение Вревских Голубово – наследие князя Александра Борисовича Куракина // Доклад в Московском Доме национальностей 16 октября 2008 г.
73. Лукина Н.В. **Две ветви рода вологодских дворян Зубовых** // В помощь библиотекам. Информационно-методический бюллетень. 32. Из истории усадебной культуры Вологодской области. Эколого-краеведческие чтения 2007-2008 гг. Вологда: «Книжное наследие», 2008. С. 78-92.
74. Лукина Н.В. А.С. Пушкин – гость имения Вревских Голубово // Троицкие чтения. Мат. Троицких чтений 2009 г. А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Мат. XIV Пушкинской конференции 4 октября 2009 г. М.: «Мелихово», 2011. С. 48-55.

75. Лукина Н.В. Ю.М. Зубов – последний предводитель дворянства Кадниковского уезда // Доклад на краеведческих чтениях «Исторические судьбы и общественное служение: дворянский род Зубовых в конце XIX – начале XX веков», посвященных 170-летию со дня рождения Юлия Михайловича Зубова. Кадниково, 16 октября 2009 г.
76. **Парадокс дворянской фамилии.** Совместный проект журнала «Русский Север» и Вологодского землячества в Москве // Вологодский областной журнал «Русский Север», номер 5/2010. Земляки. С. 44-47.

Книги самостоятельного компьютерного набора:

77. Лукина Н.В. **Зубовы и Пушкин.** М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2000 г.
78. Лукина Н.В. **Николай Зубов и Анастасия Вяльцева. История любви.** М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2000 г.
79. Лукина Н.В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч. I. М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2005.
80. Лукина Н.В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч II, кн. I. М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2006.
81. Лукина Н.В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч II, кн. II. М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2007.
82. Лукина Н.В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч II, кн. III. М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2008.
83. Лукина Н. В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч II, кн. IV. Михаил Юльевич Зубов (К 65-летию со дня смерти). М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2009.
84. Лукина Н.В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч III. Родственные и дружеские связи с представителями известных вологодских фамилий. Кн. I. 1. Лукина Н.В. **Зубовы, Межаковы, Данилевские, Брянчаниновы.** 2. Коробенкова О.В., Лукина Н.В. **Зубовы, Ухтомские, Макшеевы** (Документальная повесть). М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2009.
85. Лукина Н.В. **Вологодские дворяне Зубовы.** Ч III. Родственные и дружеские связи с представителями известных вологодских фамилий. Кн. II. 1. Лукина Н.В. **Зубовы и Верещагины.** 2. Лукина Н.В. **Зубовы, Окуловы, Волконские и Степановские.** М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2010.
86. Лукина Н.В. **Николай Зубов и Анастасия Вяльцева. История любви. Романсы Н.Зубова, посвященные А. Вяльцевой.** М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2010.

Концерты музыки Зубовых с участием Н. В. Лукиной

- 1) 1996 г. 21 августа. «**Интимный романс Николая Зубова**». Пушкинские Горы. Научно-культурный центр Музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Ведущая Н.В. Лукина. Ольга Храмцова - вокал, Марина Архангельская ф-но.
- 2) 1996 г. ? ноября. «**Музыка в доме Зубовых**». Вологда. Дом-музей К. Батюшкова. Ведущая Елена Никитина (вокал, гитара). Н.В. Лукина – интервью.
- 3) 1997 г. 13 февраля. «**Музыка в семье Зубовых**». Вологда. Музей «Мир забытых вещей» Открытие Музыкальной гостиной. Ведущая Н.В.Лукина. Елена Никитина, Алина Панчук, засл. арт. России Татьяна Скрипникова - вокал; Елена Никитина - гитара, ф-но.
- 4) 1997 г. 13 февраля. Радиозапись рассказа Н.В. Лукиной о **Николае Зубове** на Вологодском радио (интервью с журналисткой Орловой). Телерепортаж об открытии музыкальной гостиной Вологодского областного TV (Н.В. Лукина – текст, Елена Никитина – вокал, гитара).
- 5) 1997 г. 14 февраля. «**Поговорим о любви**». Вологда. Дом-музей народного быта. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, гитара.
- 6) 1997 г. 14 февраля. «**Поговорим о любви**». Вологда. Прямой эфир Митрошкиной с Н.В. Лукиной на Вологодском радио.

- 7) 1997 г. 15 февраля. «**Побудь со мной!**». Вологда. Областная картинная галерея (Дом Шаламова). Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, гитара, ф-но.
- 8) 1997 г. 16 февраля. «**Не уходи, побудь со мною...**». Вологда. Областная картинная галерея (Дом Шаламова). Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина, Алина Панчук, засл. арт. России Татьяна Скрипникова - вокал, засл. арт. России Геннадий Соболев - ф-но.
- 9) 1997 г. ? марта. «**Музыка XIX века**». Вечер памяти композиторов и исполнителей Серебряного века (Дюбюк, Николай Зубов, Фомин, Варя Панина). Москва. Дом архитектора. Ведущий – президент Клуба старинного романса «Хризантемы», засл. арт. России Анатолий Титов. Ольга Храмцова - вокал, Ольга Стрельцова - ф-но.
- 10) 1997 г. 22 октября. «**Концерт романсов Николая Зубова**». Москва. Центральный Дом Ученых. Ведущий – президент клуба любителей русского и цыганского романсов «Изумруд» Надир Ширинский. Ольга Храмцова – вокал, Вячеслав Смирнов – ф-но.
- 11) 1997 г. 26 октября. «**Романсы Николая Зубова**». Череповец. Дом-музей Верещагиных. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, гитара, ф-но.
- 12) 1997 г. 30 октября. «**Под чарующей лаской...**». Москва. Зал Марьинорощинского отделения Сбербанка России. Ведущая Н.В. Лукина. Ольга Храмцова - вокал, Вячеслав Смирнов – ф-но.
- 13) 1997 г. 20 ноября. «**Не уходи, побудь со мною...**». Москва. Зал «Салон искусств» (бывшая гостинная Зинаиды Волконской). Ведущий Андрей Никаноров. Н.В.Лукина - текст, Ольга Храмцова - вокал, Вячеслав Смирнов - ф-но.
- 14) 1998 г. 26 февраля. «**Не уходи, побудь со мною...**». Москва. Центральный Дом Журналиста. Ведущий Андрей Никаноров. Ольга Храмцова – вокал, Вячеслав Смирнов - ф-но.
- 15) 1998 г. 3 мая. «**Композитор Николай Зубов**». Прямой эфир на радио «Говорит Москва». Ведущий Надир Ширинский. Вокал - Варя Панина, Анастасия Вяльцева, Николай Северский, Саша Давыдов (из коллекции Надира Ширинского).
- 16) 1998 г. 26 мая. «**Композитор Николай Зубов**». Прямой эфир на радио «Говорит Москва». Ведущий Надир Ширинский. Вокал - Стингилла Иртлач, Эльмира Жерздева, Надир Ширинский (из коллекции Надира Ширинского).
- 17) 1998 г. 4 июня. «**Композиторы рода Зубовых**». Череповец. Краеведческий музей и Картичная галерея. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, гитара, ф-но.
- 18) 1998 г. 30 октября. «**Вечер памяти Анастасии Вяльцевой**». Москва. Центральный Дом Ученых. Ведущий Надир Ширинский. Римма Волкова - вокал.
- 19) 1998 г. 31 октября. «**Вечер памяти Анастасии Вяльцевой**». Москва. Дом Хонжонкова. Ведущий Надир Ширинский. Римма Волкова - вокал.
- 20) 1999 г. 16 февраля. Анонс «Вечера памяти композитора Н.В. Зубова». Прямой эфир на радио «Говорит Москва». Ведущий Надир Ширинский.
- 21) 1999 г. 19 февраля. «**Вечер памяти композитора Н.В. Зубова**». К 100-летию создания знаменитого романса «Под чарующей лаской твою...». Москва. Центральный Дом Ученых. Ведущий Надир Ширинский. Вокал – Любовь Исаева. Елена Никитина. Надежда Тишинникова, Надир Ширинский, Сергей Степин, Галина Улетова, Эльмира Жерздева. Наталья Жеребченко – ф-но, Владимир Маркушевич – гитара.
- 22) 1999 г. ? февраля. «**К 100-летию романса Н.В. Зубова «Под чарующей лаской...**». Москва. Прямой эфир «Народное радио». Ведущий Кораблев. Елена Никитина и др. - вокал.

- 23) 1999 г. 16 октября. «**Романсы Николая Зубова**». Москва. ВВЦ, павильон «Культура». Выставка «Деловая женщина: творчество и бизнес». Стенд: «Нина Лукина. Наука и наследие предков». Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, гитара, Наталья Жеребченко – ф-но.
- 24) 1999 г. 17 октября. «**Музыка Зубовых**». Москва. ВВЦ (там же и те же).
- 25) 1999 г. 2 декабря. «**Музыка Зубовых**» Москва. Дворянское собрание. Ведущая Н.В.Лукина. Елена Никитина - вокал, Наталья Жеребченко – ф-но.
- 26) 2000 г. 18 февраля. «**Музыка Зубовых**». Вологда. Дом-музей К. Батюшкова. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, Андрей Катичев – ф-но.
- 27) 2000 г. 19 февраля. «**Музыка Зубовых**». Вологда. Дворянское собрание. Ведущая Н.В.Лукина. Елена Никитина - вокал, Андрей Катичев - ф-но.
- 28) 2000 г. 20 февраля. «**Николай Зубов и Анастасия Вяльцева. История любви**». Вологда. Дворец культуры Подшипникового завода. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина – вокал, гитара. Андрей Катичев - ф-но. ансамбль бального танца «Студия-М» Елены Марчук.
- 29) 2001 г. 17 марта. «**Вечер романсов «Анастасия Вяльцева – Николай Зубов: История любви**». Гор. Навля Брянской области. Дворец культуры. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина - вокал, Андрей Катичев - ф-но.
- 30) 2001 г. 18 марта. Концерт «Анастасия Вяльцева – Николай Зубов: История любви». Пос. Алтухово (родина А. Вяльцевой) Брянской области. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина - вокал, Андрей Катичев - ф-но.
- 31) 2001 г. 21 марта. «**Композиторы Зубовы**». Гор. Кадников Вологодской области. Н.В. Лукина - доклад, Елена Никитина – вокал, гитара.
- 32) 2001 г. 26 мая Анонс концерта «К 100-летию создания романса «Не уходи, побудь со мною...». «На крылечке». Прямой эфир «Народное радио». Ведущий Кораблев. Елена Никитина и др. – вокал.
- 33) 2001 г. 29 мая. «**К 100-летию создания знаменитого романса «Не уходи, побудь со мною...**» Вечер памяти композитора Николая Зубова». Москва. Конференц-зал Российской государственной библиотеки. Ведущий Надир Ширинский. Светлана Белоклокова – вокал, Наталья Коршунова - ф-но.
- 34) 2001 г. 24 октября. «**К 100-летию создания романса «Побудь со мной!**» Памяти композитора Николая Владимиоровича Зубова». Москва. Центральный Дом ученых. Ведущий – Надир Ширинский. Светлана Белоклокова – вокал, Наталья Коршунова – ф-но.
- 35) 2001 г. 27 октября. «**К 100-летию создания романса «Побудь со мной!**» Памяти композитора Николая Владимиоровича Зубова». Гор. Лыткарино Московской области. Ведущий – Надир Ширинский. Светлана Белоклокова - вокал, Наталья Коршунова – ф-но.
- 36) 2001 г. 22 декабря. «**Побудь со мной...**». Гор. Навля Брянской области. Дворец культуры. Ведущая - директор Навлинского музея партизанской славы Тамара Слуцкая. Н.В. Лукина - текст, Елена Никитина - вокал, Андрей Катичев - ф-но.
- 37) 2002 г. ? октября. Концерт романсов композиторов Зубовых на закрытии выставки «Душа живет извечно...» художницы Е.Ю. Недович (рожд. Зубовой). Гор. Кадников Вологодской области. Ведущая Н.В. Лукина. Елена Никитина - вокал, гитара.
- 38) 2002 г. 24 ноября. Телепередача о Николае Зубове в программе «Романтика романса» на канале «Культура» (запись 27.09.2002). Ведущий – засл. арт. России Леонид Серебрянников. Н.В. Лукина – текст, Елена Никитина, Ольга Храмцова, Олег Погудин - вокал.
- 39) 2002 г. ? декабря. Презентация видеофильма Надира Ширинского «**Несравненная Анастасия**». Москва. Дом Нащокина. Ведущий Надир Ширинский. Н.В. Лукина и Тамара Слуцкая – текст, Светлана Белоклокова – вокал.

- 40) 2003 г. ? января. **Презентация видеофильма** Надира Ширинского «**Несравненная Анастасия**». Москва. Светлана Белоклокова – вокал.
- 41) 2008 г. ? октября. **Концерт романсов** Николая Зубова на конференции в Погорелово Вологодского района. Н.В. Лукина - доклад «Две ветви рода вологодских дворян Зубовых», Елена Никитина – вокал, гитара).
- 42) 2008 г. ? октября. **Концерт** фортепьянных произведений Николая Зубова. Вологда. Музей «Мир забытых вещей». Ведущая - директор музея Татьяна Владимировна Касьяненко. Н.В. Лукина – текст, засл. арт. России Е.Н. Распутько – ф-но.
- 43) 2010 г. 19-21.02. III Межрегиональный фестиваль-конкурс исполнителей романсов «Классические розы» имени Игоря Северянина. Череповец. Дом знаний. Н.В. Лукина «**Выставка «Композиторы Зубовы»**», текст и вручение личных призов. Романсы Н.В. Зубова: Инь Янь Джувань - «Побудь со мной!», Елена Ермакова - «Уходи», Галина Жукова - «Я тебя бесконечно люблю», Хробостова Надежда и Людмила Зайцева - «Побудь со мной!», Андрей Молодов - «Я гляжу на тебя». Романсы М.Ю. Зубова: Анна Любарская – «Это только в жасмин...» на слова И. Северянина.
- 44) 2011 г. 18 марта. «**Вологодские композиторы Зубовы**». Вологда. **Выставка** Н.В. Лукиной «Композиторы Зубовы». **Презентация** 2-х томов: «Романсы и фортепьянные произведения композиторов Зубовых», 555 с. **Концерт:** аудиозапись романсов Н.В. и М.Ю. Зубовых; романсы Н.В. Зубова - Гран-при конкурса А. Вяльцевой Елена Хорошина - вокал, фортепьянные произведения Н.В. Зубова - засл. арт. России Елена Николаевна Распутько. Вручение Н.В. Лукиной благодарственного письма от директора РМО «Краеведческий музей Сокольского района» М.Н. Давидчук и выступление мэра гор. Кадникова М.Г. Корзникова.
- 45) 2011 г. 20 марта. **Гала-концерт «Классические розы»** IV Межрегионального фестиваля-конкурса исполнителей романсов имени Игоря Северянина. Череповец. Н.В. Лукина - вручение личного приза за лучшее исполнение романса Николая Зубова Елизавете Кравцовой (Москва) и 3-х экз. книг «Зубовы и Верещагины» (для Дома-музея, Библиотеки им. В. Верещагина и Дома Знаний).
- 47) 2011 г. 29 апреля. **Концерт** Народной артистки России **Веры Добролюбовой**. Ярославль, Филармония. В программе 7 романсов Николая Зубова: «Ты загляделась на звезды», «Догадайтесь сами», «Не уходи, не покидай», «Опьянела», «Молчи!», «Под чарующей лаской твою», «Побудь со мной!» Н.В. Лукина - текст и вручение личного приза (портрета Н.В. Зубова).
- 48) 2011 г. 25 декабря. Запись в эфир на «Радио Подмосковья» передачи «**Зубов и Вяльцева**». Ведущий Надир Ширинский. Н.В. Лукина – текст. Елена Никитина, Анастасия Вяльцева – вокал (из коллекции Надира Ширинского).

Использованная литература и другие источники

1. Сведения из семейного архива Зубовых Н.В. Лукиной (Москва).
2. Лукина Н.В. Мир детей одной из дворянских семей Вологодчины // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Мат. VI Пушкинской конференции 2001 г. Большие Вяземы, 2002. С. 161-168, 171-172.
3. Письма Нины Юльевны и Михаила Юльевича Зубовых к родителям, мамы Софии Петровны, отца Юлия Михайловича и дяди Михаила Михайловича, а также братьев и сестер Зубовых, ее мужа В.К. Германа к Нине Юльевне (из семейного архива автора).
4. Ауэр Л. Моя школа игры на скрипке (Пер. с англ.). Л.: Изд-во «Тритон», 1929. 183 с.
5. Розанов А.С. Музикальный Павловск. Л.: Изд-во «Музыка», Ленингр. отд., 1978. С. 96-110.
6. Сеженский К. Краткий словарь музыкальных терминов. М.-Л.: Гос. муз. изд-во, 1950. С. 85-86.
7. Михеева Л. Музикальный словарь в рассказах. М.: «Советский композитор», 1988. С. 130-131.
8. Вальтер В.Г. Как учить игре на скрипке. Практическое пособие для учителей и учащихся. С.-Петербург. Тип. А.А. Пороховщикова, 1897. 54 с.
9. Кирилов Н. Скрипачи XII, XVIII и XIX столетий. М.: Муз. Торговля П. Юргенсона, 1890. С. 75-76.
10. Ауэр Л. Моя долгая жизнь в музыке. СПб., Изд-во «Композитор-Санкт-Петербург», 2006. 216 с.
11. Очерк 50-летия деятельности Санкт-Петербургской консерватории / Составители: А.И. Пузыревский, Л.А. Сакетти. Петроград, 1914.
12. Подлинник Диплома № 507 С.-Петербургской консерватории Императорского Русского Музикального Общества (из семейного архива автора).
13. Письма учеников, подруг, друзей и знакомых Н.Ю. Зубовой (из семейного архива автора).
14. Афиши и программы концертов Н.Ю. Зубовой (из семейного архива автора).
15. Отзывы о концертах Н.Ю. Зубовой (вырезки газетных статей и пр. из семейного архива автора).
16. Россихина В.П. Оперный театр С. Мамонтова. М.: «Музыка», 1985.
17. Зайцев М.С. Гаврила Солодовников и его театр // Московский журнал. История государства Российского. 1998. № 11. С. 55-58.
18. Солодовников Гаврила Гаврилович // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 46. М.: «Терра», 2006. С. 499.
19. Документы о трудовой деятельности Н.Ю. Зубовой (из семейного архива автора).
20. История оперы Зимины / Составитель В. Пронин. М.: МФ «Поколения», 2005. 350 с.
21. Оперный театр Зимины // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 34. М.: «Терра», 2006. С. 71-72.
22. Гозенпуд А. Русский оперный театр между двух революций 1905-1917 гг. М.: «Музыка», Ленинградск. отд., 1975. С. 81.
23. Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 19. М.: «Терра», 2006. С. 221.
24. Боровский В.Е. Московская частная опера С.И. Зимины (1904-1917). Очерк истории. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Л., 1971. 20 с.
25. Свидетельство о рождении и крещении В.К. Германа (из семейного архива автора).
26. Документы о трудовой деятельности В.К. Германа (из семейного архива автора).
27. Свидетельство об окончании Музикальных классов Ставропольского отделения Русского музыкального общества (из семейного архива автора).
28. Александровский М. Указатель московских церквей. М., 1915.
29. Сорок сороков /Автор-составитель П. Паламарчук. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 2. Москва в границах Садового кольца, Китай-города, Белого города, Земляного города и Замоскворечья. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 515-516.

30. Москва: Все православные храмы и часовни. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2009. С. 162.
31. Никиш Артур // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 32. М.: «Терра», 2006. С. 407-408.
32. Юзефович В. А. Сергей Кусевицкий: Русские годы. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.117- 441.
33. Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1908-1917). Кн. 3. Зрелищные искусства. Музыка. М.: Наука, 1977. С. 458.
34. Оболенский П. Летопись одной музыкальной жизни // Музикальная академия, 1994, № 1. С. 96.
35. Нейгауз Г. Памяти Леопольда Годовского // Нейгауз Г.Г. Размышления, воспоминания, дневники. Избранные статьи. Письма к родителям. М.: Советский композитор, 1983. С. 17.
36. Кругликова Елизавета Сергеевна // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 24. М.: «Терра», 2006. С. 243.
37. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г, Сивохина Т.А. История России. М.: Проспект, 2010. С. 438-439, 452-474.
38. Первая мировая война // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 36. С. 72-73.
39. Письма Вади (Владимира) и Сони (Софии) Герман (из семейного архива автора).
40. Московский Художественный театр. Сто лет. Т. 2. М.: Изд-во «Московский Художественный театр», 1998 (Предисловие).
41. Музей Московского Художественного Академического театра. Фонд № 1793. Статистика спектаклей 1917-1936 гг.
42. Изралевский Б.Л. Музыка в спектаклях Московского Художественного театра. Записки дирижера. М.: Всероссийское театральное общество, 1965. 315 с.
47. Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898-1938. М.: Изд. МХТ им. М. Горького, 1938. 758 с.
48. Фетис (пер.) Стравиниус и ему предшествовавшие и последовавшие итальянские школы смычковых инструментов и о смычках Турта. С прибавлением: критической и исторической таблицы, служащей для распознавания итальянских инструментов соч. Галлея и Каталога оставшихся доселе известных за границей и в России итальянских смычковых инструментов. М., 1875. С. 57-58, 102, 140, 157, 192-194.
49. V Московский международный конкурс скрипачей имени Паганини. М.: Фонд инвестиционных программ, 2007. 32 с.
50. Владимир Иванович Немирович-Данченко. Буклет «МХТ 50 лет». М.: «Искусство», 1948.
51. Письма к Н.Ю. Герман-Зубовой от жены Владимира Владимировича Германа, Марины Викторовны (рожд. Лабунской) и ее мамы Ксении Дмитриевны Штекер (из семейного архива автора).
52. По сведениям Натальи Владимировны Питерцевой (рожденной Герман).
53. Письма Нины Беликовой к бабушке Нине Юльевне Герман-Зубовой.
54. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями артистов МХАТа СССР имени М. Горького // Газета «Вечерняя Москва», 28 октября 1948 г.
55. Извлечение из «Положения о медали «За трудовое отличие» // Удостоверение к медали (из семейного архива автора).

Оглавление

Том 1. Учение и служение (1873-1907)

Глава I.	Детство и молодость	3
	Детство	3
	В Петербургской консерватории	5
	Взрослая жизнь	37
Глава II.	Концертная и преподавательская деятельность	40
Глава III.	Зрелые годы	61
	В оркестре Оперной труппы в театре «Эрмитаж» в Москве	61
	В оркестре Соловьевского оперного театра	62
	В оркестре Оперного театра Зимины	65
	В оркестре Оперы Московских Народных Домов	72
	Жених Владимир Казимирович Герман. Венчание	75

Том 2. Семейная жизнь (1907-1917)

Глава IV.	Семейная жизнь	78
	В симфоническом оркестре в Симферополе	78
	«Медовый месяц» в Кузнецово	78
	Возвращение в Москву. Поступление В.К. Германа в Московскую консерваторию.....	79
	Лето в Кузнецово	82
	Снова в Москве	82
	Рождение сына Владимира (Вади)	85
	В симфоническом оркестре Сергея Кусевицкого	86
	Рождение дочери Софии (Сонечки)	91
	Трудовые будни в Москве. Сезон 1910-1911 годов	91
	Сезон 1911-1912 годов	100
	С концертами Оркестра Сергея Кусевицкого по Волге весной 1912 года	108
	В Сокольниках и в Кузнецово	111
	Сезон 1912-1913 годов	114
	С Оркестром Сергея Кусевицкого в Киеве, Одессе, Харькове и в Ростове-на Дону.....	117
	Лето 1913 года в Кузнецово и в Сокольниках в Москве	119
	Сезон 1913-1914 годов. Гастроли Оркестра в Харькове, Одессе и Киеве. Музыкальная школа И.Ю. Герман-Зубовой	122
	Второе турне с Оркестром Сергея Кусевицкого по Волге в 1914 году	128
	В имении Власовка Полтавской губернии и в Сокольниках в Москве	131
Глава V.	Первая мировая война и революции 1917 года	135
	Начало войны 1914 года	135
	Сезон 1914-1915 годов в условиях военного времени	141
	Сезон 1915-1916 годов	148
	Лето 1916 года в Москве, Кузнецово и в имении Вишненки	154
	Сезон 1916-1917 годов	155
	Осень 1917 года	161
	Конец 1917 года	164
	Новый 1918 год	165

Том 3. Жизнь семьи в Советской России (1918-1953)

Глава VI.	Жизнь семьи в Советской России	166
	Зима и весна 1918 года	167
	Лето и осень 1918 года. Начало Гражданской войны	172
	Жизнь в условиях «военного коммунизма». Новый 1919 год	177
	Сезон 1919-1920 годов в Костроме, Москве и Кузнецово	184
	Новый 1920 год	195
	Лето 1920 года	207
Глава VII.	В оркестре Московского Художественного Академического театра ...	212
	Осень и зима 1920 года	212
	Новый 1921 год. Конец Гражданской войны	213
	Лето 1921 года	216
	Сезон 1921-1922 годов. НЭИ	218
	Последний раз в Кузнецово	223
	Сезон 1922-1923 и 1923-1924 годов	224
	Сезон 1924-1925 годов	229
	Лето 1925 года в Сочи, Сухуми, Елатьме и Москве	231
	Сезон 1925-1926 годов	234
	Сезоны 1926-1927 и 1927-1928 годов	236
	Сезоны 1928-1929 и 1929-1930 годов	240
	Сезоны 1930-1931, 1931-1932, 1932-1933, 1933-1934 и 1934-1935 годов.	
	Женитьба Вади и замужество Сони	247
	Сезоны 1935-1936, 1936-1937, 1937-1938, 1938-1939, 1939-1940 и 1940-1941. Рождение внучек Нины и Натании	258
Глава VIII.	Великая Отечественная война 1941-1945 годов и послевоенная жизнь	267
Эпилог	276
	Выступления Н.Ю. Зубовой в публичных и благотворительных концертах	278
	Совместные выступления Н.Ю. Герман-Зубовой и В.К. Германа в публичных концертах	279
	Выступления В.К. Германа в публичных концертах	280
Послесловие.	284
Потомки		
Приложения		
	Публикации Н.В. Лукиной и рукописные работы о предках Зубовых и их родственных и дружеских связях	289
	Концерты музыки Зубовых с участием Н.В. Лукиной	292
	Использованная литература и другие источники	296

Том 4. Программы концертов и документы (к соответствующим страницам текста)